

СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Материалы XI международной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской
письменности и культуры

Оренбург 2015

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Филологический факультет Оренбургского государственного педагогического
университета

СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

**Материалы XI международной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности и культуры**

Оренбург 2015

УДК 39:811.16(470.56)
ББК 63.521(=41)+81.006.3(235.55)
С47

Ответственный за выпуск:
Моргунов К.А. – кандидат исторических наук

С47 Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – 328 с.
ISBN 978-5-4417-0570-7

В сборнике объединены материалы Международной научно-практической конференции «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона», посвященной Дню славянской письменности и культуры, которая проходила 23 и 25 мая 2015 г. в с. Ташла Тюльганского района Оренбургской области (пленарное заседание) и в г. Оренбурге (работа секций)

В представленных материалах рассматриваются этапы этнокультурного развития и духовные традиции славянских народов Южного Урала, характеризуется положение русского языка и литературы в системе славянской духовности, анализируется состояние современной русистики, перспективы изучения славянских языков и актуальные вопросы лингвокультурологии и методики преподавания русского языка.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, занимающихся культурологическими и лингвистическими исследованиями.

УДК 39:811.16(470.56)
ББК 63.521(=41)+81.006.3(235.55)

ISBN 978-5-4417-0570-7

© Коллектив авторов

Бекасова Е. Н. (г. Оренбург, Россия)

**ОБЛИК ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА КАК ЭТИЧЕСКАЯ
ЦЕННОСТЬ НАРОДНОГО ДУХА: ОТ НЕСТОРА ДО НАШИХ
ДНЕЙ**

Жизнь и смерть – эти понятия, неразрывно связанные в своём единстве и противостоянии в мироздании и человеческом обществе, не существуют друг без друга. Смерть всегда заканчивает жизнь, а жизнь всегда проверяется смертью. И в этих двух ипостасях испытывается человек, поэтому во все времена человечество пристально наблюдало и осознавало феномен бытия и небытия, преломлённого жизнью и смертью. И одновременно экспериментировало со смертью в бесконечных насильственных смертях, количество и качество которых не столько зависело от уровня цивилизации, сколько от её технических продвижений в достижении массовых убийств.

Древнерусский человек в своём средневековом сознании готов был на битву – отсюда славные походы Олега к вратам Царьграда и завоевания Святослава, *«аки пардус <гепард> войны многи творяще»*¹. Однако ещё до принятия христианства с его главным постулатом «не убий» произошло событие, строго отвернувшего Русь от кровавых завоеваний чужих стран, – приход на Русь печенегов. И тогда послали киевляне гонца к Святославу с великим укором: *«Ты, княже, чюжеи земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ (покинул). Аще ти не жаль очины своеи, ни матери, и детей своихъ»*. Тут же великий воин вернулся в Киев – и *«бысть мир»*².

С этого времени вся ментальность восточнославянской, а затем русской народности прирастала защитой своей земли. Именно Святославу принадлежат основополагающие слова, запрограммировавшие на тысячелетие значимость и суть воинского долга: *«Уже намъ сде пасти, потягнемъ мужьски, братья и дружино! <...> Да не посрамимъ земле Руские, но ляжемъ костьми, мертвы ибо срама не имамъ. Аще ли побегнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убежати, то станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду...»*³.

Речь Святослава перед битвою, где противник в три раза превосходил числом, была поистине исторической. И для врагов, которые по-

чти дословно передают слова Святослава: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском россов, легко побеждавших соседние народы и без кровопролития порабоцавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим ... Проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки...»⁴. И для русской земли ...

В речи князя Святослава к своей дружине впервые звучит мотив невозможности отступления – «уже намъ некамо ся дети»⁵, который откликнется в «Науке побеждать» А.В. Суворова – «Шаг назад – смерть!», во фразе М.И. Кутузова после Тарутино – «Теперь ни шагу назад!», в приказе от ноября 1941 г. – «Ни шагу назад», в легендарном лозунге Великой Отечественной войны – «Велика Россия, а отступить некуда – позади Москва!»⁶.

Именно со слова и дела князя Святослава в далёком 968 году Русь разошлась с Европой, которая на протяжении почти дальнейшего тысячелетия кроваво кроила свою карту. С этого времени битва на Руси стала символом защиты своего отечества. Однако прежние «родимые пятна» агрессивных завоеваний в России выходили в междоусобных схватках своих со своими, включая крестьянские бунты, расколы, перевороты всех мастей и гражданские войны, в которых и правое дело было размыто и справедливость неочевидной, а итог всегда разрушительным и трагическим...

Это безумие в своё время пытался остановить Владимир Мономах, которого подбивали идти братья на брата, преступив мировое соглашение: «Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных дедех наших, при добрых и при блаженныхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не хочет добра роду челоу?цскому, сваживает ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой, егоже еси хрстилъ, иже то седить близь тебе, прислалъ ко мне мужъ свой и грамоту, река: «Ладимъся и смеримся, а братцю моему судъ пришелъ. А ве ему не будеве местника, но възложив? на Бога, а стануть си пред Богомъ; а Русьскы земли не погубим». И азъ видех смеренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смеряеться – на Бога укладаеть; азъ челоу?къ грешень есмь паче вех челоуекъ»⁷. Именно этими словами пытается усмирить своего брата, чтобы он не мстил за смерть своего сына так же, как и Владимир не желает за смерть своего сына развязывать кровавую бойню – Мир на Руси не стоит горя двух отцов, потерявших сыновей в междоусобице.

В речи Святослава впервые во всей полноте встали и тяготы мужской работы в многовековом развитии коннотаций – *храброй* (с

умом), *смелой* (с мерой и умелостью), *отважной* (весомой и важной).

Именно такую значимость деятельности князя завещал в своём Поучении Владимир Мономах: *«На войну вышедъ, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и сторож? сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встан?те; а оружья не снимайте с себе вборзе, не разглядываеши ленощами, внезапно бо человекъ погыбаетъ»*⁸. Мера ответственности полностью ложится на военачальника, который должен делать на войне всё сам, ни на кого не полагаясь: *«Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дела на войне и на ловехъ, ночь и день, на зною и на зиме, не дая себе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобе, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ есмь»*... «не дая себе упокоя»⁹.

Такое отношение к военному делу в полной мере проявилось в годы Отечественной войны, когда впереди – на самом острие битвы были не рядовые, а те, кто отвечал за них и за Родину. В этом проявление бердяевского понимания свободы человека: «Человек должен стать не господином, а свободным» – потому что «свободные берут на себя ответственность»¹⁰.

По мнению В.В. Колесова, в древней Руси в ответ «на вызовы времени, супротивника и врага» появился «*храбрый* воин, который свободен своею силою»¹¹. И прежде всего силою духовною. Духовная сила – мужество духа, где подчёркивается главная составляющая воина – мужа – выходит за пределы того явления, которое мы помечаем образованиями от заимствованного слова *герой* – героического, геройства, поскольку это ограниченный во времени порыв. Мужество духа предполагает долготерпение и выносливость, причём выносливость не столько физическую, сколько духовную, которая позволяет в нечеловеческих условиях сохранить человеческое и те человеческие ценности, которые на самом деле оказываются не героически-одномоментными, а обыденно-долговременными и жизненными. Смерть скоротечна, мгновенна, а жизнь длительна, полноводна в своём движении, разделена на множество явлений, разнообразных в своём течении, в конце концов – она буднична, но в этом и заключена сила духа, которой должно хватить на всё это длительно-будничное движение. То движение, которое рождает подвижников – в прямом смысле подвигающих жизнь ко всему лучшему, что есть в человеке, а свою жизнь строят из подвига, но подвига каждодневного и непрерывного. Такие цен-

ности народного духа, по мысли В.В. Колесова, формировались исподволь, развивая «коренные свойства земледельца: бесконечное трудолюбие»¹².

Не случайно, любое осмысление войны – и художественно-изобразительное, и исторически верное, и реальное в воспоминаниях прошедших и переживших войну – явное или скрытое понимание её как тяжелого, каждодневного и неизбывного труда. Отсюда в «Слове о полку Игореве» символика кровавой жатвы: «*На Немизе снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоце животъ кладутъ, веють душу отъ тела. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костьми Рускихъ сыновъ*»¹³.

Страшная обыденность военных будней – в тылу и на фронте – во всех классических и современных произведениях об Отечественной войне, в воспоминаниях тех, кто был втянут в её страшную молотьбу. Казалось война как концентрация смерти должна привести человека в озлобленного хищника или зверя, в котором инстинкт жизни застилает всё остальное, но вдруг, вопреки всему наносному, внешнему вывечивается человеческая сущность, о которой как о святости пронизательно писал В.С. Соловьёв: «В человеке святом актуальное благо предполагает потенциальное зло: он потому так велик в своей святости, что мог бы быть велик во зле; он поборол силу зла, подчинил её высшему началу»¹⁴. Потеря этой святой части духа равносильна для тех, кто выстоял, потери себя и полного разрушения мира не столько снаружи, сколько внутри себя. В этом случае смерть предпочтительнее «срама», за которым стоит саморазрушение себя как человека.

Осознание себя как части человечества, противостоящего злу, всегда объединяло людей. Уже на Калке плечом к плечу стояли только недавно погрязшие в сварах и распрях русские и половецкие полки: теперь они все защищали свою землю, причтенную к Руси. Всё надо пережить и простить ради *по-беды*, ради того, что последует за страшной бедой и злом.

Следует отметить значимость Победы как знака окончания зла и беды, поскольку в этом году по-псаковски глумливо и настырно внедряется мысль о невозможности празднования Победы в связи с теми ужасами, которые она венчает. В таком случае разрушается главное движение человечества – от зла к победе добра, и в этом случае победа – это *событие* после беды и *бытие* в мире, которые выстраиваются на памяти и извлечённых уроках. И за этой семидесятилетней Победой тысячелетняя история проб и ошибок, исторически выверенных мыс-

лей и душевных раздумий, а главное – духовного ратного дела, которые запечатлены в нашем языке...

Но мы то не знаем истории, то теряем память, то забываем уроки, то умеем делать, а чаще – всё вместе

Примечания:

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – С. 31.

² Там же. – С. 32.

³ Там же. – С. 33.

⁴ Лев Диакон приводит речь Святослава: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском россов, легко побеждавших соседние народы и без кровопролития порабовавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим ... Проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки...» (Там же. – С. 446).

⁵ Там же. – С. 33.

⁶ К. Душенко. Ни шагу назад! http://www.dushenko.ru/quotation_date/158462/ (дата обращения: 1.3.15).

⁷ Там же. – С. 104.

⁸ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – С. 101.

⁹ Там же. – С. 105.

¹⁰ Цит. по кн.: Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. (Филология и культура). – С. 358.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 369.

¹³ Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. (Б-ка поэта. Большая сер. – 2-е изд.). – С. 54 (Перевод: На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костями русских сынов).

¹⁴ Соловьёв В.С. Собрание сочинений: В 8 т. – М., 1900. – Т. 3. – С. 331.

Чеботникова Т. А. (г. Оренбург, Россия)

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Русский язык как таковой существует в виде словарей, грамматик, учебников и иных описаний того, что можно наблюдать, исполь-

зовать, слушать в виде русской речи. При этом перед речью (как и перед языком) стоит задача четкого и ясного обозначения действительности, окружающей человека. В настоящей статье мы остановимся на особенностях использования слов-наименований со значением родства в устной речевой практике носителей русского языка.

Как известно, основная функция разговорной речи – функция общения.

Исследователи традиционно выделяют три типа ситуаций общения: стереотипные городские диалоги незнакомых лиц; общение знакомых лиц в бытовой обстановке; общение знакомых и незнакомых лиц в производственной и социально-культурной сфере. Очевидно, что наименования лиц по родству используются преимущественно во второй ситуации – в ситуации общения знакомых, близких лиц в бытовой обстановке. В такой ситуации наименования лиц по родству функционируют прежде всего в качестве обращения, с целью побудить собеседника слушать, привлечь его внимание, а также с целью выражения эмоционального состояния.

Наше внимание привлекло слово «мать», а также производные от него, используемые в речевой практике различных по статусу, возрасту, месту жительства, уровню образования и культуры носителей русского языка: мать, мама, мамаша, мамка (обл. Оренб. обл.), матушка (уст. и народно-поэт.). Приведенный синонимический ряд может быть значительно расширен посредством включения в его состав диминутивов, экспрессивов, пейоративов.

Перечисленные слова отличаются сферой распространения, употребления, стилевой принадлежностью, частотностью и становятся, как пишет Т.М. Николаева, «яркими диагностирующими пятнами» портрета носителя региональной просторечной культуры¹.

Анализ показал, что для современного Оренбуржья свойственно активное использование просторечного наименования «мамка», которое до 90-х годов XX века присутствовало преимущественно в речевой практике сельских жителей. В настоящее время не только в области, но и в областном центре (г. Оренбург) в связи с миграционными процессами, активным включением бывших сельских жителей в городскую жизнь частотность употребления слов «мама» (нейт., лит.) и «мамка» (прост.) фактически равновелика. В использовании слов «мама» и «мамка» наблюдается определенная специфика: просторечное безоценочное «мамка», употребляется в значении третьего лица: «мамка сказала», «мамка велела», «мамка купила», «мамка присла-

ла», «скажи мамке своей», «как мамка себя чувствует?», «как мамка твоя?» и т. п. При непосредственном контактном общении те же носители языка регулярно используют слово «мама». В детской речи в отрицательно-противительной конструкции: «Ты не мама, а мамка», подобно тому, как «Ты не Таня, а Танька» и т.п. слово «мамка» приобретает негативно-оценочное значение, постоянно присутствующее в зафиксированном на территории Оренбургской области слове «мамышна»: «У, мамышна, что ты наделала?», «Ах, мамышна, зачем ты все рассказала соседям»².

Кроме этого, семантико-стилистические синонимы *мать*, *мама*, *мамаша*, *мамка*, *матушка* перестают быть таковыми с функциональной точки зрения. Так, например, утратив значение родства, наименование «мать» (точно так же, как «отец») в речевой практике получает значение обобщения и используется в качестве ты-обращения к молодой женщине носителями языка, по терминологии О.Б. Сиротининой³, фамильярно-разговорного типа речевой культуры: «Скажи, мать, как к речке пройти?», а наименование «мамаша» (так же, как и «папаша») используется как Вы-обращение: «Скажите, мамаша, как к речке пройти?» Очевидно, что обращение «мать»/«мамаша» социально маркировано: указывает, как правило, на невысокий статус, уровень культуры, степень образованности, возраст адресата и адресанта, и использование слов со значением родства в качестве обращения к незнакомому человеку является свидетельством отсутствия в русском языке вежливого, но при этом нейтрального обращения к незнакомому человеку. Такая лакуна значительно снижает успешность коммуникативного взаимодействия говорящих по-русски людей.

Слово «мать» появляется также в позиции обращения и обиходно-разговорной речи ровесников. Например, в диалоге шестнадцатилетних подруг: «Ну, ты, мать, даешь!». Также фамильярно-дружеское «мать» зафиксировано в финальной реплике диалога между юношей и девушкой: «Ну, пока! Не пропадай, мать!». «Мать» в таких случаях является не столько обращением, сколько маркером тональности общения, симметричности ситуации, равнозначности социальных позиций говорящих, а также весьма близких приятельских отношениях⁴.

Интересно, что в речевой практике носителей русского языка наименования типа «мать», «матушка» приобретают качественно-оценочное значение в случае присоединения к ним в постпозиции притяжательного местоимения «моя»/«мой»: «мать моя», «матушка моя» и утрачивают значение родства. Такие формы наименований-обраще-

ний используются применительно к любому лицу женского/мужского пола, в том числе и к собственным детям и внукам, если их поведение не вызывает одобрения: «А ты (говорит бабушка внучке) лучше мне скажи, кто научил тебя свидания по ночам назначать, а, **мать моя?**»; «Ты, **матушка моя**, думать должна, а не языком болтать что ни попадя!», «Ты об этом, **матушка моя**, и думать забудь! Выброси дурь-то из головы!».

Совершенно новое функциональное назначение в разговорно-фамильярной речи приобретает диминутив «мамочка»: «Ты заврался, мамочка Иван Григорьевич». В диминутиве «мамочка» происходит полная утрата семы уменьшительности и замещение ее новыми эмоционально-оценочными составляющими. Десемантизированное слово «мамочка», утратившее в данном контексте значение родства, выступает в качестве нейтрализатора слова «заврался», обладающего пейоративной оценочностью, и участвует в нивелировании речевой агрессии и оптимизации речевого процесса⁵. Варьирование наименованием лица со значением родства становится также способом формирования социального образа говорящего, своеобразной речевой тактикой самопрезентации, технологией речевого поведения. Так, подросток в разговоре с приятелем говорит: «Как же! Буду я мать (мамашку, маменьку, маман слушать!», «Моя мать (мамашка, маман, мутер,) на дачу съехала! Хата свободна!», демонстрируя свою мнимую независимость и самостоятельность, в то время как в реалии у него прекрасные отношения с родителями и он никогда другого слова, кроме «мама» не употребляет. Интересно, что А.И. Куприн в рассказе «Святая ложь» описывает аналогичную модель поведения:

- Вид у тебя неважный, Ванек, - говорит старушка и сухой рукой гладит руку сына, лежащую на столе. - Побледнел ты, усталый какой-то.

- Что подделаешь, маман. Служба. Я теперь, можно сказать, на виду. Мелкая сошка, а вся канцелярия на мне. Работаю буквально с утра до вечера. Как вол. Согласитесь, маман, надо же карьеру делать? (Куприн А. И. «Святая ложь»).

Имеющиеся в тексте рассказа авторские комментарии относительно поведения сына позволяют понять, что здесь представлен типичный случай самопрезентации, которая осуществляется посредством трансформации (неудачник представляется чиновником, успешно продвигающимся по служебной лестнице) и имитации (развязный тон и обращение «маман» скопированы у «прикомандированных» шало-

паев)⁶:

Этот робкий, забитый жизнью человек всегда во время коротких визитов к матери держится развязного независимого тона, подражая тем светским «прикомандированным» шалопаям, которых он прежде видел в канцелярии. Отсюда и дурацкое слово «маман». Он всегда звал мать и теперь мысленно называет «мамой», «маму-сенькой», «мамочкой» и всегда на «ты». Но в названии «маман» есть что-то беспечное и аристократическое.

Как видим, живая разговорная речь/просторечие – представляет собой «особый языковой, ментально-психологический и социальный мир, имеющий своеобразный кодекс речевого поведения»⁷.

В разговорной речи получают реализацию скрытые потенции семантики слов-наименований со значением родства и представляются неограниченные возможности их употреблению.

Примечания:

¹ Николаева Т. М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000. – С. 73.

² Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь / Б.А. Моисеев. Мин-во образования и науки РФ, Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – С. 91.

³ Сиротинина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2000.

⁴ Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – С.137.

⁵ Чеботникова Т.А. Функциональные особенности обращения по признаку родства / язык. Система. Личность: Материалы докладов и сообщений международной научной конференции, 23-25 апреля 1998 г. – Екатеринбург, 1998. – С 182.

⁶ Чеботникова Т.А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы: монография / Т.А. Чеботникова; Мин-во образования и науки РФ, Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 176.

⁷ Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М., 2004. – С. 243

Кузнецова Н. Н. (г. Оренбург, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Появляясь на разных этапах развития языка, устойчивые сочетания слов очень ярко и выразительно отражают особенности мировосприятия того или иного времени, его реалии, обычаи, нормы поведе-

ния людей в обществе, события и т.д.

Например, ФО *говорит направо, а смотрит налево* ('о человеке, у которого речи расходятся с действительными намерениям или действиями') связан с пословицей *Бес слева ходит, да на грех наводит* и отражает языческие представления, согласно которым левая сторона – греховная, связана с бесом. В те времена существовало поверье, что в момент рождения человека к нему пристают два духа: справа добрый, слева – злой.

Фразеологизм *перебегать/перебежать дорожку кому-л.* ('мешать кому-л. в каком-л. деле, опережать кого-л.') связан с суеверными представлениями о том, что человека ожидает несчастье или неудача, если ему перебежит дорогу черная кошка или заяц, в которых, согласно языческой мифологии, может оборачиваться дьявол, а также с приметой, что тому, кто уходит из дому, нельзя переходить дорогу.

Насмешливая фраза, употребляемая с целью отделаться от просителя *приходи вчера* была когда-то заговором-оберегом во время обряда с заклинаниями для спасения от царя Ирода, олицетворявшего собой многочисленные недуги и пороки.

Фразеологизм *затрапезный вид* со значением 'о внешнем виде неказистого, неопрятного, неряшливого человека' связан с названием дешевой грубой ткани *затрапез*, которая в свою очередь названа по имени производившего ее купца – Затрапезнова.

Во ФО *щепетильный вопрос* со значением 'о каком-л. деликатном деле, проблеме, требующих тонкого подхода' слово *щепетильный* связано с устаревшим ныне значением 'галантерейный' (щепетильная лавка, щепетильные товары).

Устаревший ФО *колокольный дворянин* шуточно называл так выходцев из духовенства.

Многие фразеологизмы, возникшие на ранних этапах развития нашего государства часто содержат устаревшие с точки зрения современного русского языка лексемы, формы и конструкции, знакомство с которыми тем не менее может стать интересным и современным носителем языка. Так, например, оказывается, что знаменитый *авось* (ФО *надеяться/понадеяться/полагаться/положиться на авось*), по одному из источников, восходит к мужскому имени собственному *Авось*, называющему языческое божество, которое символизирует удачу, счастливую случайность.

Или фразеологизм *смотреть (глядеть) букой* со значением 'иметь угрюмый, неприветливый, недобрый вид'. Лексема *бука* также обо-

значает мифическое существо, духом дома или леса, но чаще домовым, которым пугают детей.

Лексема *втуне* во ФО *остаться/оставаться втуне* ('не принести никакой пользы, не найти применения') имеет значение 'напрасно, даром' (корень сохранился в слове *тунеядец*).

Безусловно, интересны фразеологизмы, которые содержат слова, имеющие ложную этимологию. Например, *наговорить (насказать сорок бочек арестантов* со значением 'очень много нарасказать о чем-л. неправдоподобном, наговорить с три короба'. Как отмечается в этимологическом словаре, слово *арестант*, которое в данном контексте, конечно, непонятно, восходит к рыбацкому слову, известному в архангельских говорах *арестега* (*аростега, оростега* и т.д.) и имеющем значение 'тонкая веревочка с крючком на конце, прикрепленная к длинной веревке и используемая для ловли рыбы на леску', т.е. называющему удочку. И поэтому слово *арестант*, видимо, первоначально означало «рыбешку, пойманную на арестегу». Поэтому данный ФО – это рыбацкая шутка, означающая «нарасказать всяких небылиц о якобы огромном улове».

И может быть, многие фразеологизмы напрасно забыты, т.к. являются точным, самобытным, экспрессивным наименованием соответствующего явления. Поэтому неслучайно, что они могут возрождаться. Так, с легкой руки создателей цикла современных, поднимающих национальное самосознание мультфильмов про Алешу Поповича мы человека, который не понимает очевидных вещей, забыл про что-то важное, не разобрался, шутливо называем: «Алешенька...». И во фразеологических словарях находим забытые, ныне малоупотребительные фразеологизмы *Алеха сельский* и *Алеша бесконвойный* со значением 'безнадежный дурак, глупый, невежественный человек'.

При так называемой советской системе образования многие крылатые слова – цитаты из произведений художественной литературы употреблялись широко и были всем понятны.

Например, ФО *взгляд и нечто* (что-л. – книга, доклад, лекция – очень поверхностное, не содержащее серьезного анализа темы, туманное по содержанию) – это выражение Репетилова в комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума».

ФО *сам себя высек* (*унтер-офицерская вдова сама себя высекла*) – о человеке, наравшемся на неприятность, которую сам себе учинил, причинившем себе вред своими словами или действиями – восходит к комедии Н.В.Гоголя «Ревизор».

Выражение *пошла писать губерния* (все пришло в движение, все засуетились, начали действовать из всех сил, демонстрируя большое усердие или о канцелярской волоките) – это слова Чичикова в «Мертвых душах».

Актуальное и во времена социализма, и в наши дни устойчивое сочетание *административный восторг* ('упоеание собственной властью, склонность к администрированию, чрезмерное усердие в выполнении бюрократической работы') возникло в конце 19 века, и хотя принадлежит перу М.Е.Салтыкова-Щедрина, восходит к роману Ф.М.Достоевского «Бесы».

ФО *хрестоматийный глянец* (приукрашивание чего-л., лакировка действительности) принадлежит В.В.Маяковскому (стихотворение «Юбилейное»).

Сейчас многие из подобных крылатых фраз забыты, и поэтому словарях имеют помету «устаревшее». Например, такой иронический фразеологизм, как *на Антона и на Онуфрия* со значением 'о человеке, который в корыстных целях дважды отмечает какое-л. событие, дважды получает плату за что-л.'. Выражение – из комедии Н.В.Гоголя - так купцы отзывались о Городничем.

При изучении ФО интересен и такой процесс, как *эллипсис* первоначальной – более пространной - формулы устойчивого выражения. Обращение к полной формуле помогает не только глубже понять смысл ФО, но и составить представление, какую реалию, обряд, поверье и т.д. он обозначает.

Например, ФО *стоять над душой* (назойливо мешать заниматься чем-л., надоедать) возник путем сокращения поговорки *Не стой надо мной, как черт над душой*.

ФО *голод не тетка* (о сильном голоде, вынуждающем к каким-л. действиям) представляет собой часть развернутого выражения *Голод не тетка, пирожка не подсунет*.

ФО *губа не дура* (о человеке, умеющем выбрать для себя что-л. самое лучшее, выгодное, воспользоваться чем-л. ценным, полезным) первоначально имело вид поговорки *У него губа не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко*.

ФО *кто во что горазд* (каждый по-своему, кто как может) – результат редукции пословицы *Кто во что горазд, тот тем и промышляет*.

Литература:

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб, 2001.

**РУССКАЯ КЛАСИЧЕСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ
В ПОСТАНОВКАХ ТЕАТРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ
В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

Среди разнообразных форм сложнейшего социального явления культуры, народная культура выполняет ряд специфических функций, имеющих особое значение для государств и народов. Именно народная культура позволяет сохранять и передавать социальный опыт, мировоззренческие и ценностные установки от предыдущих поколений к живущим и будущим. Признавая объективность эволюции общества в целом, совершенствование политической, экономической и социальной систем, необходимо помнить, что складывающийся и отражающийся в культуре социальный опыт является результатом «жизненной практики» конкретного народа, общества, и, следовательно, имеет реальную ценность и должен быть утрачен. Народную культуру нельзя сводить исключительно к фольклору, он становится своеобразной «почвой» на которой впоследствии развиваются язык, искусство и остальные составляющие культуры.

Народная культура неразрывно связана с исторической памятью конкретного народа (или общества). Утрата исторической памяти неизбежно приведёт к «растворению» его среди других. Историческая память образует национальное самосознание, формирует представление о судьбе государства и народа, обеспечивает гражданскую и национальную солидарность, являющуюся условием выживания и развития. Без сохранения исторической памяти для государства невозможно самостоятельное движение вперёд и защита национальных интересов. Историческая память не является некоей эфемерной выдумкой, её свойства и функции уже открыты и достаточно осознаны в рамках научного рационального анализа. Так американский ученый Э. Шилз среди важнейших признаков общества выделяет собственное название и собственную историю, т. е. такую историю, посредством которой представители этого общества понимают свою неразрывную связь с предыдущими поколениями, воспринимая себя как часть единого целого, именно собственная история соединяет настоящую жизнь с прошлым. Схожие идеи выражали и другие авторитетные исследователи общества, так классический социолог Э. Дюркгейм выделял автономность как обязательное условие для существования общества,

но она не возможна без наличия самосознания и самоидентификации. А они, в свою очередь, формируются через историческую память.

В конце XX – начале XXI вв. усиливаются процессы экономической глобализации и вестернизации в духовной сфере. Именно эти два явления представляют серьёзную опасность для сохранения народной культуры и напрямую связанной с ней исторической памяти многих государств, в том числе и России. Осознавая это, российское общество ещё с большим вниманием должно относиться к проблеме сохранения народной культуры и формирования уважительного отношения к ней у молодого поколения. Отметим, что и ранее народная культура России подвергалась испытаниям, вызванным попытками модернизации. В дореволюционный период они наиболее ярко проявились в реформах Петра I и Александра II. Радикальные изменения, которые осуществляло советское правительство, также относятся к модернизации страны. Однако, эта модернизация отличалась тем, что не заимствовала напрямую имеющийся опыт других государств, а имела особую составляющую, связанную с созданием ранее не существовавших политической и социально-экономических систем. Но в основе этих преобразований было марксистское учение, пришедшее в Россию из Европы, и в этом проявляется заимствование идеи.

Все виды искусства отличаются своей неповторимой спецификой, и театр не является исключением. Как вид самостоятельного искусства он стал развиваться в России только со второй половины XVII в. и это сильно отличало его от изобразительного искусства, архитектуры, музыкального творчества, которые начинали формироваться ещё в средневековой Руси. Театр мог быть востребован только в рамках светской культуры, именно при Алексее Михайловиче начался медленный процесс перехода мировоззрения правителей и высших слоёв от религиозного к светскому. Поэтому русский классический театр не может представлять чисто фольклорную культуру. Его появление и развитие было неразрывно связано с просвещением в России, развитием отечественной науки, глубокими переменами в жизни дворян, усилением роли третьего сословия. Кукольные балаганные, ярмарочные представления – «позорища», которые существовали в предыдущие столетия, нельзя считать началом русского классического театра, их показывали деревенским и посадским жителям на торжищах. Настоящие театральные постановки могут лишь восприниматься в достаточной степени образованной и думающей публикой, что прекрасно демонстрирует и наше время. Из вышесказанного следует, что тот те-

атр, который появился в России в Новое время и приобрёл классическую форму и нужно считать подлинно русским театром. Здесь же отметим, что он воспринимается именно таким среди других стран, общепризнано, что классическая русская драматургия имеет огромное культурное и художественное значение мирового масштаба. Русский театр развивался постепенно, используя опыт мировой драматургии и сценического мастерства, он приобретает свой собственный образ, создаётся русская театральная школа. Определяющим фактором этого стала опора на свои национальные традиции, которые ярко проявились в отечественной драматургии.

С момента установления советской власти дореволюционная русская культура стала восприниматься как, безусловно, отсталая, сословная, буржуазная никак не сопоставимая с преобразованием России в передовое и социально-справедливое государство. Поэтому активно развивалось новое искусство – пролетарское, классовое, революционное, отражавшее героическую борьбу пролетариата с буржуазией и царизмом. Ряд видных творческих деятелей той эпохи поддержали социалистическую революцию и выступили инициаторами обновления содержания искусства в его прежних формах. В результате чего и стал развиваться революционный театр, как альтернатива русскому дореволюционному театру. Большое влияние на развитие театрального искусства в советской России оказал В. Э. Мейерхольд, назначенный заведующим ТЕО осенью 1920 г. Он развернул буйную деятельность, стараясь приобщить театры задачам коммунистической пропаганды и революции. Мейерхольд выдвинул программу «Театрального октября», которую сразу же поддержало много горячих приверженцев, особенно среди молодежи. Полемически направленная против академических театров программа призывала к разрушению старого сценического искусства, тем самым отказывалась от развития классических традиций.

Сложное, неоднозначное положение классической русской драматургии в годы Гражданской войны, и позже – в 20 – 30-х гг. XX в. было обусловлено рядом факторов, связанных между собой в большей, или меньшей степени. Первым из них стала указанная выше официальная позиция определённой части государственного руководства направленная на отвержение дореволюционной русской драматургии, в пользу новой идеологически и классово «верной» (но значительно уступающей по глубине и качеству). Однако, среди лидеров ВКП(б) не было единство в оценке духовного и воспитательного зна-

чения классической драматургии и необходимости её сохранения, но сохраняла доминирующие позиции идейная установка, что культура является «служанкой политики», ценный инструмент для достижения политических, экономических, социальных и организационных задач, средство воздействия на сознание и поведение людей. В.И. Ленин ставил перед советской властью следующую задачу «... всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежного для нас запаса культуры и знаний и техники, – превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»¹. Тем не менее, вплоть до смерти Ленина в театральном творчестве существовал относительный плюрализм. С принятием 18 июня 1925 г. резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной культуры» значительно усиливается идеологизация и партийный диктат в области художественной культуры. Часть партийных и государственных работников (Н.И. Бухарин и др.) настаивали на том, что культура в советском государстве должна «идти под знамена рабочей диктатуры и марксистской идеологии». В циркулярах Главполитпросвета весны 1925 г. отмечалось: «До последнего времени репертуар театров в большинстве идеологически не приемлем для рабочих»², его нужно изменить в сторону «идеологических запросов трудящихся», создавать репертуарные комиссии с участием «рабочих от станка», оценивать идеологическую ценность спектакля общим собранием посетивших его рабочих³. В таких условиях классический русский театр мог просто не выжить. Однако за его сохранение выступили немногочисленные защитники достижений русской культуры. Так в сентябрьском докладе 1925 г. «Основы театральной политики Советской власти» А.В. Луначарский отмечал, что пролетариат, создавая свою собственную культуру, должен придерживаться следующих принципов: опора на достижения «старых классов», их использование и сохранение; создание пролетарской культуры, основанной на «настоящем мастерстве»; преемственность между старой и новой культурой⁴.

Политический курс советского правительства в области культуры и просвещения был направлен на приобщение широких народных масс к зрелищным формам искусства, тем самым создавалась возможность популяризации театра и классической драматургии, однако широкое распространение получили другие постановки – т.н. массовые представления (или зрелища). Массовые представления и более поздние символистские постановки начала 20-х гг. развивались под прямым влиянием «Пролетарской культурно-просветительской организаци-

ей» (Пролеткульта) – массовой организации, возникшей еще в начале 1917 г. Провозгласив полную независимость от органов государственной власти, сначала от Временного, потом и от Советского правительства, Пролеткульт после Октябрьской революции официально находился при Наркомпросе в качестве «добровольной организации пролетарской самодеятельности» во всех областях культуры. Пропагандируя в искусстве революционный нигилизм, теоретики и руководители Пролеткульта – П. Керженцев, А. Ган, В. Тихомолов, А. Богданов, В. Плетнев, отвергали дореволюционную культуру как «бесполезное наследие», вредное для пролетарского сознания. Все традиции дореволюционной культуры России Пролеткульт делил на «феодальные» и «буржуазные» и объявлял враждебной пролетариату. Несмотря на то, что пролеткультовское театральное искусство на периферии стало развиваться в основном в клубах, некоторые молодые артисты профессиональных театров попали под влияние этих идейных установок, тем самым был нанесен серьезный ущерб драматическому театру и классической драматургии. Распространившиеся в начале 20-х гг. массовые зрелища и агитационные постановки отличались крайней простотой смысла и четкой политической направленностью, что было удобно для привлечения массового зрителя, воздействия на его эмоциональную сферу. Появляется даже специальный термин для обозначения интереса зрителей – «театральный инстинкт», призывы к их объединению с актерами в театральном действии. Более или менее серьезные драматические произведения, напротив, вызывали непонимание, были для неизбалованного зрителя из рабоче-крестьянской среды неинтересны. Учитывая массовость организации Пролеткульта и попытки самостоятельного объяснения революционных преобразований, Наркомпрос боролся с его стремлением к независимости, лидеры РКП(б) критиковали утопические воззрения пролеткультовцев, контролировали их деятельность. 1 декабря 1920 г. в газете «Правда» было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах». Содержание письма критиковало ошибочные, вредные тенденции в деятельности Пролеткульта и показало их идейные классовые истоки. В результате пролеткультовские организации были подчинены общим целям и задачам формирования новой социалистической культуры.

На театральный репертуар сильное негативное влияние оказал и НЭП, в условиях хозрасчёта, лишённые серьезной материальной поддержки губернские и уездные театры напрямую зависели от кассовых

сборов, актеры были вынуждены играть на марки. Специфическая нэпманская аудитория оказывала финансовое давление на театры, которым приходилось подстраивать свой репертуар под её вкусы. С другой стороны и народные массы, получившие возможность удовлетворять свои культурные запросы в большей степени, отдавали предпочтение произведениям простого – «легкого» жанра. Театральные сцены захватила «историческая халтура» – «Павел I», «Генрих Наваррский», «Женщина у трона». Вокруг театрального репертуара и форм творческой работы развернулась широкая полемика. В прессе открыто критиковали театральные постановки, обвиняя театры в погоне за прибылью. В условиях отсутствия качественных пьес советское руководство изменяет своё отношение к классической драматургии и возвращает эти пьесы на театральные сцены.

Однако, постановка классических дореволюционных произведений осуществлялась под строгим контролем специально созданного органа – Гублита. Пьесы были разделены на две группы «А» и «Б». Классическая русская драматургия в основной массе относилась ко второй группе. Именно эта группа и подвергалась тщательному отбору – «Гублитом просматриваются пьесы преимущественно дореволюционного выпуска не вошедшие в списки ГРК»⁵. При этом «из пьес по литературе «Б» допускались самые безвредные, учитывая при этом состав аудитории в каждом конкретном случае»⁶.

Несмотря на недостаток новых пьес, к середине 20-х годов «старых пьес ставили очень мало»⁷, в соотношении с другими, по количеству они занимали около 20 – 25 %. Это объяснялось тем, что репертуар театров намечался из «наиболее выдержанных пьес»⁸. Примечательна и сама процедура репертуарного контроля – «Завулитом сам просматривал пьесу и определял, выдержана она идеологически или нет»⁹. Другим фактором воздействия стал коммерческий интерес – в период НЭПа театрам был нужен кассовый сбор, и они ставили пьесы «легкого» содержания.

Свое влияние оказал низкий уровень актерского состава. Это подтверждают сведения из отчета Орского Улита за январь – февраль 1927 г. – «Профессиональных театров в городе и деревне нет. Спектакли ставились любителями»¹⁰, постановка же классической пьесы требует особой подготовки и опыта. Кроме выше перечисленного ощущалась острая нехватка инвентаря и реквизита.

Репертуарная политика изменяется после прошедшего в 1927 году Теасовещания, которое ставило новые задачи перед театральным ис-

кусством. Важно отметить, что советское руководство официально признавало значение достижений дореволюционного театра и недостаточно умелое использование классического репертуара в прошлом. В резолюции совещания указывалось на необходимость исправления этой ситуации и на активное привлечение старого театра к строительству социалистической культуры¹¹. Но основным критерием работы театров становилась социально-политическая значимость, которая и определяла отбор произведений русских классиков¹². Классовая борьба захватила и область театрального искусства¹³.

Результатом проведения новой театральной политики стало усиление контроля над репертуаром, постановкой пьес. Контроль осуществлялся не только непосредственным органом управления – УТЗП, но и НКВД, представители которого должны были присутствовать на каждом спектакле. По количественному соотношению пьес русской классики и других положение с конца 20-х до начала 40-х мало изменилось. К примеру, в 1940-м году из поставленных театрами Оренбургской области 85 постановок, на русскую классику отводилась 21, что не составляет и четвертой части¹⁴.

Русская классика на сценах театров Оренбуржья была представлена произведениями А.Н. Островского, М. Горького, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, А.П. Чехова, Сухова-Кобылина, Тургенева, Гончарова. Произведения М. Горького официально причисляли к советской тематике. Постановка русской классики считалась достаточно сложной, поэтому каждая из них считалась большим достижением, например «Борис Годунов» А.С. Пушкина (1936г. в Оренбургском областном драматическом театре, с 1937г. во всех театрах области). В 1937 г. – «Наследие и варвары» М. Горького, «Горе от ума» Грибоедова, «Маскарад» Лермонтова, «Волки и овцы» Островского. В 1938 г. – «Дети солнца», «Зыковы», «Егор Булычев», «Васса Железнова» М.Горького, «Лес», «Доходное место», «Беспреданница», «Правда хорошо, а счастье лучше» А.Н. Островского и др. все эти постановки проходили по утвержденному плану. Планировали постановку новых пьес и на 1941 г., но страшный июнь не позволил этим планам осуществиться.

Примечания:

¹ Ленин. Полное собрание сочинений т.36, С.382

² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 9. Д. 459. Л. 75-76.

³ Там же.

⁴ Культурное строительство в СССР 1917 – 1927 гг. (Документы и материалы.) Раз-

работка единой государственной политики в области культуры. Т.1. – М., 1989. – С. 48-54.

⁵ ГАОО. Ф. 454. Оп.1. Ед. хр. 2. Д.22. Л 145.

⁶ ГАОО. Ф. 454. Оп.1. Ед. хр. 2. Д.22. Л 165.

⁷ ГАОО. Ф. 454. Оп.1. Ед. хр. 2. Д.22. Л 49.

⁸ ГАОО. Ф. 454. Оп.1. Ед. хр. 2. Д.22. Л 128.

⁹ ГАОО. Ф. 454. Оп.1. Ед. хр. 2. Д.22. Л 19.

¹⁰ ГАОО. Ф. 454. Оп.1. Ед. хр.2. Д.22. Л 139.

¹¹ ГАОО. Ф. 455. Оп.4б. Ед. хр.1. Л 38.

¹² ГАОО. Ф. 455. Оп.4б. Ед. хр.1. Л 39.

¹³ ГАОО. Ф. 455. Оп.4б. Ед. хр.1. Л 46.

¹⁴ ГАОО. Ф. 1581. Оп.1. Ед. хр.11. Л 23.

Мирошниченко О. А. (г. Оренбург, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВА «ДОМ» В ЗНАЧЕНИИ «СЕМЬЯ» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Сохранение семейных традиций, бесспорно, является обязательным элементом любой национальной культуры. Одним из значений слова «дом» в толковых словарях современного русского и польского языков является значение «семья». Оно считается основополагающим элементом в процессе образования и сохранения национальных традиций семейного уклада, а, следовательно, крайне важным в вопросах воспитания уважительного отношения к семье как главному месту, в котором прививаются общечеловеческие и национальные традиции.

Наша задача выявить сходства и различия при фиксации этого значения в словарях, рассмотреть особенности употребления значения «семья» в паремиях русского и польского языков.

В «Словаре Академии Российской» (1809 г.) вместо значения «семья» указано «семейство»: «все люди одного семейства» (*Веровал сам и весь дом его*)¹. В «Полном церковно-славянском словаре» (1900 г.) наблюдаем аналогичное явление: вместо «семья» - «домашнее семейство»² (6 с.150).

В «Словаре польского языка» (1854 г.) (Linde M. Samuel Bogumil. Słownik języka polskiego) объединены вместе «дом, фамилия, семейство, род, племя»: (*Зовем домом не только то, где кто живет, но называем домом также семейство, близких.*)³.

Употребление значения «семейство» вместо «семья» может быть связано с тем, что «...Домом в Священном писании часто называется семейство: жена, дети, прислуга. Подобно и иудейский народ (Дом) как семья, имеющая отцом Бога.»⁴. Значения «род, поколение» и «племя, народ» зафиксированы в «Полном церковно-славянском словаре» (1900г.) в отдельных статьях⁵.

То есть, можно говорить о сохранении дифференциации значений слова «дом», обозначенных в «Словаре древнерусского языка XI-XIV в.в.» («род, племя, народ», «дом отечества, род», «семья, домашние, все обитающие в доме») ⁶ «Словаре русского языка XI – XVII вв.» («род, династия», «семья, домочадцы») ⁷ и о замещении значения «семья» значением «семейство».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1880 г.) значения «семейство» и «семья» употребляются как близкие в одной статье: «семейство, семья, хозяева с домочадцами; род, поколение, говоря о владетельных или высоких особах»⁸.

Аналогичный процесс наблюдаем и в польском языке. «Словарь польского языка»(1900 г.) (Karłowicz J., Krynski A., Niedzwiedzki W. Słownik języka polskiego) фиксирует «домашние, семья, фамилия, семейство», где значения «семья» и «семейство» употребляются как синонимичные. (*Апостол семьи целиком, начиная с хозяина, всех в доме крестом крестил. Тот дом зовут благородным, где празднуют победу добродетели.*)⁹.

«Словарь современного русского литературного языка» (1933 г.) фиксирует прогрессирующий процесс обобщения значений: «место постоянного проживания человека, характеризующееся какими-л. отношениями между всеми членами семьи, определенным бытом, укладом хозяйства»; «хозяйство отдельной семьи»; «устар. род, фамилия»¹⁰.

«Словарь современного русского литературного языка»(1954 г.) наряду с повторением основных значений слова «дом» демонстрирует и отличия:

«Собир. Семья, люди, живущие в одной семье или в одном доме»; «Род, фамилия; поколение»¹¹.

Значение «род» теряет помету «устар.» и присоединяет значения «фамилия»¹² и «поколение»¹³. В данном случае наблюдается сужение значения от «род, племя, народ» до «род, фамилия, поколение». Исчезает значение «семейство» и вместо него употребляется значение «семья».

Подобное явление присутствует и в польском языке. «Словарь польского языка» (1965 г.) (*Słownik języka polskiego*) демонстрирует: «семья, домашние, домочадцы, семейное гнездо; жилье вместе с проживающими» (*В четвертом часу утра весь дом был уже на ногах.*)¹⁴.

Отличием этого словаря является фиксирование значения «семья» сразу в двух статьях: «семья, домашние, домочадцы, семейное гнездо; жилье вместе с проживающими» и «род, семья, династия»¹⁵.

Следует заметить, что в русских словарях есть подобный вариант: «Устар. род, фамилия»¹⁶; «род, фамилия; поколение»¹⁷; но вместо значения «семья» указано значение «фамилия» как синоним.

Таким образом, можно говорить о замещении на этом этапе языкового развития в русских словарях 1933 и 1954 г.г. значения «семья» дефиницией «фамилия» и это отличие связано с особенностями социально-политического развития России.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1981 г.) содержит значения «семья» в статьях: «квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство» (*Дойти до д. Выйти из д. Принять в д. кого-нибудь.*) и «Династия, род (уст.)»¹⁸.

«Русский толковый словарь» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной (2005 г.) полностью повторяет первые значения слова «дом» и заменяет последнее: «Династия, род (уст.)» на «Частная коммерческая фирма (Торговый д.)»¹⁹.

Таким образом, словари русского языка, изданные после 1933 г., расширяют значение слова «дом» и объединяют разделенные ранее «жилище», «домашнее устройство, хозяйство» и «семья, домочадцы» в одну словарную статью: «квартира, а также, семья, люди, живущие вместе, их хозяйство».

Значение «семейство» как обозначение дома исчезает из словарей как русского, так и польского языков.

В «Практическом словаре современного польского языка» (1996 г.) (*Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*) так же, как в словарях русского языка, зафиксировано частично расширение значения слова «дом». В одной статье объединены: «семья, домашние, домочадцы; квартира вместе с проживающими» (*Не ожидала слишком многого от жизни, хотела иметь только нормальный дом: мужа, который бы заботился о нем, двоих или троих детей и, наконец, собаку и кошку*)²⁰.

Но продолжают выделяться значения: «место, где живут, собственная квартира» и «дела семейные, домашние, домашнее хозяйство»²¹.

Таким образом, в словарях польского языка отсутствует полное объединение в одной словарной статье всех значений слова «дом»: здания, жилья, семьи, хозяйства, в отличие от словарей русского языка.

Вероятно, это связано с исторически сложившейся ролью семьи в Польше. Пиетет семьи, уважительное отношение к родителям и детям, всячески поддерживается сразу с двух сторон: со стороны государства, т. к. поляки - немногочисленная нация и перед ними стоит вопрос ее физического сохранения, и со стороны церкви (религиозных организаций), роль которой чрезвычайно велика. Католическая церковь в Польше обосновалась в 10 в. и сохранила свои позиции даже в период просоветского социалистического правления.

Отличия в степени расширения значений связаны, очевидно, с разницей в обозначении дома. В словарях русского языка это изначально «здание, строение», а в словарях польского языка первым стоит «строение, сделанное для жилья людей», т.е. жилье. В русском языке подчеркнута предметность. В польском то, какой цели служит предмет. И человек при этом занимает главное место.

«Практический словарь современного польского языка» (1996 г.) (Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny) фиксирует значение «семья» в статье «род, династия, семья.» (*Вальдек никогда не стыдился того, что происходит из крестьянского дома. Моя мама родом из дома Франковских*)²².

Данные примеры свидетельствуют о сближении значений «семья» и «фамилия».

Словари русского языка, изданные после 1933 г. практически без изменений повторяют толкования слова «дом», в том числе, и в значении «семья». Словари польского языка разных авторов представляют отличающиеся друг от друга статьи. «Словарь современного польского языка» (2000 г.) (Słownik współczesnego języka polskiego) содержит значение «семья» как «самые близкие из семьи, живущие вместе; квартира вместе с домочадцами». (*Любить свой д. Тосковать по дому.*)²³ и одновременно «династия, семья, род» (*Ханна Малецка (происходит) из дома Дудек*)²⁴.

«Большой словарь правильного польского языка» (2004г.) (Wielki słownik poprawnej polszczyzny) демонстрирует только примеры наиболее употребительных вариантов слова «дом» (*Приглашать кого – то домой. офиц. Д. культуры, моды.*)²⁵.

В «Ином словаре польского языка» (2000г.) (Inny Słownik języka polskiego) слово «дом» в значении «семья» фиксируется в двух стать-

ях: «семья и люди, с которыми живут вместе.» (*Детей воспитывает не только дом, но и все окружающее.*) и «все заботы, связанные с жизнью семьи.» (*Занимались домом, стирали, убрались, и воспитывали детей.*)²⁶, «род, династия» слово «семья» отсутствует.²⁷

«Универсальный словарь польского языка» (2006г.) (*Uniwersalny słownik języka polskiego*) (как и Практический словарь современного польского языка) содержит два варианта слова «дом» в значении «семья»: «семья, домохозяева; а также квартира вместе с живущими» (*Из родного д. вынесла любовь к книгам и музыке.*) и «книжн. род, семья, династия.» (*Дворянский, княжеский дом.*)²⁸.

Таким образом, первым фиксируется значение «семья». Словарная дефиниция «семейство» является характерной для церковных книг и на определенный период времени вытесняет значение «семья». Затем «семейство» и «семья» используются как синонимы. Далее процесс развития языка приводит к разграничению употребления значений: «семейство» остается в церковных источниках, «семья» остается единственным вариантом в толковых словарях. Этот процесс очень похож протекает как в русском, так и в польском языках.

На фоне общего расширения значения слова «дом» наблюдаются некоторые отличия, связанные с изначальной разницей в выделении признака, определяемого в качестве главного.

Попытаемся сопоставить русские и польские паремии, объединённые понятием «дом» в значении «семья», с целью выявить специфику языковой экспликации образа «семья» в данных языках.

В польском языке взгляд на старый дом несколько иной, чем в русском; соотносятся дом и семейные узы, и констатируется скорее жизненная необходимость, чем сердечная привязанность: *Domstary i zonastaraczestejpotrzebuja naprawę* (*Старый дом и старая жена чаще требуют починки*)²⁹.

Наблюдается тождественность в высказываниях о тех, кто находится вне дома, вне семьи, например, в гостях, (русск.) *Домавсеспоро, вчужежитъехуже*³⁰, (польск.) *Lepiej żyć biedniej wśród swoich niż w dobrobycie i obsyć.* (*Лучше жить в беде среди своих, чем в богатстве среди чужих*)³¹.

Польская культура демонстрирует большую привязанность к своему дому как защите от всех невзгод. При этом, порой, роль хозяйки не менее важна, чем роль хозяина, напр.: (русск.) *Не столько муж мешком, сколько жена горшком (сберегает, приносит в дом)*³²; (польск.) *Dobra zonajestdarboży, onaszczęście w domu mnoży* (*Хорошая*

жена – дар божий, она счастье в доме множит)³³. Критическая оценка женского умения вести хозяйство присутствует только в русских поговорках (русск.) *Добрая жена дом бережет, а худая рукавом растрясет*³⁴, *Бабы умы разоряют дома*³⁵. Польские поговорки демонстрируют более уважительное отношение к женщине. Не обнаружено поговорок, демонстрирующих польку как плохую хозяйку.

При рассмотрении слова «дом» в значении «семья», обнаруживаем, что покой, хорошая атмосфера важнее материального благополучия только в русских поговорках: напр. *Хоть не уедно (дома), так улежно*³⁶ (1, с.254). *Дома и солома сведома*³⁷.

Основа благополучия - порядок, заведенный в доме (семье), основанный на духовности, напр.: (русск.) *Свет в храмине от свечи, а в доме от молитвы*³⁸. *Ищи добра (или оброк) на стороне, а дом любви по старине*³⁹. *Домом жить - обо всем тужить (беспокоиться, переживать)*⁴⁰. *Всякий страх в дому хорош (страх в значении любви, почитания, послушания)*⁴¹. Польские варианты говорят, скорее о внешней стороне: (польск.) *Gdziesie dompieknie swieci, tamkazduptakradleci* (*В дом, который красиво сверкает, каждая птица рада прилететь*)⁴².

Нравственность является одной из важных тем в поговорках. Во взаимоотношениях семьи и общества поговорки фиксируют общепринятое правило: не рассказывать о семейных неприятностях (русск.) *У всякого в дому (В чужом дому) неведомо никому*⁴³, (польск.) *Co w domu, do tego nikomu. (Что в доме, до этого никому (нет дела),*⁴⁴ (польск.) *Brudypierzesie w domu (Невыносисоризизбы)*⁴⁵. Совпадает по смыслу, но имеет другую форму выражения (польск.) *Brudna bielizne w domu prac trzeba (Грязноебельенадостиратьдома)*⁴⁶.

Поговорки показывают распределение ролей в семье.

Подчеркивается исторически сложившийся приоритет мужчины, хозяина, напр.: (русск.) *Всяк хозяин в своем дому большой*⁴⁷, (польск.) *Kazdy w swym domu pan (Каждый в своем доме господин)*⁴⁸. Несколько отличаются по смыслу: (русск.) *Хозяин в дому, что медведь в бору (что как хочет, так и ворочает). Большой в дому, что хан в Крыму*⁴⁹ и (польск.) *Gospodarza w domu trzeba sluchac (Хозяина в доме надо слушать)*⁵⁰. Русский вариант связан с единовластием и самостью, польский, более демократичный, с необходимостью соблюдения порядка в доме.

При строгом распределении прав и обязанностей между мужчиной и женщиной: (русск.) *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*⁵¹, (польск.) *Kotka izona siedza w domu (Кош-*

ка и жена сидят дома)⁵², - осуждается активная позиция женщины в управлении домом: *Где хвост (жена) начало, там голова (муж) мочало*⁵³, (польск.) *Biada temu domowi, gdzie krowa dobodzie wolowi* (*Беда тому дому, где корова бодает вола*)⁵⁴. И только в русском языке имеется и противоположный вариант: *У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит*⁵⁵. Этот пример доказывает, что роль русской женщины в семье отличается от роли польской женщины.

Если порядок в доме нарушен, то говорят, напр.: (русск.) *Горе тому, кто непорядком живет в дому*⁵⁶. (польск.) *Kazdy dom ma swoje pieklo* (*Вкаждомдоме – свойад*)⁵⁷. *Gdygotonpattwdomu, nieradennikomu* (*Когдавдомешум, нерадникуму*)⁵⁸. Совпадают по смыслу: (русск.). *В людях – ангел не жена, а с мужем сатана*⁵⁹, (польск.) *Wdomiropkczywa, rozarozadotet* (*В доме крапива, вне дома роза*)⁶⁰.

Тождественны по форме поговорки, посвященные правилам поведения в гостях и приему гостей, напр.: (русск.) *Дома как хочешь, а в людях как велят*⁶¹, (польск.) *Domajakochcesz, uludzijakprzystoi* (*Дома как хочешь, а у людей как положено*)⁶². Отличаются по форме при смысловом сходстве (русск.) *Что поставят, то и кушай, а хозяйина дома слушай!*⁶³ *Wcudzymdomurecezarapazatkni*. (*В чужом доме держи руки за поясом*)⁶⁴. Различны по смыслу (русск.) *Будь как у себя дома. Будь что дома: полезай на печь*⁶⁵ (2,с.233) как выражение гостеприимства и (польск.) *Wonwszedziedoma* (*Он везде дома (во все влезает)*) как выражение осуждения, досады⁶⁶.

Следующие примеры не имеют аналогов: (польск.) *Gosc wdom – sikierdokredensu*. (*Гостьвдом – сахарвбуфет*)⁶⁷, (русск.) *В поле враг, дома гость: садись под святыне, починай ендову*⁶⁸. Русские поговорки демонстрируют большую степень открытости и щедрости.

Многие польские поговорки, устанавливающие нравственные ориентиры, провозглашают в качестве примера поведение в своем доме. Осуждается праздное любопытство: *Niezgladajdocudzegodomi, bocinosdrzwiatprzyskrzynia* (*Не заглядывай в чужой дом, не то тебе нос дверьми прищемят*)⁶⁹; подозрительность, недоверчивость: *Ktosie niezdawdomu, niezdasie Ikomu* (*Кто не доверяет дома, не верит никому*)⁷⁰; хвастовство, зазнайство: *Jeslidomswojbardzowuyuzszasz, wiatrcigo latwoobali* (*Если свой дом слишком возвышаешь, превозносишь, ветер его легко разрушит*)⁷¹; неумение организовать жизнь в доме: *Ktoradzie domunieumieswojego, nierodejmujsie pospolitego* (*Кто не умеет править своим домом, пусть не берется даже за обычное дело*)⁷².

Интерес представляет содержание пословиц с точки зрения оценки говорящим. Положительно «дом» в значении «семья» оценивается только в одной польской пословице⁷³. Отрицательно в 10 пословицах⁷⁴.

Из примеров следует, что в пословицах гораздо чаще фиксируется критическая оценка. Интересно, что при этом отсутствуют пословицы, которые содержат оценку польской женщины как плохой хозяйки. Уважительное отношение к женщине, даже при неправильном, с точки зрения общественного мнения, поведении, является одним из основных постулатов польского семейного уклада.

Таким образом, слово «дом» в значении «семья» используется в русских и польских пословицах и поговорках как один из способов сохранения национальных семейных традиций. Приведенные пословицы представляют картину дома как внутри, так и снаружи, демонстрируют разделение ролей в семье, определяют ценностные ориентиры в отношениях живущих в доме друг к другу. Их содержание определяет правила поведения в разных областях жизни с ориентировкой на общечеловеческие и национальные семейные ценности. При сходстве многих паремий наблюдаем и некоторые различия, связанные с историческими, культурными и национальными особенностями.

Примечания:

¹ Словарь Академии Российской. – Санкт-Петербург: Типография при Императорской АН, 1809. – ч. III: Д-К. – С. 8.

² Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. – М.: Типография Вильде, Малая Кисловка, 1900. – С. 150.

³ Linde M. Samuel Bogumil. Słownik języka polskiego / M. Samuel Bogumil Linde. – МСМLI.: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1854. Т. 1: А-F – С. 480.

⁴ Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. – М.: Типография Вильде, Малая Кисловка, 1900. – С. 150.

⁵ Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. – М.: Типография Вильде, Малая Кисловка, 1900. – С. 150.

⁶ Словарь древне – русского языка XI – XIV в.; В 10 т. / АН СССР. Ин-т р.я.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988. – Т.3, 1990. – С. 307.

⁷ Словарь русского языка XI – XVII в.; Вып. 4: Г – Д / Гл. ред. С. Г. Бархударов. АН СССР. Ин – т р. я. М.: «Наука», 1975. Вып. 4: Г – Д [Сост. Н.Б.Бахилина, Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая и др., 1977. – С. 466.

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Т. 1-4. – М.: Рус. яз., 1989. Т. 1: А – З. - 1989. – С. 502.

⁹ Karłowicz J., Krynski A., Niedzwiedzki W. Słownik języka polskiego/ J.Karłowicz, A.Krynski, W.Niedzwiedzki. – МСМLII.: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1900. Т. 1: А-Г. – С. 355.

¹⁰ Словарь современного русского литературного языка; В 20 т./ РАН. Ин-т р. я.; Гл. ред. К. С. Горбачевич.- М.: Рус. яз., 1991.Т.4:Д. 1933. – С. 953.

- ¹¹ Словарь современного русского литературного языка; Т. III: Г-Е / Гл. ред. В. И. Чернышев и др. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 355.
- ¹² Словарь современного русского литературного языка; В 20 т./ РАН. Ин-т р. я.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1991. Т.4: Д. 1933. – С. 355.
- ¹³ Словарь современного русского литературного языка; Т. III: Г-Е / Гл. ред. В. И. Чернышев и др. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 953.
- ¹⁴ Słownik języka polskiego/Polska Akademia Nauk. Red. Witold Doroszewski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. T. II: D-G. – С. 234.
- ¹⁵ Słownik języka polskiego/Polska Akademia Nauk. Red. Witold Doroszewski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. T. II: D-G. – С. 235.
- ¹⁶ Словарь современного русского литературного языка; В 20 т./ РАН. Ин-т р. я.; Гл. ред. К. С. Горбачевич.- М.: Рус. яз., 1991.Т.4:Д. 1933. – С. 355.
- ¹⁷ Словарь современного русского литературного языка; Т. III: Г-Е / Гл. ред. В. И. Чернышев и др. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 953.
- ¹⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка/ Под ред. докт. филол. наук, проф.Н.Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – С. 154.
- ¹⁹ Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е. Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М.: Изд – во Эксмо, 2005. – С. 160.
- ²⁰ Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny/ Red. naukowy prof. dr. hab. Halina Zgolkowa. – Poznań: Wydawnictwo Kurpisz, 1996. T. 9. – С. 82.
- ²¹ Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny/ Red. naukowy prof. dr. hab. Halina Zgolkowa. – Poznań: Wydawnictwo Kurpisz, 1996. T. 9. – С. 81-82.
- ²² Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny/ Red. naukowy prof. dr. hab. Halina Zgolkowa. – Poznań: Wydawnictwo Kurpisz, 1996. T. 9. – С. 82.
- ²³ Słownik współczesnego języka polskiego/ Red. Bogusława Dunaja. – Poznań: Cykada. T.1. - 2000. – С. 185.
- ²⁴ Słownik współczesnego języka polskiego/ Red. Bogusława Dunaja. – Poznań: Cykada. T.1. - 2000. – С. 185.
- ²⁵ Wielki słownik poprawnej polszczyzny PWN/Red. naukowy Andrzej Markowski. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004. – С. 189.
- ²⁶ Inny słownik języka polskiego PWN, A...O/ Red. naczelny Mirosław Banko. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. T 1. – С. 291.
- ²⁷ Inny słownik języka polskiego PWN, A...O/ Red. naczelny Mirosław Banko. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. T 1. – С. 291.
- ²⁸ Nowa księga przysłów i wyrazów przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 652.; Uniwersalny słownik języka polskiego, t. 1: A- J/ Red. naukowy prof. Stanisław Dubisz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006. – С. 291.
- ²⁹ Nowa księga przysłów i wyrazów przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 467.
- ³⁰ Słownik współczesnego języka polskiego/ Red. Bogusława Dunaja. – Poznań: Cykada. T.1. – 2000. – С. 245.
- ³¹ Nowa księga przysłów i wyrazów przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 467.
- ³² Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И. Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т. 1. – С. 287.
- ³³ Nowa księga przysłów i wyrazów przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski.

- Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 470.
- ³⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2. – С. 83.
- ³⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т. 1. – С. 274.
- ³⁶ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т. 1. – С. 254.
- ³⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2. – С. 253.
- ³⁸ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2 – 399 с. – С. 86.
- ³⁹ Пословицы. Поговорки. Загадки./Сост. А.Н.Мартынова – М.: Современник, 1986. – С. 253.
- ⁴⁰ Пословицы. Поговорки. Загадки./Сост. А.Н.Мартынова – М.: Современник, 1986. – С. 253.
- ⁴¹ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2. – С. 86.
- ⁴² Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 467.
- ⁴³ Пословицы. Поговорки. Загадки./Сост. А.Н.Мартынова – М.: Современник, 1986. – С. 257.
- ⁴⁴ Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 466.
- ⁴⁵ Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 470.
- ⁴⁶ Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 470.
- ⁴⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2 – С. 87.
- ⁴⁸ Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 468.
- ⁴⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2 – С. 87.
- ⁵⁰ Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 470.
- ⁵¹ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т. 1 – С. 275.
- ⁵² Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 468.
- ⁵³ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2 – С. 253.
- ⁵⁴ Nowa ksiega przyslow I wyrazen przyslowiowych polskich / Red. Julian Krzyzanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 466.
- ⁵⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2. – С. 289.
- ⁵⁶ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2. – С. 83.

- ⁵⁷ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 466.
- ⁵⁸ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 467.
- ⁵⁹ Пословицы. Поговорки. Загадки./Сост. А.Н.Мартынова – М.: Современник, 1986. – С. 253.
- ⁶⁰ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 466.
- ⁶¹ Пословицы. Поговорки. Загадки./Сост. А.Н.Мартынова – М.: Современник, 1986. – С. 253.
- ⁶² Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 467.
- ⁶³ Пословицы. Поговорки. Загадки./Сост. А.Н.Мартынова – М.: Современник, 1986. – С. 253.
- ⁶⁴ Słownik języka polskiego/Polska Akademia Nauk. Red. Witold Doroszewski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. T. II: D-G. – С. 467.
- ⁶⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2 – С. 233.
- ⁶⁶ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 469.
- ⁶⁷ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J – С. 471.
- ⁶⁸ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. /В.И.Даль. – М.: Худ. лит. 1984. т.2 – С. 233.
- ⁶⁹ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 469.
- ⁷⁰ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 468.
- ⁷¹ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 468.
- ⁷² Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 468.
- ⁷³ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 469.
- ⁷⁴ Nowa księga przysłów I wyrazen przysłowiowych polskich / Red. Julian Krzyżanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969. T. 1: A-J. – С. 466-470.

Аксютин Н. В. (г. Оренбург, Россия)

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФИКСАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В ОРЕНБУРГСКИХ ГОВОРАХ

Существительные с уничижительными суффиксами -ишк-, -онк-, -ошк- (пейоративы) относятся к числу наиболее активных экспрес-

сивных средств диалектного языка. Рассмотрим некоторые структурно-словообразовательные, семантические, функционально-стилистические особенности пейоративов с суффиксом -ишк-.

В описываемых говорах модель с -ишк- является высокопродуктивной моделью: суффикс -ишк- свободно присоединяется к самым разнообразным в структурном и семантическом отношении основам как старого (1), так и относительно нового (2) для говоров происхождения:

1) ум - умишко, нужда - нуждишка; зять - зятчишко, отец - отчишко, теленок - теленчишко, поросенок - поросенчишко; девчонка - девчончишка, собачонка - собачончишка; телята - телятишки; поросята - поросятишки; ковшик - ковшичишко, яшшык - яшшычишко; носок - носишко (с усечением -ок), чулок - чулчишко; Лидка - Лидчишка, Галька - Гальчишка и т.д.);

2) автобусишко, экскаваторишко (экскаватор), бригадиришко, гардиропишко (гардероб), канбайнишко (комбайн), канбайнеришко, лисопетишко (велосипед), лотишко (лото), тиливизоришко (телевизор), тракторишко, шоферишко и др.

Высокая продуктивность модели с -ишк- обеспечивается ее морфологическими и акцентологическими достоинствами (суффикс -ишк- начинается гласным звуком и может быть как ударным, так и безударным), а также высокой потребностью диалектного языка в уничижительных существительных, определяемой общей тональностью экспрессивной диалектной системы, предполагающей преобладание экспрессивных языковых средств с отрицательной эмоционально-оценочной семантикой.

Пейоративы типа *цыплятишки* в говорах могут иметь, по аналогии с производящими основами (цыплята), окончание -а: *цыплятишка*, *телятишка* и т.д. Пейоративы одушевленных существительных мужского рода типа *отчишко* не развивают окончание -а, не переходят в женское склонение. При образовании пейоративов с -ишк- от некоторых основ на заднеязычные [г] и [х] перед этим суффиксом происходит эпентеза звука [н]: *брюшнишко*.

Характер образований с суффиксом -ишк- корректируется характером производящей основы: пейоративная семантика наиболее очевидна у тех пейоративов, которые образованы от основ, не обладающих коннотативными значениями. Однако и такие пейоративы могут различаться, в частности, возможностью/невозможностью употребления без уничижительной или уменьшительной семантики. Это определяется характером называемых словами реалий.

В описываемых говорах зафиксировано несколько групп существительных, пейоративы которых могут употребляться без уничижительной семантики. Это пейоративы, употребляющиеся при назывании очень маленьких детенышей животных и насекомых: *баранишко, боровишко, бычишко, петушишко, телятишка, цыплятишка, клопишко, тараканишко*; при назывании очень маленьких детей: *ребятишка*; частей их тела: *губишки, брюшнишко, ротишко*; предметов, принадлежащих детям: *носки (носки), сапожишки* и т.д. Как видно из приведенного материала, уничижительная семантика подавляется уменьшительной у пейоративов, образованных от названных реалий, малый размер которых является их естественным состоянием и не влияет на качество этих реалий.

Типы употребления пейоративов в речи определяются их семантикой и речевыми условиями их употребления (характер объекта, названного пейоративом, описываемая ситуация, отношение говорящего к объекту и ситуации и т.д.). В говорах наблюдаются разнообразные типы употребления пейоративов. Приведем некоторые из них.

1. Пейоративы, согласуясь с речевыми условиями, используются говорящими как средство выражения отрицательной оценки объекта, названного пейоративом: *в магазинишке-то шаром покати; шоферишко-то какой-то дурачок.*

2. Пейоратив используется как средство косвенно выраженной отрицательной оценки описываемой ситуации: *На тракторишке-то стал робить, дак он у его целу ночь газует. Сразу и выгнали.*

3. Пейоративы, не согласуясь с речевыми условиями, используются с целью сделать умеренной положительную оценку чего-либо, имеющего отношение к самому говорящему: *Чо, говорят, вы хороших платьев в городе то закупили! – Да нечо (ничего), одно-то платьишко; Да он ничего, хороший квасишко-то получился; Чо, понравилось в лотишко-то играть-то? Приходите телевизоришко смотреть.* В таких контекстах пейоративы, не выполняя функции уничижения, используются как средство самоуничижения говорящего. Ср. еще: *В гардиропишко ставь чемодан-то. Да все надо – и постелишку, и одеялишка.* Функция самоуничижения хорошо осознается самими информантами: речь носителей говора, чрезмерно часто употребляющих пейоративы, расценивается как ненормативная: *У Катерины поговорка така: теленчишко да поросенчишко, все вроде как прибедняется.* Молодежь воспринимает частое употребление пейоративов как архаичную черту речи.

**Ляшенко И.Э., Михайлова Е.А.,
Черепихина С. И., Желтова В.И.
(г. Оренбург, г.Соль-Илецк)**

НАРОДНОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО В КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ СЛАВЯН ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Медицина всегда составляла значительную часть культуры этноса, нации, цивилизации, а врачебная деятельность рассматривалась как реализация 3-х составляющих: искусства, науки и ремесла.

В предшествующих работах [1,2] были сделаны попытки сформулировать представления о методах, способах, механизмах целительного воздействия народной медицины, в плане практического жизнеобеспечения, через изучение и анализ культурного наследия древних славян: пословицы, поговорки, заговоры, верования, ритуалы и др.

В настоящей статье представлен гносеологический аспект феномена народной медицины в контексте исторической культуры славян, которая отражает уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

Материалом для исследования послужили фонды универсальной, публичной библиотеки им. Н.К. Крупской, архивы фундаментальной библиотеки ОрГМУ, интернет-ресурсы.

Славянский этнос на территории Южного Урала, в том числе Оренбургского края, появился в XVII веке как следствие мирной земледельческой колонизации русскими переселенцами [3].

Заселение восточных регионов славянами оказалось весьма эффективным в период становления и развития Российского государства, создания и укрепления его границ на азиатском направлении.

Несомненно, переселенцы привнесли в развитие края не только материальные, но и духовные ценности, традиции, символы, ритуалы народного опыта, которые сформировались еще на заре человеческой цивилизации, а наиболее оптимальные и адекватные сохранились и передавались из поколения в поколение.

Среди народного опыта славян большую роль играло целительство, прошедшее в своем становлении и развитии многовековые этапы, основной целью которого являлось сохранение и поддержание здоровья этноса, его эффективного жизнеобеспечения. Народное целительство

от примитивной помощи сородичу до формирования теории и практики народной медицины уходит корнями в период первобытно-общинного строя, составившего 99% временного периода существования человеческой цивилизации. Сложные закономерности формирования первых навыков народной медицины, их развитие и сохранение можно проанализировать только в контексте исторической гносеологии.

В ранний период становления первобытно-общинного строя медицинские знания носили абсолютно эмпирический характер. Наблюдения, сравнения, сопоставления на уровне прикладного действия позволяли отобрать прежде всего растения и плоды в качестве продуктов питания и одновременно обозначить те из них, которые вызывали нарушение процессов жизнедеятельности: рвоту, расстройство деятельности кишечника, головную боль, двоение в глазах, смерть. Одновременно накапливались и отбирались, на уровне примитивных наблюдений, навыки помощи больным, женщинам в родах, ухода за новорожденными.

При этом следует подчеркнуть, что это был коллективный опыт этноса, коллективная прикладная деятельность, формируемая через умения и навыки каждого члена общины.

Очень важное значение имел опыт общины по соблюдению основных навыков гигиены. Когда первобытный человек вынес отхожее место за пределы жилья, а вода стала использоваться не только для питья и приготовления пищи, но и для мытья рук, продуктов, посуды – началось формирование первых культурно-гигиенических навыков индивидуального и общественно-общинного бытия.

Изобретение лука и стрелы, развитие охоты, ставшей одной из отраслей труда, привнесло в арсенал лечебных средств народной медицины, наряду с растительными средствами, продукты животного происхождения (печень, сырое мясо – прообраз гемостатической губки). При этом, важным явилось формирование рациональных приемов целенаправленного применения целительных средств с учетом эффективности их действия. У восточных славян до настоящего времени широко используется ромашка – противовоспалительное действие, паслен – болеутоляющее, полынь – раздражающее, лопух – укрепляющее.

Появились первые рациональные действия по оказанию помощи раненым, которые со временем оформились как хирургическое направление целительства, первые хирургические инструменты: отточенный камень, острая кость, изделия из бронзы и железа, которые позволяли проводить простейшие манипуляции по извлечению ино-

родных тел, сопоставление переломов, остановке кровотечений и др.

Абстрактное мышление благодаря которому человек окончательно выделился из стада животных в народном целительстве нашел отражение, прежде всего в толковании причин болезней, осознании качества здоровья и здорового образа жизни. Эмпирически прослеживаемая связь между предметными реалиями трансформировалась в толкование причин, которые приводили к болезни или способствовали выздоровлению. Так появились представления о духах.

Славянскому образному мышлению был свойственен антропоморфизм – перенесение человеческих свойств на природу. Природа представлялась одушевленной, населенной множеством духов. Лешие – в лесах, водяные – в реках и озерах, домовые – в жилищах. Культы воды, огня, земли были наиболее значимыми. Им поклонялись, их умиротворяли, им приносили дары к ним обращались за помощью и покровительством. Почитались божества – Перун – громовержец, Род – творец вселенной, Роженица – богиня плодородия, солнечный бог – Ярило и другие.

Сформировалась языческая обрядность древних славян – организованная упорядоченная система магических действий, практическая цель которых состояла в воздействии на окружающую природу. Эти приемы воздействовали на психику человека, оказывая в ряде случаев целительное, психо-эмоциональное воздействие. Дальнейшее развитие первобытной цивилизации как в социально-экономическом, так и культурном направлениях отразилось на структуре и качестве оказания медицинской помощи. На фоне эмпирических знаний и практических навыков мощное психотерапевтическое воздействие оказывала лечебная магия и магические ритуалы, зарождение теургической медицины.

Коллективное целительство, пройдя тысячелетний опыт, трансформировалось и сосредоточилось в руках отдельных лиц (знахари, волхвы, чаровницы и др.), которые владели как рациональными, так и иррациональными способами лечения. Именно они накапливали, совершенствовали и передавали из поколения в поколение методы и способы народного целительства, явившись апологетами народной медицины славян. Знахари расширили показания для целенаправленного применения лекарственных средств, появились способы их приготовления и длительного хранения, совершенствовалась техника хирургических вмешательств.

Краткий гносеологический анализ становления народной медицины славянского этноса, конечно, не охватывает всех проблем и не пре-

тендует на абсолютную полноту их представления. Вместе с тем, он позволяет утверждать, что современная народная медицина восточных славян, существование которой отрицать было бы абсолютно абсурдным, формировалась вместе с развитием социально-культурных и экономических составляющих всемирного цивилизационного процесса, как способ сохранения длительной активности, здоровья, prolongation жизни в целом, борьбы с различными недугами.

Славяне, как один из значительных мировых этносов, прошли многовековой путь от примитивной помощи ближнему до формирования теории и практики народной этнической медицины. Ни в коей мере не подменяя и, тем более, не исключая научную медицину, исток которой она является, народная медицина славян поставлена на службу здоровью, здоровому мироощущению и эффективному жизнеобеспечению.

Примечания:

1. Ляшенко И.Э., Желтова В.И. Народная медицина как фактор толерантности в многонациональном регионе. // Ляшенко И.Э., Желтова В.И. Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический отчет и современность. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, 2013. – С. 139-143
2. Ляшенко И.Э., Желтова В.И. Народная медицина восточных славян в языческих и религиозных традициях. // Ляшенко И.Э., Желтова В.И. Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского Региона. Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню Славянской письменности и культуры. – Оренбург, 2014. – С. 257-260
3. Зобов Ю. С. Русские на Южном Урале, их роль в заселении и развитии края // Оренбуржье в этнополитическом измерении / Сост. В.В. Амалин. – М., 1996. – Т.2. – С.44-59.
4. Сахаров А.М. Очерки русской культуры 9-17 вв. // А.М. Сахаров, А.В. Муравьев – М.: Просвещение, 1987. – 336 с.

Владимирцева В. Г. (г. Оренбург, Россия)

**О ЗАДАЧАХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
МНОГОПРОФИЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ
Г. ОРЕНБУРГА**

Стремительно меняющаяся социальная, экономическая и политическая ситуация, характерная для современного этапа развития российского обще-

ства, влияет на целевые и содержательные установки образования. Содержание, характер перемен, происходящих в образовании, во многом определяются социальным заказом: востребованной становится личность, готовая занять активную социальную позицию. В связи с этим современная стратегия развития российского образования предусматривает формирование не только образованной, но и успешно социализированной личности.

Направленность образования на реализацию компетентностного подхода обуславливает решение следующих задач:

- овладение эффективными приёмами, способами, средствами получения информации, ее переработки и транслирования в новых условиях;
- переход от учения как функции запоминания (традиционный подход) к образованию как процессу интеллектуального и личностного развития учащегося (инновационный подход)¹.

Одним из способов решения названных задач является дистанционное обучение. Дистанционное обучение – это универсальная форма обучения, базирующаяся на использовании широкого спектра новых информационных и телекоммуникационных технологий, которые создают условия для свободного выбора широкого круга образовательных дисциплин, постоянного диалогового обмена с преподавателем. При этом сам процесс обучения не зависит от расположения обучаемого в пространстве и во времени².

Дистанционное обучение может выполнять полиаспектные функции образовательного и воспитательного характера. В качестве основных можно выделить следующие: привлечение и удержание внимания обучаемых во время лекционных и семинарских занятий; актуализация интереса и мотивация изучения учебного предмета учащимися; развитие образной и ассоциативной памяти и мышления у учащихся; формирование умений самостоятельной работы по поиску значимой для обучения и исследования информации; развитие культуры исполнения и оформления своей работы; подготовка учащихся к изучению новой учебной дисциплины.

Направленность на изменение традиционной модели взаимодействия «учитель-учащийся» в условиях дистанционного обучения обнаруживает новые функции взаимодействия субъектов образовательного процесса. Дистанционное обучение позволяет автоматизировать все этапы обучения, от изложения учебного материала до контроля знаний и выставления итоговых оценок³.

Таким образом, дистанционное обучение – это обучение, при котором удаленные друг от друга субъекты обучения (ученики, преподаватели, тьюторы, модераторы и др.) осуществляют образовательный

процесс с помощью телекоммуникаций (электронной почты, веб-ресурсов, видеосвязи и т. п.).

Принципами дистанционного обучения являются: принцип создания учащимися образовательной продукции в изучаемых предметах и образовательных областях; принцип соответствия внешнего образовательного продукта ученика его внутренним личностным приращением; принцип приоритета деятельностного содержания перед информационным; принцип креативного характера учебной деятельности; принцип индивидуальной образовательной траектории учащихся; принцип приоритета деятельностных критериев оценки результатов дистанционного обучения перед информационным⁴.

Особую значимость приобретают мультимедийные учебники, которые способны передавать учащемуся учебную и управляющую информацию, а также анализировать информацию, поступающую от обучаемого.

В этой связи выявлена специфика дистанционного обучения по истории, когда предлагается вынести на первый план задачу «оживления» исторического процесса в целях придания эмоциональной окраски историческим событиям. Все это позволяет не только мотивировать школьников на познавательную деятельность, но и воспринимать историю как нечто живое⁵.

Целью дистанционного обучения является не столько подача готовых фактов и действий, сколько обучение принципам ориентации в историческом и обществоведческом материале, в первую очередь, с помощью источников.

В процессе дистанционного обучения истории учащиеся должны научиться осуществлять следующие действия и мыслительные операции: самостоятельно находить необходимый материал; формулировать признаки изучаемого понятия; основываясь на текстах, видеофрагментах и иллюстрациях, уметь доказывать; проиллюстрировать умения и навыки работы с картами; используя имеющиеся таблицы, проводить сравнительно-сопоставительный анализ; составлять рассказы по иллюстрациям, видеофрагментам; основываясь на видеофрагментах, иллюстрациях, уметь анализировать изучаемый материал; отвечать на вопросы о событиях; делать выводы.

Основными технологиями дистанционного обучения являются кейсовая, интернет и телекоммуникационные технологии, при этом ни одна из этих технологий не используется в чистом виде, а реализуется совместно с элементами других дистанционных образовательных технологий.

Приемами дистанционного обучения являются: обеспечение учащихся всеми видами учебного материала для подготовки к занятиям еще до того, как начнется диалоговая часть обучения; использование диагностического материала (тесты, контрольные задания, листы оценок и др.); использование наглядных материалов; объяснение педагогом материала; формулирование вопросов учеником; оценивание педагогом ученика.

Таким образом, возможности дистанционного обучения истории и обществознанию позволяют шире и глубже, по сравнению с традиционными методами и методиками, использовать образовательный потенциал учебного предмета. При такой форме обучения активизируется познавательная активность обучающихся, при оперативной обратной связи с преподавателем обеспечивается максимальный самоконтроль, появляется возможность организации групповых форм работы в виде совместных проектов.

Необходимо учитывать специфику курсов по истории: опора на средства наглядности (компьютерная 3D графика, видеоизображение и звук); использование в рамках курсов не готовых текстов, а первоисточников – исторических документов, трудов историков, статистических и картографических материалов. Так, например, при изучения темы «СССР в годы Великой Отечественной войны» (курс «История. 9 класс») ученику предоставляется возможность изучить лекционный материал, проработать документальные источники, просмотреть видео и иллюстрации по данной теме, познакомиться со сводками Совинформбюро, а также провести собственное исследование определенных темы, результатом которого может быть рассказ, сочинение или презентация.

Так более живой и яркий учебный материал, используемый при дистанционном обучении, оказывает на учащихся не только информационное, но и эмоциональное воздействие. Мультимедийная среда, будучи по своей природе интерактивной, не позволяет учащемуся остаться пассивным слушателем, потребителем информации. Активное участие в работе с мультимедиа продуктом способствует повышению интереса учащегося к изучаемому предмету, расширению индивидуальных форм обучения, повышению мотивации учения.

Развитие творческих способностей учащихся происходит на факультативных занятиях («Путешествие в мир музеев», «Библейские истории в шедеврах мирового искусства», «История русской культуры» и пр.), где учащимся дается задание самим дополнить электронное пособие в

виде глоссария или проекта. Педагог направляет, организует деятельность учащихся, поддерживает постоянное стремление к самостоятельному поиску необходимой информации, в результате чего осуществляется сотрудничество педагога и учащегося, они становятся партнерами.

Опыт дистанционного обучения учитывается в деятельности Центра дистанционного обучения для детей с ограниченными возможностями здоровья г. Оренбурга. Специфика данного центра состоит в расширении образовательной траектории детей с ограниченными возможностями здоровья. В этих целях активно разрабатываются дистанционные курсы по обществознанию, которые снабжены аудио- и видеоматериалами, рассчитанными на различный уровень подготовки учащихся. Как и в исторических курсах, планируется использовать документальные источники, видеоизображения и пр. Обязательный учебный материал может быть переведен в яркую, увлекательную мультимедийную форму, способствующую его глубокому усвоению. Кроме этого, учащиеся смогут воспользоваться подготовленными интернет-ресурсами для реализации проектной деятельности.

Таким образом, дистанционное обучение по курсам истории и обществознания, другим предметам становится все более востребованным и, следовательно, будет быстро развиваться, для чего имеются как технические, так и интеллектуальные возможности.

Перспективность дистанционного обучения состоит в расширении дистанционных учебных курсов, проектов, конференций, олимпиад и соответствующих методов обучения, обеспечивающих реализацию индивидуального маршрута учащихся.

Примечания:

¹ Джалиашвили, З.О. Организация системы дистанционного образования [Электронный ресурс] // Элитариум: центр дистанционного образования. – Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2006/03/24/organizacija_sistemy_distancionnogo_obrazovanija.html (дата обращения 11.02.2013).

² Андреев, А.А. Дистанционное обучение в системе непрерывного профессионального образования // Школьные технологии. – 2001. – №4. С. 158-195.

³ Монахов, Н.В. Эволюция дистанционного образования // Школьные технологии. – 2003. – № 2. – С. 89-94.

⁴ Овсянников, В.И. Дистанционное образование в России: постановка проблемы и опыт организации / В.И. Овсянников, В.П. Кашицин – М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2001. – 794 с.

⁵ Господарик, Ю.П. Проблемы и перспективы дистанционного обучения истории [Электронный ресурс] // Педагогические и информационные технологии в образовании: электронный научно-методический журнал – №1. – Режим доступа: http://scholar.urf.ac.ru/ped_journal/numero1/pedag/art2.html (дата обращения 10.02.2013).

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СЛАВЯН ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА

Ганин А.В. (г. Москва, Россия)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ЧЕРНОГОРЦА
НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ ГЕНЕРАЛА А.С. БАКИЧА*

Отдельные представители западных и южных славян сыграли видную роль в истории Южного Урала. Применительно к Гражданской войне вспоминается, прежде всего, трагическая фигура черногорца по происхождению и колчаковского генерала Андрея Степановича Бакича (31.12.1878-17.06.1922) – одного из руководителей Белого движения на Южном Урале.

С момента выхода в московском издательстве «Русский путь» биографии Бакича прошло уже более десяти лет. На сегодняшний день его биография и история его движения основательно изучены, особенно в сравнении с биографиями других колчаковских генералов¹. Тем не менее, ряд эпизодов все еще нуждается в уточнении и дополнении.

Одним из таких эпизодов является происхождение и ранние годы будущего генерала, а также обстоятельства его появления в России. Знакомство с потомками генерала в Черногории и новые архивные находки в фондах Российского государственного военно-исторического архива позволили по-новому осветить этот сюжет.

Весьма разветвленный черногорский род Бакичей происходил из села Забрдже близ города Андриевица, расположенного в горном и удаленном от адриатического побережья районе на северо-востоке Черногории (Горное Полимлье). Сегодня две трети жителей Забрдже составляют представители рода Бакичей. Бакичи принадлежали к черногорскому племени Васоевичей. Основателем рода считается Бака, живший в XVIII в. Наиболее яркими представителями этого рода были председатель Великого суда и министр юстиции в кабинете премьер-министра Черногории (1913-1914) Янко Вукотича, – Любомир Аксентиев Бакич (1877-1925); профессор семинарии в Цетинье, а позднее

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)».

черногорский дипломатический представитель в Константинополе Митар Зариин Бакич (1852-1903)², и, наконец, родственник последнего, – русский генерал Андрей Степанович Бакич³.

31 декабря⁴ (по другим данным – 30 декабря⁵) 1878 г. в селе Забрдже родился Андрия или Андро (Андрей) Бакич. Эта ветвь рода Бакичей произошла от старшего сына Бака – Вука Бакина, отличившегося в борьбе с турками. Сын Вука Арсений и внук Милутин также были воинами и земледельцами. Отцом генерала был внук Милутина Стефан Вукотин Бакич – земледelec и храбрый воин, участник освободительных войн второй половины XIX в.⁶

Андрия окончил начальную школу в Андриевице и шесть из восьми классов 3-й короля Александра I гимназии в Белграде. По семейному преданию, в Белград он попал через Крагуевац⁷. В показаниях перед судебным процессом 1922 г. Бакич отметил, что будучи гимназистом участвовал в национальном движении⁸. В документах, относящихся к тому периоду его жизни, Бакич, по ошибке школьной администрации, был записан сербом⁹ (вплоть до XX в. черногорцы не отделяли себя от сербов, и подобная подмена могла быть в порядке вещей), однако остаться жить на родине ему было не суждено.

На Ивандан, 24 июня 1899 г., было совершено покушение (Иванданский атентат) на главнокомандующего сербской армией, проавстрийски настроенного экс-короля Сербии Милана Обреновича (1854-1901). Король и его адъютант получили ранения¹⁰. Ответственность за покушение была возложена на оппозиционную сербскую Народную радикальную партию, лидеры которой во главе с Николой Пашичем после покушения были арестованы¹¹. Их причастность к покушению доказана не была, но Пашичу пришлось возложить вину на себя и своих соратников. Король Милан настаивал на казни радика-

*Генерал Андрей Степанович
Бакич*

лов, однако против такого наказания решительно выступила Россия. Непосредственный участник покушения солдат Кнежевич был казнен¹². Ранее считалось, что в причастности к этому покушению был обвинен и еще совсем молодой Бакич, высланный за это из страны. Однако обнаруженные документы позволяют снять это обвинение с Бакича, поскольку тогда из сербских учебных заведений были удалены вообще все черногорцы. Из Сербии Бакич отправился в Константинополь, к своему дяде. В столице Османской империи в конце XIX в. жизненные перспективы для молодого честолюбивого черногорца были минимальными. Неудивительно, что вскоре Бакич отправился искать счастья в Россию, в Одессу.

Свет на обстоятельства экстрадиции Бакича проливает документ из фондов РГВИА. 22 декабря 1899 г. сотрудником Российского посольства в Константинополе действительным тайным советником И.А. Зиновьевым на имя военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина было направлено письмо: «Милостивый государь Алексей Николаевич, Пребывающий здесь черногорский посланник Г. Бакич¹³ обратился ко мне с просьбой исходатайствовать для его родственника, бывшего ученика 7го класса Белградской гимназии, черногорского подданного Андрея Степановича Бакича зачисление его в Одесское юнкерское училище.

Андрей Бакич должен был покинуть Белградскую гимназию вследствие последних событий в Сербии и сделанного сербским правительством распоряжения об удалении из школ королевства всех уроженцев Черногории, в коих означенное правительство усматривает врагов существующего ныне в Сербии порядка вещей.

Принимая в соображение как это обстоятельство, так и отличные отношения в которых находится ко вверенному мне посольству черногорский посланник Бакич, я позволяю себе представить его ходатайство в пользу его родственника на благосклонное усмотрение Вашего Высокопревосходительства и покорнейше просить Вас не отказать во внимании к нему и в сообщении мне Вашего заключения.

Прилагая при сем выданное Андрею Бакичу из Белградской гимназии свидетельство о прохождении им курса 6го класса, пользуюсь настоящим случаем, чтобы возобновить Вашему Высокопревосходительству уверения в отличном моем уважении и искренней преданности. И. Зиновьев»¹⁴.

Куропаткиным была наложена резолюция: «Гл[авный] шт[аб]. Надо помочь. Прошу рассмотреть. 30/12». Император Николай II 19 янва-

ря 1900 г. собственноручно написал, что согласен на зачисление Бакича в училище¹⁵.

В докладе по Главному штабу от 18 января 1900 г. было отмечено: «Ходатайство действительного тайного советника Зиновьева полагалось бы возможным удовлетворить, приняв А. Бакича в Одесское юнкерское училище, с предварительным зачислением его в один из пехотных полков округа.

В соответствии с Высочайшим соизволением, последовавшим в 16 день августа 1894 года, содержание Бакича в училище полагалось бы принять на счет казны и по окончании им курса прикомандировать на один год для изучения службы к полку, с тем, чтобы, удостоившись производства в подпрапорщики, он носил черногорскую форму...»¹⁶.

При поступлении на русскую службу Бакич «присягал на верность службы, что же касается до присяги на подданство России, то таковую не принимал»¹⁷, формально оставаясь черногорским подданным. По всей видимости, он рассчитывал вернуться на родину, когда обстановка там изменится, и никак не предполагал, что на всю дальнейшую жизнь свяжет свою судьбу с приютившей его далекой страной и даже сыграет значимую роль в ее истории.

Примечания:

¹ Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; *Он же*. Црногорац у служби Русије: генерал Бакић. 2 исправљено и допуњено издање. Никшић, 2009; *Он же*. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; *Он же*. Андрия Бакич: черногорский белый генерал // Россия и Черногория: вехи истории. Родина. Российский исторический журнал. Специальный выпуск. М., 2006. С. 80-83; *Он же*. Черногорский русский генерал Андро Бакич // Свой. Журнал Никиты Михалкова. 2008. № 7. С. 58-63; *Он же*. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2001. С. 239-268; *Он же*. Урянхайский поход Бакича // Родина. 2014. № 7. С. 52-58; Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891-1945 гг. М. 2007. К сожалению, мои работы по этой тематике в последние годы подверглись плагиату. Так, из 213 страниц кандидатской диссертации В. В. Марковчина не менее 51 страницы (Марковчин В.В. Деятельность русской военной эмиграции в Северо-Западном Китае: 1920-1926 гг. Дисс. к.и.н. Курск. 2010. С. 28-30, 45-47, 92-109, 150-163, 180-192) целиком или, в редких случаях, отдельными абзацами позаимствованы из моей монографии о генерале Бакиче (Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М. 2004. С. 3, 99-100, 114-122, 125-129, 131-143, 151, 159-162, 166-169, 171-174). Не исключено, что в работе Марковчина присутствуют и другие заимствования, однако их выявление требует более детальной проверки его диссертации.

² Подробнее см.: Митар Бакић. Државник, дипломата, историчар, теолог. Андријевица, 2004.

- ³ *Мартиновић Д.* Генерали из Црне Горе у руској војсци. Подгорица, 2002. С. 161.
- ⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 11637. Послужной список 281-819 (1913 г.). Л. 22об.
- ⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 30446. Л. 692.
- ⁶ *Бакић Р., Бакић М.* Бакићи васојевићко братство из Забрђа. Подгорица, 2006. С. 93-97, 212-214.
- ⁷ Бакић Р. Вријеме трагања. Андријевица, 2004. С. 168.
- ⁸ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 31.
- ⁹ *Мартиновић Д.* Указ. соч. С. 162.
- ¹⁰ *Мишић Живојин.* Моје успомене. Београд, 1984. С. 174.
- ¹¹ *Шемякин А.Л.* Никола Пашич // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 78.
- ¹² *Мишић Живојин.* Указ. соч. С. 175.
- ¹³ Так в документе. Речь идет о Митаре Бакиче.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5/929. Д. 117. Л. 1-2.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Л. 4.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11637. Л. 5.

Кузнецов В. А. (г. Челябинск, Россия)

ПРАВОСЛАВИЕ И ИНОРОДЦЫ. МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННИКОВ В ИНОРОДЧЕСКИХ ПРИХОДАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Миссионерская¹ деятельность православных священников имела перед собой задачу разъяснения просвещаемым народам истин христианской веры, воспитания у них религиозного образа жизни и общения людей к жизни в христианской общине. На этой основе проводилось религиозно нравственное воспитание приобщенных к христианству иноверцев.²

В Оренбургской епархии в XIX в. приходы с инородческим населением разделялись на три группы: 1) казачьи приходы, в которых проживали крещеные татары (нагайбаки и бакалинцы). Они жили в поселке Нежинский (Оренбургский уезд), станице Ильинской и поселке Подгорный (Орский уезд), в поселках Парижский, Требиатский, Фершампенуазский, Астафьевский, Остроленский и Кассельский (Верхнеуральский уезд), Краснокаменский, Ключевский и Болотовский (Троицкий уезд); 2) приходы с чувашским населением: село Кривле-Илюшкино с хуторами Павловским и Михайловским, с. Уралка, хутор Зитебулагский Оренбургского уезда, село Бердяш и поселок Алексеевский Орского уезда. Следует заметить, что эти чувашс-

кие приходы, кроме Алексеевского, не были казачьими в отличии от других инородческих приходов; 3) приходы, основное население которых составляли крещеные калмыки, жившие в станице Великопетровской и поселках Тарутинский, Толстинский, Елизаветпольский, Варшавский, Кулевчинский, Бородинский, Лейпцигский, Чесменский, Березинский, Натальинский, Амурский, Измаильский Верхнеуральского уезда, поселок Веринский, Нижне-Санарский, Аландский, Андрианопольский и Кульмский Орского уезда. Важно отметить, что приходы, в которых проживала мордва не выделялась в инородческий разряд, так как «мордва по внешности, по образу жизни и вере почти не отличались от русских».

В основном крещеные, жившие в крае, принадлежали к казачьему сословию Оренбургского войска и в некоторых приходах они жили сплошной массой (в Парижском, Фершампенуазском, Остроленском и Кассельском поселках), в остальных же поселках было смешанное население. Крещеные татары Оренбургского, Орского, Верхнеуральского уездов были известны под именем «нагайбаков», а крещеные татары Троицкого уезда – «бакалинцев». Те и другие получили свое названиям мест своего прежнего жительства в Нагайбацкой и Бакалинской крепостях, основанных в крае в XVIII в.³

Так как все мужчины этих общин служили в казачьем войске, то они вследствие этого довольно хорошо говорили по-русски. Женщины в этих поселках почти не понимали и большей частью не говорили на русском языке. Отсюда вытекала необходимость вести беседы с прихожанами и часть богослужения совершать на татарском языке для их религиозного просвещения.

В Оренбургской епархии отдельные церковные приходы для крещеных татар стали открываться лишь в середине 80-х годов XIX века, а до этого они были приписаны к приходам других станиц и поселков далеко отстоявших от их селений. Например, поселок Фершампенуазский находился от ближайшей церкви в 60 верстах, Парижский – в 30 верстах.⁴ Поэтому храмы большинства прихожан посещали редко, многие прихожане годами таинства святого причастия не исполняли и не исповедывались. Некоторые нагайбаки не умели даже осенять себя крестным знаменем, не носили на груди креста, перед принятием и после принятия пищи не имели обычая совершать молитву. Русские поселки они посещали довольно редко, поэтому и не обрусели. В воскресные и праздничные дни в храмы не ездили, посты не соблю-

дали, молебнов не служили. Они сохранили некоторые полуязыческие обряды и обычаи, например, жертвоприношение. Тайно соблюдали татарскую уразу.

Кроме того, нагайбаки имели тесные связи с киргизами (казахами), так как свой домашний скот отдавали пасты киргизам и вследствие этого вступали с ними в частые отношения. И киргизы часто бывали у нагайбаков. У каждого состоятельного казака-нагайбака имелись работники из башкир. Они (киргизы и башкиры) и оказывали мусульманское религиозное влияние на нагайбаков.

Для того, чтобы устранить такое положение дел, священниками этих приходов стали назначать выходцев из татар, хорошо знавших татарскую бытовую культуру, язык. Часть священников были подготовлены из самих нагайбаков. Готовились священники на миссионерских курсах Казанской духовной семинарии. Именно новое поколение священников стало нести знамя христианской веры на татарском языке. К началу XX века во всех нагайбацких приходах были выстроены церкви.

Одним из самых эффективных средств религиозного просвещения и образования инородцев являлась школа, но, к сожалению, казачьи школы не могли похвастаться хорошей постановкой обучения Закону Божьему и церковного воспитания. Главный недостаток казачьих школ состоял в том, что они содержались на скудные средства станичных обществ. Учителя получали маленькое жалованье (от 40 до 70 руб. и 50-60 пудов хлеба). На такое жалованье нанять специально подготовленных, имеющих хорошее образование учителей было трудно. Поэтому в основной своей массе учителями казачьих школ становились бывшие ученики этих школ. Об этом же писал историк Оренбургского Войска Н. Севастьянов: школ казаки понастроили хороших дорогих, но учебные занятия в них нельзя назвать удовлетворительными: не смотря на свою длинную историю (1819-1895гг.), казачьи школы до сих пор не имеют удовлетворительного учительского персонала.⁵ Об этом же писалось в одной из заметок «Самарского вестника»: «Насчитывая за собою десятки лет прошлого и целую четверть обязательности для всех детей 8-9 летнего возраста, школьное образование в войске поставлено очень не завидно».⁶ Возникла проблема повышения образовательного ценза учителей школ в поселках с инородческим населением. Кроме того, в казачьих школах недооценивалось то обстоятельство, что в школу ходили дети инородцев, сла-

бо знающие и, иногда совсем не понимающие русский язык, а все обучение в течение 6 лет велось только на русском языке. Часто оно заключалось преимущественно в механическом заучивании без понимания того, что преподается. Такой метод обучения приводил к слабому религиозному воспитанию учеников, так как «механическое» усвоение молитв, заповедей не приводило к твердым убеждениям верующего человека и через некоторое время ученики забывали основное содержание церковного учения. Получалось, что дети инородцев вступали в жизнь, имея слабое представление о самых первоначальных истинах веры.

Именно поэтому с 80-х годов XIX века епархиальное начальство обратило внимание на необходимость миссионерской работы среди инородцев. Конкретную миссионерскую деятельность организовали Оренбургское Михаило-Архангельское братство и Оренбургский епархиальный Комитет Православного Миссионерского Общества.

Михаило-Архангельское братство на свои средства содержало 13 церковных школ в инородческих приходах.⁷ Заботой епархиального и губернского начальства являлось утверждение христианства среди крещеных инородцев, строительство в инородческих приходах молитвенных домов и храмов, назначение в эти приходы церковных служителей из инородцев, открытие новых школ и поддержание существующих. К концу XIX века были выстроены и освящены православные храмы в поселках Болотовском, Фершампенуазском и Подгорном, молитвенный дом в поселке Астафьевском.

Всего в 16 инородческих поселках было 25 школ различных ведомств. В них обучалось 1499 детей (993 мальчика и 506 девочек). В том числе 318 русских мальчиков и 189 девочек, мальчиков-нагайбаков – 614, нагайбачек – 291, чувашских мальчиков – 60, девочек – 26, мордвин – 1. В числе учеников были и дети отпавших в ислам – 20 мусульманских мальчиков и 5 детей раскольников.⁸ Обучение в инородческих школах велось по системе Н.И. Ильминского и продолжалось 4-6 лет. Дети казаков, как и мальчики, так и девочки с 9 до 15 лет обязаны были учиться в школах. Занятия во всех церковных школах начинались 1 октября и заканчивались в мае в день праздника св. Кирилла и Мефодия. Основными предметами обучения в инородческих школах являлись Закон Божий, славянское и русское чтение, церковное пение. Заведующими, законоучителями, учителями и учительницами инородческих школ в большинстве приходов стали лица из самих инородцев. Они имели миссионерскую подготовку. Например,

все нагайбакские приходы были объединены в особое благочиние, и управлялось благочинным из новокрещенных татар, закончившим Казанскую инородческую семинарию.

Миссионерская деятельность православной церкви осложнялась мусульманской пропагандой среди крещеных татар, особенно отчуждение от православия в ислам проявлялось в поселке Нежинском, станице Ильинской, поселках Подгорном и Требиатском. Так, к 1911 году в поселке Нежинском перешли из православия в ислам 227 человек, православных татар осталось 34 человека⁹ (отошедшие от православия составили отдельный, как тогда называли, «мухаммеданский» приход и построили свою мечеть в 1907 году на средства оренбургского купца Хусаинова, он также построил школу).

Следует также отметить такой факт, что все же к православному священнику отпавшие от христианства татары относились с уважением и даже часто обращались к нему за советом по житейским делам. С остальными православными татары-мусульмане жили мирно. Многие казаки поселка, перейдя в ислам, так до конца порвать с христианским образом жизни не смогли, продолжали носить русскую одежду, говорили между собой по-русски, называли себя прежними христианскими именами и даже праздновали некоторые православные праздники.

Священники принимали меры по противодействию мусульманской пропаганде и укреплению крещеных татар в христианской вере. Прежде всего, проводились беседы с казачьим населением о превосходстве христианства над исламом. В долгие зимние вечера в домах казаков по очереди устраивались чтения из священной истории, жития святых и катехизиса на татарском языке. Грамотным жителям раздавались книжки на татарском и русском языке, издаваемые на средства миссионерского общества. Священникам приходилось в обязанность посещения домов крещеных татар в дни престольных праздников для бесед о вере. Церковным пастырям рекомендовалось убеждать население в проповедях в церкви, а на казачьих сходках относиться к крещеным татарам, а также отпавшим в ислам вежливо и с христианской любовью, не допуская вражды между верующими различных конфессий.

Организовывалась материальная помощь бедным крещеным татарам из сумм епархиального миссионерского Комитета Православного общества. Только для бедняков Нежинского поселка в 1911 году было отпущено для пособий 70 рублей серебром.

В результате противомусульманской пропаганды были случаи перехода из ислама в православие. Так в Нежинском поселке в лоно христианства вернулось семейство казака Михаила Уряшева (9 человек).

В Ильинской станице к началу XX века осталось только пять семейств крещеных татар, да и те являлись ими только номинально. Носили татарские одежды, домашняя обстановка не походила на христианскую. В обществе русских они исполняли христианские обряды, среди магометан - мусульманские (в станице до 100 домов принадлежало мусульманам).

В поселке Подгорном, который считался беднейшим инородческим приходом, в начале XX века насчитывалось 106 семей русских, 35 семей крещеных татар, из которых 25 человек перешло в мусульманскую веру. Объектом миссионерской деятельности являлся и Требиатский поселок, в котором проживало около тысячи крещеных татар, 316 русских, 115 татар и 140 бывших крещеных татар, отпавших в ислам. Положение осложнялось сильным мусульманским влиянием татар, которые работали на золотых приисках близ поселка, особенно много их собиралось в летнее время. Для удовлетворения религиозных нужд рабочих купец Рамеев построил для своих единоверцев на приисках мечеть и школу. Они стали очагами мусульманской пропаганды среди крещеных татар Требиатского поселка.

Одним из средств противомусульманской миссионерской деятельности была бесплатная раздача прихожанам книг и листов религиозно-нравственного содержания. Они выписывались на средства Миссионерского Комитета и Михаило-Архангельского братства из Казанской переводческой комиссии (в некоторые годы выписывали до 1500 экземпляров). В первый раз нагайбаки стали читать переводные книжки в 1871 году, когда в поселок Фершампенуазский назначили из Казани учителем крещеного татарина Игнатия Тимофеева. Вначале по этим книжкам учили детей, затем переводные книжки стали читать грамотные взрослые казаки. Учитель Тимофеев в воскресенье собирал в школе взрослых нагайбаков, читал им отрывки из священной истории на их родном языке, объяснял молитвы, заповеди, начал обучать детей пению. И вот, настало время, когда нагайбаки в первый раз слышали церковное пение на родном им языке в исполнении своих детей. Для родителей это было большим утешением.

С 1880 года в поселке Остроленском богослужение стало совершаться частично на татарском языке, так как И. Тимофеева назначили свя-

ценником в этот приход. В результате этого нагайбаки стали постепенно лучше воспринимать слово Божье и чаще посещать храмы и соблюдать святыя таинства.

Миссионерская деятельность проявлялась и в организации религиозно-нравственных чтений (народных чтений), которые устраивались в воскресные и праздничные дни после вечерни в школьных помещениях или в храме. Чтения начинались и заканчивались общим пением молитвы. В ходе чтений и вне богослужебных беседований объяснялись молитвы, песнопения православной церкви, содержание богослужения; рассказывалась история русской церкви, читались жития святых, а также рассказы религиозно-нравственного содержания. Эта воспитательная форма получила широкое распространение в приходах.

Учитывая важность дальнейшего развития миссионерской работы с инородческим населением в Оренбургской епархии в 1900 году был образован Богодуховский миссионерский стан, расположенный в 5 верстах от Оренбурга. Основной задачей миссионерского стана являлось религиозно-нравственное просвещение крещеных инородцев и «привлечение инородцев мусульман в лоно русской гражданственности».¹⁰ При стане создали школу для обучения православных инородческих детей. Целью школы было поднятие умственного и религиозно-нравственного уровня крещеных инородцев Оренбургского края (нагайбаков, чувашей, мордвы, калмыков) путем образования вообще, и в частности, подготовки кандидатов на должности учителей в церковно-приходские школы и псаломщиков в церковные приходы епархии с инородческим населением. Сама эта школа помещалась в каменном трехэтажном здании, построенном в 1903 г. на средства Православного Миссионерского Общества.

Епархиальное начальство уделяло особое внимание организации работы стана и назначило руководителями опытных и грамотных специалистов. Так заведующим станом и школой был назначен священник Николай Крамаренко, окончивший курс учительской семинарии и миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии по татарскому отделу. В школе преподавали три учителя. Сам заведующий был законоучителем в школе, он же преподавал татарский язык, вероучения и обличение «мухамеданства». Предметы обучения программы второклассных школ были поделены между преподавателями следующим образом: старший учитель М. Пушкин учил русскому и славянскому языку, грамматике; учитель И. Кузнецов преподавал ариф-

метику, геометрию, физику, естествоведение, гигиену, чистописание; Г. Петров – русскую историю и церковное пение, он же был регентом школьного хора. Судя по отчету о работе школы за 1913-1914 учебный год, в школе обучалось 62 мальчика, из них в I классе – 22 ученика, во II – 19, в III классе – 8 и в образцовой школе – 13 учеников. Среди учеников школы русских было – 23 ученика, нагайбаков – 34, чувашей – 9, мордвы – 4 и калмык – 1. При школе было построено общежитие для учеников на 40 мест (25 мест содержались на средства св. Синода и 14 мест на средства Оренбургского Комитета Миссионерского общества, в основном на доходы от аренды домов, завещанных в пользу Комитета вдовой казачьего офицера полковника М.Я. Новокрещеннова. На полном обеспечении (казеннокоштные) содержалось 38 учеников, полустипендиатов было – 2, своекоштных (с платою по 50 руб. в год и с правом пользования столом, учебниками и письменными принадлежностями) – 16 учеников, приходящими на занятия являлись 6 учеников. Первый выпуск из этой школы был осуществлен в 1904 году, и с этого времени в инородческих приходах появились новые специалисты, обладавшие знаниями и навыками миссионерской работы.

Чуваши в оренбургской епархии официально все исповедовали православие. Их поселения были расположены среди башкирских сел, население которых являлось мусульманским. Пока не были открыты церковные приходы в их селах, они только числились христианами, оставаясь по своей религиозной культуре язычниками. Чуваши совершали свои общественные моления в особых рощах, приносили жертвы своим божествам.

Для того, чтобы утвердить этих инородцев в христианской вере епархиальное начальство усилило проповедническую деятельность среди чувашей. Организовывало в их приходах внебогослужебные собеседования и чтения по специальной программе на их родном языке. Затем на средства Михаило-Архангельского братства в конце 80-х годов XIX века в чувашских селах стали строиться церковно-приходские школы, учителей для школ готовили в Симбирской чувашской учительской школе. Например, заведующим двух школ Кривлеильюшенской и Новоамекескинской был приходский священник Фома Аксинский, чуваш, получивший образование в Симбирске, учителем был Павел Портнов, также закончивший курс в Симбирске. По сведениям из отчетов епархиального начальства в начале XX века чувашши почти перестали совершать религиозные общественные язычес-

кие обряды, стали охотно посещать храмы и исполнять обряды православной церкви, принимать святое причастие и исполнять долг исповеди. Чуваши, сознавая пользу образования, все с большим желанием стали отдавать своих детей в церковные школы для обучения грамоте в духе христианской веры.

Поселки с калмыцким населением в Оренбургской губернии появились в 1844 г. В 1842 году правительство упразднило Ставропольское калмыцкое войско. Калмыки были зачислены в Оренбургское казачье войско и переселены на территорию новой пограничной линии, простирающейся от Орской крепости до г. Троицка. Эти новые казаки в числе 777 семейств (3336 душ)⁴¹ были расселены по казачьим поселкам совместно с русскими, чтобы они быстрее усвоили христианский образ жизни.

К концу XIX века калмыки занимались преимущественно земледелием, вели оседлый образ жизни, их домашний быт ничем почти не отличался от домашнего устройства русских. Они настолько обрусели, что по разговору их нельзя отличить от русских, но язык свой не утратили и между собой разговаривали по калмыцки.

Калмыки хранили обряды ламаизма, наряду с исполнением христианских обрядов поклонялись своим божествам. Их характеризовала внешняя принадлежность к православной церкви; к священникам обращались редко, исполняли не все таинства, лишь крестили младенцев, венчались в церкви и отпевали умерших. Дети школьного возраста, не смотря на обязательное требование к казачьему сословию ходить в храм, часто отказывались от этого, ссылаясь на запрет родителей. Постов калмыки не соблюдали. Зато праздновали день Бурхана в первую неделю пасхального поста. В день праздника калмыки собирались в одну избу и совершали свое молебствие, затем продолжалось поголовное пьянство, соблюдали обряд поедания умершего скота. После 1905 года с объявлением указа о веротерпимости почти все калмыки перешли обратно в ламаизм.

Миссионерская деятельность среди калмыков проводилось слабо из-за отсутствия священников знающих языки монгольских наречий. Таким опытом работы обладал лишь священник Кулевчинского поселка Верхнеуральского уезда о. Иоанн Харитонов, 14 лет работавший миссионером в Забайкалье среди бурятского населения и по роду службы знавший и монгольский язык, и религию ламаизма. В Кулевчинском поселке также имелись калмыки, отпавшие от христианства

(120 чел.).¹² В первую очередь священник о. Иоанн при помощи окрестного миссионера основал церковно-приходскую школу для детей калмыков, понимая, что необходимо готовить молодое поколение верующих во Христа калмыков. Занятия в школе вели члены церковного причта. Им же был организован миссионерский кружок для оказания материальной и нравственной поддержки нуждающимся калмыцким семьям.¹³ В результате успешной просветительской работы о. Иоанна часть калмыков вернулась в лоно православия. Но калмыки проживали в 21 населенном пункте епархии, и так как не было миссионеров – специалистов ведущих работу среди калмыков, то уже к 1911 году до 400 калмыков отпало от православия.¹⁴

Озаботившись таким религиозным состоянием калмыков, епархиальное начальство стало предпринимать некоторые меры по религиозному воспитанию калмыков. Стали переводить на калмыцкий язык догматы православия, описания богослужебных обрядов и их значение. Все же работа по религиозно-нравственному воспитанию калмыцкого казачьего сословия велась вяло, затем этой специальной работе с верующими помешала 1 мировая война.

К началу XX века в Оренбургской епархии сложилась стройная система миссионерско-просветительской деятельности среди инородческого населения края. Основная организаторская работа проводилась усилиями оренбургского комитета Православного миссионерского общества под руководством Епископов Оренбургских и Уральских. О важности миссионерской деятельности свидетельствовал и тот факт, что в состав комитетов Православного общества и Михаило-Архангельского братства всегда входили оренбургские губернаторы.

Благодаря строительству храмов и церковных школ в инородческих приходах и организации богослужений в церквях и обучения в школах на родных языках инородцев усилилось христианское влияние на них. Усилившийся авторитет священников, говорящих с инородцами на их родном языке, позволил улучшить активность просветительской и противоисламской пропаганды в инородческих приходах.

Примечания:

¹ От: миссия (свидетельство) – проповедь для пробуждения веры, которая заключается в провозглашении Благой вести всему миру: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Евангелие от Марка 16, 15); «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что

Я повелел Вам» (Евангелие от Матфея, 19, 20). Она направлена на спасение каждого человека.

² Подробнее о содержании религиозно-нравственного воспитания и религиозной ситуации в Оренбургском крае и Оренбургском казачьем войске см: Кузнецов В.А. Религиозно-нравственное воспитание оренбургского казачества. //Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура: Сб. науч. тр. /Под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск, 2001. С.75-96; Кузнецов В.А. Церковная жизнь в Троицкой крепости / Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Сб. науч. тр. Челябинск. 2001; Кузнецов В.А. Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственное воспитание оренбургского казачества. Челябинская область: Энциклопедия. Т. 4, М-О. Челябинск, 2005; Кузнецов В.А. Религиозная ситуация в Уральском и Оренбургском казачьих войсках в XIX веке. / Жизнь в истории: сб. науч. ст. к 85-летию проф. Андрея Петровича Абрамовского. - Челябинск, 2009; Кузнецов В.А. «...Единственное утешение, прибежище и надежда солдата во всех опасностях». Традиции православия и ислама в русской армии / Гороховские чтения: материалы пятой региональной музейной конференции. – Челябинск, 2014; Джунзузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века) – Оренбург, 2014; Основным направлением нравственного воспитания казаков из иноверцев являлось формирование у него патриотических чувств, готовности к защите Отечества. Казаки воспитывались в духе сознательного отношения к выполнению своего воинского долга, защиты чести и достоинства казачьего звания, гордости за принадлежность к войсковому сословию.

³ Священник Ф. Альметев (из нагайбаков) в одной из заметок пояснял происхождение крещеных татар–нагайбаков. Из мусульман в православие они были обращены в XVI веке после взятия Казани. Как значилось в памятной записи его прадеда есаула Альметева «в 1748 году декабря 10-числа предки наши поверстаны в Оренбургские казаки из есашных крестьян новокрещен» Они жили в Нагайбацкой крепости и селе Бакалы, в которых были открыты станичные правления: а казаки принадлежащие к станице Нагайбацкой стали наименоваться «казаками-нагайбаками», а принадлежащие к станице Бакалинской – «бакалинцами». Казаки из этих двух станиц в 1842 г. были переселены на новую пограничную линию. (См.: Оренбургские епархиальные ведомости. 1911. № 49. С. 1097-1099)

⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 21. С. 836.

⁵ Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819-1895 гг.: (Краткий исторический очерк). Составил подъяесаул С.Н. Севастьянов. – Оренбург, 1896. – С. 37.

⁶ Самарский Вестник. 1897. № 40.

⁷ Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 1. С. 7.

⁸ Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 21. С. 262.

⁹ Оренбургские епархиальные ведомости. 1912. № 36-37. С. 392.

¹⁰ Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. № 23-24. С. 12.

¹¹ К началу XX века калмыков в Оренбургском казачьем войске осталось 1075 человек обоого пола.

¹² Оренбургские епархиальные ведомости, 1915. № 21-22. С. 7

¹³ Оренбургские епархиальные ведомости, 1915. № 23-24. С. 9

¹⁴ Оренбургские епархиальные ведомости, 1915. № 21-22. С. 8

**ДРУГ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО –
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БОБОРЫКИН –
ОРЕНБУРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР И НАКАЗНОЙ АТАМАН
ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В 1865–1875 ГОДАХ**

Константин Николаевич Боборыкин родился 10 декабря 1829 года в дворянской семье в Ярославской губернии.¹ Окончил курс в Михайловском артиллерийском училище по второму разряду. Был произведен в прапорщики 26 мая 1849 года с назначением в 8-ю конно-артиллерийскую батарею. Участвовал в войне против венгров, но в сражениях быть не довелось. В 1851 году был назначен бригадным квартирмейстером 4-й конно-артиллерийской бригады, в 1852 году — бригадным адъютантом, в 1854 году — старшим адъютантом начальника артиллерии 3, 4 и 5-го пехотных корпусов. Участвовал в войне 1854–1856 годов, 4 марта 1854 года за отличную храбрость при форсировании Дуная у крепости Браилова получил орден Св. Анны IV степени, «за отличие в сражении» произведен был в поручики 4 апреля 1854 года. За отвагу при осаде крепости в Силистрии с 5 по 10 мая 1854 года награжден орденом Св. Анны III степени с бантом.

В 1855 году Боборыкин был определен адъютантом к начальнику штаба артиллерии Южной армии и Конно-сухопутных и морских сил в Крыму Н. А. Крыжановскому.² За отличие в сражении 12 мая 1855 года произведен в штабс-капитаны; 8 июля 1855 года за отличие при обороне Севастополя получил орден Св. Владимира IV степени с мечами; за отличное мужество в бою при реке Черной награжден орденом Св. Станислава II степени с мечами (22 сентября 1855 года).

В Севастополе К. Н. Боборыкин познакомился с Л. Н. Толстым, принимавшим участие в Крымской войне. По словам Боборыкина, офицерство нередко в свободные часы собиралось в импровизированном «собрании», помещавшемся в подвальном сводчатом этаже дома, куда приносили письма, газеты, журналы и тому подобное, так что оно было чем-то и вроде клуба. Именно здесь во время чтения повести «Набег», опубликованной за подписью «Л. Н.» в «Современнике» (1853), состоялась первая встреча с молодым автором. Он вошел в «собрание» в тот момент, когда восторженные слушатели делились своими впечатлениями от повести. Молодой артиллерист отрекомендовался графом Толстым, переведенным с Кавказа. Тогда офи-

Боборыкин Константин Николаевич - Оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ генерал-лейтенант (1865 – 1875)

церы ему сказали: «Вот Вы с Кавказа, а не знаете ли, кто это у Вас там так прекрасно пишет?» К немалому восторгу и изумлению присутствовавших, Толстой признался, что это он автор «Набега».³ Еще раз встретиться с будущим великим писателем К. Н. Боборыкину довелось в осажденном Севастополе, когда вместе с товарищем он приходил на позицию Л. Н. Толстого.⁴

После окончания Крымской войны, по зачислении в полевую конную артиллерию, Боборыкин был прикомандирован для письменных занятий к штабу генерал-фельдцейхмейстера — Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича. В июне 1857 года находился в саперном лагере под Петергофом «для производства опытов при взрыве

минной галереи». После их завершения осматривал вооружения и склады артиллерийского имущества Кронштадтской крепости.

Шестнадцатого августа 1857 года Боборыкин был отмечен орденом Св. Станислава II степени с императорской короной, а 8 сентября 1859 года произведен в капитаны. Состоял при графе Н. П. Игнатьеве во время его экспедиции в Китай (по закреплению за Россией Амура и Уссурийского края). Видимо, из-за «специфичности» участия в миссии Игнатьева об этом периоде в послужном списке К. Н. Боборыкина сказано, что «с 17 ноября 1859 года по 7 октября 1860 года находился в 11-месячном отпуске».⁵

В 1861 году Боборыкин был назначен консулом в Монголию в г. Ургу. В том же году был произведен в подполковники. Назначение на должность консула могло состояться благодаря рекомендации капитана Льва Федоровича Балюзeka, фронтового друга по обороне Севастополя и службе при штабе генерал-фельдцейхмейстера. Балюзек в 1857–1858 годах побывал в Китае с миссией адмирала князя

Е. В. Пуятин, а в 1861–1863 годах был первым постоянным дипломатическим представителем России в Китае в ранге министра-резидента при пекинском дворе.

Посылая Боборыкина в Ургу, император Александр II выразил надежду на то, что он «постарается поставить место консула в Урге на должную ступень высоты и придать этому посту необходимое значение». В инструкции министра иностранных дел А. М. Горчакова говорилось о том, что консульство должно внушать всем русским купцам в Урге «избегать всяких спорных дел, дабы на первых порах не породить препятствий развитию сухопутной торговли в тамошнем крае».

Относительно монголов рекомендовалось сохранять «самое дружественное обращение, стараясь вселять в них любовь к русским». Однако маньчжурские власти Монголии не хотели менять сложившуюся практику взаимоотношений с кяхтинским пограничным комиссаром и не признавали полномочия русского консула. Пришлось занять выжидательную позицию и вести борьбу за то, чтобы все население Монголии было ознакомлено с условиями Пекинского договора, отменившего запреты на проживание и торговлю русских в Монголии.

По делам службы Боборыкину приходилось уезжать в Пекин, затем вновь возвращаться в Ургу (осенью 1862 года). В апреле 1863 года К. Н. Боборыкин был произведен в полковники, а 18 января 1864 года отчислен от должности консула в Урге и причислен к Министерству иностранных дел.

До 7 апреля 1865 года Боборыкин состоял в распоряжении Главного артиллерийского управления и числился по полевой конной артиллерии, а затем по высочайшему повелению был назначен в распоряжение командующего войсками Оренбургского края (впоследствии округа). Двадцатого мая 1865 года ему было приказано исполнять дела наказного атамана Оренбургского казачьего войска с оставлением по полевой конной артиллерии, а с 8 июня 1865 года — и дела оренбургского губернатора. В эти должности Боборыкин вступил 2 июля 1865 года.

Двадцать седьмого марта 1866 года за отличие по службе Константин Николаевич Боборыкин был произведен в генерал-майоры с утверждением в занимаемых должностях. В период с 1866 по 1868 год Боборыкин неоднократно исполнял дела командующего Оренбургским военным округом и обязанности оренбургского генерал-губернатора, за что был награжден годовым содержанием.

Воспоминания о совместной службе с Боборыкиным оставил Н. Г. Залесов, начальник штаба Оренбургского военного округа в 1868 году. Залесов писал: «Боборыкина я знал давно, наравне с Веревкиным (атаманом уральских казаков) и Балюзekom, управлявшим оренбургскими киргизами, когда они в молодых еще чинах состояли в штабе начальника артиллерии Дунайской армии. Боборыкин был человек хороший, очень не глупый...»⁶

По словам Залесова, они с Боборыкиным усердно занимались снаряжением войск и укомплектований, следовавших из Оренбурга в Туркестан в значительном числе. Осмотрев прибывшие команды, они пришли к выводу, что при стоящих холодах и при неимении в степях жилья необходимо снабдить всех людей полушубками и дать им юламейки и кошму на подстилку по примеру прежних лет. Сделали представление военному министру, но ответа не было, а между тем подходило время отправлять людей, заключены были контракты с возчиками, назначены числа для отправки транспортов, и изменить всю эту процедуру представлялось возможным не иначе, как заплатив контрагентам большую неустойку.

Две телеграммы, посланные по телеграфу, остались без ответа. Началась распутица, почтовое сообщение прекратилось. Тогда Залесов подал письменный доклад и потребовал личного разрешения Боборыкина на расходы из местных сумм. Боборыкин, конечно, опасался получить взыскание за такое распоряжение, но, как главный начальник, рискнул воспользоваться правом принятия экстренных мер. Нарушив существовавшие тогда правила, Боборыкин выделил под свою ответственность более 50 тысяч рублей и не допустил болезней среди солдат, отправлявшихся на службу в Туркестан. А решение, подтвердившее законность действий Боборыкина и Залесова, пришло из столицы только через несколько месяцев...⁷

Большой заслугой генерала Боборыкина можно считать отличную подготовку казаков к участию в боевых действиях. В среднеазиатских походах 1860–1870 годов сотни, батареи и полки Оренбургского казачьего войска проявляли чудеса храбрости и героизма. За плодотворную деятельность на посту оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска Боборыкин был награжден 12 июля 1867 года орденом Св. Владимира III степени с мечами, 20 апреля 1869 года — орденом Св. Станислава I степени с мечами, в 1872 году — орденом Св. Анны I степени, а в 1874 году — орденом Св. Владимира II степени.⁸

Константин Николаевич Боборыкин, по сведениям челябинских историков А. П. Абрамовского и В. С. Кобзова, внес большой вклад в развитие образования казачьего населения. Он активно добивался расширения строительства казачьих школ, содействовал приобретению для школ учебной и иной литературы, занимался вопросами подготовки учительских кадров, оказывал казакам необходимую финансовую помощь.⁹

В 1866 году в Оренбургском казачьем войске было 132 учебных заведения и 136 преподавателей. Число учащихся в пределах войска составляло 3475, вне войска училось 92 человека. Через шесть лет, в 1872 году, число школ возросло в три раза и достигло 422, число учащихся в пределах войска уже составляло 13531, то есть выросло более чем в 4 раза. На 12 казаков войска приходилось по одному учащемуся. Вне войска обучались 25 казаков. В 1876 году в Оренбургском казачьем войске насчитывалось уже 467 школ, из них 321 школа для мальчиков и 146 — для девочек.¹⁰

По настоянию Боборыкина Военный совет 8 апреля 1872 года принял положение «Об отпуске денежной суммы на устройство съездов учителей народных школ в Оренбургском казачьем войске». В положении было определено: «В распоряжение наказного атамана Оренбургского казачьего войска отпускать ежегодно по 3000 рублей на устройство съездов учителей начальных школ, на приобретение образцовых учебников для этих школ и на выдачу наград отличнейшим из учителей».¹¹

Одиннадцатого марта 1875 года Боборыкин был назначен орловским губернатором, числившимся в списках генералов по полевой конной артиллерии. Оренбургские казаки назвали в честь своего бывшего атамана поселок во 2-м военном отделе Оренбургского казачьего войска. В 1879 году К. Н. Боборыкину было присвоено звание генерал-лейтенанта. На посту орловского губернатора он был до 30 января 1888 года.

При активном содействии Боборыкина была открыта Орловская торговая биржа, были построены два первых постоянных моста через реки Оку и Орлик. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) он приложил немало усилий для организации в губернии посильной помощи раненым и больным солдатам. За службу в городе Орле был награжден орденом Белого Орла (1886).

К. Н. Боборыкин был женат на Юлии Сергеевне Кашкиной. Имел пятерых детей. Брат жены, Александр Кашкин, в чине ротмистра в

1865–1868 годах был адъютантом командующего войсками Оренбургского военного округа Н. А. Крыжановского¹² и впоследствии дослужился до чина генерал-майора.¹³

Умер К. Н. Боборыкин 4 февраля 1904 года в Москве. Лев Николаевич Толстой в письме В. В. Стасову от 19 февраля 1904 года из Ясной Поляны написал о смерти Боборыкина: «Как сухие листья осенью, сыпятся мои друзья-сверстники: Боборыкин, Чичерин. Покуда мы с вами держимся на ветке, будем видеться».¹⁴

Погребен Константин Николаевич Боборыкин в Москве на Ваганьковском кладбище.¹⁵

Примечания:

¹ **Боборыкины (Бабарыкины, Бобарыкины)** - русский дворянский род, происходящий от Андрея Ивановича Кобылы, правнук которого, **Федор Андреевич**, стал первым прозываться **Боборык**. А.И. Кобыла был родоначальником русских фамилий: Романовых, Боборыкиных, Шереметевых, Колычевых, Лодыгиных, Коновницыных, Епанчиных, Ляцких, Неплюевых, Яковлевых, Захарьиных и др.

² Семёнов В. Г. Крыжановский Николай Андреевич, оренбургский генерал-губернатор и командующий Оренбургского военного округа в 1865–1881 гг. Оренбургский государственный педагогический университет: история и современность: Материалы XXX преподавательской научно-практической конференции. Т. 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009//.

³ Кашкин Н.Н. «Родословные разведки», т. II, СПб. 1913. С. 558.

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 47. Дневники и записные книжки 1854-1857. М. 1937. С. 257

⁵ ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 7. Л. 1-11.

⁶ Записки Н. Г. Залесова // Рус. старина. № 10. 1903. С. 69-77.

⁷ Записки Н. Г. Залесова // Рус. старина. № 10. 1903. С. 69-77.

⁸ Список генералам по старшинству на 1887. – СПб. 1887.

⁹ Абрамовский А.П. Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. – Челябинск, 1999. – С. 158.

¹⁰ Всеподданейший отчет о действиях военного министерства за 1876 год. СПб. 1878. С. 24.

¹¹ Всеподданейший отчет о действиях военного министерства за 1872 год. СПб. 1874. С. 21.

¹² Семенов В.Г. Н.А. Крыжановский В сборнике: Оренбург – «всем азиатским странам и землям... ключ и врата» Кузнецов В.Н. – Оренбург, 2010. – С. 51.

¹³ Кашкин Н.Н. «Родословные разведки», т. II. СПб. 1913. С. 561.

¹⁴ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двадцати двух томах. Т. 20. Избранные письма 1900-1910. – М. 1984. – С. 563.

¹⁵ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург. 2014. – С. 321.

ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДЕ В. М. ЧЕРЕМШАНСКОГО «ОПИСАНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ, СТАТИСТИЧЕСКОМ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ И ПРОМЫШЛЕННОМ ОТНОШЕНИЯХ»

В 1851 году Учёный комитет Министерства государственных имуществ Российской империи объявил конкурс на лучшее хозяйственное и статистическое описание губерний и уездов по изданной им же программе. Победителей планировалось награждать золотыми и серебряными медалями. Преподаватель сельского хозяйства в Уфимской духовной семинарии Василий Макарович Черемшанский, узнав о конкурсе и решив участвовать в нём, занялся основательным сбором и изучением материалов для задуманной книги об Оренбургском крае. Он объяснил необходимость своей работы следующим образом: «Но так как для составления подробного описания губернии, требуемого программой конкурса, – губернии, столь замечательной по своей обширности, по неисчерпаемым естественным богатствам и разнообразности обитателей, собранных мною сведений было недостаточно, то я не мог не обратиться и к другим, известным уже в печати, источникам»¹.

Структура книги, опубликованной в 1859 году, была predeterminedена программой конкурса. Сначала давалась краткая история Оренбургской губернии, затем характеристика её географического положения, водоёмов, климата, народонаселения, главных отраслей экономики. Значительную часть книги составляло статистическое и этнографическое описание населения, озаглавленное «Разделение жителей по племенам». Таким образом, работа В.М. Черемшанского уже по своей структуре, продолжая традиции, заложенные ещё П.И. Рычковым в «Топографии Оренбургской», являлась не чисто географическим, а историко-географическим, экономико-статистическим и этнографическим описанием обширного края и носила во многом энциклопедически-справочный характер.

«Русское народонаселение Оренбургской губернии – пишет В.М. Черемшанский – состоит из смеси разных выходцев из Великой и Малой России», т. е. русских и малороссов-украинцев². Русских жителей края автор по праву оценил как «господствующее население»

губернии, которое по данным отчёта губернатора за 1850 год составило 2 130 037 человек³. В доказательство этого тезиса В.М. Черемшанский привёл следующие статистические данные: русских в составе населения региона было в 1850 году 1 098 737 душ обоего пола, а «инородцев» (башкир, татар, мещеряков, тептярей, чувашей, черемисов, мордвы, вотяков) в совокупности – 1 031 300 душ обоего пола. Русские, в ряды которых по статистике того времени относили украинцев, по своей численности превосходили в 2,4 раза башкир, в 5,5 раз – тептярей, в 11,1 раза – татар, в 11,2 раза – мещеряков, в 14,2 раза – мордву⁴.

В религиозном отношении русские, в подавляющем своём большинстве были православными христианами, за исключением 17 905 «раскольников разных сект»⁵. Для отправления религиозных обрядов в духе православного вероисповедания в губернии имелись 455 храмов (280 каменных и 175 деревянных), а также 76 часовен, из которых 14 были каменными, а 62 – деревянными⁶.

Размещение русского этноса по территории губернии автор связал с колонизацией края русскими переселенцами, начиная с конца XVI века, со времени присоединения к России Башкирии. Оценивая результаты этой колонизации на середину XIX столетия, он сообщил читателю следующее: «Русское население Оренбургской губернии, происходя из различных краёв нашего обширного отечества, естественно вынесли с собой много особенностей и доселе ещё не слились в одно целое и отличаются между собой и в нравах, и в обычаях, и в самом разговоре. Здесь есть переселенцы Пензенской, Рязанской, Орловской, Тульской, Калужской, Тамбовской, Курской, Смоленской и некоторых других губерний. Они рассеяны по всей губернии и часто перемешаны между собой так, что в одном и том же селении можно найти выходцев из нескольких губерний»⁷.

В разделе «Нравственные качества русских» В.М. Черемшанский, прежде всего, отметил их следующие качества: «Всё Русское население здешнего края отличается более или менее набожностью, честностью, покорностью властям и повиновением в семействах», т. е. послушанием младших членов семьи старшим⁸. По его авторитетному мнению, русские жители вообще, и в особенности Челябинского уезда, население которого было представлено государственными крестьянами, отличаются простотой в общении, бескорыстием, хлебосольством и гостеприимством. «Гостеприимство, – отметил автор, – исполненное неподдельного радушия как наследственная добродетель,

переходит здесь, так сказать, из рода в род и каждый священным долгом считает выполнять все его требования»⁹.

В разделе «Физическое состояние Русского народонаселения» В.М. Черемшанский описывает внешность русских жителей губернии. Они, как правило, среднего роста, сложены пропорционально, не подвержены болезням и хорошо приспособлены к занятию тяжелым физическим трудом. Редко нуждаются в услугах медиков. Русские в разных местах губернии отличаются друг от друга только очертанием лица, носа, глаз и волос¹⁰.

Следующий раздел автор посвятил обычаям и увеселениям русских жителей. Народные обычаи, завещанные предками, они соблюдали свято, так же как и в остальных частях России. В дни отдыха, которые приходились на воскресные и праздничные дни, молодёжь предавалась разным играм и забавам. Девушки водили хороводы, пели песни, катались на качелях. Юноши играли в лапту, в мяч, в карты, чушки, в свайку. Взрослые или сидели у домов на завалинках и беседовали, или ходили в гости и бражничали там за столом. Самым разгульным праздником была масленица, которая справлялась повсеместно, без различия пола и возраста. «К масленице, – отмечает В.М. Черемшанский, – обыкновенно в каждом доме делаются огромные запасы разных разностей – пива, вина, съестных припасов – и в это время пьют и едят напропалую. Старики, пожилые и молодые мужчины и женщины ходят из двора во двор с утра до поздней ночи и угощаются до пресыщения; молодёжь катается и затем, нагулявшись все досыта и распроставшись, по обычаю, с родными и знакомыми, расходятся по домам. С наступлением Великого Поста все деревенские удовольствия прекращаются»¹¹.

К числу разгульных праздников у русских поселян относились ещё и храмовые праздники, отмечаемые в каждом селении особо и продолжавшиеся от трёх и более дней. «...На них крестьяне выказывают свою роскошь и изысканность: в каждом доме, смотря по состоянию, варят пиво, покупают вино, готовят лучшие кушанья и угощаются на славу. На эти праздники собираются гости из соседствующих селений не только родные и знакомые, но и незнакомые; последние, хотя и не пользуются таким почётом, как первые, но, во всяком случае, нагуляются досыта. С утра и до вечера, званые и незваные гости толпами ходят из дома в дом и в каждом – пьют и едят по возможности»¹². Храмовые праздники у русских сельских поселян бывают преимущественно «в осеннее и зимнее время, когда они бывают более

свободны от работ и когда у них скопляются деньжонки»¹³. С большим, или меньшим разгулом, как отметил автор, «отправляются у крестьян свадьбы, крестины и помочи»¹⁴.

Отдельный раздел работы В.М. Черемшанского был посвящён приметам, поверьям и предрассудкам, бытовавшим у русских. Он поделён на соответствующие подразделы. В числе примет есть такие, которые свидетельствуют о наблюдательности местных жителей над особенностями природы и погоды. Например, «если птица не прилетает долго весной, то замечают, что ещё будет холод и снег, а если птица улетает рано осенью, то скоро осенью выпадет снег», «если рано появляются журавли и лебеди, то говорят, что урожай будет самый незавидный», «когда кукушка прилетает рано, то также замечают, что будет неурожайный год», «если осень мокрая, дождливая – то обыкновенно ожидают урожая», «если зимой надувает много сугробов, то будет урожай», «когда прилетают журавли на глубокий снег, то говорят, что будет засушливое лето и голодный год», «ласточки кружатся в воздухе – к дождю», «треск в углах избы зимой – к морозу»¹⁵.

Предрассудки и поверья русских жителей губернии автор связывал с невежеством и бессознательной верой во всякую нелепость, передающейся от одного поколения к другому. Так, например, «многие жители Бирского уезда верят, что грешно есть картофель – потому будто бы, что это яблоко запрещено и проклято», «считают за грех стрелять лебедей, и добавляют, что тот, кто застрелит лебёдку, заплачется в свою жизнь», «замужние женщины считают грехом чесать волосы при чужом человеке и ходить простоволосыми, – обыкновенно говорят, что от этого все волосы вылезут; почему женщину здесь нигде не встретишь с открытой головою», «крестьяне обыкновенно верят в порчу и при некоторых внутренних болезнях прямо жалуются на колдунов, от которых они будто бы страдают», «верят в леших, считая их проклятыми людьми; в колдунов, которые и по смерти могут встать из могил и мстить тем, на кого при жизни имели неудовольствие; избавиться от преследования колдуна можно только тем, если вбить ему в могилу осиновый кол», «в местах, где часто свирепствует повальная болезнь на скот, успели подметить, что продолжительное карканье ворон на чьей либо крыше предвещает тому дому падёж скота», «если женщина беременна мальчиком, то она обыкновенно худеет, а если девочкой, то полнеет»¹⁶.

Особый и обстоятельный раздел своего труда В.М. Черемшанский посвятил жилищам русского населения губернии. В нём автор

пишет следующее: «Избы у Русских крестьян, большей частью, белые – с трубами, печи кирпичные и глинобитные; но во всяком селении встречается много и чёрных или курных изб, исключая селений Челябинского и Троицкого уездов, где курных изб вовсе нет. Так как чёрные избы не имеют труб, то вся внутренность избы обыкновенно скоро коптеет и делается совершенно чёрною, особенно потолок лоснится от сажи, как под лаком; впрочем над челом печи, для выхода дыма, прорубается в потолке отверстие, в которое вставляется деревянная труба»¹⁷. Далее автор описал типичное внутреннее устройство изб. По одну сторону низких входных дверей обычно ставилась печь, от печи до другой стены устраивались полаты, параллельно им над окнами тянулись полки, в переднем углу находилась божница с несколькими иконами. Около топки печи у стены устраивался залавок с кухонными и столовыми принадлежностями. К боку печи от дверей приделывается вход в подполье. Избы нередко делили дощатой перегородкой на две половины. Крестьянские дома, имевшие по два или три жилья, обычно соединяли крытыми сухими сенями, к которым приделывалось крыльцо, крытое или открытое. В сенях между избами устраивали чулан или кладовую для домашних вещей. «Крестьянские строения – отметил автор – вообще все деревянные – из липового, осинового, соснового и елового леса, смотря по тому, какой лес находится под рукой, по преимуществу, из двух первых пород; в безлесных местах, как, например, в уезде Бузулукском или у казаков Уральского войска, жилища делаются мазанковые... Посреди мазанки ставится кирпичная печь...; полом остаётся убитая или смазанная глиной земля. Крыши выводят или соломенные, или деревянные. Надворные строения делаются преимущественно из толстых брёвен, а некоторые только из жердяной изгороди, или плетнёвые, смотря по тому – есть ли вблизи годный для постройки лес...»¹⁸.

Если жильё состояло из одной избы, то к ней пристраивали сени, в которых находилась клеть с крестьянским домашним добром. Под клетью делали погреб, а по бокам сеней устраивали навесы или глухие сараи, в которых хранили сено и солому. К заднему относительно избы двору примыкали гумно и огород. В число хозяйственных строений у русских жителей обязательно входила баня. «Всякий зажиточный поселянин – отметил В.М. Черемшанский – старается иметь собственную баню и строит её или во дворе, или большей частью на берегу реки, или озера; некоторые имеют общие бани, а дру-

гие пользуются только чужими... Некоторые поселяне за неимением бани парятся даже в печах, – для чего обыкновенно кладут в печь лубок или расстилают мокрую солому, отверстие же печи закрывают заслонкой»¹⁹.

Затем автор подробно описал кухонную посуду и другую домашнюю утварь, посетовав попутно на слабое развитие ремёсел в Оренбургском крае, вынуждавшее его жителей самим изготавливать необходимые в повседневном обиходе предметы и вещи. С этой целью в каждой крестьянской семье имелись соответствующие инструменты: у мужчин – топор, скобель, пила, струг, долото, бурав, шило и нож, а у женщин – веретено, пряслица, мялица, мотовило, ткацкий станок с принадлежностями, вязальные и швейные иглы, ножницы и др.²⁰.

Следующий раздел труда В.М. Черемшанского был посвящён повседневной и рабочей одежде русских жителей обоего пола. В состав мужского костюма обязательно входили рубашки (белые и пестрядиновые), порты (преимущественно пестрядиновые), пояс (нитяной, бумажный, шерстяной, а иногда и шёлковый), суконные и войлочные шапки, поярковые чёрные шляпы, суконные фуражки, меховые шапки, шерстяные и кожаные перчатки, меховые рукавицы, лыковые лапти, а в праздничные дни – сапоги, суконный кафтан, подпоясанный кушаком. Одежда женщин состояла из рубашек (белых, холщёвых и пестрядиновых), юбок или сарафанов (холщёвых, ситцевых и шёлковых), разноцветных поясов (бумажных, шерстяных и шёлковых), фартуков, телогреек, платьев, юбок, платков, полукокошников, шалей, шерстяных чулков, кафтанов, шуб (овчинных и мерлушковых), перчаток. Женская обувь была представлена лыковыми лаптями, котами и башмаками (суконными и кожаными)²¹.

Заключительный раздел работы, в части, касающейся русских жителей, автор посвятил их пище. Его он начал следующим тезисом: «Так как Русские крестьяне живут вообще зажиточнее инородцев, то и самая пища у них разнообразнее и лучшего качества»²². В состав блюд традиционно входили щи с мясом, а у бедных – щи, заправленные только луком и сметаной, лапша с мясом или молочная лапша, картофельный суп с курицей, похлёбка с клёцками, разного рода каши (пшённая, гречневая, ячневая и полбенная), заправленные маслом или салом, молоко (кислое и пресное) с пшеничным хлебом. По воскресным и праздничным дням сверх перечисленного готовили рыбные и сдобные пироги с разной начинкой, курники,

жареную баранину и свинину, яичницу, студень, пирожки с разной начинкой, ватрушки, оладьи, а вечером – обязательно пельмени. Запивали киселём (калиновым, гороховым, овсяным, свёкольным или пшеничным), квасом, пивом и перебродившим мёдом (медовухой). В масленицу пекли огромные стопы блинов, готовили сдобные орешки, пироги с рыбой²³.

Таким образом, в работе В.М. Черемшанского приведена обстоятельная и всесторонняя историческая, статистическая и этнографическая характеристика русских жителей Оренбургской губернии в середине XIX столетия, когда они стали численно преобладать на её территории. Со страниц своей книги автор предстает перед читателем вдумчивым и наблюдательным исследователем, получившем за свой труд на объявленном конкурсе заслуженную награду в виде золотой медали.

Примечания:

¹ Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Предисловие. – Уфа: Типография Оренбургского губернского правления, 1859. – С. I.

² Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – С. 200.

³ Черемшанский, В.М. Указ. соч. – С. 113, 118.

⁴ Там же.

⁵ Черемшанский, В.М. Указ. соч. – С. 120.

⁶ Там же. – С. 121.

⁷ Там же. – С. 203.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 204.

¹⁰ Там же. – С. 204–205.

¹¹ храмовые праздники

¹² Там же. – С. 206–207.

¹³ Там же. – С. 207.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 207–209.

¹⁶ Там же. – С. 209–211.

¹⁷ Там же. – С. 217.

¹⁸ Там же. – С. 216–218.

¹⁹ Там же. – С. 219–220.

²⁰ Там же. – С. 220–222.

²¹ Там же. – С. 220–225.

²² Там же. – С. 225.

²³ Там же. – С. 225–226.

Амелин В.В., Молощенков А.Н. (г. Оренбург, Россия)

УКРАИНЦЫ В ОРЕНБУРЖЬЕ*

На Южном Урале проживают десятки этнических общностей. На различных этапах российской истории этому способствовали колонизация, переселения и миграция. В данной статье речь пойдет об истории заселения украинцами оренбургского края.

Первый период появления в Заволжских степях переселенцев из Малороссии определяется XVIII веком. Связан он непосредственно с теми общегосударственными процессами, которые происходили в то время и напрямую касались заселения территории Южного Урала.

Берега Урала и Заволжские степи притягивали украинцев-казаков и крестьян своими свободными землями. Их не останавливали тяжелые условия жизни на военной линии, где население несло не только военную службу, но и другие повинности и нередко испытывало недостаток в продовольствии.

В результате в 1737 – 1742 гг. в пределах современной Оренбургской области появляются украинские селения¹. Несмотря на сравнительно короткий период, в течение которого украинцы заселяли Оренбургский край в конце 30-х – начале 40-х годов XVIII века. Этому процессу правительством и руководителями в Оренбургском крае придавалось большое значение.

В целом в XVIII в. не наблюдается столь массового переселения украинцев на территорию Оренбургской губернии, как в более позднее время, это во многом объясняется тем, что в этот период основное движение шло в более близкие и, пока еще, мало освоенные земли Новороссии и Северного Кавказа. Между тем, приблизительная численность малороссов в этот период составила 3 тыс. человек.

Крестьянское переселение в первой половине XIX в. по сравнению с предшествующими периодами достигло наивысшего уровня. Объяснялось это тем, что к этому времени была создана единая линия крепостей от Челябинска до Оренбурга, под защитой которых и началось широкое заселение Оренбургского края. Свое влияние оказала и Отечественная война, после окончания которой многие западные села остались разоренными и пострадавшие люди стремились переселиться на новые малообжитые, но плодородные земли. Сказалось также даль-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 15-11-56002 а(р).

нейшее обезземеливание и разорение крестьян густонаселенных районов Российской империи.

В первой половине XIX в. переселенческое движение, носило стихийный характер, но вместе с тем правительство, обеспокоенное массовостью самовольных переселений, стремилось как-то регулировать колонизационный процесс, направить его в организованное русло, не допускать самовольных переселений и побегов, путем предоставления различных пособий и льгот его участникам.

Новая волна массового переселения на территории Южного Урала, в том числе и украинцев, приходится на вторую половину XIX века. На этот процесс повлияли не только отмена крепостного права, но и реформы, произошедшие в стране, а также строительство железных дорог. Именно эта совокупность всех факторов оказала решающее воздействие на переселенческие процессы, и привело к масштабным миграциям не с 60-х, а с 70-х годов XIX века.

Вместе с общим ростом крестьянского переселенческого движения в Оренбургскую губернию растет в этот период и число переселенцев-украинцев. Причиной, вынуждавшей украинцев на переселение, являлось малоземелье украинского крестьянства.

В целом на протяжении 70 – 90-х гг. 19 столетия на территории Оренбургской и Уфимской губерний образовалось немало украинских, а также смешанных поселений и количество малороссов значительно увеличилось.

К концу XIX в. на территории Южного Урал, по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, насчитывалось более 45 тыс. малороссиян, которые считали украинский язык родным, а значит и сохраняли этническую идентичность. Однако ассимиляционные процессы накладывали отпечаток на все украинское население, особенно в тех районах, где проживало несколько национальностей, связанных тесным взаимодействием.

Основной причиной передвижения большинства людей в конце XIX – начале XX вв. являлось малоземелье. Начало XX столетия ознаменовалось усилением кризиса в аграрном секторе. Старые методы и формы обработки земель перестали давать хороший урожай на обрабатываемых участках. Произошло повышение земельных и арендных цен, нарушилось соответствие между возделываемой площадью и рабочими силами семей, тем самым распространялось относительное малоземелье. Выход из сложившейся ситуации для многих крестьян виделся через приобретение в собственность новых земель в других местностях.

В конце XIX в. при покупке земельного надела крестьяне активно пользовались услугами Крестьянского Поземельного банка, являвшегося важным звеном в этом процессе. Однако повышение банком цены на землю в начале XX столетия почти в два раза усугубляло положение для желающих приобрести участок. При таких условиях приобретение участков не могло получить очень широкого развития, хотя земельный запас Крестьянского банка превышал размеры предъявляемого спроса². В связи с этим происходит усиление переселенческих процессов в те края, где им предоставлялись более выгодные возможности по покупке земли для обработки и выращивания сельскохозяйственных культур.

Реализация этих стремлений населения осложнялась рядом обстоятельств. В частности, не всегда последовательные в своей деятельности власти продолжали то запрещать, то разрешать перемещения. Во многом это обуславливалось проблемами устройства в новых местностях. Однако запретительные меры не уменьшали количество мигрировавших людей на Восток. Во многом это только определяло повышение или снижение числа нелегальных передвижений.

Правительство, осознав всю тяжесть положения населения, и, стремясь регулировать процессы перемещения и освоения новых земель, принимало ряд мер, направленных на выход крестьян из общин и поселение их на неосвоенных территориях Сибири, в казахских, завожских степях и в других губерниях, в том числе и на Южном Урале. С 9 ноября 1906 г. правительство страны во главе с премьер-министром П.А. Столыпиным начало осуществление ряда мероприятий направленных на изменения внутри аграрного сектора.

В этой связи произошло увеличение миграционного движения на восток. Однако не все кто отправлялся в сибирские края доезжали до места назначения. По многим причинам они были вынуждены останавливаться на территориях южноуральских губерний.

Об увеличении переселения свидетельствуют и имеющиеся статистические данные. Так в южном направлении в 1907 г. проследовало 15672 человека³, в 1909 г. таких насчитывалось 69813 человек⁴, а в 1910 г. уже наблюдалось 72062 человека⁵. Тем самым происходило увеличение числа желающих поселиться на новом месте и обустроить свое хозяйство.

Вплоть до 1917 г. Переселенческое Управление заботилось о переезжавшем населении, принимались различные нормативные документы, способствовавшие облегчению положения людей. Учитывалась при

этом и изменявшаяся ситуация, в которой оказывались переселявшиеся⁶.

Разрушение общины способствовало увеличению миграции из западных и центральных районов. С 1906 до 1913 г. на Украине свыше 260 тыс. крестьянских хозяйств продали 745 тыс. десятин земли. В течение 1906 – 1912 гг. с Украины на восток страны переселилось около 1 млн. малоземельных крестьян и середняков⁷.

Анализируя вопрос о местах выезда переселенцев можно отметить, что подавляющее число, направлявшихся в Степной край были уроженцы губерний черноземной полосы Европейской России и особенно Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Киевской, Подольской губерний и области Войска Донского. К 1910 г. наблюдалось участие в переселении жителей Херсонской, Самарской и Саратовской губерний⁸.

Если говорить о численности людей, выехавших из этих мест, то, по имеющимся данным, за 1905 – 1907 гг. из губерний Малороссии (Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской) вышло семейных и одиноких переселенцев и ходяков общей численностью – 231056 человек, из них переселенцев – 184817 и ходяков – 46239⁹.

Поскольку особо массовые перемещения людей происходили с территорий Малороссии, можно предположить, что значительную часть мигрантов составляли украинцы, которые во все времена были «хорошими колонизаторами».

Об интенсивности переселенческого движения украинских крестьян в зауральские степи в начале XX в. можно судить по тому, что если в пределах нынешнего Акбулакского района в конце XIX в. не было ни одного украинского поселка, то в канун революции 1917 г. их насчитывалось уже около сорока с населением около 20 тыс. человек¹⁰. Этот период стал временем формирования большого числа новых украинских населенных пунктов в южноуральских губерниях.

Между тем, среди направлявшихся на Южный Урал были не только добровольные переселенцы, но и высланные из других районов страны, в том числе и с Украины. Так, в период 1906 – 1908 гг. оттуда в край прибыло на срок от 1 до 3 лет (чаще всего на 2 года) 355 чел. (47,45% общего числа высланных – всего 748). По годам это выглядело так: 1906 г. – 19 чел. из 4 губерний, 1907 – 184 из 10 губерний, 1908 – 152 чел. из 9 губ. Большинство (140 чел. – 39,4%) из Киевской губ. Остальные из Полтавской, Харьковской, Екатеринославской и неко-

торых других. Пик приходится на вторую половину 1907 года¹¹. Многие из наказанных осуждались за революционную деятельность, которую не прекращали и на новом месте.

Особенно массовый приток украинского населения шел в пределы бывшей Тургайской области, в казахские степи, в том числе и на территорию современных Адамовского, Домбаровского, Буртинского и Акбулакского районов Оренбургской области. Если в 1897 г. здесь не было ни одного украинского поселения, то большинство из них возникают с 1897 по 1914 г. По переписи 1920 г., на территории Адамовского района имелось уже 22 украинских населенных пункта, в Домбаровском – 16 и Акбулакском – 40¹².

Различным было и количество поселившихся людей. Так, например, в 1913 г. на переселенческий участок под номером 210, что в 20 верстах к югу от Акбулака, прибыли ходоки из Екатеринославской губернии. А в апреле следующего года сюда уже прибыло 305 семей украинцев: 82 – из Успеновки, 46 – из Анновки, 40 – из Алексеевки, 15 – из Елизаветовки и т.д.¹³.

В Уфимской губернии украинцы преимущественно селились в южных уездах – Белебеевском и Стерлитамакском. По данным переписи 1912 – 1913 гг., их в губернии насчитывалось 56,9 тыс. чел. Накануне Октябрьского переворота в некоторых волостях украинцы даже превышали по численности русское население, на что также повлиял поток беженцев в годы Первой Мировой войны из прифронтовых украинских губерний. Так, в 1917 г. в Трунтайшевской волости Белебеевского уезда проживало 1607 украинцев и 1249 русских, в Тюрюшевской – 3690 украинцев и 677 русских¹⁴.

По материалам подворной переписи крестьянских хозяйств Уфимской губернии, которая проводилась в 1912 – 1913 гг., можно судить об основных районах расселения украинцев в Башкирии в пределах Уфимской губернии. Миграция украинских переселенцев осуществлялась в трех основных направлениях: юго-западное – в Белебеевский (30 049 чел. – 52,8%), южное – в Стерлитамакский (12119 чел. – 21,29%), центральное – в Уфимский (12170 – 21,38%) уезды. Часть украинцев осела дисперсно на севере Башкирии – в Бирском (2411 чел. – 4,24%) и на северо-востоке – в Златоустовском (174 чел. – 0,29%) уездах. На северо-западе края, в Мензелинском уезде, украинских поселений нет вообще¹⁵.

Данные сельскохозяйственной и поземельной переписи населенных мест Оренбургской губернии 1917 г. показывают, что наиболь-

шая численность украинцев наблюдалась в Оренбургском уезде и составляла примерно 57 тыс. украинцев, в Орском насчитывалось около 20 тыс. человек, третий по численности являлся Челябинский уезд, в котором было приблизительно 5 тыс. малороссов, в Троицком – 117 человек, а по Верхнеуральскому данные об украинцах отсутствуют¹⁶.

Численный состав украинского населения Южного Урала в 20 – 30-х гг. XX в. оценить весьма сложно. Причиной этого являются и политические, и социальные события. Среди важных политических событий – это, безусловно, установление советской власти, Гражданская война, репрессии и другие, в том числе, затрудняющим аспектом выступило постоянные изменения территориально-административных границ. Социальные факторы обусловлены идентификацией малороссов, как украинцев, с приобретением суверенитета основной территории и миграционные процессы.

Между тем, можно, основываясь на имеющихся данных, проследить основные количественные изменения украинского населения, но эти данные весьма условны. Если за основу Южного Урала брать три региона Башкирию, Оренбуржье и Челябинскую область, то динамика выглядит следующим образом: в 1920 г. украинцев проживало около 177 тыс., в 1926 г. приблизительно 216 тыс. человек, а в 1939 г. более 327 тыс. человек¹⁷. Таким образом, наблюдалось возрастание числа украинцев на рассматриваемой территории, что отражалось на жизни региона. При этом следует учитывать и те негативные процессы, которые отрицательно сказывались на естественном приросте населения, поскольку, увеличение его происходило, в основном, в результате механического прироста.

Миграция носила как добровольный, так и вынужденный характер. Например, в 1920 г. в южноуральском направлении было отправлено 74 политических беженца с Украины, среди которых присутствовали рабочие и советские служащие¹⁸. В начале 20-х гг. наблюдается тенденция к иммиграции украинского населения из зарубежных стран. Характерен, в этом отношении, пример 1923 г., когда из Америки 86 человек обратились с просьбой вернуться на Украину для создания собственной коммуны¹⁹. Люди прибывали из разных стран и различными по количеству группами. Например, в том же 1923 г. из Нью-Йорка приехали 16 человек, чтобы присоединиться к ранее созданным коммуна²⁰, а в 1924 г. из Чехословакии иммигрировало до 1 тыс. украинцев²¹. Но в связи с малоземельем и перенаселенностью в УССР, осуществление подобных просьб осложнялось, а предоставля-

емые условия не являлись благоприятными для переселяющихся. Между тем, чтобы сохранить выгодную тенденцию к иммиграции, правительство шло на уступки, освобождая необходимые земли. Следовательно, это вынуждало местных жителей двигаться дальше на Восток страны, в том числе и на Южный Урал.

С начала Великой Отечественной войны остро встал вопрос о защите мирного населения в приграничных регионах, подвергшихся фашистской агрессии, а также сохранения производительной и научно-исследовательской баз расположенных там. В этой связи возникла необходимость срочного перемещения в тыловые районы всех структур народного хозяйства.

Важное место в процессе эвакуации отводилось сохранению хозяйственного потенциала Украинской ССР. С июля по октябрь 1941 г. из республики было вывезено свыше 500 крупных предприятий и около 3,5 млн. человек²². Значительную часть эвакуированного оборудования, культурных ценностей и людей принял Южный Урал.

Кроме промышленных предприятий на Южный Урал направлялись и военные учреждения, в том числе и учебные заведения. С Украины на Урал было эвакуировано 11 высших учебных заведений. Большинство из них, реэвакуируясь на места прежней дислокации, оставляли часть учебного оборудования, преподавательских кадров и студентов. Новые вузы на базе эвакуированных были созданы в Свердловске, Челябинске, Уфе, Чкалове, Кургане, Нижнем Тагиле и Шадринске. Среди них: 5 технических, 2 медицинских, сельскохозяйственный, педагогический, юридический и театральный²³. С сентября 1941 г. по август 1943 г. в Башкирскую АССР была эвакуирована Академия наук УССР с 19 научно-исследовательскими учреждениями в ее составе²⁴.

Эвакуировали из Украины в г. Чкалов Харьковский медицинский институт, Украинский институт эпидемиологии и микробиологии им. И.И. Мечникова, с 1-м Харьковским медицинским институтом в город приехали 300 студентов²⁵.

Из учебных заведений в Орск были эвакуированы Краматорский машиностроительный, Днепропетровский индустриальный и Днепропетровский коксохимический техникумы. 24 сентября 1941 г. на базе эвакуированных учебных заведений, в том числе днепропетровских, создали Орский индустриальный техникум. 19 июля 1943 г. Краматорский техникум переименовали в Орский²⁶.

Большое внимание со стороны властей уделялось защите наиболее уязвимых категорий населения и, в частности, детям. Их старались

эвакуировать в первую очередь, обеспечив безопасность и заботу. Чкаловская область приняла и разместила значительное количество детских учреждений из уссии и Украины: школьные и дошкольные детские дома, детские сады, отдельные группы детей²⁷. В том числе в область эвакуировали 17 детских учреждений из 5 областей Украины: Винницкой, Днепропетровской, Киевской, Полтавской, Херсонской²⁸. На 1 января 1942 года в Чкаловской области находились 76 детских домов, из них 51 эвакуированный. Значительную часть среди них занимали детские дома, перебазированные с территории Белоруссии и Украины²⁹.

Не менее важным являлся и тот факт, что украинских детей обучали родному языку, он преподавался во всех группах, несмотря на хронический недостаток учебников, особенно для младших классов. Кроме того, в детдомах работали кружки национальных танцев³⁰.

Сохранению родной культуры представителями украинского этноса способствовало и нахождение на территории Южного Урала различных культурных учреждений. В военный период на территории области работали два украинских театра – Сумской областной государственной театр им. М.С. Щепкина и Харьковский музыкально-драматический театр³¹.

И, несмотря на то, что украинские культурные учреждения были реэвакуированы в родные края, они позволили местному украинскому населению обратить внимание на свое культурное наследие.

В целом процесс реэвакуации способствовал большинству людей, прибывших на территорию Южного Урала в кризисной ситуации, возвращению на родину. Однако часть из них осталась в крае, и привнесли не малый вклад в его развитие.

После войны продолжился плановый набор переселенцев в УССР и, в первую очередь, он был направлен на рабочие специальности³². Соответственно наблюдался и прирост населения в южноуральском регионе, прибывавшего из Украины.

Новый всплеск интенсивного движения людей на Восток страны был вызван освоением целинных и залежных земель, начавшийся в 1954 году. В этом процессе активное участие приняли и украинцы. С февраля по ноябрь 1954 г. из Винницкой и Киевской областей приехали 17 комсомольцев в Шильдинский, Тобольский, Адамовский и Восточный зерносовхозы Адамовского района Оренбургской области. С января по май 1955 г. в этот же целинный район прибыло 38 комсомольцев. В Кваркенском райкоме ВЛКСМ по книгам учета

комсомольцев в 1954 – 1956 гг. зарегистрирован 21 человек, приехавших с Украины: из Одесской, Винницкой, Крымской, Киевской, Хмельницкой областей. На целину приезжали семьями. Так, например, в 1954 году в колхозы Халиловского района прибыла 131 семья переселенцев из Днепропетровской области, колхозы Кувандыкского района в 1954 г. приняли 77 семей с Украины³³.

Правительство намечало не только районы, но и количество переселяющегося населения для освоения новых земель³⁴. Наряду с организованными переселенцами, отмечались случаи прибытия в районы освоения целинных и залежных земель и семей без переселенческих билетов, то есть самостоятельно без согласования и поддержки государства. Среди таких семей были выходцы и с Украины³⁵.

Миграция украинского населения в 60 – 70-х гг. обуславливалась общими тенденциями, характерными для всех советских граждан и в большей степени определялась плановой структурой функционирования государства. В конце 60-х гг. продолжился прием хозяйственных переселенцев, однако, численность мигрировавшего населения начинает уменьшаться. Сельское население начинает больше покидать регион, нежели в него приезжать.

Политика советского правительства способствовала нивелированию национального самосознания широкого круга людей, в том числе процессам ассимиляции подверглись и украинцы, проживавшие на территории Оренбургской области. Для многих называться русскими стало гораздо удобнее, нежели украинцами. Все это привело к снижению числа представителей данной национальности на территории края.

Миграционная ситуация в конце 80-х начале 90-х гг. характеризовалась массовым оттоком русского и русскоязычного населения из бывших союзных республик. Южный Урал испытывал усиление миграционного давления со стороны Казахстана и республик Средней Азии. В процессе вынужденного переселения на территорию России, кроме русских, составлявших большинство, участвовали и украинцы. Например, в Оренбургскую область среди беженцев и вынужденных переселенцев, состоявших на учете в миграционных службах, украинцы составляли: в 1993 г. – 4358, 1994 г. – 5381, 1995 г. – 4491 человек³⁶.

При этом миграция в данный период уже незначительно сказывалась на положении или самоопределении украинцев Южного Урала. Поскольку, наряду с въездом на территорию региона, можно было наблюдать и выезд на Украину представителей данной национальности. В целом, с учетом ассимиляционных процессов, естественной убы-

ли и миграции на историческую родину, численность украинского населения на Южном Урале значительно уменьшилось в межпереписной период с 1989 по 2002 гг.: в Республике Башкортостан на 19744 чел., в Оренбургской области на 25096 чел., а в Челябинской области на 32621 человека³⁷. Между тем, именно 90-е гг. стали периодом подъема этнического самосознания и сохранения этнокультуры украинцев.

Таким образом, анализ имеющихся сведений позволил выделить несколько основных этапов появления украинцев в Оренбуржье.

I этап – 30-е годы – конец XVIII века. В этот период происходит освоение первых крепостей и населенных пунктов, созданных малороссийскими колонизаторами. В этот период происходит несколько ключевых событий: 1) добровольные черкасские поселения на Оренбургской пограничной линии, характеризующиеся как успешные; 2) правительственное привлечение крестьян-малороссов к заселению южно-уральских степей, не получившее продолжение. Из-за неспособности последних обороняться от внешних врагов, переселение было приостановлено. В целом в XVIII в. не наблюдалось столь массового переселения украинцев на территорию Оренбургской губернии, как в более позднее время.

II этап – начало века – 60 – 70-е гг. XIX в. происходит увеличение потоков малороссийских переселенцев на территорию Оренбургской губернии. Кроме того, наблюдается широкое регулирование данных процессов со стороны государства, заключающееся в разрешительных и запретительных мерах по переселению, а также по вселению отдельных категорий населения.

III этап – конец XIX в. – 20-е годы XX в. характеризуется массовыми миграциями с территорий, занятых украинцами, увеличением числа населенных пунктов на Южном Урале. Причинами подобных явлений стали возрастание проблемы малоземелья, расширение возможности использовать более удобный железнодорожный транспорт, а также относительно благоприятное законодательное регулирование процессов переселения.

IV этап определяется временем существования Советского Союза и имеет несколько периодов: 1) 20 – 30-е годы – появление плановых переселений людей, а также вселение и выселение по различным политическим обстоятельствам (репрессии, раскулачивание, депортации народов и т.д.); 2) 40-е годы – военное и послевоенное время связанный с эвакуацией и реэвакуацией населения и промышленности; 3) 50 – 60-е годы – период освоения целинных и залежных земель, добро-

вольное переселение украинцев для оказания помощи в возделывании данных территорий; 4) 70-е годы – конец 80-х годов происходит уменьшение движения из Украинской АССР, усиливаются процессы внутриобластной миграции.

V этап – постсоветский – начало 90-х гг. XX в. – начало XXI века. В данный период происходит возобновление внешних миграционных потоков, в частности, из государств ближнего зарубежья, продолжение внутренней миграции³⁸.

Таким образом, миграция украинцев на Южный Урал имеет давнюю историю и, в целом, проходила в рамках общих тенденций, наблюдавшихся в России. Между тем, в каждый исторический период, существовали свои особенности, определявшие количественный и качественный состав переселявшихся украинцев, сформировавшие, в конечном счете, современное положение и численность украинского населения в южноуральском регионе.

Примечания:

¹ Попов, С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области // Великая дружба. – Чкалов, 1954. – С. 64.

¹² Ямзин, И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. – Киев, 1912. – С. 83.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. И – 13. Оп. 1. Д. 1051. Л. 533 – 537.

⁴ Там же. Д. 78. Л. 1213 – 1216.

⁵ Там же. Д. 690. Л. 470 – 489.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1797. Оп. 1. Д. 186. Л. 1 – 1 об.

⁷ Бабенко, В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа, 1992. – С. 29.

⁸ ОГАЧО. Ф. И – 13. Оп. 1. Д. 690. Л. 14 об. – 15.

⁹ Там же. Д. 512. Л. 166.

¹⁰ Оренбургский областной историко-краеведческий музей. Фонд С. А. Попова. Оп. 1. Д. 76. Л. 45.

¹¹ Сафонов, Д.Л. Украинская крестьянская ссылка в Оренбургский край в начале XX в. // Украинцы в Оренбургском крае: Матер. науч. - практич. конфер., посвященной 150-летию со дня пребывания Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае. – Оренбург, 1997. – С. 103.

¹² Попов, С.А. Указ. соч. – С. 75.

¹³ Гордиенко, А. Украинское население Акбулакского района // Украинцы в Оренбургском крае: Матер. науч.-практич. конфер., посвященной 150-летию со дня пребывания Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае. – Оренбург, 1997. – С. 151.

¹⁴ Роднов, М.И. Социальная структура украинского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века // Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. – Уфа, 1993. – С. 138.

¹⁵ Бабенко, В.Я. Указ. соч. – С. 31.

¹⁶ Подсчитано по: Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии: по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи. – Оренбург, 1917. – 41 с.

¹⁷ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г.; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.; Попов, С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920 – 1923 гг.; Фиельструп, Ф.А. Этнический состав населения Приуралья.

¹⁸ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 143. Л. 9.

¹⁹ ГАРФ. Р-364. Оп. 1. Д. 25. Л. 41 – 41 об.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 58.

²¹ Там же. Л. 133.

²² Потемкина, М.Н. Урал и Украина: проблемы в эвакуации // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Екатеринбург, 2005. – С. 78.

²³ Там же. – С. 79.

²⁴ Алдашова, Е.Н. Научные учреждения Академии наук Украинской ССР на территории Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны // Тыл – фронту: матер. междунар. науч. конфер., посвящ. 60-летию Великой Победы. – Челябинск, 2005. – С. 109.

²⁵ Федорова, А.В. Эвакуация на Южный Урал в годы Великой Отечественной войны // Место эвакуации – Чкаловская область. Документы и материалы архивов Оренбуржья: Сб. матер. засед. науч. совета ГУ «ГАОО» и ГУ «ЦДНННО» / под ред. И.И. Базарской. – Оренбург, 2006. – С. 17.

²⁶ Нижник, Е.В. Украина и Орск в контексте истории Великой Отечественной войны // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. – Оренбург, 2004. – С. 43.

²⁷ Федорова, А.В. Указ. соч. – С. 17.

²⁸ Панина, Т.С. Детские дома Украины на оренбургской земле (по материалам ЦДННННО) // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. – Оренбург, 2004. – С. 49.

²⁹ Федорова, А.В. Указ. соч. – С. 17.

³⁰ Панина, Т.С. Указ. Соч. – С. 53.

³¹ Федорова, А.В. Указ. соч. – С. 18.

³² ГАОО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

³³ Люкшина, И.В. Украинская молодежь на освоении целинных земель. 1954-1956 гг. // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. – Оренбург, 2004. – С. 78 – 79.

³⁴ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 4373. Оп. 54. Д. 242. Л. 12.

³⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 54. Д. 362. Л. 362.

³⁶ Амелин, В.В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. – М., 2004. – С. 16.

³⁷ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России; Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России // <http://demoscope.ru/weekly/ssp/>

Моргунов К. А. (г. Оренбург, Россия)

БЕЛОРУСЫ В ОРЕНБУРЖЬЕ*

Переселение на территорию Южного Урала крестьянского населения из белорусских губерний началось с конца XVIII века, после вхождения территории Белоруссии в состав Российской империи. Но наиболее интенсивное переселенческое движение белорусов наблюдалось во второй половине XIX – начале XX вв. В этот период территория современной Беларуси, прежде всего Могилевская и Витебская губернии, являлись зонами активной аграрной миграции. Так, за период с 1885 по 1914 гг. из этих губерний только в Сибирь выехало свыше 550 тысяч человек, что составило более 11 % от общероссийского переселенческого движения в эти годы¹.

Земли Оренбургской губернии представляли большой интерес для переселенцев, Увеличение численности белорусских переселенцев возможно связано с упразднением в 1862 г. крепости и началом функционирования в 1877 г. железной дороги на Самару. В ряде уездов Оренбургской губернии и выделившейся из нее в 1865 г. Уфимской губернии (Уфимский и Белебеевский уезды) образовались поселения с белорусским населением. Часто белорусские переселенцы образовывали поселения совместно с украинцами и русскими переселенцами. Так, в 1858 г. по данным приходских списков в губернии было учтено всего 85 белорусов, причем все они проживали в с. Петровка Оренбургского уезда, совместно с русскими (494 человека)².

Но стремление белорусских крестьян к переселению не всегда приветствовалось властями. Так в марте 1870 г. с прошением о переселении в Оренбургскую губернию обратились 44 семьи из деревни Перелевки Рогачевского уезда Могилевской губернии. Однако министерство внутренних дел признало это ходатайство, не подлежащим удовлетворению. В сентябре 1870 г. с аналогичной просьбой обратились еще 36 семей из деревни Шелуховки этого же уезда. В качестве при-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 15-11-56002 а(р).

чины они указывали свое крайне «бедное и нищее состояние». Даже могилевский губернатор признал, что причиной стремления этих крестьян к переселению являлось низкое качество земель в их местности. Все же, признавая уважительность причин, вызвавших настойчивые ходатайства о переселении, министерство внутренних дел отказало этим крестьянам ввиду того, что они не являются безземельными. Однако, несмотря на официальные запреты, несколько семей переселилось самостоятельно³.

*Игнатъев Руф Гаврилович
(1818–1886)*

Первым исследователем фольклора белорусских переселенцев в Оренбургской губернии стал выдающийся краевед-энциклопедист Руф Гаврилович Игнатъев (1818 – 1886). В декабре 1854 г. за недостатку казенных денег он был лишен чина губернского секретаря и отдан в солдаты. В 1855 г. был зачислен рядовым в батальон № 10, а затем № 2 Оренбургского линейного полка, расквартированного на пограничной линии. В феврале 1858 г. был уволен в отставку и, заняв должность библиотекаря Оренбургского губернского статистического комитета, приступил к активным краеведческим исследованиям. Одним из направлений его деятельности стал сбор и систематизация этнографического материала о народах, проживающих в Оренбургском крае, в частности о белорусах. Владея белорусским языком и имея музыкальное образование (окончил Парижскую консерваторию) он особое внимание уделял изучению народного музыкального творчества, в том числе белорусского, записывая песни, ноты, сведения о музыкальных инструментах. В 1879 г., на антропологической выставке в Москве Р.Г. Игнатъев прочитал свой реферат о песнях белорусов, переселившихся в Оренбургский край⁴.

В начале 1890-х годов, будучи чиновником по особым поручениям Министерства внутренних дел в г. Оренбурге два года жил писатель,

публицист, прозаик, критик Владимир Людвигович Кигн-Дедлов. Родился он 15 (27) января 1856 г. в г. Тамбове в небогатой дворянской семье. Предки по отцу были выходцами из Пруссии, а мать, Елизавета Ивановна, урожденная Павловская (1830–1915), представительница древнего белорусского шляхетского рода. Именно она передала сыну свою православную религию, любовь к Белоруссии, и интерес к литературе. После того, как в 1860 г. дом Кигнов в Тамбове сгорел, семья вернулись на родину матери, в Могилевскую губернию, где поселились в деревне Фёдоровка под Рогачевом. Позже неподалёку было приобретено селение Дедлово, название которого впоследствии стало литературным псевдонимом В.Л. Кигна.

Начальное образование писатель получил в Москве, в немецкой «петершуде». Затем учился в русской классической гимназии, но, увлекшись идеями крестьянского социализма, организовал пропагандистский кружок и был исключен из старшего класса гимназии. В 1875 г. В.Л. Кигн поступает на юридический факультет Петербургского университета. С 1881 г. связал свою жизнь с государственной службой в Министерстве внутренних дел России. Вначале работал в земском отделе, а затем в составе переселенческого управления, где прошел все ступени от коллежского секретаря до действительного статского советника. В период с 1882 по 1885 годы входил в состав Особой (Кахановской) комиссии российского правительства по разработке реформы местного управления. Государственная служба совмещалась с занятиями литературой. В 1886 г. ненадолго оставляет службу, всецело посвящая себя литературе, искусству, путешествиям. Совершил ряд увлекательных поездок по русскому западному краю, во Францию, Турцию, Италию, Сирию и Египет, что нашло отражение в творчестве В.Л. Кигна-Дедлова.

С 1892 г. служил чиновником по особым поручениям в Турчайско-Уральском переселенческом управлении в г. Оренбурге. В газете «Оренбургский край» печатал свои заметки об Оренбурге. Начал переписку с А.П. Чеховым, произведения которого так же печатались в «Оренбургском крае». Итогом работы в переселенческой конторе стало написание путевых заметок «Переселенцы и новые места». Писатель негативно оценивал переселенческий процесс на Урал и в Сибирь малороссов и особенно белорусов. Он высказывал опасение, что выезд большой массы населения с западных окраин империи ослабит великорусский (к которому он относил и белорусов и украинцев) элемент. Белорусов он оценивал как не особенно подходящий для коло-

низации народ, называя их вечными батраками, лишенными инициативы. Причину этого состояния народа автор видит в отношении в прошлом к белорусам польских панов.

По делам службы, находясь в долгосрочных командировках по «переселенческому делу», писатель много путешествовал по территории империи, посетив Крым, Бессарабию, Польшу, Финляндию, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток и Казахстан. С особым вниманием он изучал окраины Империи, останавливая свое внимание на национальном вопросе, экономической и культурной отсталости, социальных проблемах, таких как болезни и голод.

В 1904-1905 годах в качестве корреспондента газеты «Новое время» В.Л. Кигн-Дедлов находился в командировке на Маньчжурском фронте, за что был удостоен медалью Общества Красного Креста. 3 июня 1908 г., уже после отставки, погиб у себя в уезде от шальной пули. Похоронен в близлежащей деревне Федоровка.

Численный состав белорусского населения, проживающего на территории Оренбургской губернии на рубеже XIX – XX вв. можно установить, основываясь на данных о родном языке по переписи населения 1897 г. Исходя из этого показателя в губернии проживало 2247 белорусов (1078 мужчин и 1169 женщин), что составляло 0,14 % населения.

После тяжёлых поражений весной – летом 1915 г. русские войска оставили Польшу, Западные Украину и Белоруссию, часть Прибалтики. Внутренние губернии страны захлестнули миллионы беженцев из оккупированных территорий. В сентябре 1915 г. эта волна докатилась до Оренбурга, застав врасплох неподготовленные губернские и городские власти. По воспоминаниям Оренбургского губернатора

Владимир Людвигович Кигн-Дедлов (1856 – 1908)

М.С. Тюлина в 1916 г. население г. Оренбурга выросло по сравнению с довоенным на 50 %. Для беженцев создавались барачные поселки, в которых беженцы размещались по национальному принципу. При этом особое внимание губернскими властями уделялось православным беженцам, так как считалось, что католикам и евреям помощь будет оказана за счет их религиозных общин⁵. Точное количество и национальный состав беженцев не известен, но можно с уверенностью предположить, что среди них было немало и белорусов. По данным переписи, проведенной 7 февраля 1916 г. в г. Оренбурге проживал 241 белорус. Причем абсолютное большинство из них – 200 человек, проживали в районе Новостройки, что, по мнению оренбургского исследователя В.В. Дорофеева, может свидетельствовать о том, что они были беженцами, так как этот район был самой новой частью города⁶.

Национальная политика, проводимая в годы советской власти, была направлена, прежде всего, на выравнивание социально-экономического положения всех этнических групп населения и поэтому органы власти в основном акцентировали свое внимание на так называемых «отсталых» народах. Белорусы в их число не попадали и в связи с этим, какие либо специфические мероприятия по отношению к этой этнической группе населения на территории Оренбургской губернии не проводились. Другим немаловажным фактором отсутствия особого внимания к белорусскому населению региона является дисперсность расселения белорусов, что затрудняло проведение советской национальной политики с учетом специфики культуры и быта белорусского народа. Однако белорусы безусловно попадали в общую сферу деятельности органов советской власти в ходе реализации национальной политики, активно участвовали в советском строительстве, и эта деятельность оставила свой яркий след в истории южно-уральского региона.

В годы советской власти одним из основных показателей реализации национальными меньшинствами своих политических прав и свобод являлось непосредственное участие их представителей в деятельности государственных и партийных органов, представительство их в различного рода общественных организациях и объединениях. В 1918 г. был образован Оренбургский кружок белорусов, но просуществовал он недолго.

В ноябре 1920 г. ЦК РКП(б) утвердил положение о национальных секциях и подотделах нацменьшинств. Согласно положению задача подотдела состояла в объединении и руководстве агитацией и пропа-

гандой на родном языке среди национальных меньшинств, находящихся вне своей автономной области или республики, или вовсе не имеющих таковой в пределах РСФСР⁷. В задачи подотделов входило руководство работой на местах среди национального населения, разработка и внесение в ЦК РКП(б) предложений по вопросам партийного и советского строительства, вытекающим из экономических и культурных особенностей разных национальных групп.

Исходя из этих решений, на Южном Урале, при губернских и уездных комитетах РКП(б) стали создаваться национальные секции и отделы. В ноябре 1919 г. решением III-й губернской партконференции при Оренбургском губернском комитете РКП(б) был организован отдел национальных меньшинств с мусульманской (или татарской) и иностранной секциями⁸. Попытка создания белорусской секции была предпринята в 1921 г., но к работе она не приступила⁹.

По данным переписи населения 1926 г. в Оренбургской губернии проживало 1279 белорусов. Из них в сельской местности проживало 680 человек, в городах губернии – 599 человек. Можно предположить, что эти данные были неполными. В 1929 г. только в Грачевском районе проживало 704 белоруса. В Асекеевском районе белорусскими населенными пунктами считались: артель Беднота (60 человек), поселок Красная Горка (108 человек), поселок Белорусский (139 человек). В Бугурусланском районе к белорусским населенным пунктам относилась деревня Н.-Николаевка (580 человек). Кроме того, белорусы жили вместе с русскими и украинцами в поселке Ялва Бугурусланского района¹⁰.

Одним из приоритетных направлений организации органов власти на местах стало образование советов с учетом особенностей национального состава населения, проживающего на соответствующих территориях. Осуществление этого принципа нашло свое отражение и на территории Оренбургской губернии. Так, данные о перевыборах советов по Оренбургской губернии в 1927 г. свидетельствуют о том, что в составе волостных (районных) съездов имелся один представитель белорусской национальности (что составляет всего 0,1 % от общей численности депутатов), и также один белорус участвовал в работе уездных съездов советов (соответственно 0,2 %)¹¹.

В связи с образованием Средне-Волжской области в 1928 г. были проведены районные и окружной съезды советов. Всего на окружном съезде присутствовало 173 делегата. Представители от различных групп национального населения округа составляли – 25,5% от общей

численности делегатов съезда, в том числе белорусы составляли только 0,6 %¹².

Среди белорусов, занимавших ответственные посты в Оренбургской области в 1930-е годы начальник политотдела совхоза в Кувандыкском районе, выпускник Всесоюзного коммунистического университета Иван Поликарпович Веевников (1893 г.р.)¹³.

К 1939 г. численность белорусского населения в Чкаловской области составляла уже 3796 человек (2325 мужчин и 1471 женщин).

В годы Великой Отечественной войны численность белорусского населения в Чкаловской области значительно возросла. В область были эвакуированы многие промышленные предприятия из Белоруссии: из Витебска были эвакуированы станкостроительный завод им. Кирова и мебельная фабрика, из Гомеля трикотажная фабрика им. 8 марта. В Бузулукский бор был направлен Белорусский научно-исследовательский институт лесного хозяйства. В августе 1941 г. в Чкалов прибыли для хранения архивы облисполкома, управления юстиции, прокуратуры облздравотдела, промбанка и других организаций Гомельской области. В октябре 1941 г. в Чкалов прибыли для хранения документы с грифом «секретно» и «совершенно секретно» Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР.

В годы войны в Чкаловской области были эвакуированы 12 детских учреждений из Белоруссии. В 1941 г. в Краснопартизанский район был эвакуирован минский детский сад № 74 с 32 детьми и 8 сотрудниками. В с. Можаровка Новоорского района был направлен школьный детдом из г. Шклова Могилевской области (90 детей и 21 сотрудник). В Гае Халиловского района были приняты 233 ребенка и 167 сотрудников костно-тубернулезного санатория «Черница» из п. Лизно Витебской области. В селах Ефимовка и Костино Андреевского района разместились школьные детдома из Петриковска Полесской области (60 детей и 20 сотрудников) и из Чериковского района Могилевской области (104 ребенка и 22 сотрудника). В Бугуруслане находился дошкольный детдом из г. Витебска (75 детей и 26 сотрудников), а в с. Пилюгино Бугурусланского района школьный детдом из г. Речица Гомельской области (60 детей и 18 сотрудников). В с. Платовка Покровского района были размещены Дом грудного ребенка (100 детей 49 сотрудников) и трахоматозный лечебный детский дом (60 детей и 26 сотрудников), прибывшие из г. Гомеля. Еще два школьных детдома и детсад из Гомеля разместились в Матвеевском районе (200 детей и 44 сотрудника)¹⁴.

Положение прибывших в область детских учреждений было тяжелым. Не было подготовленных помещений, имелись большие сложности с организацией питания и бытового обслуживания детей, медобслуживания и организации учебного процесса. Так, например, в Сарай-Гирском детском доме Матвеевского района, в котором насчитывалось 56 воспитанников дошкольного и школьного возраста, было выделено холодное помещение, на кухне и столовой было грязно, постельные принадлежности отсутствовали, у детей наблюдались завшивленность и чесотка. Из-за низкой температуры в комнатах воспитанники простывали и болели воспалением легких. Были зафиксированы два случая со смертельным исходом. Подобная обстановка складывалась и в других детских домах¹⁵. Но несмотря на трудности, с помощью органов власти и местных жителей эти проблемы находили свое разрешение.

В результате эвакуации из прифронтовых районов страны на Южном Урале значительно увеличилась численность отдельных этнических групп населения. Национальный состав эвакуированных чаще всего не фиксировался, но имеются данные, о том, что к 15 октября 1941 г. в Чкаловскую область прибыло 8780 белорусов (а также 40355 евреев, 30013 русских, 14568 украинцев, 728 поляков, 440 латышей, 158 немцев, 152 литовца, 126 эстонцев)¹⁶. Всего же в 1941 г. из Белоруссии в Чкаловскую область было эвакуировано 9735 человек¹⁷.

Достаточно показательным фактом являются данные о том, что к 1942 г. численность белорусов – членов чкаловской партийной организации увеличилась в 4 раза, составив 553 человек¹⁸. К началу 1944 г. в парторганизации насчитывалось уже 682 белоруса¹⁹. В партаппарате Чкаловской области, по данным на 15 мая 1942 г., работали 13 белорусов, из них 3 первыми секретарями²⁰. Эвакуированные из Белоруссии, назначались на должности, вместо мобилизованных на фронт работников. Так, заместитель наркома юстиции Белоруссии Г.С. Гапон работал начальником политотдела совхоза «Воронежский», зоотехником в Домбаровском районе работал П.И. Тарайкович. Сначала учителем в школе Люксембургского района, а затем заведующим отделом агитации и пропаганды райкома ВКП(б) этого же района работал Д.И. Драгун, до этого служивший директором Партиздателства ЦК КП(б) Белоруссии. С февраля 1942 г. по сентябрь 1943 г. он возглавлял Чкаловский областной радиокомитет, после чего был назначен заместителем председателя радиокомитета при СНК БССР. В июне 1944 г. Д.И. Драгун был утвержден секретарем Пинского обкома

КП(б) Белоруссии по пропаганде, а в апреле 1945 г. назначен ответственным редактором газеты «Звезда».

В эвакуации в Чкаловской области находились известные белорусские художники Владимир Михайлович Кудревич и его дочь Раиса Владимировна Кудревич, а также Лазарь Самуилович Ран и Никита Лукич Тарасенков²¹.

Белорусы, наряду с украинцами и евреями, входили и в состав создаваемых на территории Чкаловской области польских частей Армии Андерса.

В апреле-июне 1942 г. Чкаловским обкомом комсомола из числа белорусских юношей и девушек, эвакуированных в Чкаловскую область, была сформирована группа, состоявшая из 50 комсомольцев, которые были направлены в Белоруссию для выполнения спецзаданий в тылу врага. В эту группу вошли В.В. Малащенко, П.М. Домбровский, Н.А. Высоцкий, В.П. Анненкова, Е.А. Квятковская, А.В. Афанасьева, В.В. Жукова, Р.И. Шершнева, и др.²². 24 ноября 1942 г., в деревне Ломовичи на Гомельщине связная комсомольско-молодежного партизанского отряда им. Гастелло Римма Ивановна Шершнева, спасая товарищей, закрыла своим телом амбразуру немецкого дзота. Этот подвиг она совершила за три месяца до подвига А. Матророва²³.

С Оренбуржьем связана биография Героя Советского Союза и Героя Социалистического труда Кирилла Прокофьевича Орловского. Родился он в 1895 г. в деревне Мышковичи Могилевской области в семье белорусского крестьянина. Работал в сельском хозяйстве. С 1915 г. на службе в армии. В мае 1918 г. был направлен в Оршанскую чрезвычайную комиссию, по заданию Бобруйского подпольного комитета партии организовал и возглавил партизанский отряд, действующий в тылу кайзеровских войск на территории Белоруссии. В 1919 г. работал в Бобруйской чрезвычайной комиссии. Во время гражданской войны участвовал в боях на Западном и Петроградском фронтах, учился на курсах комсостава. В 1921–1925 годах участвовал в партизанском движении в Западной Белоруссии. Окончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. С 1930 г. работал в ГПУ-НКВД Белоруссии. В 1936 г. назначен начальником участка на строительстве канала Москва-Волга. В 1937–1938 годах участвовал в национально-революционной войне испанского народа. С 1939 г. работал проректором по хозяйственной части Чкаловского сельскохозяйственного института. С 1940 г. опять работал в органах госбезопас-

ности. Во время Великой Отечественной войны Орловский был направлен на оккупированную территорию Белоруссии, где организовал и командовал партизанским отрядом НКГБ СССР «Соколы». Звание Героя Советского Союза К.П. Орловскому присвоено 29 сентября 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу врага и особые заслуги в развитии партизанского движения в Белоруссии.

В 1944 г. К.П. Орловский был избран председателем колхоза «Рассвет» Могилевской области. На этом посту проработал до конца своей жизни. За свой труд К.П. Орловский был награжден пятью орденами Ленина, многими медалями СССР. Звание Героя Социалистического Труда Кириллу Орловскому присвоено 18 мая 1958 г. за успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании и проявленную трудовую доблесть. Умер в 1968 г. Его именем названы колхоз «Рассвет», улица в Бобруйске, а на родине установлен памятник.

2 сентября 2015 г. на административном здании Оренбургского государственного аграрного университета была установлена памятная доска, посвященная К.П. Орловскому²⁴.

В результате организованной реэвакуации в период 1943–1947 годов основная масса белорусов, находящихся на Южном Урале в эвакуации, вернулись на прежние места жительства, но некоторая часть осталась и обрела на Южном Урале вторую родину.

Уровень представительства белорусского населения в послевоенные годы был значительно выше довоенных показателей. Это объясняется увеличением численности белорусского населения на территории Южного Урала в результате эвакуации в годы войны. В 1946 г. среди руководящих работников советских органов власти Чкаловской области числилось 12 белорусов (0,9 %).

В результате выборов, прошедших в декабре 1947 г., в состав Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся вошли два белоруса (всего 137 депутатов). Гораздо более представлен депутатский корпус, состоящий из представителей белорусской национальности в местных советах депутатов трудящихся, выборы в которые прошли также 21 декабря 1947 г.²⁵:

- по городам областного подчинения – 9 депутатов, белорусов по национальности;

- по районным советам городов областного подчинения – 7 депутатов;

- по городским советам с районным подчинением – 3 депутата;

- по поселковым советам (рабочих поселков – всего 13 советов) – 18 депутатов;

- по сельским советам (всего 774 сельсовета) – 24 депутата;

- по районным советам (50 районов) – 9 депутатов.

Наибольшее количество депутатов – белорусов, представлены в сельских советах. В их числе можно выделить: Грачевский – 4 депутата, белоруса по национальности; Бузулукский – 3; Краснопартизанский – 4; Бугурусланский – 1; Краснохолмский – 1; Соль-Илецкий – 1; Белоозерский – 1; Александровский – 1 и другие.

Все 18 депутатов – белорусов, представленных в поселковых советах относились к рабочему поселку, объединяющему прииски: Айдырля, С.Шихан, Кумак, Ириклострой, Домбаровка, Кувандык, Халилово.

Депутаты-белорусы, избранные в райсоветы были представлены в следующих районах: Ташлинский – 3 депутата, Краснопартизанский – 2, Абдулинский – 1, Грачевский – 1, Бузулукский – 1, Тепловский – 1.

Достаточно представителен корпус депутатов белорусской национальности выбранных в городские советы депутатов трудящихся 21 декабря 1947 г.:

- Чкаловский городской совет депутатов трудящихся – 6 белорусов;

- районные советы г. Чкалова (4 района) – 6 белорусов;

- городской совет г. Орска – 2 белоруса;

- Бугурусланский горсовет – 1 белорус;

- Соль-Илецкий горсовет – 1 белорус.

Таким образом, всего по горсоветам Чкаловской области в декабре 1947 г. были избраны 16 депутатов – белорусов. В г. Чкалове четыре из шести депутатов – белорусов входили в Дзержинский районный совет.

В 1950 г. в составе райсоветов числились 7 белорусов (два в Краснопартизанском райсовете и по одному в Абдулинском, Бузулукском, Новоорском, и Ташлинском)²⁶. В 1953 г. в составе местных советов депутатов входили четыре белоруса (Курманаевский, Бугурусланский, Бузулукский, Медногорский районы)²⁷.

Следующий этап массового переселения белорусов в Оренбуржье связан с освоением целины. В первые годы целинного призыва в Оренбургскую область прибыло 70 тыс. переселенцев, преимущественно из Московской, Ленинградской, Воронежской и Рязанской областей.

Прибывали и целинники из Украины и Белоруссии. Так, в Аниховской МТС колхоза «По стопам Ленина» Адамовского района трудилась Нина Кирилловна Коляда. Водителем на МЖС «Брацлавское» этого же района работал Николай Иванович Коляда. В Брацловском сельсовете Адамовского района также трудился целинник Анатолий Иванович Антипорович. В п. Адамовка работал Иван Лаврентьевич Атаманчук.

Но все же основная масса целинников из Белоруссии направлялась в соседнюю Северо-Казахстанскую область. Только в 1954 г. в области было размещено 94 семьи переселенцев (432 чел.), причем 82 % из них составляли переселенцы из Гомельской, Гродненской, Минской и Могилевской областей.

Показателем социальной мобильности белорусов являются данные о количестве студентов белорусской национальности, получающих высшее образование. В 1958–1959 учебном г. в Оренбургском музыкальном училище учились 4 белоруса. В Оренбургском мединституте учились 13 белорусов (всего 1385 студентов). В пединституте – 5 белорусов (всего 1485 студентов). На очном отделении сельхозинститута обучалось 5 белорусов (всего 1957 студентов). В Бузулукском библиотечном техникуме на стационарном отделении обучалось 3 белоруса и на заочном еще 4 белоруса. Среди специалистов с высшим и средним специальным образованием в 1966 г. в Оренбургской области числилось 510 человек, что составляло 0,6 % от общей численности специалистов. Из них высшее образование имели 188 белорусов.

В Оренбургской области по данным переписи 1959 г. проживало 7762 белоруса²⁸. Однако уже перепись населения 1970 г. показала значительный рост численности белорусов в Оренбургской области. Количество белорусов составило 11,0 тыс. человек, из них 7,3 тыс. человек жили в городах и 3,7 тыс. человек в сельской местности. Белорусский язык посчитали родным 38,7 % от общей численности белорусов области. В общей численности населения области белорусы составляли 0,5 %.

Белорусы Оренбуржья внесли большой вклад в экономическое и культурное развитие Оренбургского края. Многие за свой самоотверженный труд были удостоены государственных наград. К таким людям, например, относится Герой Социалистического Труда Николай Сергеевич Кириенок. Родился он в 1931 г. в поселке Гребичи Ляховичского района Витебской области в белорусской крестьянской семье. Окончил неполную среднюю школу и после службы в Советской

Армии устроился на работу в трест «Новотроицкметаллургстрой». Работал на строительстве четырех домен ОХМК, мартенов, аглофабрики в качестве бригадира комплексной бригады управления «Промстрой». За свой более чем тридцатилетний труд награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ударник коммунистического труда», «Заслуженный строитель РСФСР». Звание Героя Социалистического Труда Н. С. Кириенку было присвоено 10 января 1974 г. за особые заслуги в строительстве доменной печи № 4 Орско-Халиловского металлургического комбината²⁹.

Николай Сергеевич Кириенко

Другой Герой Социалистического Труда Владимир Николаевич Кособуцкий родился в 1936 г. в селе Дуброве Хойникского района Гомельской области в семье белорусского крестьянина. После службы в Военно-Морском флоте вернулся в родное село, стал механизатором. В 1966 г. переехал в Оренбургскую область в колхоз «Красный колос» Первомайского района, трудился трактористом-машинистом. В совершенстве владея профессией механизатора, он ежегодно добивался высокой выработки, много лет оставался лидером социалистического соревнования в районе и области. За свой труд был награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За освоение целинных земель». В 1974 г., возглавляя уборочно-транспортное звено, он двумя комбайнами намолотил 41 тысячу центнеров зерна. Звание Героя Социалистического Труда В. Н. Кособуцкому было присвоено 10 февраля 1975 г. за успехи, достигнутые в увеличении производства и заготовок зерна. В.Н. Кособуцкий избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, членом Оренбургского обкома КПСС. Умер в 1991 г.³⁰.

Владимир Николаевич Кособуцкий

Полный кавалер ордена Трудовой славы Анна Феодосьевна Красикова родилась 24 февраля 1947 г. в с. Сочивки Брестской области.

Окончив 8 классов вместе со старшей сестрой приехала на заработки в с. Бурдыгино Сорочинского района Оренбургской области. Работала в овощеводческой бригаде, потом перешла на ферму, где работала дояркой. Труд А.Ф. Красиковой был замечен. В период с 1972 г. по 1990 г. она была награждена орденами Трудовой славы всех трех степеней. Неоднократно избиралась членом парткома колхоза, избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР³¹.

В июле 1963 г. в Оренбургскую епархию прибыл епископ Леонтий (в миру Леонид Фаддеевич Бондарь, белорус по национальности), который в сложных условиях продолжающейся антирелигиозной кампании начал трудную работу по сохранению и восстановлению епархии.

Владыка Леонтий родился 7 мая 1913 г. в местечке Меркине Трокского уезда Виленской губернии в семье псаломщика Фаддея Бондаря. После окончания в 1935 г. Виленской Духовной семинарии поступил на Богословский факультет Варшавского университета, который окончил в 1939 г., защитив степень магистра богословия. В декабре 1943 г. посвящён в иеродиакона, а уже в январе 1944 г. рукоположен в иеромонаха и назначен ректором Богословско-пастырских курсов при Жировицком монастыре с возведением в сан игумена. В 1947–1949 годах священствовал в сельских храмах с. Холхло Молодеченской области в и с. Ястребль Брестской области. В 1949 г. стал инспектором и преподавателем Минской Духовной семинарии, действовавшей при Жировицком монастыре, а в 1953 г. назначен заместителем этого монастыря с возведением в сан архимандрита. С июля 1956 г. определён епископом Бобруйским, викарием Минской епархии. В 1960–1961 годах временно управлял этой епархией, после чего был переведён на Новосибирскую кафедру, откуда и был направлен в Оренбург. Оренбургской епархией владыка Леонтий управлял 35 лет.

Всесоюзная перепись населения 1979 г. показала некоторое снижение численности белорусов в Оренбургской области по сравнению с данными 1970 г. В 1979 г. в Оренбуржье проживали 10920 белорусов, что составляло 99,1 % к численности белорусов в 1970 г.. В общей численности населения Оренбургской области белорусы по прежнему составляли 0,5 %, занимая девятое место среди всех этнических групп области по данному показателю³². Из общей численности белорусского населения области белорусский язык родным посчитали всего 38,7 % (ниже показатели только у евреев и украинцев). При этом свободно владели русским языком в качестве родного или второго языка 97,5

% белорусов области (соответственно один из самых высоких показателей, выше только у евреев и самих русских). Эти данные были значительно ниже общесоюзных показателей. Всего в СССР в 1979 г. проживало 9463 тыс. белорусов, из них родным языком считали белорусский 74, 2%, и свободно владели русским языком 57,0% белорусов³³.

В городах области проживали 7,6 тыс. белорусов, и 3,3 тыс. белорусов в сельской местности. Эти данные свидетельствуют об интенсивных процессах урбанизации белорусов, численность городского населения которых увеличилась на 4,1 % по отношению к данным 1970 г. и напротив, численность сельского населения снизилась на 10,8 %³⁴.

Наибольшее количество белорусов проживало в городах: Оренбург (2540 чел.), Орск (1839 чел.), Новотроицк (867 чел.), Ясный (405 чел.), Бузулук (316 чел.), Гай (268 чел.), и Бугуруслан (245 чел.). Из районов области можно отметить Оренбургский, где проживали 346 белорусов, Бузулукский (282), Ташлинский (216), Адамовский (205), Новосергиевский (199), Новоорский (185). Эти показатели в очередной раз свидетельствуют о дисперсности расселения белорусов в Оренбуржье, что в значительной степени затрудняло проведение особой национальной политики по отношению к этой этнической группе.

В 1989 г. в области насчитывалось 10 803 белоруса, из которых только 34,9 % назвали родным для себя белорусский язык и 64,8 % – русский. Из числа белорусов, назвавших родным язык своей национальности, 93,4 % свободно владели русским языком. Таким образом, 97,4 % белорусов владели русским языком в качестве родного или второго языка общения.

11 марта 1993 г. состоялась учредительная конференция по образованию Оренбургского областного белорусского культурно-просветительского общества. В областной совет общества был избран 21 человек. Председателем правления общества был избран Виктор Мефодьевич Пархамович.

После смерти в 1999 г. владыки Леонтия созидательную работу продолжил его преемник на епископской кафедре Валентин (в миру Тимофей Адамович Мишук, по национальности также белорус). Он родился 14 октября 1940 г. в г. Бресте (Белоруссия), в семье рабочего. В 1957 г. окончил среднюю школу и поступил в 1-й класс Минской духовной семинарии, но в 1958 г. был призван в ряды Вооружённых Сил СССР и прервал обучение в семинарии. В 1962 г. по увольнению в запас некоторое время работал шофёром автоколон-

ны. В 1963 г. поступил во 2-й класс Московской Духовной семинарии, которую окончил в 1966 г. с отличием и поступил на 1-й курс Московской духовной академии. 30 марта 1969 г. пострижен в монашество с именем Валентин. 20 апреля 1969 г. рукоположен во иеродиакона, а 18 июля – во иеромонаха. В 1970 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия за сочинение по кафедре византологии на тему «Святитель Григорий Палама и Николай Кавасила (обозрение жизни и трудов)». В 1971 г. возведён в сан игумена. С 1972 г. был старшим помощником инспектора и преподавателем Московской духовной семинарии. В 1973 г. окончил аспирантуру при Московской духовной академии. В ноябре 1975 г. назначен ответственным за приём иностранных гостей в Троице-Сергиевой Лавре и академии. Постановлением Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода от 19 июля 1976 г. определён быть епископом Уфимским и Стерлитамакским. 20 июля 1976 г. возведён в сан архимандрита. 25 июля 1976 г. рукоположен во епископа Уфимского и Стерлитамакского. 16 ноября 1979 г. назначен епископом Звенигородским, Представителем Патриарха Московского при Патриархе Антиохийском (Сирия и Ливан). В 1981 г. награждён орденом Митрополита Гор Ливанских Антиохийской Православной Церкви, в 1983 г. – орденом преп. Сергия Радонежского II степени РПЦ, а в 1985 г. – двумя орденами апп. Петра и Павла Антиохийской Православной Церкви. 26 апреля 1985 г. назначен епископом Тамбовским и Мичуринским, а 12 мая 1987 г. – Владимирским и Суздальским. 30 декабря 1988 г. возведён в сан архиепископа. 27 октября 1990 г. назначен архиепископом Корсунским, но епархию не принял в виду внутрицерковной оппозиции его назначению. В 1991 г. награждён орденом Иерусалимской Православной Церкви. 18 февраля 1992 г. определён архиепископом Гродненским и Волковысским, а 26 февраля 1994 г. – архиепископом Бакинским, викарием Ставропольской епархии, ректором Ставропольской духовной семинарии. 17 июля 1995 г. уволен на покой. 19 июля 1999 г. назначен архиепископом Оренбургским и Бузулукским. В 2000 г. награждён орденом св. блгв. князя Даниила Московского II степени. 29 февраля 2004 г. возведён в сан митрополита. В 2006 г. награждён орденом преп. Серафима Саровского III степени, а в 2010 г. по Указу Президента РФ – орденом Дружбы. Решением Священного Синода от 5–6 октября 2011 г. определён главой новоучреждённой Оренбургской митрополии с титулом Оренбургский и Саракташский.

С 26 декабря 2012 г. по 23 октября 2014 г. одновременно был ректором Оренбургской духовной семинарии³⁵.

Таким образом, Оренбуржье исторически формировалось, как многонациональный и многоконфессиональный регион, в котором сложилась особая, неповторимая атмосфера смешения народов, языков, культур, традиций. И белорусское население, составляющее по данным переписи населения 2010 г. 5590 человек, занимает достойное место в оренбургском социуме.

Примечания:

¹ Крючек П. С. Крестьянские переселения из Могилевской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрвеня 2015 г., г. Магілёў / уклад. А. М. Баццокоў, І. А. Пушкін. – Магілёў: МДУХ, 2015. – С. 103.*

² Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 28. Оренбургская губерния (по сведениям 1866 г.). – Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1871. – С. 81. В этнографическом обзоре населения Оренбургской губернии содержится классификация, в соответствии с которой к славянской группе (в тексте «рассе») относятся «Великоросы, Малоруссы и Белоруссы).

³ Крючек П. С. Крестьянские переселения из Могилевской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрвеня 2015 г., г. Магілёў / уклад. А. М. Баццокоў, І. А. Пушкін. – Магілёў: МДУХ, 2015. – С. 103-104.*

⁴ Зобов Ю.С. Исследователь белорусского фольклора в Оренбургском крае Р.Г. Игнатъев // *Белорусы и Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2001. – С. 55-56. (Сам текст доклада не опубликован)*

⁵ Билз-Леонардт М. Записки последнего царского губернатора Оренбуржья // *Пятые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2011. – С. 106.*

⁶ Дорофеев В.В. Белорусы в Оренбурге до 1917 г. // *Белорусы в Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. – С.60.*

⁷ Известия ЦК РКП(б). – 1920. – 11 ноября.

⁸ ЦДНДОО. Ф.1. Оп.1. Д.123. Л.14.

⁹ Федорова А.В. Белоруссия и Оренбуржье: история взаимодействия // *Белорусы и Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. – С.34.*

¹⁰ Федорова А.В. Народы Южного Урала: этнический взгляд на историю. – Оренбург: Пресса, 2001. – С. 95.

¹¹ ГАОО. Ф.Р. 1. Оп.1. Д. 1074. Л. 12.

¹² ЦДНДОО. Ф.4. Оп.1. Д.74. Л.43об.

¹³ Федорова А.В. Белоруссия и Оренбуржье: история взаимодействия // *Белорусы*

и Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. – С.34.

¹⁴ Люкшина И.В. Детские дома Белоруссии на Оренбургской земле // Белорусы и Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. – С.94.

¹⁵ Богданова Е.Г. Военное поколение детей: демографические характеристики (по материалам Южного Урала) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (191). – С. 91.

¹⁶ ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л.44; Шпинаева Ю.И. Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. – 2002. – № 3(22). – С. 45.

¹⁷ Богданова Е.Г. Механическое движение населения Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (191). – С. 91.

¹⁸ Подсчитано по: ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 185. Л. 1-68.

¹⁹ Подсчитано по: ЦДНННО. Ф. 371. Оп.7. Д. 102. Л. 1-67.

²⁰ Хвостова Г.И. Процессы миграции славянского населения в условиях военного времени // Культура славян Оренбуржья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2003. – С.110-111.

²¹ Федорова А.В. Белоруссия и Оренбуржье: история взаимодействия // Белорусы и Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. – С.41-42.

²² Панина Т.С. Помощь Оренбуржья Витебской области в г.ы Великой Отечественной войны // Белорусы и Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. – С.70.

²³ Хвостова Г.И. Подвиг партизанки // Белорусы и Оренбуржье: проблемы, противоречия, опыт (материалы научно-практической конференции). – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2001. – С.91-92.

²⁴ Сегодня в Оренбурге была открыта памятная доска в честь Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда Кирилла Орловского. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orenburg-gov.ru/news/social/segodnya-v-orenburge-byla-otkryta-ramyatnaya-doska-v-chest-geroia-sovetskogo-soyuza-geroia-sotsialis/> (дата обращения: 02.09.2015).

²⁵ ГАОО. Ф.1014. Оп.8. Д.35. Л.187-193; 203-219; 241-295.

²⁶ ГАОО. Ф.1578. Оп.1. Д.752. Л.1-69.

²⁷ ГАОО. Ф.1014. Оп.8. Д.244. Л.143.

²⁸ ГАОО. Ф.617. Оп.1. Д.246. Л.4.

²⁹ Россковский В.П. Герои труда. Биографический справочник. – Калуга: Золотая аллея, 1999. – С. 104–105.

³⁰ Россковский В.П. Герои труда. Биографический справочник. – Калуга: Золотая аллея, 1999. – С. 116.

³¹ Мохунов Г.А. Герои Оренбуржья. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2013. – С. 208-209.

³² Оренбургская область за 50 лет. 1934 – 1983: Стат. Сб. – Челябинск: Ю.У. кн. изд-во, 1984. – С.6.

³³ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.: Политиздат, 1980. С.23.

³⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. – Оренбург: Стат. упр. Оренб. Обл., 1980. – С. 85-86.

³⁵ Валентин, митрополит Оренбургский и Саракташский (Мищук Тимофей Адамович) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/38730.html> (дата обращения: 20.11.2014).

Денисов Д. Н. (г. Оренбург, Россия)

БЕЛОРУСЫ ОРЕНБУРЖЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Накануне Великой Отечественной войны, по данным переписи 1939 г., в Чкаловской (ныне Оренбургской) области проживали 3796 белорусов. Но с началом боевых действий их численность многократно возросла за счёт массового притока из Белорусской ССР в удалённый тыловой регион Южного Урала беженцев, контингента эвакуированных предприятий и учреждений.

Так, под вражескими бомбардировками была спешно погружена и уже 25 июля 1941 г. прибыла в г. Чкалов (ныне Оренбург) Витебская мебельная фабрика с полным комплектом оборудования и оснасткой, производственными материалами, незавершёнными изделиями, частью рабочих, ИТР и служащих в составе 68 человек. На основе их объединения с местной Чкаловской мебельной фабрикой был создан деревообрабатывающий цех авиазавода, который наладил выпуск лонжеронов (силовых элементов конструкции) для истребителей ЛаГГ-3 в количестве 6 комплектов в сутки.

В период с 28 июля по 15 сентября 1941 г. в г. Чкалов (ныне Оренбург) была перебазирована Гомельская трикотажная фабрика имени 8-го Марта: в 46 железнодорожных вагонах вывезены 58 трикотажных столов МТ-1, 75 швейных машин, 110 чулочных и ластичных автоматов, пряжа, красители и др. Из-за нехватки площадей оборудование и материальные запасы разместили на Чкаловской чулочно-трикотажной фабрике «1 Мая», складах шорно-седельной и швейной фабрик, а 184 сотрудника подсадили в порядке уплотнения в чужие квартиры. Часть станков передали Бузулукской перчаточной фабрике. Сразу после монтажа оборудования, швейных цех гомельского предприятия приступил к изготовлению первых государственных за-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 15-11-56002 а(р).

казов. Работая в 2 смены, к 1 октября 1941 г. он выпустил 38620 штук изделий на сумму 96,9 тыс. руб. В октябре 1941 г. его план был выполнен на 122,2 %, а в ноябре – на 113,2 %.

В августе 1941 г. из г. Гомеля в Оренбуржье были эвакуированы артель инвалидов «Кооператор» и артель слепых местного отделения ВОС. По решению облисполкома первая была направлена в пос. Саракташ, где организовала самостоятельные швейное, обувное, скорняжное и трикотажное производства. Для этого ей удалось сберечь 7 специальных, 38 трикотажных и 61 швейную машину. А группа из 40 слепых со своими одеяльным и гвоздильным цехами влилась в состав Кувандыкской артели инвалидов «Красный Урал». Из-за отсутствия подходящих помещений, сырья и электроэнергии, потери по дороге части оборудования предприятия испытывали огромные сложности в работе и не могли развернуться на полную мощность. Тем не менее, в октябре 1941 г. саракташская артель «Кооператор» произвела товаров на 32 тыс. руб., а объединённая кувандыкская артель «Красный Урал» – на 8,2 тыс. руб.¹.

В октябре 1941 г. под новой угрозой оккупации из прифронтового города Елец Воронежской (ныне Липецкой) области дальше вглубь страны был вторично эвакуирован Витебский станкостроительный завод имени С. М. Кирова. Его оборудование поступило на площадку Чкаловского обособленного предприятия. Уже в конце ноября созданный здесь Чкаловский (ныне Оренбургский) станкостроительный завод дал первую продукцию. Он освоил выпуск токарных, расточных и поперечно-строгальных станков для нужд оборонной промышленности, специальных инструментов, приспособлений и деталей для танкового машиностроения.

Эвакуированный из г. Гомеля мяскокомбинат вошёл в состав Орского мяскоконсервного завода. За годы войны он поставил для фронта 54 тыс. тонн мяса, 18 тыс. тонн колбасных изделий, 18 млн. банок консервов, сотни тысяч тонн пищевых концентратов 42 наименований (суп-пюре гороховый, каша пшённая и др.), лекарства 12 видов (инсулин, адреналин, пенициллин и др.).

Кроме того, в Оренбуржье были вывезены оборудование, материалы и запчасти Гомельского и Могилёвского депо, эвакуированы и трудоустроены на месте по специальности 222 сотрудника Белорусской железной дороги². На станции Бузулук с 1941 по 1944 годы временно располагалось Минское профессиональное железнодорожное училище. Здесь его воспитанники не только постигали профессию в теории,

но и ремонтировали подвижной состав, занимались военной подготовкой, выпускали боеприпасы, убирали урожай.

В июне 1942 г. из Уфы в Сорочинск была переведена эвакуированная прежде 10-я военная авиационная школа начального обучения, сформированная прямо перед войной в г. Гомеле.

Помимо профессиональных училищ, из Белоруссии Оренбургский край принял также заведения общего и дошкольного образования. Всего за время Великой Отечественной войны в Чкаловскую область из Белорусской ССР были эвакуированы 12 различных детских учреждений с общим контингентом в 1405 человек (1004 ребёнка и 401 сотрудник): дом грудного ребёнка (100 детей, 49 сотрудников), детский сад (60 детей, 11 сотрудников), детский дом (70 детей, 17 сотрудников), школьный детский дом (70 детей, 16 сотрудников), трахоматозный детский дом (60 детей, 26 сотрудников) – все из г. Гомеля; школьный детский дом из г. Речица Гомельской области (60 детей, 18 сотрудников), дошкольный детский дом из г. Витебска (75 детей, 26 сотрудников), костно-туберкулезный санаторий из г. Лиозно Витебской области (223 ребёнка, 167 сотрудников), детский сад № 74 из г. Минска (32 ребёнка, 8 сотрудников), школьные детские дома из Чериковского района Могилёвской области (104 ребёнка, 22 сотрудника), из г. Шклова Могилёвской области (90 детей, 21 сотрудник) и из г. Петрикова Полесской области (60 детей, 20 сотрудников)³.

К июню 1942 г. в Оренбуржье были расселены по эвакуации 255 школьных работников из Белорусской ССР, в том числе: из Витебской области – 42, из Гомельской – 86, из Минской – 77, из Могилёвской – 42, из Полесской – 8.

Наконец, на Южном Урале в годы войны нашли приют деятели национальной науки и культуры. На станции Колтубанка Бузулукского района обосновался Белорусский НИИ лесного хозяйства. Его директор И. А. Хомяков, сотрудники В. И. Панков, П. В. Хомякова и И. Д. Юркевич сделали многое для научного изучения уникального лесного массива Оренбуржья – Бузулукского бора. На территории Асекеевского района жили в эвакуации известные белорусские художники, отец и дочь, В. М. и Р. В. Кудревичи, а в Адамовском районе – живописцы Н. Л. Тарасенков и Л. С. Ран⁴. В г. Бузулуке были поселены семьи членов Правительства Белорусской ССР.

Национальная принадлежность эвакуированных постоянно не отслеживалась. Известно лишь, что к 15 октября 1941 г. в Оренбуржье прибыло из оккупированных позже районов и прифронтовой полосы

8780 белорусов⁵. А по состоянию на 20 апреля 1942 г. в Чкаловской (ныне Оренбургской) области были приняты и размещены уже 24910 эвакуированных граждан различных народов из Белорусской ССР, в том числе: из Барановичской области – 719, из Белостокской – 777, из Брестской – 237, из Виленской – 542, из Витебской – 6412, из Гомельской – 6992, из Минской – 4171, из Могилёвской – 3149, из Пинской – 309, из Полесской – 1602⁶.

Разумеется, и местные, и эвакуированные граждане белорусской национальности, движимые любовью к Родине и гражданским долгом, массово уходили из Оренбуржья на фронты Великой Отечественной войны. Из их числа боевыми орденами были награждены: А. Н. Аксёнов, А. А. Ананич, И. И. Антонович, В. Н. Апунович, К. В. Астахович, А. И. Бабицкий, Н. Н. Бабич, Л. В. Бань, А. А. Барановский, А. А. Барковский, У. А. Барковский, Н. А. Бекеш, Н. М. Белобровик, А. К. Бондарчук, А. Б. Буевич, В. Н. Буков, Е. Ф. Бусел, И. С. Буховец, А. К. Василевский, С. М. Вербицкий, М. Г. Вильчик, Э. В. Внук, А. М. Высоцкий, А. П. Габрусь, Г. Б. Габрусь, П. П. Гаврюк, В. М. Гедройц, Г. Ю. Герман, Я. К. Гладченко, Г. В. Глебо, В. З. Глот, И. З. Глот, Г. И. Голик, Ю. К. Головач, П. З. Гончарик, В. Е. Горбатовский, А. И. Горелик, К. А. Гориленко, М. П. Гриневиц, А. А. Гузов, Г. А. Гуревич, Г. Д. Давыденко, Б. В. Демидович, С. М. Демидович, Н. П. Добролевский, К. А. Долженко, Д. А. Дорофеев, Ю. И. Драгун, А. Г. Дробышевский, Я. Я. Дубицкий, М. Р. Дубко, Я. И. Дубровский, М. И. Жилинский, Т. И. Жилинский, В. А. Жугарь, П. А. Жук, В. И. Жуковский, Н. С. Жуковский, А. Д. Залесский, Г. Д. Заниманец, А. И. Зданович, В. Ф. Зеленковский, Н. К. Зенько, М. Г. Злобинский, К. П. Иваненко, А. С. Игнатович, П. С. Калинин, В. А. Каминский, В. А. Капский, М. И. Караго, В. Г. Кириенко, Н. В. Климович, Н. П. Климович, Л. Б. Кобрина, А. Т. Ковалёв, И. Е. Кожемяко, А. М. Козловский, Л. А. Козловский, Я. А. Колпаков, К. И. Колтович, И. П. Копшик, В. Ф. Корбут, И. В. Корзун, И. А. Корнеевец, В. З. Костецкий, В. Н. Котович, В. А. Крикун, В. А. Кунцевич, М. В. Курита, Н. В. Латышевский, С. В. Лашкевич, В. Ф. Леванович, Д. М. Левкович, В. А. Литвинов, М. А. Лысенко, Р. О. Люлькович, А. В. Маевский, Н. К. Маевский, П. М. Макаревич, В. Д. Марковский, Б. Л. Масалай, А. Э. Мельников, М. Д. Миланович, В. А. Михайлов, А. П. Миц, А. А. Мицкевич, Л. И. Новиков, Н. П. Новицкий, А. П. Обухович, Э. И. Олехнович, С. Н. Пантюк, И. А. Панько, Н. А. Пашкевич, П. И. Пашута, Н. Н. Петрашко, А. А. Петрович, В. П. Петровский, В. И. Пикуло, В.

А. Подобед, А. Е. Пожах, В. Д. Полозняк, Н. И. Приставка, В. Е. Проровский, С. М. Равнополец, Б. Д. Романовский, Б. И. Романовский, И. И. Романовский, Г. А. Рупец, Д. Д. Сакуло, Е. А. Свиленок, Н. И. Сейлис, К. С. Сергейчик, П. И. Сергель, В. В. Сергун, П. А. Случанко, Г. А. Смолонский, П. И. Соколовский, Л. И. Соловей, Г. А. Солонович, И. А. Стальмахович, К. А. Старосельский, М. П. Стефанович, А. Ф. Трусов, В. А. Тумилович, И. И. Фалей, А. П. Фанабрович, В. Т. Ференец, Л. Г. Филиппович, И. Л. Филипченко, С. Н. Философович, А. Л. Харьков, Э. Ф. Хороща, М. А. Чекан, И. В. Шалаш, И. Ф. Шалкевич, В. В. Шатило, А. К. Шеленок, В. И. Шеремет, И. И. Шпаковский, А. Н. Юбко, И. Л. Юшкевич, И. Г. Янкович, В. И. Яцкевич и многие другие.

Белорусы, призванные в армию из Оренбуржья, отличились во всех крупных сражениях и операциях Великой Отечественной войны, проявив подлинные мужество, героизм и самопожертвование.

Например, с первого дня войны, когда его подразделение было поднято по тревоге, пилот 158-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Головач Юрий Кузьмич, призванный ещё в 1938 г. из г. Орска, участвовал в отражении воздушных налётов противника на Ленинградскую область. С 22 июня 1941 г. по 6 июля 1942 г. он совершил 191 боевой вылет, в том числе: 109 – на прикрытие городов Ленинграда и Волхова, 50 – на патрулирование, 25 – на сопровождение бомбардировщиков и воздушных транспортов, 7 – на разведку войск и аэродрома противника. Провёл более 30 воздушных боёв, в ходе которых сбил 9 немецких самолётов. Так, 3 июля 1941 г. Юнкерс-88 пытался бомбить шоссе и линии связи у города Остров ныне Псковской области, но советский лётчик уничтожил врага, рухнувшего в районе озера Псковское. В тот же день 3 немецких самолёта зашли на бомбардировку аэродрома Рожкополье ныне Палкинского района Псковской области, однако вылетевшее на перехват звено из 3 советских машин не позволило им сбросить смертоносный груз. При этом каждый пилот ликвидировал по одному Юнкерсу-88, в том числе опять младший лейтенант Ю. К. Головач. 13 августа 1941 г., ведя неравный бой с немецкими самолётами Ме-110 и Хе-113 в районе города Красногвардейска (ныне Гатчина) Ленинградской области, он сбил вражеский Хейнкель, упавший в районе Гурьево. 25 августа 1941 г., выполняя разведку в тылу противника, советские лётчики были атакованы германскими истребителями Ме-109. В воздушной схватке младший лейтенант Ю. К. Головач сбил один Мессершмитт

над озером Тигода, но и сам получил тяжёлые повреждения своего борта. Тем не менее, умело маневрируя, он привёл самолёт на аэродром и благополучно его посадил⁷. 29 марта 1942 г. в составе шестёрки Юрий Кузьмич отправился на прикрытие города Волхова и смело атаковал в лоб крупную авиационную группу противника из 18 бомбардировщиков и 12 истребителей охраны, идущих на бомбометание объекта. Фашисты были до него не допущены и рассеяны. В завязавшемся бою советские истребители повредили 2 Ме-109, сбили 3 Ю-88 и 2 Ме-109, в том числе один лично старший лейтенант Ю. К. Головач южнее станции Мга ныне Кировского района Ленинградской области. 26 июня 1942 г. семёрка наших самолётов в том же районе встретила уже 56 бомбардировщиков и 12 истребителей сопровождения люфтваффе. Смело ринувшись на противника, они расстроили его ряды и вынудили сбросить бомбы в чистом поле для более успешного маневрирования в бою. Пилот Ю. К. Головач поджог один из Ю-88, который объятый пламенем упал в районе села Оломна ныне Киришского района Ленинградской области. Следом на советских асов набросились немецкие истребители охранения, но атака была отбита, причём Юрий Кузьмич пулемётными очередями прошёл Ме-109, который

*Лётчики 158-го истребительного авиационного полка.
Четвёртый слева – Ю. К. Головач. 15 июля 1941 г.*

затем врезался в землю у посёлка Войбокало ныне Кировского района Ленинградской области. А советская группа вернулась на базу без потерь⁸. 2 и 3 августа 1942 г. старший лейтенант Ю. К. Головач сбил ещё 2 немецких самолёта, Ю-88 и Ме-109, западнее города Пушкин Ленинградской области⁹. Но 3 сентября 1942 г. при выполнении очередного боевого задания он погиб и был похоронен в селе Капитолово ныне Всеволожского района Ленинградской области¹⁰.

После горечи утрат и отступлений, осенью 1942 г. – зимой 1943 г. Красной Армии удалось остановить врага на Волге, окружив и уничтожив крупную группировку немецко-фашистских войск под Сталинградом. Во время этой битвы, с октября 1942 г. по февраль 1943 г. отделение миномётной роты 985-го стрелкового полка 226-й стрелковой дивизии из 3 рядовых под командованием сержанта Демидовича Степана Михайловича, призванного Бузулукским райвоенкоматом, уничтожило до 70 немецких солдат и офицеров и подавило 5 огневых точек противника. За этот период в ожесточённых боях сам командир был трижды ранен, но каждый раз упорно возвращался на передовую¹¹.

А. Н. Аксёнов

Разгром вермахта под Сталинградом позволил советским войскам развить контрнаступление и освободить Юг России. При отведении Ростовской области отличился стойкостью и отвагой командир отделения 149-го гвардейского стрелкового полка 49-й гвардейской стрелковой дивизии сержант Аксёнов Александр Никифорович. В 1941 г. он окончил Гомельское педагогическое училище, но с началом войны был вынужден эвакуироваться в Оренбуржье, где работал учётчиком в колхозе «Пролетарская сила» села Саратовка (ныне исчезнувшего на территории Саракташского района). С августа по ноябрь 1942 г. был курсантом Чкаловского пехотного военного училища,

после чего отправился на фронт. Принимал участие в Сталинградской битве и последующем освобождении городов Ростов, Новочеркасск и Таганрог. В феврале 1943 г. у райцентра Матвеев Курган Ростовской области сержант А. Н. Аксёнов всего с 12 бойцами на протяжении нескольких суток удерживал господствующую высоту, отбивая пулемётным огнём и гранатами натиск многократно превосходящих сил противника. Во время одной из немецких контратак он был тяжело ранен в обе ноги¹². Комиссованный из армии снова приехал в Оренбуржье, где с августа 1943 г. работал заведующим начальной школой в селе Изяк-Никитино ныне Саракташского района, а с февраля 1944 г. был 1-м секретарём Гавриловского райкома ВЛКСМ. Вернувшись в том же 1944 г. из эвакуации на освобождённую родину, продолжал продвигаться по комсомольско-партийной линии, достигнув самых высоких постов: в 1960–1965 гг. был министром внутренних дел, в 1978–1983 гг. – председателем Совета министров – Правительства Белорусской ССР, в 1985–1989 гг. – председателем Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

После стабилизации линии фронта к лету 1943 г. германское командование попыталось вернуть утраченную стратегическую инициативу и двойным сходящимся ударом на Курской дуге взять в клещи выступ советской обороны, замкнув котёл окружения. Только на одном небольшом участке у деревни Троекуровское Троснянского района Курской области 10 июля 1943 г. под прикрытием танков фашисты бросили в атаку до батальона пехоты (около 600 человек), бешено обрабатывали наши укрепления артиллерийским и миномётным огнём, бомбили силами 40 самолётов. Но командир миномётного взвода 3-й стрелковой роты 896-го стрелкового полка 211-й стрелковой дивизии старший сержант Бусел Ефрем Фёдорович, призванный из г. Орска, умело расположил при 15 бойцах 3 своих орудия, из которых беглым огнём беспощадно громил наступающих немцев. В разгар боя весь его расчёт выбыл из строя ранеными и убитыми. И только сам командир продолжал один носить и запускать боеприпасы, яростно отбиваясь до последней мины. В итоге его взвод уничтожил до 100 военнослужащих и 1 пулемётную точку противника¹³.

Срыв немецкого реванша в Курской битве обеспечил сохранение наступательного порыва Красной Армии по освобождению советских республик и стран Восточной Европы от нацистского гнёта.

При очищении Украины от фашистских захватчиков, в бою за город Харьков 10 августа 1943 г. командир отделения 2-го стрелкового

батальона 342-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии старший сержант Юревич Викентий Викентьевич, призванный из г. Чкалова (ныне Оренбурга), первым ворвался в оборону противника и гранатой уничтожил 2 немцев, получив в бою тяжёлое ранение¹⁴.

В сражении за село Карачекрак (ныне Подгорное) Васильевского района Запорожской области 24–25 октября 1943 г. командир взвода противотанковых ружей 2-й стрелковой роты 1010-го стрелкового полка 266-й стрелковой Артёмовской дивизии младший лейтенант Сакуло Демьян Дмитриевич, призванный Бузулукским райвоенкоматом, подбил немецкий тяжёлый танк «Тигр» и грузовую автомашину. А после ранения своего ротного принял командование и 3 раза водил подразделение в атаку¹⁵.

У села Новоандреевка Новгородковского района Кировоградской области только за два дня, 13 и 14 декабря 1943 г. снайпер 532-го стрелкового полка 111-й стрелковой Александрийской дивизии Буевич Анатолий Брониславович, призванный из Чкаловского (ныне Оренбургского) района, выбил 17 солдат и офицеров противника¹⁶.

При штурме ключевого узла немецкой обороны на подступах к городу Севастополю в Крыму 8 мая 1944 г. командир стрелкового взвода 4-й стрелковой роты 844-го стрелкового Понежежского полка 267-й стрелковой Сивашской дивизии лейтенант Марковский Владимир Дмитриевич, бывший учащийся эвакуированного Минского железнодорожного профучилища, призванный Бузулукским райвоенкоматом, со своим подразделением одним из первых ворвался во вражеские траншеи на Сапун-горе, уничтожил до 15 фашистских солдат и офицеров, но и сам был тяжело ранен¹⁷.

При освобождении родной Белоруссии 23 июня 1944 г. в боях за деревни Будино, Бубыли, Радучи, Сусловка Чаусского и Дрибинского районов Могилёвской области командир самоходки СУ-76 1902-го самоходного артиллерийского Кременчугского полка младший лейтенант Миланович Михаил Дмитриевич, призванный Бузулукским райвоенкоматом, на своей машине уверено и смело шёл впереди советского наступления, искусно обходя заминированные врагом участки. Взламывая вражескую оборону, его орудие уничтожило 3 противотанковых пушки и 3 станковых пулемёта с прислугой, 1 дзот и до 20 гитлеровцев. От прямого попадания артиллерийского снаряда противника советская боевая машина загорелась, причём был тяжело ранен командир батареи. Но М. Д. Миланович лично вытащил его из огня и прямо на поле боя оказал первую медицинскую помощь¹⁸.

При форсировании реки Друть, в районе города Рогачёв Гомельской области 24 июня 1944 г. командир отделения сапёрного взвода 740-го стрелкового полка 217-й стрелковой Уманской дивизии сержант Гориленко Константин Адамович, призванный из г. Орска, под ураганным артиллерийским и миномётным огнём противника стойко и мужественно наводил и чинил от повреждений переправу, что позволило своевременно вывести на другой берег стрелковые подразделения, артиллерию и обозы. Следом он соорудил переправу и штурмовой мостик через речку Добысну. А когда 26 июня 1944 г. немцы пытались подорвать перед наступающими советскими частями железнодорожный мост через приток Березины, реку Ола отважный сапёр под сильным обстрелом подобрался к инженерному сооружению и успешно разминировал его¹⁹.

29 июня 1944 г. разведчик 35-го гвардейского артиллерийского полка 1-й гвардейской стрелковой Московской дивизии гвардии рядовой Кунцевич Владимир Андреевич, призванный Бузулукским райвоенкоматом, у деревни Смоляны Минской области засёк место расположения немецкого пулемёта, стрелявшего во фланг наступающей советской пехоте. Зайдя к нему с тыла, он убил одного пулемётчика, а второго взял в плен, чем обеспечил успешное продвижение вперёд наших стрелков²⁰.

При вызволении Молдавии из-под оккупации, в бою по прорыву сильно укреплённой долговременной обороны противника у деревни Толмаз ныне Штефан-Водского района 20 августа 1944 г. пулемётчик 1-го стрелкового батальона 19-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 10-й гвардейской воздушно-десантной Криворожской стрелковой дивизии гвардии сержант Бабич Николай Никифорович, призванный Бузулукским райвоенкоматом, первым переправился через старицу Днестра, огнём своего пулемёта подавил 4 огневые точки противника, убил 10 румынских рядовых и 1 офицера, взяв в плен ещё 3 солдат²¹.

В ходе последующего занятия союзной фашистам Румынии батарея 1354-го зенитно-артиллерийского полка 27-й зенитной дивизии Резерва Верховного Главнокомандования попала в окружение. Выполняя боевую задачу, 25 августа 1944 г. она следовала по маршруту Васлай – Красна – Хуши. Но западнее Крэстешти противник внезапно перерезал дорогу и взял советское подразделение в кольцо. Быстро развернувшись, батарея заняла круговую оборону. Несмотря на губительный вражеский огонь, командир отделения тяги полка рядовой

Гладченко Яков Калистратович, призванный из г. Орска, из своего автомата безудержно расстреливал наступающих немцев, положив за 4 вражеских атаки 17 солдат. Заметив причиняемый им урон, немецкий офицер стал подбираться к нему со спины, но Я. К. Гладченко обернулся на шорох и застрелил врага в упор. Истратив все патроны, советский солдат с бойцами приборного отделения пошёл в рукопашную схватку, убив ещё 4 немцев²².

При освобождении Польши, перейдя в наступление с плацдарма на правом берегу Вислы и прорвав глубоко эшелонированную оборону противника, войска 1-го Белорусского фронта стремительным манёвром обошли Варшаву с юга и запада, отрезав её гарнизон от основных немецких сил. В этой операции 16 января 1945 г. командир взвода танков Т-34 85-го отдельного танкового Севастопольского полка Габрусь Георгий Борисович, призванный из г. Чкалова (ныне Оренбурга), в районах западнее населённых пунктов Дембноволя, Пустынка, Хынув ныне Мазовецкого воеводства лично уничтожил 2 пушки, 1 миномёт, 2 автомашины, раздавил гусеницами своего танка до взвода вражеской пехоты (50 человек) и взял в плен 10 гитлеровцев. В бою за город Сохачев его взвод ликвидировал 3 пультачки и до 15 солдат противника²³.

Г. Б. Габрусь

В ходе подготовки к штурму хорошо укрепленного города-крепости Кёнигсберг (ныне Калининград) в Восточной Пруссии командир разведотделения 1165-го корпусного артиллерийского полка старший сержант Маевский Алексей Викентьевич, призванный из г. Медногорска, выявил 8 блиндажей, 2 дзота, 1 бункер, 2 артиллерийских батареи 105-мм орудий и 1 батарею 81-мм миномётов противника. Некоторые из целей до этого никак себя не проявляли и могли быть обнаружены только при близком наблюдении. Это позволило заранее, до начала советского наступления подавить их артиллерией. В ходе

уличных боёв за южное городское предместье Понарт 7 апреля 1945 г., следуя в штурмовых порядках, разведчик со своим отделением автоматным огнём и гранатами истребил до 15 немецких солдат и пленил 2 унтер-офицеров. 8 апреля разведгруппа А. В. Маевского в числе передовых частей форсировала внутригородскую реку Прегель, очистила от противника дом на другом берегу и засела на чердаке, откуда вела наблюдение и передавала координаты целей для нашей артиллерии. 9 апреля в ходе боевого поиска на улицах Кёнигсберга отделение подверглось обстрелу из крупнокалиберного пулемёта, но разведчики через пролом стены ворвались в дом и ликвидировали вражеский расчёт²⁴.

При взятии столицы Австрии, города Вена 12 апреля 1945 г. гвардии старшина роты 301-го гвардейского стрелкового полка 100-й гвардейской Свирской стрелковой дивизии Романовский Борис Дмитриевич, призванный из г. Чкалова (ныне Оренбурга), под сильным миномётно-пулемётным огнём противника первым переправился через Дунайский канал и наладил снабжение боеприпасами своего атакующего подразделения. При очередной поездке его лошади были убиты, и он сам начал таскать ящики на плечах в воде. Возвращаясь за новой партией, старшина был обстрелян 3 вражескими автоматчиками, но метким броском гранаты уничтожил их группу²⁵.

В боях за освобождение Чехословакии, на подступах к городу Брно с 15 по 27 апреля 1945 г. наводчик орудия 1844-го истребительного противотанкового артиллерийского полка 30-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской Клужской бригады Резерва Верховного Главнокомандования сержант Чекан Михаил Архипович, призванный из г. Орска, огнём своей пушки сопровождал наступление нашей пехоты и сметал точки сопротивления на её пути. При выходе в северное предместье города, местечко Кралово-Поле его орудие накрыло 4 пулемёта, 3 повозки с боеприпасами, разрушило 3 дома с засевшими в них снайперами и ликвидировало до 25 солдат противника²⁶.

В ходе завершающей войну Берлинской наступательной операции советские войска ценой тяжелейших потерь овладели мощным узлом вражеской обороны на Зееловских высотах к востоку от столицы фашистской Германии, но противник отчаянно пытался вернуть свои отнятые позиции, предпринимая одну контратаку за другой. 16 апреля 1945 г. командир взвода управления 371-го гвардейского самоходного артиллерийского Познаньского полка гвардии лейтенант Латы-

шевский Николай Васильевич, призванный из г. Чкалова (ныне Оренбурга), организовал бойцов вокруг командного пункта для отражения немцев, пытавшихся сбросить наши части с высот. Огнём автоматов и трофейного пулемёта, за которым стоял сам Н. В. Латышевский, красноармейцы косили гитлеровцев, подпуская их на 30–50 метров. В схватке с фашистами командир был ранен: пуля раздробила ему зубы и повредила челюсти. Но гвардии лейтенант Н. В. Латышевский, преодолевая боль, продолжал опустошать ряды контратакующего противника из пулемёта. Когда наша пехота под напором превосходящих сил немцев дрогнула и начала отходить, он встал в полный рост под ураганным огнём противника и личным примером повёл группу советских бойцов вперёд, сбросив атакующие вражеские части со склонов. Высоты на этом участке остались за нами, а командный пункт полка даже не переместился. Несмотря на полученное ранение, Н. В. Латышевский до последнего не ушёл с поля боя, а получив медицинскую помощь, вернулся в строй²⁷.

После взятия Берлина и окончательной Победы над врагом демобилизованные советские воины белорусской национальности воссоединились со своими семьями, многие из которых на протяжении 1944–1947 гг. постепенно возвращались из чкаловской эвакуации на территорию освобождённой Белоруссии. Согретые теплом местных сердец в самые суровые годы, они не остались без помощи оренбуржцев и в деле послевоенного восстановления разрушенного хозяйства своей республики. При этом жители Южно-Уральского региона взяли целевое шефство над Витебской областью. Для неё чкаловцы, медногорцы и бугурусланцы отгрузили строгальные, токарные, фрезерные станки, электрооборудование, инструменты всех видов, тракторный и гужевой сельхозинвентарь²⁸. Был закуплен племенной скот для возрождения поголовья в Белоруссии, куда командированы научные специалисты в сфере животноводства.

Но значительная часть эвакуированных белорусов за годы войны обзавелась в Оренбуржье хозяйством, семьями, друзьями и предпочла остаться в регионе, ставшем для них вторым домом. Это способствовало росту белорусского населения Чкаловской (Оренбургской) области с 3796 человек в 1939 г. до 7782 человек в 1959 г.²⁹

Примечания:

1. Люкшина И. В. О предприятиях, эвакуированных из Белоруссии в Чкаловскую область в 1941–1942 гг. (по документам ГБУ «ЦДНИОО») // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: мат. X Межд. науч.-пр. конф., по-

- свящ. Дню славянской письменности и культуры. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 337–342.
2. Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С. М. Муромцевой. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. – С. 128.
3. Житинский Г. В. Эвакуация белорусского населения и предприятий в Чкаловскую область в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в исторической памяти белорусского народа: Мат. II Межд. студ. науч. конф., посвящ. 65-й годовщине освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. – Гродно: Гродненский гос. аграрный университет, 2009. – С. 27.
4. Фёдорова А. В. Эвакуация в Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Страницы истории // Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С. М. Муромцевой. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. – С. 18, 28.
5. Моргунов К. А. Белорусы на Южном Урале в русле советской национальной политики // Славяне в этнокультурном пространстве южно-уральского региона: мат. межрегион. науч.-пр. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2012. – С. 200.
6. Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С. М. Муромцевой. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. – С. 60.
7. Головач Юрий Кузьмич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=10719176> (дата обращения: 28.04.2015); Центральный архив Министерства обороны России (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Е. х. 75. Л. 251–251 об.
8. Головач Юрий Кузьмич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=10429018> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Е. х. 107. Л. 77–77 об.
9. Быков М. Ю. Все асы Сталина 1936–1953 гг. – М.: Яуза-пресс, 2014. – С. 265.
10. Головач Юрий Кузьмич // Обобщённый банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51113187> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Е. х. 925. Л. 77–77 об.
11. Демидович Степан Михайлович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=16527488> (дата обращения: 28.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Е. х. 826. Л. 182.
12. Аксёнов Александр Никифорович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=47099503> (дата обращения: 01.05.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Е. х. 312. Л. 238.
13. Бусел Ефрем Фёдорович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=17428191> (дата обращения: 28.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Е. х. 1371. Л. 61.
14. Юревич Викентьевич Викентьевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=34419092> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 7324. Л. 94.

15. Сакуло Демьян Дмитриевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=18877057> (дата обращения: 28.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Е. х. 1406. Л. 214.
16. Бувевич Анатолий Брониславович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=31220356> (дата обращения: 28.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 362. Л. 54.
17. Марковский Владимир Дмитриевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=22788238> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 426. Л. 43.
18. Миланович Михаил Дмитриевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=33528761> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 5099. Л. 183.
19. Гориленко Константин Адамович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=30383099> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 1403. Л. 312.
20. Кунцевич Владимир Андреевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=32765549> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Е. х. 1918. Л. 95.
21. Бабич Николай Никифорович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=22769322> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 397. Л. 40.
22. Гладченко Яков Калистратович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=42312713> (дата обращения: 02.05.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Е. х. 882. Л. 159.
23. Габрусь Георгий Борисович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=24898398> (дата обращения: 01.05.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 2900. Л. 81.
24. Маевский Алексей Викентьевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=23811461> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 1514. Л. 372.
25. Романовский Борис Дмитриевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=22855996> (дата обращения: 29.04.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 570. Л. 221.
26. Чекан Михаил Архипович // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=43600483> (дата обращения: 29.04.2015);

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Е. х. 690. Л. 428.

27. Латышевский Николай Васильевич // Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.podvignaroda.ru/?n=26388678> (дата обращения: 01.05.2015); ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Е. х. 4850. Л. 104.

28. Чкаловская коммуна. – 1945. – 3 марта.

29. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России. Чкаловская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=59 (дата обращения: 03.05.2015); Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России. Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=53 (дата обращения: 03.05.2015).

Кортунов А. И. (г. Уфа, Россия)

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ УФИМСКОГО, ТАБЫНСКОГО И НАГАЙБАКСКОГО КАЗАЧЕСТВА (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XIX ВВ.) *

В настоящее время вопросы этноконфессиональной истории регионов Российской Федерации весьма актуальны. В современном российском обществе наблюдается активизация интереса к историческому прошлому коренных народов России, что нашло свое отражение в постсоветской отечественной историографии. Осознание важности проблем межнациональных и межконфессиональных отношений, толерантности и патриотизма, возможно только углубившись в историю нашей многонациональной страны, опираясь на научную фактическую базу. Таким образом, теоретические изыскания в области этноконфессиональной истории регионов Российской Федерации позволяют заложить основу социальной стабильности в государстве.

Одной из малоизученных страниц истории Уральского региона остается вопрос, связанный с казачеством Уфимской провинции. В процессе изучения исторического прошлого местного служилого казачьего населения наиболее существенными являются вопросы этноконфессиональной и сословной принадлежности казаков. Возникшая во второй половине XVII столетия община уфимских конных

* Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014-2016 гг.). Тема научно-исследовательской работы: «Кочевники Золотой Орды XIII-XV вв. и казачество Урала XVI-XIX вв.: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936).

казаков первоначально формировалась из местного контингента служилых людей (стрелецких детей, иноземцев, новокрещен и др.). Если этноконфессиональный состав стрельцов г.Уфы XVI-XVII вв. был преимущественно русско-православным, то состав иноземцев и новокрещен существенно отличался от них своей разнородностью. Среди них встречались крещеные ногайцы, татары, чуваша, мордва, марийцы и др. По сословной принадлежности их состав так же был довольно разнообразным. В иноземцы и новокрещены записывали дворцовых крестьян, приборных служилых людей, полоцкую шляхту, посадских людей, подьячих и др.¹ Вероятнее всего данный контингент являлся наиболее удобным к верстанию в казачью конную службу, так как был в большей степени уже укомплектован оружием и лошадьми.

В начале XVIII в. после нескольких челобитных от уфимских конных казаков, властями был издан указ о запрещении верстать в казаки г.Уфы людей не являющихся их родственниками². Но после начала крупного башкирского восстания в 1735 г. данные правила перестали действовать. Причиной тому являлась нехватка служилого контингента в регионе. Уфимские конные казаки часто несли серьезные людские потери в столкновениях с мятежниками. Например, в начале 1736 г. около г.Уфы в башкирской деревне Кубов началось восстание. Под командой секунд-майора Ртищева туда был послан большой отряд из регулярных и нерегулярных людей. В их числе были уфимские казаки вместе с атаманом Кадомцевым. Возле деревни отряд Ртищева полностью уничтожили восставшие башкиры³.

Таким образом, постоянный недостаток в служилых людях привел к установлению практики верстать в казачью службу представителей из различных сословий. Документы Оренбургской войсковой канцелярии 1740-1750-х гг. свидетельствуют о том, что казаков катастрофически не хватало в регионе. Поэтому в жалованные казаки набирали «по вакансиям» из местного контингента способного нести военную службу, а именно калмыков, башкир, татар, мещеряков, ссыльных разных национальностей и др. О нехватке казачьего контингента в регионе свидетельствует и тот факт, что многие казаки вынуждены были служить до глубокой старости. Как правило, местных казаков увольняли со службы только по причине «дряхлости и неспособности продолжать службу». Так, например, в ноябре 1755 г. были уволены со службы едзяцкие казаки Федосий Сусанин 72 лет от роду, а так же «оглохший и маловидящий» Петр Воробьев 72 лет. 20 января 1757 г.

подал прошение об отставке «по причине дряхлости и старости» сотник нагайбакских казаков Иуда Андреев 79 лет и т.д.⁴

Мы обнаружили некоторые сведения, относящиеся к XVIII – первой половине XIX вв., связанные со службой в уфимском казачестве различного крещеного инородческого контингента. В Уфимской казачьей общине встречаются крещеные башкиры, татары, мещеряки, шляхтичи, турки, немцы и др. В казаки здесь в разное время так же зачислялись дворяне и бывшие канцелярские служащие, колодники, сосланные крестьяне, военнопленные, «непомнящие родства» и др.⁵

Такая ситуация сложилась вероятнее всего в результате того, что в уфимское казачество долгое время записывались по указу Уфимской провинциальной канцелярии, а не по приказу атамана Оренбургского войска. Так же на сложившуюся ситуацию повлияла практика зачисления в Уфимскую казачью общину «по вакансиям», без предварительного освидетельствования войсковым начальством. Особенно это просматривается в XVIII в.

В 1735 г., после начала работы в регионе Оренбургской экспедиции, вспыхивает массовое башкирское восстание. Недовольство башкир было в первую очередь связано со строительством на Южном Урале целого ряда крепостей. После первой волны волнений в Уфимской провинции намечается несколько мест для строительства новых укреплений. Главным назначением усиленных гарнизонов данных крепостей должно было стать усмирение башкирского восстания и охрана обозов с продовольствием, почтой и др. В результате в 1735-1737 гг. в центральной части Башкирского края закладывается несколько крепостей (Табынская, Красноуфимская, Едзяцкая и Нагайбакская).

Табынская крепость была заложена летом 1736 г. самим начальником Оренбургской экспедиции И.К. Кириловым. Стоит отметить, что табынская казачья община, в отличие от уфимской, формировалась из несколько другого элемента. Первоначально в Табынск для поселения было назначено 100 казаков. Некоторые опубликованные послужные списки позволили нам установить примерный состав табынского казачества.

В 1782 г. атаман А.А. Углицкий послал уфимскому атаману П. Бурцеву ордер с приказом прислать «списки казаков с указанием имен и фамилий, из какого рода людей и по чьему распоряжению в казачью службу поступили и когда». Послужные списки казаков Табынского пригорода были подготовлены атаманом Шебановым и в июне 1782 г.

отправлены в Уфу. При исследовании данных источников, содержащих ценные сведения о формировании табынского казачества в период 1736-1746 гг., отмечены следующие факты: 1) В 1736 г. зачислен в табынскую казачью общину Филипп Жигулев, происходивший родом из казачьих детей Симбирского уезда села Рождественского (по ордеру эмиссара Утятникова); 2) В 1736 г. по распоряжению эмиссара Утятникова один человек зачислен в казаки Табынской крепости из дворцового ведомства Нижегородской губернии деревни Притыкиной; 3) В 1736 г. зачислены в табынские казаки несколько человек из солдатских детей; 4) В 1736 г. в Табынскую казачью общину зачислены монастырские крестьяне из Троице-Сергиевской лавры; 5) В 1738 г. в табынские казаки записаны пришлые люди из детей ремесленников г. Москвы; 6) В 1741 г. по ордеру генерал-майора Соймонова несколько человек из крещеных татар были записаны в табынские казаки; 7) В 1741 г. по ордеру генерала Соймонова в табынские казаки зачислен Зырянов из Казанского уезда; 8) В 1746 г. несколько человек поступили на казачью службу Табынского пригорода из деревни Нагаевой Уфимского уезда. Впоследствии, в Табынское казачество часто зачислялись новокрещенные из башкир и татар, а в 1791 г. по ордеру Пеутлинга в местную казачью общину был принят крещеный молдаванин Александр Иванов⁶.

Известны случаи определения на казачью службу в Табынский пригород детей священников. В частности, в ордере Действительного Камергера и Уфимского наместника Квашнина-Самарина от 17 декабря 1784 г., адресованного уфимскому атаману Бурцеву, отмечается факт зачисления в табынские казаки брата пономаря Василия Михайлова из села Курган Стерлитамакского уезда. Верстание Михайлова проводилось на основании Конфирмации Святейшего Синода от 29 марта 1784 г., где предписывалось «остающихся за укомплектованием излишними священно и церковно служительских детей, не обучающихся в семинарии и не способных в церковническое звание, обратить на общую и собственную их пользу по их желанию, или в службу, или в купечество и цеха, мещане или государственные поселяне»⁷.

В 1736 г. так же была построена Нагайбакская крепость. Изначально созданная из местных и переводных новокрещенцов она со временем стала одной из самых многонациональных станиц Оренбургского казачьего войска. К 1760 г. в Нагайбакскую округу, где компактно проживало полиэтничное казачье население, входили: село (крепость) Бакалы, Малые (Старые) Усы, Дияшево (Зияшево), Новая Юзеева, Балыклы,

Акманово (Ахманово), Сарашлы (Шерашли), Кильво (Килеево), Илечево (Иликово), Кастеево (Костеево) и Маты (Старые Маты)⁸.

Нагайбакская казачья община постоянно пополнялась за счет новых вливаний. В середине XVIII в. к казакам Нагайбакской крепости из ближних населенных пунктов было приписано 68 человек, которые являлись выходцами из киргиз-кайсацкого плена. После крещения их расселили около Нагайбакской крепости. В числе этих людей были выходцы из Персии – 45 человек, Аравитяне – 12, Бухарцы – 3, Каракалпаки – 2. Во времена царствования императрицы Екатерины II к нагайбакским казакам селили пленных турок и арабов. Позднее в Нагайбакскую крепость стали селить крещеных калмыков Ставропольского войска. Впоследствии данные малочисленные группы были ассимилированы местным населением⁹.

Более подробные сведения о составе казачества Нагайбакской округи мы находим в послужных списках XVIII в. В 1782 г. уфимский атаман П. Бурцев выслал нагайбакскому атаману Белтюгову ордер с приказом прислать послужные списки казаков Нагайбакской округи. В конце мая 1782 г. списки были отправлены в Уфу. Среди служащих казаков Нагайбакской крепости оказались: русские и старокрещеные казачьи дети, зачисленные по определению Могутова в 1773-1778 гг.; башкирские новокрещены, зачисленные атаманом А.А. Углицким в 1782 г.; «персианские казачьи дети»; каракалпаки Семен Игнатъев и Павел Борисов, зачисленные в казаки по указу Нагайбакской канторы от 28 июля 1754 г.; крещеные мещеряки, зачисленные по указам Нагайбакской канторы 1753 и 1775 гг. и др. А вот среди отставных казаков выделялись старокрещеные черемисы, которые были причислены к нагайбакским казакам по указам 1737, 1746 и 1749 гг. Из персиян в списках значился новокрещеный Игнатий Петров (с 1753 г.) и Петр Борисов (с 1754 г.). В 1749 г. по указу поручика Суворова в нагайбакские казаки были зачислены старокрещеные казачьи дети, а в 1753 г. группа русских казачьих детей¹⁰.

В 1770-х гг. к нагайбакам причисляют ясачных татар¹¹, а в начале XIX в. в Нагайбакской станице появляется большая группа шляхтичей. В одном из источников сообщается, что в 1815 г. в Нагайбакскую станицу переводятся и верстаются в казачью службу смоленские шляхтичи. В частности: из Письменской слободы – Иван Ильин, Никита Беланов, Афанасий Букарев, Астафий Иньков; из пригорода Заинска дворяне-шляхтичи – Николай Алексеевич Дыньков и Ефим Васильевич Снытков; из Мензелинска переводятся – Никита Ефи-

мович Каташ и Тимофей Ларионович Тетеревников. Так же в Нагайбакскую станицу, по ордеру князя Волконского от 5 августа 1815 г., переселили недорослей из смоленского шляхетства Бугульминского уезда Кувацкой слободы в количестве 11 человек¹².

В том же году атаман Нагайбакской станицы докладывал, что некоторые из шляхтичей, зачисленные в штат, после трехмесячного срока не явились «для объявления им урядничих чинов». Таким образом, их не привели к общей присяге. Впоследствии некоторые из них были выведены из станицы. В частности, по распоряжению губернатора Эссена от 7 февраля 1819 г. из состава Нагайбакской казачьей общины исключены урядники – Павел Ледомский, Иван Лапицкий и Николай Сутков. Дальнейшую службу они могли продолжать по собственному выбору¹³.

Так же в Нагайбаке служили и казаки, имеющие калмыцкие корни. К примеру, в 1814 г. в казачье звание определили вышедшего из киргизского плена Казыкбая Иванова. Как оказалось, он родился в плену от русского отца и матери калмычки. Бежал и попросился в казаки. Впоследствии он был зачислен в Нагайбакскую станицу¹⁴.

Таким образом, этноконфессиональный состав казачества Уфимской провинции (уезда) был достаточно разнообразным. В составе уфимских казаков кроме русско-православного контингента числились крещеные башкиры, татары, мещеряки, шляхтичи, турки, немцы и др. В разное время к уфимским казакам приписывали дворян и бывших канцелярских служащих, колодников, крестьян и военнопленных. Табынская казачья община объединила в себе пришлых людей из Москвы, Уфы, Мензелинска, а так же из деревень Уфимского уезда, Симбирского уезда, Нижегородской губернии и других мест. Казачество Табынского пригорода формировалось из казачьих и солдатских детей, крещеных татар, беглых крестьян (в основном помещичьих и монастырских) и т.д. А самой полиэтничной оказалась Нагайбакская станица. В частности в XVIII – начале XIX вв. в нагайбакской казачьей общине числились: русские казачьи дети, старокрещеные казачьи дети, крещеные башкиры, выходцы из киргизского плена новокрещеные (представители среднеазиатских народов), каракалпаки, мещеряки, старокрещеные черемисы, смоленские шляхтичи и др.

Примечания:

¹ Азнабаев Б.А. Служилые люди новокрещенского списка Уфы XVII – первой трети XVIII вв. // Историко-культурное наследие и современность татарских музр России. Татарское дворянское собрание РБ. Уфа, 2015. С. 30-31.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 148. Д. 19. Л. 952.

³ Рычков П.И. История Оренбургская. С-Пб., 1897. С. 21.

⁴ Севастьянов С.Н. История Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Оренбург, 1899. С. 93.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 711/1. Л. 2; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. III. Оренбург, 1903. С. 45, 50; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. IV. Оренбург, 1905. С. 35, 54, 65-67, 85; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. V. Оренбург, 1906. С. 56; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VI. Оренбург, 1906. С. 105.

⁶ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. V. Оренбург, 1906. С. 26, 35-36.

⁷ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. IV. Оренбург, 1905. С. 3.

⁸ Аминов Р.Р. Комплектование татарами-казаками Оренбургского казачьего войска в докантонный период // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2014. № 4. С. 7.

⁹ Атнагулов И.Р. К проблеме этногенеза нагайбаков // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Тез. докл. регион. научно-практич. конф. Челябинск, 2002. С. 144.

¹⁰ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. V. Оренбург, 1906. С. 36.

¹¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5: Башкирия в последней четверти XVIII в. / Сост. Н.Ф. Демидова. М., 1960. С. 544.

¹² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VI. Оренбург, 1906. С. 92.

¹³ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. V. Оренбург, 1906. С. 89, 139.

¹⁴ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 24. Оренбург, 1913. С. 54.

Семёнов В. Г., Семёнов О. В. (г. Оренбург)

ГОРДОСТЬ ВОЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ УРАЛА И РОССИИ – ГЕНЕРАЛ САМОЦВЕТ И ЕГО ПОТОМКИ

Около 40 лет отдал служению в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе генерал от инфантерии Ф. М. Самоцвет. 29 лет он был директором этого славного питомника военного образования для Российской армии¹. Согласно сохранившимся документам Самоцветы происходят из Стародубских малороссийских казаков. Семейный предок Михайло Матвеевич Самоцвет имел двух сыновей: Ивана (1747 г. р.) и Феофила (1750 г. р.): первый дослужился до капитана и уехал

заниматься хозяйством, имея 3 тысячи десятин в Почепе, второй дослужился до генерал-майора в начале XIX века. Отец Феофила Матвеевича – Матвей Михайлович Самоцвет был капитаном гвардии и принадлежал к дворянам Черниговской губернии².

Самоцвет Феофил Матвеевич (09.06.1834–27.11.1905). Из дворян Черниговской губернии. В службу вступил из фельдфебелей Павловского кадетского корпуса поручиком в Люблинский егерский полк (позднее – 59-й Люблинский пехотный полк) 13 августа 1853 г. Отправлен из корпуса 31 августа 1853 г. Прибыл в полк 22 октября 1853 г. С 14 июня по 21 августа 1854 г. в составе Люблинского егерского полка и Дунайской армии участвовал в боях под крепостью Силистрией и при переправе через Дунай. 15 декабря 1854 г. Высочайшим приказом переведен в Лейб-гвардии егерский полк подпоручиком. Отправлен в полк 16 февраля 1855 г. Прибыл в полк 12 апреля 1855 года. Отправлен в Николаевскую академию Генерального штаба для образования в высших военных науках, куда и прибыл 30 августа 1857 г. По окончании курса наук, отчислен от академии, отправлен в департамент Генерального штаба и назначен в резервную дивизию 4-го армейского корпуса 21 декабря 1859 г. 17 апреля 1860 г. произведён в поручики. С 29 июня 1860 г. начинается военно-педагогическая деятельность Ф. М. Самоцвета, когда он был прикомандирован ко 2-му кадетскому корпусу на должность помощника инспектора классов с отчислением от Генерального штаба. 25 октября 1862 г. «в награду отлично-усердной службы» получил единовременно 770 рублей. 17 апреля 1863 г. был произведён в штабс-капитаны с оставлением в занимаемой должности. 27 марта 1866 г. произведён в капитаны и награждён орденом Святой Анны III степени. 4 июня 1867 г. назначен инспектором классов 4-го Оренбургского военного училища и Оренбургской Неплюевской военной гимназии. Прибыл и вступил в исправление должности 4 сентября 1867 г. С этого времени начинается почти сорокалетняя служба Ф. М. Самоцвета в Оренбурге. 3 июля Высочайшим приказом в 19 день апреля инспектор классов Неплюевского корпуса полковник Митурич произведён за отличие по службе в генерал-майоры с увольнением, за болезнью от службы с мундиром, а 4/16 июня помощник инспектора классов 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, капитан Лейб-гвардии Гатчинского полка Самоцвет назначен инспектором классов в Оренбургский Неплюевский корпус. 17 ноября 1867 г. назначен инспектором классов 4-го Оренбургского военного училища. 31 марта 1868 г. ему Всемилостивейше

пожаловано пособие в количестве 400 рублей на воспитание детей. 25 мая 1869 г. Его Императорскому Высочеству великому князю Владимиру Александровичу представлены были военные и гражданские чины, находящиеся в г. Оренбурге и в числе их от 4-го военного училища представлялись полковники Энгельке и Арцишевский, капитан Самоцвет. 20 апреля 1869 г. Феофил Матвеевич был произведён на вакансию в полковники Лейб-гвардии Гатчинского полка с оставлением в настоящей должности и награжден орденом Святого Станислава II степени. По случаю упразднения 4-го (Оренбургского) военного училища, 23 июля 1870 г. перечислен в Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию, в ту же должность. 23 марта 1871 г. был награждён орденом Святого Владимира IV степени. Состоя инспектором классов, переведён в эту гимназию, с оставлением в настоящей должности. 30 августа 1873 г. был награждён орденом Святого Станислава II степени с Императорской коронной. С 26 июля 1869 г. по 16 марта 1874 г. состоял членом временно-строительной комиссии по постройке зданий Оренбургской Неплюевской военной гимназии. С 30 декабря 1871 г. по 25 марта 1872 г. и с 15 января по 14 мая 1874 г. временно исполнял дела директора Оренбургской Неплюевской военной гимназии. 21 марта 1876 г. был назначен директором Оренбургской Неплюевской гимназии. 30 августа 1876 г. награждён орденом Святой Анны II степени. Предписанием Главного управления военно-учебных заведений от 30 апреля 1877 г., за выслугу по учебной части 25 лет, разрешено производить ему пенсию на службе по 1401 рублей в год. На основании Высочайше утвержденного в 1 день июля 1878 г. Положения Военного Совета, объявленного в предписании Главного Управления военно-учебных заведений от 30 июля 1878 г. за № 10409, переассигнована пенсия на службе из оклада в 1500 рублей в год с 20 апреля 1877 г. 30 августа 1879 г. Ф. М. Самоцвет награждён орденом Святого Владимира III степени. 30 августа 1880 г. за отличие по службе он произведён в генерал-майоры, с оставлением в должности. Представлением Главного Управления военно-учебных заведений от 9 мая 1882 г. № 5511, за выслугу по учебной части сверх 25 лет первого 5-летия, ему назначена прибавка к пенсии на службе ещё по 300 рублей в год с 20 апреля 1882 г. 6 мая 1884 г. он награждён орденом Святого Станислава I степени. С соизволения Её Императорского Величества Государыни Императрицы, назначен почётным членом совета Оренбургского Николаевского института, с оставлением в занимаемой должности – 17 октября 1885 г. Приказом Главного На-

чальника военно-учебных заведений от 10 июня 1887 г. № 41, за выслугу по учебной части сверх 30 лет ещё 5 лет, ему назначена вторая прибавка к пенсии на службе ещё по 300 рублей в год с 20 апреля 1887 г. 30 августа 1888 г. он награждён орденом Святой Анны I степени. Приказом Главного Начальника военно-учебных заведений от 29 августа 1892 года № 52, за выслугу по учебной части сверх 35 лет ещё 5 лет, ему назначена третья прибавка к пенсии на службе ещё по 300 рублей в год с 20 апреля 1892 г. 30 августа 1892 г. Ф. М. Самоцвет награждён орденом Святого Владимира II степени. Приказом по Оренбургскому казачьему войску от 20 ноября 1895 г. за № 654 объявлено, что Главное Управление казачьих войск от 4 ноября за № 1034, уведомило Наказного атамана, что 31 минувшего октября последовало Высочайшее соизволение на представление директору Оренбургского кадетского корпуса генерал-майору Самоцвету звания почётного казака Оренбургской станицы – 31 октября 1895 г. Награждён медалью для ношения на груди на Александровской ленте в память царствования Императора Александра III 26 февраля 1896 г. Государь Император Всемиловейше соизволил на арендное производство ему по 1200 рублей в год в течение 6 лет с 14 мая 1896 г. Государыня Императрица Мария Федоровна Высочайше соизволила пожаловать ему во внимание отлично усердным трудам по званию почётного члена совета Оренбургского Николаевского института подарок от Августейшего Её Императорского Величества имени – 20 мая 1896 г. Приказом по военно-учебным заведениям 1896 г. за № 52 /111 Феофил Матвеевич награждён серебряной медалью в память Священного Коронования Их Императорских Величеств в 1896 г. – 26 мая 1896 г. Также он был отмечен серебряной медалью в память столетия со дня рождения Императора Николая I 25 июня 1896 г. Приказом по военно-учебным заведениям от 16 июля 1897 г. за № 56 ему назначена, за выслугу по учебной части сверх 35 лет ещё 5 лет, четвертая прибавка к пенсии на службе ещё по 300 рублей в год с 20 апреля 1897 г. Награждён бронзовой медалью за труды по народной переписи 1897 г. – 27 сентября 1897 года. За выслугу в офицерских чинах 40 лет награждён знаком беспорочной службы – 22 августа 1898 г. 30 июня 1900 г. за отличие по службе произведён в генерал-лейтенанты с оставлением в должности. 25 сентября 1900 г. корпус посетил Великий князь Константин Константинович Романов. По Высочайшему повелению Ф. М. Самоцвету продолжено арендное производство по 1200 рублей в год, с 14 мая 1902 г., на 4 года, о чём объявлено в приказе по военно-

учебным заведениям за № 40 – 13 мая 1902 г. Приказом по военно-учебным заведениям за № 46 ему назначена, за выслугу по учебной части сверх 40 лет, пятая прибавка к пенсии на службе ещё по 300 рублей в год с 20 апреля 1902 г. По распоряжению Главного начальника военно-учебных заведений выезжал в командировки в Санкт-Петербург в 1869, 1870, 1876, 1878, 1881, 1883, дважды в 1885, 1887, 1889, 1891, 1895, 1896, 1899, 1902. Награждён орденом Белого Орла 13 августа 1903 г.³ В 1905 г. октября 8 дня состоялась прибавка знамени кадетского корпуса в присутствии Великого князя Константина Константиновича Романова. А 27 ноября 1905 г. директор корпуса Ф. М. Самоцвет скончался в Бежицах (ныне Брянская область). 21 декабря 1905 г. (фактически посмертно) он был произведён в генералы от инфантерии с увольнением, по домашним обстоятельствам, от службы⁴. В приказе по военно-учебным заведениям Великого князя Константина Константинович Романова от 22.12.1905 сказано: «Из 52 лет офицерской службы генерал от инфантерии Феофил Матвеевич Самоцвет 45 лет посвятил трудам в ведомстве военно-учебных заведений, где занимал последовательно различные учебно-воспитательные должности до директорской должности включительно, на каковом и пребывал 29 лет непрерывно, образцово управляя Оренбургским Неплюевским кадетским корпусом. За время совместной службы в ведомстве я имел возможность оценить ревностную службу почтенного Феофила Матвеевича, его усердие, горячую любовь и привязанность к святому делу руководства юношеством, потому с искренним сожалением расстаюсь ныне с таким редким по высоким качествам человеком и выдающимся начальником военно-учебного заведения».

Дети: Евгения (р. 24.11.1863 г.)⁵, Наталия (р. 30.07.1865 г.), Матвей (р. 29.07.1867 г.), Мария (р. 28.01.1869 г.), Николай (31.08.1871 г.).

Самоцвет Николай Феофилович (31.08.1871–?) – сын генерала от инфантерии. На службе с 01.09.1885. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище по 1 разряду. На службе с 01.09.1899. Подпоручик с 10.08.1891. Поручик и подпоручик гвардии с 10.08.1894. Поручик гвардии с 10.08.1898. Штабс-капитан гвардии с 10.08.1902. Полковник гвардии с 22.03.1915. Службу проходил в Ветлужском резервном батальоне (впоследствии 12-й Ветлужский пехотный полк) в 1891–1894 гг. и Лейб-гвардии Егерском полку в 1894–1916 гг. С 04.01.1916 начальник этапно-хозяйственного отдела штаба гвардейского отряда (штаба войск гвардии с

19.04.1916, а с 31.08.1916 штаба особой армии). Уволен от службы 10.05.1918. Награды: ордена Святого Станислава III степени (06.12.1899), Святой Анны III степени (06.12.1905), Святого Станислава II степени (06.12.1911)⁶, Святой Анны II степени (06.12.1913), Святого Владимира VI степени (08.04.1914), мечи и бант к ордену Святого Владимира VI степени (31.10.1914), Высочайшее благоволение (27.05.1915), орден Святого Владимира III степени (17.11.1916); медали: серебряные – в память царствования Императора Александра III (26.02.1896), в память Священного Коронования Их Императорских Величеств (08.04.1897); темно-бронзовые – за труды по Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. (02.05.1898), за труды по Севастопольской панораме; светло-бронзовые – юбилейная Севастопольская медаль (14.08.1909), в память Столетия Отечественной войны (26.08.1912), в память 300-летия царствования Дома Романовых (21.02.1913), за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. (06.02.1916). Жена Вера Николаевна Хитрово – директор женской гимназии.

Самоцвет Матвей Феофилович (29.07.1867–28.06.1936) – сын генерала от инфантерии. На службе с 01.09.1885. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище по 1 разряду и педагогические курсы при Главном управлении военно-учебных заведений (1901 г.). Хорунжий с 07.08.1887. Сотник с 11.08.1886. Подъесаул и штабс-капитан с 05.12.1895. Подполковник с 18.04.1899. Полковник с 03.12.1906. Служба: в 1-м Оренбургском казачьем полку (1888–1890), и. д. личного адъютанта наказного атамана Оренбургского казачьего войска (1892–1893), младший чиновник для особых поручений при военном губернаторе Тургайской области (1893–1895), в 3-м Оренбургском казачьем полку (08.05.1896–08.12.1896), прикомандирован к Орловскому Бахтина кадетскому корпусу на должность (22.02.1897), переведён в Одесский кадетский корпус на должность воспитателя (08.05.1899), командир роты Одесского кадетского корпуса (с 22.11.1906)⁷. В аттестации директора Одесского кадетского корпуса генерал-майора Н.А. Радкевича от 27.11.1912 года сказано «Выдающийся и чрезвычайно заботливый командир строевой роты. Очень любит кадет, знает их быт и внутреннюю жизнь. Пользуется среди воспитанников всех возрастов большой любовью и авторитетом. Близко принимает к сердцу все нужды кадет, всегда требователен к ним... Считаю означенного штаб-офицера «выдающимся» во всех отношениях и вполне подготовленным к занятию само-

стоятельной должности начальника военно-учебного заведения «вне очереди». Во время Гражданской войны в Добровольческой армии на той же должности. Эмигрировал с корпусом в Югославию. Командир роты 1-го Русского кадетского корпуса (03.1920–25.11.1921). Воспитатель 1-го кадетского корпуса (06.11.1921). Умер в Сараево. Похоронен на военном кладбище с воинскими почестями. Награды: орден Святого Станислава III степени (06.05.1893), Святого Станислава II степени (1905), Святой Анны II степени (1909), Святого Владимира IV степени (1912). Святого Владимира III степени (06.12.1914). Женат на дочери коллежского асессора Анастасии Николаевне Середа. Дети: Артемий (1898–15.02.1938), Николай (1896 г. р.) и Татьяна (1895 г. р.).

Самоцвет Николай Матвеевич (1896–1918) – из ст. Оренбургской 1-го Военного отдела Оренбургского казачьего войска, сын полковника. Окончил Одесский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду Хорунжий с 10.10.1914. Сотник с 19.12.1915. Подъесаул с 04.03.1917. Участник Первой мировой войны в составе 2-го Оренбургского казачьего полка (в 1915–1917), младший офицер 5-й сотни (с 11.01.1915), младший офицер 1-й сотни (1916). Награды: ордена Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава III степени с мечами и бантом, Святой Анны III степени с мечами и бантом⁸. Убит в 1918 г. в Киеве петлюровцами вместе с генералом Келлером.

Самоцвет Артемий Матвеевич (1898–15.02.1938) – сын полковника. Окончил Одесский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1916). Хорунжий. Сотник (29.07.1918). Участник Первой мировой войны. В 4-м Оренбургском казачьем полку (с 1917). В партизанской сотне войскового старшины Е. Д. Савина (1918). Участник Тургайского похода (17.04–07.07.1918). Ранен в борьбе с большевиками. Офицер 1-го Линейного казачьего полка. 17.11.1918 в Оренбурге в нетрезвом состоянии зашёл в кофейную и ввёл за собой свою верховую лошадь. Поскольку такой поступок являлся не первым, отправлен в 19-й Оренбургский казачий полк рядовым бойцом без права занятия какой-либо командной должности (19.11.1918). Командирован в пулемётную школу в Троицк (1919). На новом месте «тоже пьянствует, совершенно не занимаясь делом» (генерал А. Н. Вагин 25.03.1919). Позднее ранен в руку под поселком Сухтеленским. Офицерский чин возвращён. В эмиграции – в Западном Китае (1920). Полковой адъютант Атаманского конного полка ОКВ (03.1921). Об-

винён в покушении на генерала А. С. Бакича, судим, но вина доказана не была. Вместе с 4 казаками из станицы Сакмарской вернулся в Россию. Осуждён на 1,5 года в Красноярске (1921). Возвратился в Оренбург из-за того, что здесь была парализованная сестра (1922). Работал бухгалтером на железной дороге (с 1923). Сокращён. Работал объездчиком лошадей на Оренбургском ипподроме. Бухгалтер сельпо в Мужичьей Павловке под Оренбургом (1926). Арестован по доносу «За переписку с племянником атамана Дутова Алексеем и отцом, который находился в Югославии» (08.1927), осуждён на 5 лет «за контрреволюционную агитацию против Советской власти» и направлен на Соловки. Добавлено 3 года «за халатность, приведшую к пожару». Направлен на поселение в Коми АССР (1933). Арестован (12.1937), обвинен в шпионаже. Расстрелян 15.02.1938. Реабилитирован в 1989. Женат на дочери священника Елене Леонидовне Львовой. Сын Николай (08.10.1926–03.06.2011)⁹.

Самоцвет Николай Артемьевич (08.10.1926, Оренбург – 03.06.2011, Воронеж). Родился в семье офицера императорской армии Артемия Матвеевича Самоцвет и Елены Леонидовны Самоцвет в девичестве Львовой. В 1927 г. родители развелись по настоянию мужа, который прислал жене письмо с Соловков, что оттуда не возвращаются. Окончил 4 класса. Рано начал работать, ребёнком пас гусей и овец в Краснохолме, позднее трудился на мельнице в Оренбурге. Окончил шоферские курсы. В 1942 г. был послан под Сталинград, но за малый рост его отправили в Баку перегонять ленд-лизговскую технику из Ирана. Был водителем у генерала Желтого, члена военного совета фронта, с которым служил до 1949 г. С его благословения поступил в автомобильное училище в Дзауджикау (потом Орджоникидзе, сейчас Владикавказ). После окончания училища попал служить в Австрию – начальником автомобильной инспекции. При выводе советских войск из Австрии решил поступать в Академию тыла и транспорта. В Шерце подо Львовом сдал экстерном экзамены за среднюю школу. После окончания Академии был направлен на авиабазу в Узин Киевской области. Во время хрущёвского сокращения армии в Виннице на 74-м5 ремзаводе был главным инженером. Здесь ему предложили службу в Академии им. Ю. А. Гагарина в Монино Московской области, но для этого был нужен преподавательский стаж. Пришлось пойти внештатным преподавателем высшей математики в Винницкий политехнический институт. Отработал год и поехал в Монино. В 1968 г. по мобилизации был направлен в Чехословакию. После возвраще-

ния оттуда в том же году вновь в академии. В 1970 г. защитил диссертацию, кандидат наук, затем доцент. В 1975 г. направлен в Воронежское техническое училище для организации перевода его на инженерный профиль. Был заместителем начальника Воронежского инженерного авиационного училища по научной и учебной работе, профессор. Уволен в 1986 г. по возрасту полковником с генеральской штатной должности, прослужив 44 года. Награжден был орденом Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», медалями за выслугу и памятными. Умер 03.06.2011. Супруга Валентина Константиновна, дети: Станислав (14.07.1955), Андрей (16.01.1962)

Самоцвет Станислав Николаевич (р. 14.07.1955, Вена, Австрия). В 1972 г. окончил среднюю школу в пос. Монино Московской области. В 1972–1976 гг. учился в Рязанском высшем автомобильном инженерном училище, а в 1979–1982 гг. в Военно-воздушной академии имени Гагарина. Проходил службу на различных должностях в Забайкалье, Монголии, Сахалине, Курилах, Приморье, преподавал в Твери и в Академии ПВО, служил в Москве, Западной группе войск, Северокавказском округе. Уволился в 2002 г. в звании гвардии полковника.

Самоцвет Андрей Николаевич (р. 16.01.1962, с. Узин Киевской области). Окончил среднюю школу в городе Воронеж в 1979 г. Поступил в Борисоглебское высшее лётное авиационное училище, которое закончил в 1983 г. Служил на различных должностях, исполнял интернациональный долг в Афганистане. Уволился в 2010 г. в звании полковника, с должности начальника службы безопасности дивизии. Награждён орденом Красной звезды и медалями за выслугу и памятными.

Самоцвет Артемий Станиславович (р. 07.04.1979). Окончил Воронежский авиационный институт в 2000 г. Проходил службу на должностях авиационно-технической базы. Уволился в звании капитана в 2005 г. по истечению срока контракта¹⁰. [8. С. 285-290].

Примечания:

1. Гра А. П. Феофил Матвеевич Самоцвет // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. – Вып. XIX. – Оренбург, 1907. – С. 81–84.
2. Милорадович А.М. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. 1. – СПб., 1901. – С. 491.
3. Список генералам по старшинству по 1 сентября 1905 г. – СПб., 1905. – С. 351.
4. Ганин А. В., Семёнов В. Г. Офицерский состав Оренбургского казачьего войска. 1891–1945. Биографический справочник. – М., 2007. – С. 502.

5. Евгения Феофиловна Самоцвет была женой судьи Тамбовского окружного суда, действительного статского советника А. В. Закревского: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 16. Д. 421.
6. Список капитанам гвардейской пехоты по старшинству по 1 сентября 1913 г. – СПб., 1913. – С. 19.
7. Список полковникам по старшинству по 1 марта 1914 г. – СПб., 1914. – С. 188.
8. Ганин А. В., Семёнов В. Г. Офицерский состав Оренбургского казачьего войска. 1891–1945. Биографический справочник. – М., 2007. – С. 502.
9. Там же.
10. Семёнов В. Г. Российская военная династия – Самоцвет // Офицер XXI века: проблемы теории и практики обучения и воспитания: материалы Ежегодной межвузовской научной конференции – Челябинск: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2014. – С. 285–290.

Четвериков С. А. (г. Оренбург, Россия)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НАДЗОРА ЗА ПОЛЬСКИМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ССЫЛЬНЫМИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1830-Х И 1860-Х ГОДАХ

Оренбургская губерния с середины XVIII века – до последней четверти XIX века являлась местом политической ссылки. Например, в 1863 году в Оренбургскую губернию были присланы на жительство под надзор полиции 148 [1], а для поселения на казенных землях 98 [2] уроженцев Западного края. Политическая ссылка – принудительное удаление лиц, обвинявшихся в преступлениях, затрагивавших интересы власти, государственный строй или общественное устройство по суду или в административном порядке в отдаленные регионы на определенный срок или бессрочно. При этом политическая ссылка принимала форму принудительного поселения на казенных землях, проживания под надзором полиции или службы в линейных батальонах.

Политическими ссыльными считались лица, «которые состоят под надзором, лишены права служить, выезда из места жительства, въезда в столицы или подвержены другим каким ограничениям по делам политическим и вообще подлежащие ведению III-его отделения Его Императорского Величества Канцелярии» [3]. Большинство из них являлись участниками польского национально-освободительного движения.

Следование по этапу являлось для польских политических ссыльных «самой страшной моральной и физической пыткой» [4]. Их, прикованных по двое к железному пруту, отправляли в общих партиях

вместе с преступниками. Дневной переход составлял обычно 20 – 40 верст. Прибывающих в Оренбург охватывала глубокая печаль, «они чувствовали, что вступают в другой мир – как будто над ними водрузилась крышка гроба и отгородила их от всего знакомого и домашнего» [5]. При этом среди присланных на Южный Урал поляков обозначились две модели поведения. Первая представляла собой тесное взаимодействие с местной властью в надежде на покровительство и скорое освобождение и ссылки. Вторая характеризовалась явным нежеланием участвовать в жизни местного общества, отсутствием знакомых и друзей среди не поляков и попытками бегства.

Главной целью местной администрации стал контроль над поведением, умонастроениями и исправлением присланных лиц. При этом качество надзора за политическими ссыльными в Оренбургской губернии в 1830-х и 1860-х годах было различным. Об этом позволяет судить наличие или отсутствие случаев удачных побегов.

В 1830-е годы попытки бегства из Оренбургской ссылки были обречены на провал. Это связано с тем, что большая часть политических преступников находилась под постоянным присмотром в линейных батальонах Отдельного Оренбургского корпуса. О попытке побега быстро узнавали и задерживали бежавших ссыльных. Например, 22 мая 1833 года есаулом Янтерьяком Юлдыбаевым были задержаны бежавшие из Оренбургского Линейного батальона №7 рядовые Валентий Войтович и Ян Казмерчик [6].

5 июля 1834 года Комендант крепости Кизильской генерал-майор Дренякин доложил Оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому о задержании бежавших в степь в апреле 1834 года рядовых 4-го Оренбургского Линейного батальона из поляков Бернанда Дертко, Яна и Станислава Марковского. Бежавшие были задержаны Юзбаем Ямамбаевым, по приказу султана Джагалбайлинского рода Мирхайдара Темирова, «желавшего выслужится перед русским государем» [7]. Ямамбаев разъезжал по аулам разных родов и у реки Тобол нашел одного обросшего бородой поляка среди киргизцев Чумекеевского рода у Атантая Каратазова. Арестовав беглеца, Ямамбаев послал Атантая за другим поляком, к его родному брату Башле.

Вместе с беглецами султан Темиров отправил рапорт, в котором указал, «что хотя бы и следовало доставить на линию вышепрописанных киргизов, у коих найдены поляки, но как они другого с ним рода, то и не возможно было сего исполнить, ибо и выручка от них поляков, была сопряжена с величайшим трудом» [8].

В ходе допроса, проведенного 23 июня, Ян Марковский сообщил, что в апреле 1834 года в Кизильскую крепость приехал киргиз Чучак, который подговорил его к побегу в Хиву. За это он отдал ему «рубах: две казенные и собственных три, сапоги, ношенные, и мундир казенный с пуговицами» [9]. Причиной побега Ян Марковский назвал то, что «не знает русского обыкновения: печь хлеб, ходить за водой и рубить дрова». Готовясь к побегу он продал полпуда казенного провианта башкиру за 1 рубль 30 копеек, которые употребил на покупку калачей, кроме того взял у денщика плац-майора Попыванова Петра Нестерова для охоты ружье.

16 апреля Ян вместе с товарищами вышел из крепости Кизильской вниз по течению реки Урал. Вечером со степной стороны через реку Урал по льду перешел к ним киргиз Чучак, который привел трех лошадей. На приведенных Чучаком лошадях они поехали с киргизом Токтамышем далее в степь, Чучак ушел пешком в киргизские аулы, захватив с собой шинель, которую отдал алчинцу Атантаю. 2 месяца и 6 дней Ян Марковский прожил у алчинцев Атантая и Балантая, затем «приехавшим старшиной Юзбаем с тремя киргизцами взят под видом того, чтобы отвезти в другой аул, но вместо этого доставлен к султану Мирхайдару» [10].

Бернанд Дердтко на допросе показал, что отлучился из роты по подговору Яна Марковского, отдал киргизу Чучаку две рубахи: одну собственную, другую казенную, шинель серого сукна и зимние панталоны. 20 фунтов казенного провианта он продал за 1 рубль 50 копеек алчинцу, у которого проживал. На эти деньги он купил говядины и калачей.

Станислав Марковский на допросе показал, что «побег учинил по глупости своей и к тому же по подговору Яна Марковского» [11]. Перейдя Урал, он отдал киргизу Чучаку казенные сапоги, две поношенные рубахи и летние брюки. Полученный до побега провиант он продал киргизу за 50 копеек, которые употребил на покупку говядины. Полтора месяца Станислав Марковский прожил у алчинца Барантая, которому отдал казенную шинель с пуговицами, зимние сапоги и фуражную шапку.

Вместе с поляками был задержан помогавший им Чучак Кулов. Однако старшина Юзбай Яманкин, арестовавший беглецов, сообщил, что у киргизца Чучака Кулова не только лошадей, но и никакой другой скотины не имеется. Согласно решению Оренбургской Пограничной Комиссии от 27 ноября 1834 года за неимением доказательств

Чучак был освобожден из под стражи и отпущен в Орду. Участвовавшие в поимке поляков получили в награду по 15 рублей каждый, сукна на кафтан по 5 аршин и по 2 кирпича чаю.

В 1860-х годах ситуация кардинально изменилась. Основным видом ссылки для уроженцев Царства Польского и Западных губерний стало поселение на жительство под надзором полиции. В 1863 – 1865 годах на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию было выслано 483 человека [12]. Это привело к тому, что во всех городах Оренбургской губернии проживали политические ссыльные из польских уроженцев, которые могли бы оказать помощь беглецам. Кроме того, качество надзора оставляло желать лучшего. По состоянию на 30 июня 1865 года только в Оренбурге под надзором полиции находилось 55 политических преступников, за которыми для надзора назначены 7 нижних чинов, получавших содержание по 4 рубля в год [13], спустя рукава относившихся к своим обязанностям. Это вкупе с развитием средств сообщения позволяло надеяться на удачный исход побега.

В декабре 1859 года проживавший под надзором полиции в Мензелинске дворянин Минской губернии Адам Минкевич скрылся из города. В ходе расследования выяснилось, что Минкевич был зачислен рядовым в Оренбургский Линейный батальон №5 30 января 1854 года за то, что зная о приготавливавшемся в городе Минске мятеже, имел связь с главным зачинщиком оного Вейштордом, с коим ездил кучером в город Вильно, был на сходбищах сообщников, но от принятия участия в мятеже отказался, дав впрочем присягу, что о преступном замысле будет молчать, а после ареста Вейшторда принял от сообщника его Оффенберга 45 рублей, для того чтобы съездить в Вильно, для «узнания там» о ходе заговора, но сего однако ж не исполнил [14]. 1 мая 1857 года рядовой Минкевич был уволен со службы и получил дозволение возвратиться на родину, но изъявил желание остаться на жительстве в Мензелинске.

Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.П. Безак узнал о бегстве Минкевича 28 октября 1860 года, спустя 10 месяцев. 23 ноября 1860 года Минкевич был объявлен в розыск и найден 7 февраля 1861 года в Бирском уезде [15]. Виновником происшедшего был назван исправлявший должность Мензелинского городничего Сержинский, которому 9 января 1861 года был объявлен строгий выговор.

3 марта 1862 года в Оренбург за участие в волнениях был прислан бывший студент Московского университета Евгений Гижицкий. 26 марта 1862 года его отправили на жительство под строгий надзор полиции в Мензелинск [16], где он занял должность секретаря в уезд-

ном суде и давал уроки помещичьим детям. Благодаря своему поведению он добился от местных властей права выезда в деревню Шарламу, находившуюся в 80 верстах от Мензелинска [17].

5 мая 1863 года, воспользовавшись отсутствием городничего Катанского, Гижицкий уговорил знакомого извозчика отвести его в село Пьяный Бор, где находилась пристань. Сев на пароход, Гижицкий отправился по реке Кама в Казань, затем в Москву. В конце мая 1863 года он поселился в Берлине, затем уехал в Лозанну. Расследование показало полную некомпетентность местной полиции. Мензелинский городничий Катанский вынужден был оставить должность, и выехал в имение своего отца в Смоленскую губернию. 11 февраля 1864 года окружной начальник государственных имуществ Антон Александрович Зноско был уволен от службы за переписку с Гижицким.

Кроме того в 1863 году «неизвестно куда скрылся» сосланный за участие в мятеже дворянин Волынской губернии Владимирского уезда Иван Гадзевич [18].

24 апреля 1864 года из Оренбургского Линейного батальона №1 бежал рядовой, из польских уроженцев Владислав Пташинский [19].

28 мая 1869 года Уфимский губернатор С.П. Ушаков сообщил Оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому о том, что находившийся в Бирске под надзором полиции по обвинению в знании о людях, выходивших из Вильно в шайки, виленский викарный ксендз Киприан Калимберг 22 мая 1869 года «неизвестно куда отлучился из квартиры и по тщательным розыскам как в городе Бирске, так и окрестностях его не найден» [20].

Таким образом, качество надзора за политическими ссыльными зависело, в первую очередь, от типа ссылки. В 1830-е годы большинство высылаемых из Царства Польского и Западных губерний зачислялись на службу в линейные батальоны, где они находились под полным контролем начальства. В 1860-е годы основным типом политической ссылки стала высылка на жительство под надзор полиции, что привело к распространению ссыльных по всей территории Оренбургской губернии. Некомпетентность и небольшое количество лиц, осуществлявших надзор, стала причиной ухудшения качества надзора за ссыльными и появления удачных побегов.

Источники и литература:

1. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 461. Л 5об.
2. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 604. Л 1 – 16.
3. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 202. Л 1.

4. Zaleski, Br. WYGNANCY POLSCY W ORENBURGU / ROCZNIK TOWARZYSTWA HISTORYCZNO-LITERACKIEGO W PARYZU. ROK 1866. – С. 90.
5. Там же. С. 79.
6. ГАОО. Ф 6. Оп 10. Д 4048. Л 1
7. Там же. Л 4об.
8. ГАОО. Ф 6. Оп 10. Д 4177. Л 5.
9. Там же. Л 5об
10. Там же. Л 6об.
11. Там же. Л 1об.
12. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 533. Л 154.
13. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 474. Л 72.
14. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 419. Л 2об
15. Там же. Л 19.
16. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 462. Л10об.
17. Модестов, Н.Н. Как он стал эмигрантом (из эпохи 60-х годов) // Труды ОУАК. Выпуск XXXV. С. 125.
18. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 530. Л 1.
19. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д 493. Л 26.
20. ГАОО. Ф 6. Оп 18. Д647. Л 1.

Мишучков А. А., Мордяшова Т. И. (г. Оренбург, Россия)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ОРЕНБУРГСКОГО УСПЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Духовное возрождение России – это возвращение к истокам и обогащение будущего прошлым. Оренбург сохранил обаяние города, в котором есть исторический архитектурный центр. Часть этого уникального ансамбля города – Успенский женский монастырь, один из памятников оренбургского зодчества, который столетие назад именовался «духовным сердцем» Оренбурга. В настоящее время он потерял свое былое величие, Успенский собор разрушен, но дух святого подвижничества привлекает горожан в это место. Происходит медленное, но неумолимое духовное и материальное восстановление женского монастыря.

Успенский общежительный женский монастырь своим возникновением и благоустройством обязан первой настоятельнице монастыря – игуменье Таисии, в миру – Татьяны Алексеевны Амарцевой (10.01.1805 г. – 8.03.1891 г.). Ее родители, оренбургские казаки Алексей и Матрена Амарцевы, были неграмотны, но своих детей грамоте научили¹. С детских лет она мечтала стать монахиней, но родители

выдали её замуж за казака Якова Кононова². Муж после свадьбы умер – Татьяна в 17 лет стала вдовой³. В 1827 г. в паломничестве по обету в Киев она встретилась в Сарове с преп. Серафимом Саровским. Принял ее он очень благосклонно и долго говорил с нею, но все притчами, смысл которых она поняла только впоследствии. Святой предсказал ей будущее игуменство, вручил ей палку и благословил: «А теперь иди, куда идешь и живи, как жила раньше; а вон где ждет тебя твоя община» и указал ей рукой в сторону Оренбурга⁴. По благословению своего духовного отца священника – благочинного Василия Ольшанского и разрешения генерал-губернатора в 1854 г. вокруг Татьяны была образована община из десяти девушек, которые выполняли разные послушания при Покровском храме, пели на клиросе⁵. При помощи оренбургского купца Николая Михайловича Деева был куплен для общины дом, близ построенной им же Покровской церкви. В 1858 году Н. Деев выхлопотал для сестер участок земли рядом с городским кладбищем около десяти десятин земли. Сестры своими руками возвели землянку, а Николай Михайлович на следующий год занялся строительством дома. Скромная община занималась «церковным пением, чтением псалтири по умершим и чисткою платков»⁶. Сестры общины ходили в находящуюся неподалёку церковь Смоленской иконы Божией Матери. Едва в 1864 г. начали строить большой двухэтажный корпус, как неожиданно сгорел их дом близ Покровской церкви. После пожара подвижницы купили себе «находившейся рядом с их землею домик, очень тесный и неудобный. От тесноты лежать можно было по очереди, а остальные стояли или сидели»⁷. В 1865 году корпус был отделан (36 келий) и сестры переселились туда. На реконструкции воспроизведен облик корпуса и одной из келий. Как пишет Рзянин Н.А.: «На первом этаже располагались комната для чтения Псалтири, регентская, малярная мастерская; многие сестры занимались ручной вышивкой и вязанием пуховых платков. На 2 этаже находилась мастерская по пошиву одеял»⁸. В то время они огородили свое место сначала деревянной оградой, а потом понемногу стали возводить каменную. Городское управление утвердило 18.02.1865 г. выделенную землю в размере 10 десятин, на ней была начата постройка Николаевской церкви из переоборудованных двух келий с пристройкой к ним алтаря. Войсковое казачье правление выделило 200 десятин в Оренбургском уезде на речке Каргалке в 40 верстах от города⁹. Сестры сами выполняли все работы по хлебопашеству и этим доставляли себе пропитание. В Успенском монастыре за 1898 год было собрано 200 пудов

ржи, 400 п. пшеницы, 2 000 п. овса, 500 п. проса, 50 п. гороха, 30 п. льна, 70 п. гречихи, 500 п. картофеля и 3 000 вилок капусты, из которых было засолено 1 000 ведер¹⁰. В праздники при монастыре кормили неимущих. 13.01.1866 г. в присутствии Преосвященного Митрофана, генерал-губернатора Н.А. Крыжановского и всех горожан, община была открыта официально с наименованием Николаевская, что утверждено Святейшим Синодом. 18.07.1868 г. в общине была освящена церковь в честь св. Николая Чудотворца, в ней Татьяна была пострижена в мантию с именем Таисия и утверждена в должности начальницы общины¹¹. В связи с возросшей социальной значимостью общины в 1870 г. было открыто училище для бедных девочек (20 чел.), община была переименована 28.09.1872 г. по указу Святейшего Синода Оренбургским Успенским общежительным монастырем¹². В 1881 г. был построен «Красный» корпус в монастыре. На втором этаже располагались переплетные и золотошвейные мастерские. На первом этаже разместились свечной завод, просфорная и школа для девочек, которая в 1901 г. перешла в отдельный ученический корпус. Игуменский дом был построен возле проездных ворот в юго-западном углу монастырской территории в 1891 г.¹³. В доме игуменьи, помимо покоев настоятельницы, располагались монастырский архив и библиотека. Игуменья Таисия до своей смерти (8 марта 1891 г.) управляла монастырем и в своем духовном завещании, оставила сестрам только заповедь любви друг к другу, ни словом не обмолвившись о материальных попечениях. Так, благодаря стараниям матушки Таисии и ее сестер, возник в г. Оренбурге удивительный женский монастырь по благословию преподобного Серафима Саровского.

Недолго в связи с болезнью была настоятельницей монастыря игуменья Магдалина (18.06.1891 – 01.04.1892 гг.). В августе 1892 г., в день Успения Богородицы – настоятельницей монастыря назначают монахиню Иннокентию (Подковырову), при которой были построены все красивейшие здания Успенского монастыря, он стал одним из крупнейших женских монастырей в России. Игуменья Иннокентия была награждена 4 крестами, в том числе 6.05.1912 г. – золотым наперсным крестом с украшениями от Его Императорского Величества¹⁴. С 1868 по 1881 гг. проводилось строительство главного Успенского храма монастыря¹⁵. 14.09.1875 г. торжественно был освящен нижний его этаж в честь воздвижения Честнаго Креста Господня с двумя приделами – в честь Казанской иконы Божией матери и во имя св. пророка Илии. Храм выстроен по проекту проф. К. Тона, «он был в византийском

стиле с восемью главами, высотой до креста 18 сажень (38,34 м)¹⁶, от горнего места до паперти 18 сажень (38,34 м), от северной стены до южной – 10 сажень (21,3 м). Строительство вел архитектор Г. Монтерот дю Шон. Верхний этаж был холодный, в честь Успения Богоматери, с двумя приделами – во имя св. Николая Чудотворца и во имя св. Пантелеймона¹⁷. В обители имелись четыре местночтимые иконы Божией матери: «Утоли моя печали», иконописца Михаила ученика Строгановых, будущего афонского монаха, пожертвована женой купца Анастасией Килимовой в 1865 г.¹⁸; Козельщанская Божья мать, присланная в благословение обители протоиереем Иоанном Кронштадтским, стала широко известной в городе по многим исцелениям¹⁹; Богоматери Экономиссы и Иверская икона, присланные в 1874 г. с Афона в благословение обители с частями мощей препмчн. Евфимия, Игнатия и Акакия, вмчн. Варвары. После того, как Иверская икона спасла обитель от пожара 1879 г., в честь нее была освящена часовня в колокольне в сентябре 1893 г.²⁰. Иконостас Успения Божией матери, лучшее украшение обители, написан был на кипарисовых досках талантливыми афонскими мастерами²¹. Сестры монастыря помогали в росписи храма и золочении иконостасов в 1903 – 1914 гг. художнику Лукиану Попову. В октябре 1888 г. была закончена колокольня с «восемью углами»²² в 22 сажени (46,8 м.) до креста, что было самой высокой точкой города, звон колоколов раздавался на 40 верст вокруг. Самый большой колокол весил 262 пуда 30 фунтов и имел надпись: «В память рождения Великой княжны Ольги Николаевны». В 1895 г. было построено двухэтажное здание трапезной. Здание трапезной состояло из двух этажей, на первом этаже-полуподвале размещались кухонная кладовая, монастырская пекарня и квасная, которая занимала большой зал под основным залом трапезной на втором этаже. К 1900 г. было закончено строительство ученического корпуса, в который переехала монастырская школа из «Красного» корпуса. Мастерские монастыря за свои работы были премированы медалью и дипломом на Всемирной выставке в Чикаго, почетным дипломом на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде²³. Богослужение в монастыре совершалось ежедневно под руководством протоиерея и композитора Иоанна Соломина²⁴. Летом – в верхнем этаже церкви, зимой – в нижнем. На клиросе находились четыре регента и 56 певчих. Всего на 1917 г. численность монахинь достигла 127 монахинь и 427 послушниц, монастырь был облагорожен и был любимым местом горожан. Нами был восстановлен план монастыря с наложением на фо-

тосъемку. Таким образом, непосильным трудом и верой люди за недолгий промежуток времени сделали из монастыря жемчужину оренбургской архитектуры, вытерпев при этом все тяготы судьбы и в очередной раз доказав, что вера на пути к прекрасному помогает претерпевать препятствия и преодолевать трудности.

С 13.06.1913 г. настоятельницей монастыря стала монахиня Таисия (Смирнова Татьяна Ильинична) из казачьей семьи станицы Изобильной Соль-Илецкого района. До этого она выполняла послушание на просфорне и сестрой милосердия от общества Красного Креста с 1877 г. в монастыре, 9.03.1904 г. была пострижена в монахини. На её долю выпала революция, закрытие монастыря, ссылка. После кончины 27.02.1930 г. она похоронена на кладбище на пр. Победы, вокруг – могилы около полусотни монахинь²⁵. После принятия решения ВЦИК об изъятии церковных ценностей в монастыре часто проходили обыски, был разграблен Успенский собор, вскрыты склепы в соборе²⁶. Тело игуменьи Таисии Амарцевой, которое оказалось нетленным было вставлено в музей безбожника в г. Оренбурге²⁷. В 1923 г. монастырь был закрыт, на его территории разместились сначала медтехникум, а с 09.06.1928 г. решением председателя Губисполкома Фидмана здания были переданы для проживания семей лётчиков военной школы воздушного боя и бомбометания²⁸. Согласно данному документу, около монастыря проживало еще 116 монахинь. В 1928 г. Успенский собор был закрыт и в начале 30-х – полностью разрушен²⁹. На части территории монастыря расположилась воинская часть № 74033, трапезный и монашеские корпуса отданы под частное жильё. Так был разрушен величественный памятник архитектуры г. Оренбурга, но его «духовное сердце» продолжало биться в монашеской общине сестер, которые жили теперь по частным домам рядом с монастырем. Практически все они подверглись репрессиям в суровые годы сталинских гонений. Подвиг сестер обители стал семенем нового духовного возрождения монастыря в настоящее время.

Оренбургский Успенский женский монастырь решением малого Совета областного Совета народных депутатов от 2.03.1993 г. № 6-мс признан объектом культурного наследия Оренбургской области³⁰. В 2000 г. в Оренбургской епархии был возрожден храм-часовня иконы Божией Матери «Животворящий источник», с 2004 г., стали совершаться литургии. 24.05.2001 г. зарегистрирован приход Успения Пресвятой Богородицы стараниями монахини Варвары (Валентины Михайловны Горюновой (18.01.1939 – 01.10.2010)). На месте монас-

тырского некрополя был установлен поклонный крест 31.10.2009 г.³¹ В декабре 2010 г. старшей сестрой назначена монахиня Флора (Новицкая). В 26.12.2013 г. Священный Синод МП РПЦ постановил «открыть Успенский женский монастырь в г. Оренбурге и назначить монахиню Флору (Новицкую) на должность игуменьи этой обители»³². В 2011 г. в трапезном корпусе был восстановлен домовый храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, начато возведение новой ограды монастыря. 30.03.2012 г. состоялся первый монашеский постриг – в мантию с наречением имени София была пострижена Ева Антипова. В здании бывшей школы монастыря с 2010 г. находится трапезная для немущих, в которой ежедневно кормят десятки и сотни нуждающихся горожан. При монастыре возрождена воскресная школа для детей и взрослых, работает швейная мастерская по пошиву церковного облачения. По крупицам монахини и миряне стали восстанавливать то, что было некогда разрушено. Монахини ценят преемственность традиций и прилагают все усилия, чтобы облагородить монастырь и возродить его новую, насыщенную высоким смыслом духовного служения жизнь. Надеемся, что «духовное сердце» монастыря забьется с новой силой и город Оренбург обретет с восстановлением монастыря свой уникальный вид архитектурный и духовный облик.

Примечания:

¹ Десятков Г.М. Загадки Оренбургского Успенского женского монастыря. – Оренбург, 2000. С.4.

² Оренбургский Успенский женский монастырь. // Духовная нива Оренбуржья. Под ред. прот. Г. Горлова. Оренбург, 2010. С 129.

³ Судоргина Т. Из казачек в монашки // Вечерний Оренбург. – 2001. – 12 апреля.

⁴ Потапова А. Н., Алиева Р. У. Игуменья Таисия – основательница Оренбургского Успенского женского монастыря // Религиозное многообразие Уральского региона. Материалы всероссийской науч.-практ. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 65

⁵ Кожевников В. История с продолжением: История Успенского женского монастыря в Оренбурге // Илецкая защита. – 2002. – 15 августа.

⁶ Зеленин Д. У оренбургских казаков. – М., 1906. С.11

⁷ Прянишникова М. Успенский женский монастырь // Оренбургский Курьер. – 2003. – 22 июля.

⁸ Рязнин Н. А. Становление, строительство, быт и хозяйственная деятельность Оренбургского Успенского женского общежительного монастыря / Страницы истории Оренбургской епархии. Под ред. Н. Стремского. – п. Сракташ, 2014. С.43.

⁹ Савинова Т. Женская обитель // Гостиный двор. № 4. – 1997.

¹⁰ Рязнин Н. А. Становление, строительство, быт и хозяйственная деятельность Оренбургского Успенского женского общежительного монастыря / Страницы истории Оренбургской епархии. Под ред. Н. Стремского. – п. Сракташ, 2014. С.70.

¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп.12. Д. 2382. Л. 2.

¹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 9а. Д. 282. Л. 61 об.

¹³ ГАОО. Ф. 41. Оп.1. Д. 859. Л.71, 71об, 73об, 473.

¹⁴ Оренбургский Успенский женский монастырь.// Духовная нива Оренбуржья. Под ред. прот. Г. Горлова. Оренбург, 2010. С. 125.

¹⁵ ГАОО. Ф. 15. Оп.1. Д. 6. Л.6.

¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп.3. Д. 4289. Л.139 об.

¹⁷ Стремский Н.Е. Успенский женский монастырь./ Мученики и исповедники Оренбургской епархии. – П. Саракташ Оренбургской области. –1998. С.113.

¹⁸ Одноралов В. Был монастырь...: К истории Оренбургского Успенского женского монастыря // Вечерний Оренбург. – 1995. – 16 ноября.

¹⁹ Савинова Т. Женская обитель // Гостинный двор. №4. – 1997.

²⁰ Оренбургский Успенский женский монастырь.// Духовная нива Оренбуржья. Под ред. прот. Г. Горлова. Оренбург, 2010. С. 127.

²¹ Одноралов В. Был монастырь...: К истории Оренбургского Успенского женского монастыря // Вечерний Оренбург. – 1995. – 16 ноября.

²² Дорофеев В.В. Архитектура Оренбурга XVIII-XX веков. Оренбург, 2007. С. 97.

²³ Рзянин Н. А. Становление, строительство, быт и хозяйственная деятельность Оренбургского Успенского женского общежительного монастыря / Страницы истории Оренбургской епархии. Под ред. Н. Стремского. – п. Сракташ, 2014. С.66.

²⁴ Оренбургский Успенский женский монастырь.// Духовная нива Оренбуржья. Под ред. прот. Г. Горлова. Оренбург, 2010. С.128.

²⁵ Потапова А. Н., Алиева Р. У. Игуменья Таисия – основательница Оренбургского Успенского женского монастыря // Религиозное многообразие Уральского региона. Материалы всероссийской науч.-практ. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 65 – 71.

²⁶ Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург, 1915.

²⁷ Сайт Успенского монастыря. Электронный ресурс. URL: http://orenbuspm.prihod.ru/vozrozhdenie_monastyrja

²⁸ Стремский Н.Е. Протокол о передаче Успенского монастыря / Мученики и исповедники Оренбургской епархии. Кн. 3. Оренбург: Орен. Кн. из-во, 2000. С.417.

²⁹ Стремский Н.Е. Успенский женский монастырь./ Мученики и исповедники Оренбургской епархии. – П. Саракташ Оренбургской области. –1998.

³⁰ Перечень объектов культурного наследия Оренбургской области (29.05.2014 г.) Электронный ресурс. URL: <http://www.mininform.orb.ru/culture/okn.pdf>

³¹ Сайт Оренбургской епархии. Электронный ресурс. URL: <http://www.oepress.ru/index.php/uspenskij-zhenskij-monastyr.html>.

³² Сайт Успенского монастыря. Электронный ресурс. URL: http://orenbuspm.prihod.ru/vozrozhdenie_monastyrja

Лутцев М. В. (г. Оренбург, Россия)

**ОСТРЫЕ ВЕРШИНЫ СЛАВЯНСКОГО «ТРЕУГОЛЬНИКА».
К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В РАМКАХ ТРИАДЫ:
РОССИЯ–УКРАИНА–ПОЛЬША (ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИ-
ЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ)**

В конце 2013 – начале 2014 гг. произошли события, до сих пор занимающие главные места в мировых новостях. На саммите Совета Европы, произошедшие в ноябре 2013 г., бывший президент Украины В. Янукович отказался (временно отложил) подписывать соглашение с ЕС об ассоциированном членстве и свободной торговле. К этому президента подтолкнуло понимание состояния украинской экономики, которая неминуемо будет раздавлена более сильными и конкурентоспособными экономиками ведущих стран Европы. Следствием этого стал резкий всплеск недовольства политикой Януковича как в Европе (увидели в нем «пророссийского» президента), так и внутри самой Украины, многие жители которой почувствовали себя обманутыми, лишенными пресловутой «европейской мечты». Это стало последней «каплей», переполнившей «чашу терпения» значительной части украинского общества, недовольного властью, ее наглостью, цинизмом, коррумпированностью и продажностью.

Недовольство этой части населения привело к обширному социальному протесту, получившему название, ставшее нарицательным – «Майдан» (от «Майдана незалежности» (Площади независимости)). Под давлением протестующих оппозиция (при активной поддержке извне, прежде всего со стороны США и стран Евросоюза) вынудила власти отказаться от силового подавления протестных выступлений и подписать соглашение, по которому она шла на многочисленные уступки, вплоть до собственной досрочной отставки и назначения внеочередных выборов президента и Рады. Соглашение между властью и оппозицией, подписанное при посредничестве министров иностранных дел Германии, Франции и Польши, фактически означали капитуляцию Януковича и его правительства.

Однако, даже подобный исход не удовлетворил амбиций оппозиции. Уже после подписания соглашений, наиболее радикальная ее часть отбрасывает договоренности с властью и идет на ее силовое свержение. В авангарде этого движения идет боевики из радикально-националистических группировок, прежде всего с Западной Украины. Ре-

зультат известен. В. Янукович не стал ни Сальвадором Альенде (погиб, защищая свои идеалы с оружием в руках), ни Дэн Сяопином (подавил выступление студенческой оппозиции с помощью военной силы), никакого сопротивления, (тем более вооруженного), не оказал, а из страны попросту сбежал. Вслед за ним сбежала и большая часть правительства. Политическая опора действовавшей власти - Партия регионов также не сопротивлялась, кто-то сбежал, кто-то перешел на сторону «победителей». В результате этой «революции» у Украины начинается новый этап истории. И новый же, самый тяжелый за всю постсоветскую историю, этап ее отношений с Россией.

Что же в нем нового? Ведь простыми они не были никогда, несмотря на все прежние заверения о дружеских, даже братских отношениях. Однако именно с февраля 2014 г. они стали поистине драматическими.

Пришедшие к власти в Киеве политики антипатии к России не скрывали никогда, но сегодня она перерастает в ненависть, становится откровенно дикой, поистине пещерной. Русофобия становится главной идеологической основой нового режима. Лозунги «Украина для украинцев», «Слава нации – смерть москалям», «Москалей на ножи», «Москаляку на гиляку» перекочевали с уличных акций маргиналов-националистов в высшие эшелоны украинской власти. Призывы к войне с Россией, к расправе над русскими звучат уже не только от таких политиков радикалов, как О. Тягнибок, И. Фарион, но и в совсем недавнем прошлом вполне «респектабельных» «демократов» - Ю. Тимошенко, А. Турчинова и других. Ругать Россию, обвинять ее в самых тяжких преступлениях против Украины в прошлом и настоящем, стало трендом современной украинской политики. Прославление Бандеры, Шухевича и других нацистских пособников, воевавших против СССР в годы Великой отечественной, а сегодня официально объявленных героями новой Украины, запрет на использование русского языка, нападение на православные храмы канонического Московского патриархата и многие другие, откровенно дикие выходки стали реалиями современной украинской политики.

Разумеется, что реакция «русскоязычной» части населения Украины не заставила себя ждать. И если в Одессе, Николаеве, Херсоне, Днепропетровске, Харькове и ряде других городов она была в общем символической и была сравнительно легко подавлена украинскими властями, то Крым, Донецк и Луганск пошли дальше. Крым объявил о государственном суверенитете, отделился от Украины и вошел в со-

став России, вызвав шквал критики на Украине и на Западе. Донбасс потребовал широкой автономии, а когда киевские власти решили подавить ее силой, взялся за оружие. В ходе ожесточенных боев, в ходе которых Донбассу был нанесен огромный материальный ущерб и погибли тысячи людей – и мирных жителей, и ополченцев самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик и украинских силовиков. Серьезный урон, который был нанесен последним вынудил украинские власти пойти на заключение перемирия с ополченцами ДНР и ЛНР. Впрочем, весьма хрупкое и ненадежное, способное нарушиться в любой момент.

Зададим вопрос: как вообще могло произойти подобное? Почему между народами близкими по языку и культуре, несколько столетий жившими в едином государстве возникла такая волна ненависти, когда принцип «мы - они» стал главным определителем идентичности. Ненависть возникает не сразу, она культивируется и подогревается в течение длительного времени.

Россию и Украину связывало и связывает множество невидимых нитей. В России проживают миллионы украинцев, на Украине, соответственно – миллионы русских (плюс к ним т.н. «русскоязычных», в т.ч. и украинцев). У миллионов русских (и нерусских) граждан России на Украине проживают родственники и друзья, у миллионов украинцев – в России. Тесными остаются и экономические связи: украинская и российская экономика были самыми крупными и развитыми составными частями бывшего единого советского народно-хозяйственного комплекса и взаимно дополняли друг друга. Разрыв многих из этих связей в 90 – е годы негативно сказался на экономиках обеих стран, восстановление же этих связей могло бы решить многие проблемы обеих стран. Иными словами, у Украины и России были все шансы для более тесного сотрудничества в самых разных сферах. Если бы не многие «но»....

Эти «но» коренятся, прежде всего, в политике как российской, так и украинской сторон., причем в последней - значительно больше. В 1991 г. именно референдум на Украине, провозгласившей ее независимость, сыграл роль детонатора к всеобщему распаду СССР. Многие представители правящей элиты России продолжали и продолжают видеть в Украине заблудшую «младшую сестру», временно оторвавшуюся от сестры старшей, но рано или поздно неизбежно должную вернуться. Это вызывало и вызывает раздражение у значительной части политической элиты Украины, видящей в этих идеях популизм и на «само-

стейность» и «незалежность» Украины. Их поддерживает значительная часть населения Украины, особенно Правобережной.

Среди этой части украинского населения особенным национализмом. Тесно переплетенным с русофобией, ненавистью к «москалям» всегда выделялось и выделяется население Западной Украины – т.н. «Галичины» (Львовская, Тернопольская, Ивано - Франковская области). Его численность среди общего процента населения Украины невелика, но именно оно (точнее его элита) очень активно навязывает свою русофобскую позицию другим частям украинского общества. «Западенцы», занявшие в постсоветский период значительные посты в украинской политической элите именно Россию обвиняли и продолжают обвинять во всех проблемах Украины: насильственной русификации и подавлении украинской идентичности в эпоху Российской империи, коллективизации, «голодоморе» и политических репрессиях в советский период, стремление России интегрировать в себя русскоязычные регионы Украины на Юге, Востоке, а также Крым. Это они всячески героизировали и продолжают это делать в отношении противников России и бывших союзников ее врагов: от Мазепы до Бандеры и Шухевича. Их политика направлена на альянс (даже на принципах полного подчинения) с Западом и полный разрыв отношений с Россией, на искоренение на Украине русского языка, русской культуры. Политизируются ими и некоторые экономические вопросы, например, в вину России ставят и высокие цены на газ, что нередко приводит к конфликтам между двумя странами. Приход к власти на Украине в результате т.н. «Оранжевой революции» ставленника этих элит В. Ющенко в 2004 г. едва не привел к разрыву даже тех отношений, которые между Украиной еще оставались. Наконец именно они возглавили протестное движение на Майдане, приведшее к националистическому перевороту. Эти элиты активно поддерживаются врагами России извне – правящими кругами США, Канады, Европы и украинской диаспорой в этих странах, стремящихся втянуть Украину в экономический и военно-политический союз с Западом и упорно не желающих более тесной интеграции Украины с Россией, в которой они видят угрозу возрождения «новой российской империи». Несмотря на очевидную выгоду для себя, Украина всячески дистанцировалась от России не вошла в большинство объединений, сложившихся на территории бывшего СССР, где закономерно лидирует Россия, зато вошла и активно действовала в «антироссийские» блоки (ГУАМ, «Восточное партнерство»).

Да и та часть украинской элиты, которая формально на словах выступала за более тесные связи с Россией, на деле к реальному сближению с ней не спешила. На каждых выборах эти представители, опиравшиеся на пророссийски настроенное население Юга и Востока Украины, всякий раз обещали это сделать, но после прихода к власти об этом «забывали». Даже после победы на президентских выборах ставленника этой части элиты В. Януковича и подписания т.н. «Харьковских соглашений», вроде бы урегулировавших ряд российско-украинских проблем (базирование в Крыму Черноморского флота России, урегулирование цены на газ, более тесные экономические связи), темп интеграции был крайне медленным, часто символическим. Неудивительно, что погрязшая в коррупции и казнокрадстве, она растеряла свое влияние и авторитет, и когда «антироссийская» часть элиты, при поддержке значительной части населения Западной и центральной Украины выступила против нее и пошла на силовое ее свержение, население Юго-востока «своих» не поддержало.

В течение всего постсоветского периода (а по другим сведениям и раньше) на Украине велась активная пропагандистская антирусская и антироссийская компания, ставившая целью переформатирование, изменение культурного кода ее населения. Особенно активизировалась она в начале 2000 г.г. В массовое сознание украинцев внедрялось, что «Украина - не Россия», что украинцы и русские не близкородственные, а абсолютно разные народы, причем украинцы во всем лучше русских. Украинские историки, политологи, философы (правильнее добавить к ним приставку «квази» или «псевдо»), написали новую «историю», согласно которой украинцы – это автохтоны, аборигены Европы, потомки древнего народа «укров» – создателей древнейшей цивилизации, носители европейской культуры и ценностей. Русские же – это пришельцы, потомки «ославянившихся» монголов, татар и угро - финнов, неспособные к самостоятельному государственному творчеству. Украинцы – это гордый народ, всегда любивший свободу, русские же – народ рабов, не знавших и не ценивших свободы, постоянно испытывавший комплекс неполноценности и вымещавший свою злобу на весь мир постоянными агрессиями против соседей и таким образом создавший огромную империю. Этот псевдонаучный бред не имеющий ничего общего с реальностью, тем не менее в качестве пропагандистской «утки» свою роль сыграл. За годы «незалежности» Украины выросло целое поколение молодых украинцев, считающее себя «высшей расой», а русских – «недочеловеками», «ватни-

ками», «совками» с соответствующим отношением. От новой украинской «идеологии» за версту отдает неонацизмом, который в Европе (в которую вроде бы стремится Украина) считается признаком дурного тона, а во многих странах (в т.ч. в России) преследуется по закону. Ненависть к России, жестокость по отношению к «москалям» - русским (в т.ч. и гражданам самой Украины) уже стала своеобразным «трендом». Благодаря активной антироссийской и антирусской пропаганде этой ненавистью заражена значительная часть населения Украины, причем не только на Западе и в центре, но и на Востоке. Последние решения украинской Рады, как то реабилитация и героизация ОУН-УПА, нацистских пособников, виновных в совершении массовых преступлений против человечности, изъятие из украинской истории понятия «Великая отечественная война», запрет наряду с нацистской также и коммунистической идеологии (аккурат в канун дня Победы) и предприятия попытки отмены его празднования 9 мая, все это отнюдь не улучшает крайне напряженных российско-украинских взаимоотношений.

Впрочем, здесь можно наблюдать любопытный парадокс. На стороне современных киевских властей выступают и воюют не только этнические «украинцы», но и «русские». В то же время в ополчении Донбасса, наряду с русскими и теми, кто себя к ним причисляет, много и этнических украинцев. Так что, считать современный конфликт на Украине, переросший в гражданскую войну на Юго-востоке межэтническим (между украинцами и русскими) было бы неверным и опасным упрощением. Скорее это война между современными фашистами и антифашистами, независимо от национальности.

Современные украинские политики исповедуют идеологию радикального национализма с явно нацистской изнанкой. Однако их покровители на Западе предпочитает этого не замечать. На преступления киевских властей против своих же граждан просто не обращается внимания, зато позиция России – единственной страны, которая не только на словах, но и на деле выступает за установление мира на Украине, по всем параметрам подвергается критике, намеренно искажается, против нее вводятся различного рода санкции.

Среди «западных демократий», критикующих Россию и требующих принятия против нее наиболее жестких мер, самую активную позицию в этой части занимали и занимают такие страны как Великобритания, Швеция, три прибалтийские страны и славянская Польша. О последней следует сказать особо. Особой теплотой отно-

шения Польши с Россией не отличались никогда, не являются они таковыми и сегодня, хотя обе страны формально идут по пути демократизации. Что же разделяет эти две во многом похожие страны, почему не могут найти общего языка?

Ответ на этот вопрос коренится в перипетиях истории, которая, как огромный плуг, пропахала борозду между ними. В течение нескольких столетий Польша и Россия были великими региональными державами, конкурировавшими в борьбе за влияние в Восточной Европе. Временами верх брала Польша (победа ее над Россией в результате Ливонской войны, польский гарнизон в Москве в эпоху смутного времени). В исторической памяти поляков до сих пор прочно хранится память о великом прошлом Польши как форпоста Западной цивилизации перед агрессией как мусульманской Турции, так и «варварской», «азиатской» России. Но в этом вековом «споре славян между собой» победу история присудила России. Польша была побеждена и поделена между Россией, Австрией и Германией. Эти разделы Речи Посполитой поляки и сегодня ставят в вину России (впрочем, других участников раздела – «цивилизованных европейцев», поляки предпочитают не замечать). Обвиняют Россию и в оккупации Польши после войны 1812 г., и в жестоком подавлении Польских восстаний 1830 и 1863 гг., и наконец - в равной ответственности СССР и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны, в очередном разделе Польши в результате пакта Молотова – Риббентропа в 1939 г., в репрессиях против поляков советского режима, кульминацией которого стали расстрелы польских военных в Катыни. Некоторые польские политики обвиняют российскую сторону даже в гибели под Смоленском в результате авиакатастрофы президента и всего руководства Польши в апреле 2010 г. Наконец, не улучшили российско-польских отношений и заявления польского министра иностранных дел (кстати, историка по образованию) Гж. Схетыны о том, что концлагерь Освенцим освобождала не Красная Армия, а украинская (фронт ведь был Первым Украинским) и о том, что отмечать праздник Победы и проводить парад следует где угодно: на Вестерплатте (где война началась), в Киеве, в Лондоне, но только не на Красной площади в Москве.

При всем это, своих «прегрешений» перед Россией, поляки предпочитают не замечать. А их немало. Это и поддержка «самозванцев» и в конечном агрессия против Московского царства в ходе «Смутного времени», и самое активное участие поляков в войне 1812 г. против Рос-

сии, на стороне Наполеона. В ходе «польских восстаний» повстанцы выдвигали лозунги не только восстановления польской государственности в границах «коренной» Польши, но и воссоздания Речи Посполитой, включавшей в свой состав также территории Смоленщины, Литвы, Украины и Белоруссии. Мнения населения этих территорий, разумеется польскую элиту не интересовало. На рубеже XIX – XX вв. часть польской элиты (Ю. Пилсудский и др.) активно сотрудничала с японской разведкой во время Русско-японской войны 1904–1905 г., создавала польские легионы, воевавшие против России в составе австро-венгерской армии в ходе Первой мировой за «независимость Польши».

После Октябрьской революции 1917 г., совершившие ее большевики активно поддерживали предоставление Польше независимости. И в 1918 г., после окончания Первой мировой войны, она стала независимой. И первое, что сделала – это напала на ослабленную в ходе Первой мировой и Гражданской войн Советскую Россию и отторгла у нее западные области Украины и Белоруссии. Попавшие в плен в ходе советско-польской войны десятки тысяч красноармейцев в большинстве своем погибли в польских концлагерях от голода, болезней и жестокого. Вспоминать об этом поляки сегодня очень не любят и стараются стереть этот неприглядный факт из своей истории и исторической памяти. В период между двумя мировыми войнами Польша активно сотрудничала со всеми врагами СССР – от стран Антанты до Гитлера. После победы над фашизмом, во время пребывания в социалистическом лагере Польша была его «слабым местом» и нуждалась в особом контроле со стороны «старшего брата» – СССР. Наконец, в постсоциалистический период Польша стала самым верным союзником США в Восточной Европе. Она встала и продолжает стоять в авангарде антироссийских акций Запада, как то расширение НАТО на Восток, поддержка антироссийских сил на постсоветском пространстве, размещение на своей территории элементов американской ПРО, антироссийская направленность которой ни у кого сомнения не вызывает. Несмотря на очевидные выгоды от российско-польского сотрудничества, бремя истории еще долго будет отягощать отношения между двумя странами, особенно если польское руководство не сменит своей антироссийской направленности.

Итак, Польша взяла на себя роль главного (наряду с США) защитника «независимости» Украины. Разумеется - только от России. Но вот вопрос: а насколько хороши отношения между самими Украиной и Польшей?

История польско-украинских отношений не менее драматична, чем польско-российских. Ведь не секрет, что значительная часть территории современной Украины с преимущественно православным населением, до середины XVII века входила в состав Польши и расставаться с ними Польша отнюдь не собиралась. Гнет поляков на Украине был тройным: социальным (поляки были «панами», украинцы - «холопами»), национальным (поляк априори был выше по статусу украинца) и религиозным (поляки-католики имели множество привилегий в сравнении с православными украинцами). С целью разрыва всяческих связей своих православных подданных с единоверными великорусами, на подконтрольной территории в 1596 г. создается Брестская Уния и начинает активно внедряться униатство – «слияние» православной и католической церквей, на условиях признания верховенства римского папы над всем христианским миром при сохранении православной обрядности. И если западнорусская элита восприняла это достаточно лояльно, или, по меньшей мере, нейтрально, то в низах, особенно в казацких, это вызвало протесты, перераставшие в целую цепь восстаний и бунтов, жестоко подавлявшиеся польскими и собственными властями. Православное население Украины поляки презрительно называли «быдлом» (скотом) и относились к нему действительно по скотски.

Одно из таких казацко-крестьянских восстаний на Украине под руководством Б. Хмельницкого в своих результатах зашло настолько далеко, что речь шла уже не только об облегчении и улучшении жизни православного населения на Украине, но и о выходе из-под власти Польши. Однако освободиться самостоятельно, без помощи извне не удавалось. Хмельницкий обращается за помощью и покровительством к московскому царю. Для России, еще не оправившейся от недавно закончившегося «Смутного времени» это непростое решение, оно неизбежно ведет к войне с сильным противником, но Россия идет на него, во имя защиты своих «православных братьев». Воля царя и Земского собора, представляющего русский народ, здесь были едины. Переяславский договор 1654 г. - это веление истории, хотя современные заправила Украины считают по другому.

Проблема принадлежности Украины была одной из причин постоянно обострявших отношения России с Польшей в течение столетий. При чем отношения населения Украины особенно никого не интересовало.

Своего высокомерного отношения к украинцам поляки не скрывали никогда. Русских они презирали, но и боялись: «русские варва-

ры» могли жестко осадить «гонимых» поляков, в том числе и военной силой. К украинцам же отношение было еще хуже. Их только презирали. В период существования независимой Польши территория Западной Украины, отторгнутая в 1920 г. в ходе советско-польской войны подвергалась не меньшей дискриминации, нежели в средневековье. Эта дискриминация, напоминая ту, что была в прошлом, проводившаяся с широким применением насилия, породила ответную реакцию со стороны украинского населения Галичины и Волыни, приобретавшую временами характер террористической деятельности. Именно в этот период возникает ОУН (Организация украинских националистов), ставившая своей целью борьбу с польскими властями. Польско-украинские противоречия не прекратились и после разгрома Польши нацистской Германией и присоединения Западной Украины к УССР.

В период Второй мировой войны территория Западной Украины стала ареной жестоких столкновений между поляками и украинцами. Поляки из Армии Крайовой уничтожали украинцев, украинцы из ОУН-УПА - соответственно поляков. Кульминацией уничтожения поляков стала «волынская резня» – массовое убийство их на Волыни, жертвами которой стали десятки тысяч мирных граждан польской национальности – стариков, женщин и детей. Не добавила польско-украинской дружбы и послевоенная политика СССР, по которой «братской» социалистической Польше были переданы Холм (Хелм), Перемышль (Пшемисль), Забужье и Подляшье, которые украинцы считают своими, а также взаимные депортации украинцев из Польши и поляков из Украины.

Да и сегодня отношения Украины и Польши далеки от идеальных. Вроде бы обе страны имеют единую «систему ценностей» (европейскую, или вернее – «постевропейскую»), единый «вектор развития» («евроатлантический»), единого «патрона» (США) и единого же «врага» (Россию). И все же отношение поляков к украинцам по-прежнему остается презрительно-высокомерным, как «панов» к «быдлу», как «высшей расы» - к «неполноценным». Польша, давно ставшая членом «Европейского дома» на словах поддерживая Украину в ее «противостоянии» с Россией, заботится о своих интересах и отнюдь не жаждет видеть ее в этом же «доме» на равноправных условиях. Добавляет «масла в огонь» и Украина: реабилитация и героизация украинской Радой ОУНовцев, виновных в уничтожении многих тысяч поляков, произошедшая буквально через несколько часов после «дружеского»

(на антироссийской основе, разумеется) визита на Украину президента Польши Б. Комаровского. Так что, нестабильность в углах «славянского треугольника» Россия-Украина-Польша, по-видимому, сохраниться еще надолго.

Кокшаров А. Д. (г. Оренбург, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Борьба за достойную историю и против достойной истории нашего отечества идет не первое столетие.

Почему российское государство достойно величественной, красивой истории? Ответ может быть невероятно пространным: но его можно свести к нескольким узловым положениям. Нашим славным предкам удалось создать, благоустроить и оборонить государство размером с 1/6 часть суши. Более того, это гигантское государство отличалось всегда и отличается сейчас братскими, человеколюбивыми отношениями между представителями различных народов, вероисповеданий и рас. Наконец, последний, находящийся у всех на слуху пример: мы справились практически со всей материальной, технической мощью Европы, которую Гитлер, по его словам, не завоевал, а объединил против России. Для чего нам нужен достойный уважения образ Родины? Ответ совершенно очевиден. Для воспитания к ней уважения и поднятия духа граждан. А также для того, чтобы черпать из сокровищницы исторического опыта положительные примеры в решении сложных ситуаций — это, как минимум. Людей, ищущих прежде всего отрицательное в нашей истории, можно поделить на две группы: одни понимают, что способствуют ослаблению, а в дальнейшем и гибели народа и государства. Другие же пребывают в заблуждении и чувствуют себя великими правдоискателями.

Безусловно, в истории любой страны, любого народа, и даже человека имеются как страницы славные, так и негативные, грустные, страшные. Оглядываясь на упомянутые выше три важные обстоятельства нашей истории, мы должны констатировать: величайшая держава создана. В ней всегда преобладали братские отношения между народами, и мы отстаивали нашу независимость в величайшей войне. То

есть по результатам светлое, героическое и человеколюбивое в нашей истории преобладало.

В связи с 70-летием Победы, естественно, появилось большое количество публикаций в виде книг, фильмов, тематических передач и пр. Причем очернители нашей истории зачастую стараются действовать очень тонко: так же, как люди, уважающие и любящие свое Отечество, они повторяют безусловно правильные слова о святости памяти героических защитников Отечества. После чего стараются вытащить на поверхность только скверное, страшное, тяжелое из нашей истории. Даже у людей, искренне любящих свою Родину, могут возникнуть затруднения в восприятии и оценке целого исторического периода при столкновении с заботливо собранным комплексом одних лишь недостатков и бед. Нередко такого рода подборки подкрепляются стандартными формулировками: «Это же правда, это воспоминания участников событий» и т.д.

Как относиться к страшной правде, скажем, о Великой Отечественной войне? Прежде всего, не забудем, кто и с какой целью ее развязал?

Объединенный Запад профинансировал и подтолкнул Гитлера к войне с СССР (Так тогда называлась Россия). Эта война изначально планировалась на уничтожение государства и народа. Таким образом, многие миллионы жертв и реки крови на совести устроителей и организаторов. Война на уничтожение не может не быть ужасающе кровавой.

Теперь о правде жизни. История Великой Отечественной войны состоит из неисчислимого количества различных эпизодов, поскольку в ней участвовали многие десятки миллионов людей. Возможности же человеческого мозга ограничены. Охватить весь массив информации о фронте и тыле (если бы даже таковую возможно было собрать полностью) один человек не при каких обстоятельствах не может. Этим пользуются наши враги, формируя комплекс исторических сведений о непрофессионализме и низких моральных качествах военных и хозяйственных руководителей (а такие, несомненно, были и есть во всех странах и во все времена). Все это происходит под припев: «Это подлинные факты, это подлинная история». Подлинная же история заключается в том, что победа создана руками людей храбрых и бескорыстных (по очевидным результатам!), а подлецы и негодяи были дополнительной нагрузкой при этом.

Остается вопрос: как осмысливать эпизоды, где описываются при-

скорбные случаи бесчеловечного отношения к подчиненным (как в тылу, так и на фронте), лихоимства и воровства (приводивших часто к потере здоровья и даже к гибели людей), самодурства, развратного поведения, пьянства, профессиональной некомпетентности и т.д. Являются ли подобные проявления характерными для нашего народа, страны, государства? Ко всему этому «негативу», как сейчас говорят, следует относиться в традиции нашей страны: каждый человек каждый день принимает много раз решения в большом и малом.

Поступить порядочно (проще говоря, по заповедям Божьим), или в соответствии с мнимой сиюминутной выгодой — является делом постоянного выбора. Такой подход может вызвать у любящих свою Родину облегчение: не наша страна плоха, когда мы говорим о мрачных и страшных эпизодах, а плохи лишь конкретные скверные решения и поступки отдельных людей. Таким образом, мы освобождаемся от необходимости под грузом зачастую специально отобранных негативных эпизодов отрицательно относиться к Отечеству. Родина прекрасна, в войне победили герои. А то, что отрицательных персонажей и их скверных поступков было немало — тем больше чести героям.

Восприятие тяжелых сторон действительности зависело от моральных качеств конкретных участников и исполнителей. Это видно из двух эпизодов, описанных в книге Мансура Гизатуловича Абдулина «От Сталинграда до Днепра». По поводу приказа № 227 «Ни шагу назад»: «Тут психология солдатская очень сложная, и до глубины истины никогда не докопаться никому. По нашему с Суворовым разумению, мы могли отступать до тех пор, пока не появился этот приказ. Он сработал как избавление от неуверенности. И мы остановились. Остановились все дружно. Остановился солдат, убежденный, что и сосед остановился. Встали на смерть все вместе, зная, что уже никто не бросится бежать. Приказ оказался сильным психологическим оружием солдат. Хотя и неловко было осознавать тот факт, что сзади меня стоит заградительный отряд. Воевавший с первых дней войны и отходивший вместе с полком от западной границы, от Бреста Суворов в разговоре со мной многозначительно вздохнул: «Раньше бы надо издать такой приказ»¹.

Два пехотинца из тех, кто действительно считал себя отвечающим за защиту Родины, полагали приказ совершенно необходимым. Другой эпизод: полк, в котором служил доблестный воин Мансур Абдулин, попал в огневой мешок. Часть солдат сумела из него выбраться. Тут же наткнулась на заградительный отряд: «Перед нами словно из-

под земли выросли наши солдаты во главе с симпатичным капитаном. Все солдаты у капитана чистые и одеты с иголки в шикарные белые полубубки. У всех новые автоматы. Я догадался — это заградотряд! Не успел я проститься с белым светом, как капитан дружески пожал мне руку и с эстонским акцентом спокойно говорит: «Никто не саб-раица вас растреливат! Вы не струсили, а вырвалис ис сасады». Мы немного успокоились, не веря своим ушам и глазам. А капитан, увидев, что от нас валит пар, как будто бы из бани, и наши гимнастерки мокрые, хоть отжимай, по-приятельски советует: «Теперь снимите с убитых телогрейка и заходите наш блиндаж, там ест печка»².

Что мы видим в этом эпизоде? Где сталинизм, тоталитаризм бесчеловечный и прочие ужасы, которые с упоением выпячивают люди, не любящие Россию и ее славную историю? Тот же самый суровый приказ № 227, та же война на уничтожение народа и государства, которую умело организовал вполне демократичный Запад. Но перед нами командир заградителей — человек долга, безусловно храбрый, выполняющий дух, а не букву приказа. Оказывается, заградительный отряд вовсе не обречен обязательно быть бесчеловечно жестоким орудием сталинского режима. Таким образом, все недостойное и отвратительное коренится в нас, обычных людях, выполняющих приказы и каждый день принимающих решение — поступить по совести или по кажущейся сиюминутной выгоде. Не надо валить вину на Ивана Грозного, Сталина или Путина. Подобный подход возвращает истории Отечества достоинство, а каждому из нас напоминает об ответственности за все наши поступки.

Примечания:

¹ Абдулин М.Г. От Сталинграда до Днепра. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. — 320 с. — С. 56.

² Там же. С. 86.

Ельчанинов С. И., Ельчанинова Н. А. (г. Оренбург, Россия)

**ПОИСКОВАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ**

Что такое Родина? У каждого человека рано или поздно возникает подобный вопрос. И у каждого, наверняка будет свой ответ на этот простой, но вместе с тем и сложный вопрос. Так, что же такое Роди-

на.... Определение гласит: «Родина – это территория, географическое пространство, где человек родился, социальная и духовная среда, в которой он вырос и живет».

Наше государство - Российская Федерация – раскинулось на площади 17,4 млн. км² и занимает большую часть Восточной Европы и Северную Азию. На территории России проживает более 120 национальностей и народностей, из них 82,5% - русские. Среди других национальностей, численность которых превышает 1 млн. человек: татары, чувашаи, башкиры, мордва, 78% населения живут в европейской части, остальные – в Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Наша Родина – это и русский язык, объединяющий всех нас в едином общем доме народов. Русский язык является Государственным языком Российской Федерации – языком национального общения. Родина – это наша литература, музыка, театр, кинематограф, живопись, наука, это вся наша российская духовная культура.

Понятие Родина включает в себя условия материальной и духовной жизни людей: территорию, имеющую определенные границы и географические особенности, населяющие ее народы, социально – экономический и политический строй, культуру, быт, язык, народные обычаи и традиции.

Родина – это все то, что создавали наши предки. Это место - где будут жить наши дети, это все то, что мы обязаны любить, беречь, охранять и улучшать.

Отечество – понятие, близкое к понятию Родины, но с более глубоким содержанием. Отечество – это не только прошлое, не только общность исторической судьбы, но, прежде всего настоящее народа, проживающего на конкретной территории и имеющего государственное устройство.

Мы все дети одной Родины – России. Какие бы политические, экономические события в ней ни происходили, как бы сложно и трудно нам не было на определенных отрезках времени, она остается нашей Родиной, землей наших предков, нашей культуры. Мы живем здесь и обязаны сделать все, чтобы наша страна была великой и процветающей. Гражданин страны, прежде всего патриот своего государства.

Патриотизм олицетворяет любовь к своей Родине, неразрывность с ее историей, культурой, достижениями, проблемами. Патриотизм – это чувство любви к своему народу, гордость за его успехи и победы, горечь за неудачи и поражения. [1, 2, 5, 6, 7]

Вопрос патриотического воспитания на сегодняшний день один из актуальных для нашего общества. Патриотическое воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества по формированию у граждан (прежде всего у подрастающего поколения) высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Оно направлено на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина - патриота и способной успешно выполнять свои гражданские обязанности в мирное и военное время.

Формирование системы патриотического воспитания – постепенный и целенаправленный процесс, который следует осуществлять в несколько шагов.

Первый шаг. Настройка формирующегося сознания молодёжи (и, конечно, взрослых) на гражданские и патриотические отношения. Главный смысл и суть в том, что человек - гражданин, человек - патриот живет у себя дома. А живущий в своем доме относится к нему и всему в нём происходящему по-иному, нежели временный, если так можно сказать, постоялец. Относится как рачительный хозяин, который постоянно в курсе всех дел, происходящих в его доме.

Следует учитывать, что замедленный характер становления таких фундаментальных характеристик, как патриотизм и гражданственность, является следствием значительного отторжения большинства молодёжи (как и взрослого населения) от власти, а также негативно-го влияния многого из происходящего в российских политических кругах, в экономике, что непосредственно отражается на повседневной жизни людей.

Шаг второй. Сводится он к организации воздействия на формирующееся сознание молодежи, начиная с раннего детства, на психологическом уровне, как минимум в двух аспектах:

- формирующем (для детей);
- корректирующем (для молодёжи старшего возраста).

Шаг третий. Формирование системы гражданского воспитания возможно лишь в рамках системы социальной защиты, поддержки и социального сотрудничества с молодёжью.

Без целенаправленной работы по формированию у оренбуржцев, прежде всего у молодежи чувства гражданственности и патриотизма немислимы ни экономический подъем, ни преодоление негативных

явлений происходящих в современном обществе. Решить стоящие перед нашим обществом задачи по гражданско-патриотическому воспитанию возможно путем объединения усилий в области воспитания, образования, науки, культуры, спорта, законодательной деятельности, работе средств массовой информации, оборонных и других структур.

Сегодня главное состоит в том, чтобы возродить в российском обществе чувство истинного патриотизма как важнейшей духовно-нравственной и социальной ценности, сформировать в молодом человеке граждански активные, социально значимые качества, которые он сможет проявить в созидательном процессе, в формировании у него таких важнейших ценностей, как любовь к Отечеству, своему народу, уважение к государству.

За последние десятилетия мы практически потеряли целое поколение, представители которого в потенциале могли бы стать истинными патриотами и достойными гражданами страны. Прежде чем освещать возможные практические подходы и формы работы в данном направлении, необходимо определиться с многообразием понятий и терминов по данному вопросу.

Различные направления в воспитании молодежи, характеризуются следующими понятиями:

- патриотическое воспитание
- военно-патриотическое воспитание
- героико-патриотическое воспитание
- национально-патриотическое воспитание
- гражданское воспитание
- гражданско-патриотическое воспитание

Рассмотрим, какой смысл вкладывается в эти понятия.

Патриотическое воспитание – это воспитание патриота, формирование у человека важнейших духовных ценностей, отражающих специфику развития нашего общества и государства, национального самосознания, образа жизни, миропонимания и ответственности за судьбу России.

Патриотическое воспитание охватывает большой спектр ценностей и затрагивает разные аспекты жизни. Оно развивает и формирует чувство патриотизма, которое включает в себя заботу об интересах нашей великой страны, готовность ради Родины к самопожертвованию, верность Родине в период военных испытаний, гордость за героическое прошлое нашей страны, за научно – технический и культур-

ный вклад нашей страны в мировую цивилизацию, отрицательное отношение к социальным порокам общества, уважительное отношение к историческому прошлому и традициям нашей Родины. Настоящий патриот свои дела и поступки всегда оценивает главной мерой: как они укрепляют и прославляют наше Отечество.

Военно-патриотическое воспитание – это составная часть патриотического воспитания и его высшая форма, ориентированная на формирование у молодежи высокого патриотического сознания, идей служения Отечеству, способность к его вооруженной защите, привитие гордости за русское оружие, любви к русской военной истории, военной службе и военной форме одежды, сохранение и приумножение славных воинских традиций.

Военно-патриотическое воспитание – это самое важное направление воспитания. Оно традиционно ближе и понятнее современной молодежи потому, что их деды, отцы, близкие являлись и являются непосредственными участниками событий, связанных с войнами. Идея служения Отечеству впитана ими вместе с молоком матери. Значит, это направление воспитания на данном этапе является наиболее приемлемым сегодня и может дать быстрый эффект.

Героико-патриотическое воспитание – это также составная часть патриотического воспитания, ориентированная на пропаганду героических профессий и знаменательных героических и исторических дат нашей истории, воспитание гордости за сопричастность к деяниям предков и их традициям.

Национально-патриотическое воспитание – это составная часть патриотического воспитания, основанная на христианских заповедях, любви к Отечеству, уважение к родителям и старшим, стремлении к созданию семьи, на высокой нравственности и высочайшем понятии чести.

Гражданское воспитание – это воспитание правовой культуры и законопослушания, высокой нравственности и общей культуры, четкой гражданской позиции, постоянной готовности к сознательному, бескорыстному, добровольному служению своему народу.

Гражданское воспитание очень тесно связано с патриотическим воспитанием и характеризуется таким понятием, как гражданственность. Гражданственность оценивает отношение человека к обществу, это нравственная характеристика личности. Нередко бывает, что человек проявляет высокую активность из меркантильных соображений в расчете на поощрение, продвижение по службе, награды. Главный же признак гражданственности заключается в деятельности, которая исхо-

дит, прежде всего, из общественных интересов, продиктована возвышенными целями. Помните, у Н.А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Человеку с четкой гражданской позицией до всего есть дело, за все он чувствует себя в ответе. «Россия без меня может прожить, я без России – ничто», - говорил великий русский писатель И.С. Тургенев. Это направление воспитания имеет право на жизнь, но реализация его требует много времени и начинать это воспитание необходимо с малых лет.

Гражданско-патриотическое воспитание – это часть гражданского воспитания, базирующаяся, прежде всего, на сложившейся правовой базе между государством и гражданином, которая на практике дает молодежи все необходимые права и способствует их реализации, что вызывает у нее законную гордость за свою страну.

Передовая российская педагогика всегда увязывает воспитание с идеей служения Отечеству. Это, вероятно, единственное, что сегодня должно объединять все слои населения, социальные группы нашего общества. Против неё не выступают, по крайней мере, открыто, ни одна партия, ни одно общественно-политическое движение. Без патриотизма нельзя возродить сильное государство, создать гражданское сообщество, привить людям понимание своего долга, своих прав, уважения к законам, к своей конституции! [5]

За последнее время в России увеличилось количество поисковых объединений, преследующих своей целью «сохранить и увековечить память павших при защите Родины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»

Актуальность поисковых организаций, существующих и действующих в рамках поискового движения, бесспорно, не вызывает сомнений. Речь идет, во-первых, о сохранении памяти и «мест памяти», что составляет предмет исследований современных направлений исторической науки и историографии, во-вторых, специальной, целенаправленной деятельности, связанной с поиском в «целях выявления неизвестных воинских захоронений и не погребенных останков, установления имен погибших или имен пропавших без вести», и, в-третьих, о военно-патриотическом и историко-культурном воспитании молодежи. [3]

Преследуя цели воспитания молодежи в духе патриотизма, гражданского становления, в нашей области действует Оренбургская областная молодёжная общественная организация «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот».

В данном объединении занимаются 700 человек. В течение года ребята занимаются основами теории и практики поисковых работ, военной подготовкой, физической (общей и специальной) подготовкой, туризмом, большое внимание уделяется военной истории.

Мы ведем огромную важную работу, но самое главное, очень нужную с точки зрения воспитания молодёжи. Мы занимаемся работой, которая как ни одна другая может вложить в головы подрастающих поколений правильные, не искаженные ценности о семье, Родине, подвиге и героизме, о великой истории нашей страны. [4]

По меткому выражению известного российского писателя и фронтовика Астафьева В.П., Великая Отечественная война – «это хребет нашей жизни». В те драматические годы, как и прежде в истории государства российского, проявились лучшие черты народа – самопожертвование, преобладание коллективного над личным, любовь к своей земле, стойкость и мужество простых людей, защищавших Отечество.

Историческая память народа определяется его отношением к своим павшим воинам. Долг нас, потомков победителей, - выволить из небытия сотни и тысячи наших солдат, павших и пропавших без вести.

Установление имен солдат представляет собой чрезвычайно сложную задачу, однако работа по поиску их родственников спустя десятилетия не менее затруднительна. Для них бескорыстный труд поисковика – порой последняя надежда получить весточку о близком человеке, не вернувшемся с войны. [1]

С годами слова «Никто не забыт – ничто не забыто» приобретают особый смысл для всех нас. И наша общая задача – не упустить, может быть, последнюю возможность для восстановления исторической справедливости.

Литература:

1. Авдюков Ю. П. Выстояли и победили. – Красноярск: Комитет по физической культуре и спорту администрации Красноярского края, 1994.
2. Иваненков С.П., Калмантаев Б.А., Кусжанова А.Ж. Молодежь Оренбуржья на рубеже веков. – Оренбург, 2001.
3. Военная археология, № 3(30), 2014. С. 17 – 20
4. Военная археология, спецвыпуск. С. 21
5. Воспитание школьника. № 2. 2003. С. 37 – 45
6. Воспитание школьника. № 6. 2007. С. 45 – 49
7. Воспитание школьника. № 6. 2002. С. 6 – 11

Мишучков А. А., Шарипов А. А. (г. Оренбург, Россия)

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА:
ПО ИТОГАМ КРУГЛОГО СТОЛА «ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ
ЕДИНСТВО НАРОДОВ ОРЕНБУРЖЬЯ»**

Важной культурной традицией российского общества стал праздник 4 ноября – День народного единства. Он стал одним из символов цивилизационного единства всех народов России в достижении духовного преобразования, гражданско-политического единства, национально-культурного самосознания многонационального общества. На протяжении десяти лет в Оренбурге проходят торжественные мероприятия, связанные с праздником Дня единства. Одним из таких событий стала традиция ежегодных научно-богословских круглых столов, проводимых по инициативе Оренбургской Духовной Семинарии и медресе «Хусаиния». В 2014 году он прошел 30 октября в Оренбургской областной универсальной научной библиотеки по теме «Цивилизационное единство народов Оренбуржья», посвященный Дню народного единства, 215-летию создания Оренбургской и Уфимской епархии, 20-летию Духовного управления мусульман Оренбургской области¹. В круглом столе приняли участие представители Правительства Оренбургской области, администрации города Оренбурга, Оренбургской митрополии, Оренбургской духовной семинарии, Духовного управления мусульман Оренбургской области, медресе «Хусаиния», Татарской национальной культурной автономии «Туган тел». В рамках круглого стола прошла презентация сборника статей с предыдущего круглого стола 2013 г. «Российская цивилизация в диалоге культур Оренбуржья». В предисловии к сборнику организатор круглого стола Мишучков А.А. отметил важность единства религиозных лидеров Православия и Ислама в цивилизационном пространстве России, как важную составляющую праздника Дня народного единства: «Символично установление государственного праздника Дня народного единства 4 ноября в день празднования Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Данный факт указывает всем людям на то, от чего зависит гражданское и духовное единство в России. Как сказано в Евангелии: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет» (Лк. 11: 17). Духовный раскол привел к гражданской смуте начала XVII века, исцеленный всенародным покаянием и подъемом общенационального гражданского самосознания,

во главе которого стояли К. Минин и Д. Пожарский. Призыв патриарха Гермогена, при котором произошло обретение Казанской иконы, был услышан в глубинах народа. Произошло восстановление царской власти в лице династии Романовых, обеспечивавших цивилизационное развитие России на протяжении трехсот лет. В начале и в конце XX столетия, как и в начале XVII века, Россия опять сталкивалась с испытанием своей веры, своих цивилизационных основ. Распались Российская империя, СССР. Обращение народа к своим вековым духовным истокам – Православию и Исламу, восстановление сильной государственной власти позволило российскому обществу вернуться к своему естественному цивилизационному развитию, Российская Федерация становится новым центром евразийского цивилизационного пространства. День народного единства напоминает каждому о пагубности противостояния в обществе, свидетельствует о том, что это противостояние может быть преодолено духовным подвигом и единством всего народа на основе традиционных ценностей России – веры, державности и народности»². Сборник материалов круглого стола стал масштабным осмыслением христианско-мусульманского диалога в достижении национально-гражданского единства полиэтноконфессионального общества Оренбуржья. Инициатива ежегодного издания такого сборника материалов была положительно принята участниками круглого стола. Сотрудники областной библиотеки, где проходил круглый стол, подготовили тематическую выставку книг «Религиозное разнообразие Оренбуржья», где были представлены раритетные дореволюционные и современные издания о традиционных религиозных конфессиях и народах Оренбуржья. Культурным элементом национальной самодеятельности стало татарский парный танец в национальных одеждах учащихся школы №38 (с изучением татарского языка) и учащейся Оренбургской епархиальной православной гимназии им. св. прав. Иоанна Кронштадтского Шумилкиной Елизаветы с песнями о России.

С приветственным словом от имени главы города Оренбурга к участникам круглого стола обратился заместитель Главы города Андрей Анатольевич Шевченко, от Верховного муфтия ЦДУМ Т. Таджуддина – проректор Российского исламского университета г. Уфы Марс Альбертович Ахметов³. С докладом «Российская цивилизация: миссия Русской Православной Церкви» выступил по благословению правящего архиерея ректор Оренбургской духовной семинарии, игумен Никодим (Шушмарченко). Подвел итог своей деятельности за двад-

цать лет председатель ДУМОО муфтий Абдель Барый Хайруллин в докладе «Двадцатилетие Духовного Управления мусульман Оренбургской области и сохранение этноконфессионального мира в гражданском обществе», полный текст которого опубликован в газете ЦДУМ России⁴. Образовательный аспект в этнорелигиозном диалоге раскрыл в докладе «Роль Медресе «Хусаиния» в инновационном развитии образования в Оренбургской области» директор Медресе «Хусаиния» Альфит Асхатович Шарипов. Знаменательным стало его избрание председателем Регионального духовного управления мусульман области Оренбургской области 26 марта 2015 года⁵. Защитив в декабре 2014 г. кандидатскую диссертацию по теме истории медресе «Хусаиния», он стал первым мусульманским лидером Оренбуржья, имеющим научную степень, бесценный опыт обучения будущих имамов в медресе «Хусаиния» на основе современных богословских и научных достижений.

Важные аспекты в понимании национальной идеи России затронули докладчики круглого стола: «Имперская идея в укреплении цивилизационного единства народов России», иерей Дионисий Волков, настоятель храма Архистратига Михаила с. Октябрьское, преподаватель Оренбургской духовной семинарии; «Категория толерантности в мусульманской традиции воспитания», Рустам Маннанов, председателя Совета ММРО «Хусаиния» г. Оренбурга.

С заключительным обширным докладом-презентацией по теме «Роль цивилизационной и этноконфессиональной идентичности в общенациональной системе безопасности РФ» выступил Андрей Александрович Мишучков, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник УНИ ОГУ, преподаватель Оренбургской духовной семинарии, организатор и председатель круглого стола. Участникам круглого стола он раскрыл основные вызовы цивилизационному единству России со стороны политики глобализма западной цивилизации и внутрицивилизационные проблемы. Он напомнил завет просветителей славян святых Кирилла и Мефодия: «Блюдите славянское единство, веру Христову, чистоту славянского языка – от этого ваша сила. Если не сохраните его – ослабнете, падете и будете поработены другими народами!». В заключении своего доклада он отметил: «В России наметился выход из цивилизационного кризиса в связи с объединением Российской Федерации и государств, входящих в Евразийский Союз (ЕАС). Но в мире остались и усиливаются угрозы со стороны идеологии глобализма и тенденций глобализации в целом. Сохранение и рас-

ширение единой цивилизационной принадлежности народов в рамках ЕАС станет одним из средств преодоления грядущих угроз и реализации задач национальной и общественной безопасности. Сохранение сакрального ядра цивилизации, лежащего в основе цивилизационной и национально-религиозных форм идентичностей, будет способствовать успехам в дальнейшей модернизации общества в материальной сфере, укреплению имиджа России и повышению ее конкурентоспособности в международных отношениях. Для реализации этой задачи необходимо принятие на государственном уровне идеологии «цивилизационной идентичности», цивилизационной идеологии как общегражданского проекта развития общества всех государств ЕАС. Это предполагает закрепление в дальнейшем в Конституции РФ положения о принципах государственной идеологии евразийской цивилизации, признание сохранения цивилизационной и общероссийской идентичности граждан как выражения одного из национальных интересов РФ»⁶.

В рамках прений по резолюции, в заключительной части заседания круглого стола выступили: главный архивист отдела использования и публикации документов ГБУ «ЦДНИОО» К.Ю. Попова; руководитель общественной организации «Мусульманские женщины Оренбуржья» «Бердэмлек» («Единение») М.А. Садретдинова, пастор Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня В.В. Ежков⁷. По итогам прений круглого стола была принята резолюция, размещенная на сайте Оренбургской митрополии и ДУМОО, опубликованная в журнале Оренбургской митрополии⁸. Приводим полный текст резолюции, в которой в полной мере обозначена историческая роль праздника – Дня единства и конкретные шаги оренбургской общественности по его гражданской реализации: «День народного единства, 4 ноября – праздник цивилизационного единства всех народов России и всего евразийского культурного пространства. Исторически возникновение этого праздника связано с формированием общенационального гражданского самосознания (1612 г.) и с возобновлением в лице царской династии Романовых российской государственности (1613 г.). С 1649 г. указом царя Алексея Михайловича Романова день 4 ноября, как праздник в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, был объявлен государственным праздником. С 2004 г. по инициативе Межрелигиозного Совета России праздник был принят Госдумой РФ как День народного единства. Символично, что этот день является священным не только для православных, но и для мусульман России. Всероссий-

ский мусульманский форум (г. Нижний Новгород, 2005 г.) объявил о празднике 4 ноября как Дне консолидации мусульманской уммы России.

Российская цивилизация обладает огромным духовным богатством в результате своего тысячелетнего исторического развития. День народного единства – символ одного из многих цивилизационных ориентиров развития России в традиции святости исторического идеала развития, а также – межнационального и межконфессионального мира и согласия в обществе. Мир как нравственная основа цивилизационного развития всего человечества является выражением духовного богатства мировых религий.

В мире возникает тревожная ситуация, когда утопия «столкновение цивилизаций» становится грозной реальностью. Тенденции либеральной глобализации в мире, направленные на стирание цивилизационной идентичности народов, на секуляризацию и потребительство как идеал социального прогресса, ведут мир к отказу от цивилизационной этики мировых религий. История многополярного мира цивилизаций становится «концом истории» в виде однополярного глобального мира. Сегодня на братской нашим народам Украине идет гражданская война, противостояние связано с цивилизационным выбором: Святая Русь славянских народов или «евробудущее» Украины. Эта война – одно из следствий крушения государства СССР, разрушения цивилизационного единства народов евразийского мира. Надеемся, что Россия и Украина останутся братскими народами в единой российской цивилизации и кровь братьев-славян не разделит страну, а станет залогом будущего духовного развития Украины, опытом осознания губительности ложного цивилизационного выбора.

Оренбуржье – край, в котором встречаются Европа и Азия, место жизни десятка народностей, в котором никогда не было этноконфессиональных конфликтов. Опыт мирного цивилизационного развития Оренбуржья показывает, что необходим гражданский диалог в поликонфессиональном и полиэтничном обществе на основе традиционных ценностей мировых религий. Только в опоре на сакральные ценности и идеалы российской цивилизации возможно стабильное и процветающее развитие общества и взаимодействие всех его социальных институтов.

Участники круглого стола обращаются к местным и региональным органам власти, институтам гражданского общества Оренбуржья с призывом:

Активнее сотрудничать друг с другом в сфере духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения на основе российской цивилизационной этики и традиционных ценностей мировых религий. Принять Законодательным собранием областную программу действий по пропаганде традиционных нравственных ценностей и историко-культурных знаний среди учащихся и студенческой молодежи, с целью формирования единой цивилизационной идентичности, повышению культуры этноконфессиональных отношений и профилактики экстремизма и интолерантности.

Ввести в систему на базе Национальной деревни г. Оренбурга и учебных образовательных учреждений области регулярные встречи молодежи с представителями национальных диаспор и с духовенством по теме межнационального и межрелигиозного цивилизационного единства.

Ведущей образовательной площадкой формирования примера этноконфессионального духовного воспитания молодежи в области могут стать Оренбургская духовная семинария и Медресе «Хусаиния» г. Оренбурга при условии активной поддержки государственной власти и общественности. В перспективе развития теологического образования в Оренбургской области возможно создание на базе данных учебных заведений межвузовских кафедр теологии и открытие теологических специальностей. Передача исторических зданий семинарии и медресе во исполнение закона ФЗ № 327 от 30.11.2010 и создание высокого образовательного и духовного имиджа этих учебных заведений в обществе позволит создать предпосылки для подготовки и воспитания будущих священнослужителей.

Для формирования адекватного этноконфессионального восприятия учащимися в средних школах традиций Православия и Ислама в Оренбургском крае предлагаем ввести в региональный компонент образования дисциплин: «Духовная культура Оренбуржья», «Цивилизационная этика Оренбуржья», построенные на принципах единства общероссийской цивилизационной идентичности гражданина РФ и региональной этноконфессиональной самобытности и идентичности. Введение в средней школе предметов «Основы православной культуры» и «Основы исламской культуры» не должно противопоставляться в педагогической среде предмету «Основы светской этики», а призвано способствовать нравственной консолидации педагогов и учащихся на основе общей цивилизационной этики, имеющей религиозное и этнокультурное региональное измерение.

В целях сохранения культурно-исторической памяти народов и религиозных традиций Южного Урала необходимо восстановить общество охраны памятников культуры Оренбургской области и Оренбургскую ученую архивную комиссию с включением в них ученых, представителей государственных органов и духовенства, других общественных структур. Восстановление и сохранение культовых памятников культуры является залогом духовного здоровья нации и общества.

Создать Комиссию этноконфессионального согласия с участием государственных органов при совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Губернаторе Оренбургской области по конкретному решению с выездом на места локальных этноконфессиональных противоречий и оптимизации межрелигиозного взаимодействия.

Необходимо скоординировать усилия региональных, местных уровней власти, средств массовой информации, общественных и религиозных движений по организации традиции празднования Дня народного единства в государственных, общественных институтах и самое важное – в семье, как важнейшей духовно и культуuroобразующей части нашего общества.

Призываем всех граждан Оренбуржья отметить День народного единства добрыми и бескорыстными делами, благотворительной помощью нуждающимся согражданам. Руководителей всех уровней власти, депутатов, представителей промышленных предприятий и бизнеса призываем посетить в эти дни социальные учреждения области: детдома, приюты, интернаты, где живут те, кто особенно нуждается в опеке государства и общества. Милосердие является той гранью духовного выживания в обществе, опустившись ниже которой общество начинает стремительно деградировать и становится обществом социальной несправедливости. Опыт мирного развития Оренбуржья показывает, что необходим гражданский диалог в поликонфессиональном и полиэтничном обществе на основе традиционных ценностей мировых религий. Только в опоре на сакральные ценности и идеалы российской цивилизации возможно стабильное и процветающее развитие общества и взаимодействие всех его социальных институтов»⁹. Одним из значимых шагов по реализации целей этноконфессионального мира гражданского общества Оренбуржья стало подписание 26.03.2015 договора о сотрудничестве губернатора Оренбургской области Ю.А. Берга и Верховного муфтия ЦДУМ России Талгата Таджуддина, «цель которого – возрождение исконных традиций духовной куль-

туры, совместной реализации системы мероприятий, направленных на укрепление мира и согласия в обществе.

Предметом соглашения является организация взаимодействия сторон в сфере культурно-просветительской, образовательной и социальной деятельности. В качестве приоритетных обозначены следующие направления совместной деятельности: консолидация общества на основе традиционных для России и Оренбургской области духовно-нравственных ценностей; развитие системы духовно-нравственного образования и воспитания; популяризация благотворительности и милосердия; сохранение культовых объектов, являющихся памятниками истории и культуры; укрепление безопасности и стабильности общества»¹⁰.

Шейх-уль-Ислам Талгат Сафа Таджуддин наградил губернатора медалью ЦДУМ России - «Аль-Игтисам» - «Сплоченность» - «За многолетнюю и безупречную службу во благо Веры и Отечества, большой вклад в духовно-нравственное возрождение общества, сохранение исторического и духовного наследия наших благословенных предков, укрепление мира, согласия и доброго сотрудничества между народами и последователями традиционных конфессий России».

В интервью прессе Председатель ЦДУМ России Талгат Таджуддин поблагодарил главу региона за понимание и поддержку: «Мы – соотечественники и должны жить в мире и согласии, - сказал духовный лидер мусульман России». В свою очередь, губернатор Оренбургской области Ю.А. Берг отметил, что многонациональность и многоконфессиональность всегда были богатством и ресурсом поступательного развития Оренбуржья: «Разумное и бережное распоряжение этим бесценным богатством является потенциалом для единства и благополучия нашей страны. На протяжении многих лет религиозная ситуация на территории области была и остается благоприятной и стабильной, и эту тенденцию необходимо поддерживать»¹⁰. Верховный муфтий ЦДУМ России Талгат Таджуддин является инициатором Дня народного единства в 2004 г. на Межрелигиозном Совете России и его активным участником.

В 2014 г. он выступил перед участниками XVIII Всемирного русского народного собора с приветственным словом: «Всего неделю назад, 4 ноября россияне отметили праздник Народного единства. Глубоко закономерно, что XVIII Всемирный Собор посвящен одинаково близкой всем нам теме: «Единство истории, единство народа, единство России». Всевышнему Создателю было угодно собрать в пределах нашего государства самые различные народы и верования, кото-

рые вместе на протяжении многих и многих столетий, строили и обу-
страивали его, и потому великая идея их единства и взаимосвязи столь
священна для всех нас, потому в ней всегда фокусировались и про-
должают фокусироваться самые глубокие интересы, самые заветные
устремления всех без исключения наших народов и всего нашего Го-
сударства и Общества. Совместное сосуществование в едином, неде-
лимом Отечестве, предопределенное народам нашей необъятной стра-
ны волей Всевышнего Творца, уже само по себе предписывает всем
нам крепить мир и добрососедство между собой. Ведь именно благода-
ря этой святой Божественной воле сформировалась уникальная
общность народов России, суть которой сводится к формуле «един-
ство в многообразии». За незыблемость такого единства выступали
лучшие представители и российского мусульманского сообщества.
Только сообща, сберегая и приумножая духовную преемственность
поколений, мы будем сохранять нашу способность к упрочению тра-
диционных основ, на которых стояло и должно продолжать стоять и
российское общество, и наша великая держава – Российское государ-
ство. Только так можем мы защитить себя и грядущие поколения от
нравственного оскудения и духовной деградации, уберечь наше обще-
ство от коррозии радикализма и смуты¹¹.

Таким образом, празднование Дня народного единства (4 ноября)
для всех граждан России имеет огромное цивилизационное значение,
он становится зримым символом единства многонационального на-
рода России. Надеемся на поддержку всей общественности Оренбур-
жья в проведении данного праздника и реализации идей резолюции
круглого стола. Само же проведение научно-богословских круглых
столов, посвященных Дню народного единства является уже доброй
традицией образовательного консорциума – всех высших учебных за-
ведений г. Оренбурга, образцом этнокультурного и межрелигиозного
диалога в Оренбургском регионе. Сборники материалов круглого ста-
ла обращены к активной интеллектуальной части молодежи – студен-
честву, а также – к преподавателям и учителям. Надеемся, что данные
материалы станут тем необходимым средством в формировании куль-
туры цивилизационного общения, ценностным ориентиром цивили-
зационной, этнокультурной и религиозной идентичности граждан
Оренбуржья.

Примечания:

¹ Оренбургской митрополия. Новости. Электронный ресурс. URL: <http://www.oepress.ru/index.php/sobytiya/2014-g/169-sobytiya-oktyabr-2014-g/1190-text-2014-10-34.html>

² Российская цивилизация в диалоге культур Оренбуржья. Сборник статей / под редакцией А.А. Мишучкова. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 9.

³ Духовное управление мусульман Оренбургской области. Новости / Электронный ресурс. URL: <http://dumoo.ru/rezolyuciya-30-10-2014/>

⁴ Цивилизационное единство народов Оренбуржья // Маглюмат аль-Булгар. Вестник ЦДУМ России. С.22. Электронный ресурс. URL: <http://www.cdum.ru/upload/iblock/da5/%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0%2010-11.pdf>

⁵ Избрание нового лидера мусульман Оренбуржья. ДУМОО. Электронный ресурс. URL: <http://dumoo.ru/izbranie-novogo-lidera-musulman-orenburzhya/>

⁶ Мишучков А.А. Цивилизационная идентичность в системе общенациональной безопасности России // Вестник ОГУ № 11 (172). 2014. – С. 249-250.

⁷ ЦДНИО. Новости. Электронный ресурс. URL: <http://cdnioo.ru/index.php/33-2010-10-21-11-54-14/-1/174-novosti-ot-05-11-2014>.

⁸ Морозова Т. Научно-богословский круглый стол // Ведомости Оренбургской митрополии № 12 (190). Оренбург, 2014. – С.19-21.

⁹ Цивилизационное единство народов Оренбуржья / Мечеть Хусаиния. Электронный ресурс. URL: <http://хусаиния.рф/index.php/item/14-nauchno-bogoslovskij-kruglyj-stol-tsvilizacionnoe-edinstvo-narodov-orenburzhya/14-nauchno-bogoslovskij-kruglyj-stol-tsvilizacionnoe-edinstvo-narodov-orenburzhya>.

¹⁰ Подписание договора о сотрудничестве ЦДУМ – Оренбуржье. Электронный ресурс. URL: <http://dumoo.ru/podpisanie-do-dogovora-o-sotrudnichestve-ts dum-orenburzhe/>

¹¹ XVIII Всемирный русский народный собор // Маглюмат аль-Булгар. Вестник ЦДУМ России. С.21. Электронный ресурс. URL: <http://www.cdum.ru/upload/iblock/da5/%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0%2010-11.pdf>

Пилипак М.А. (г. Уфа, Россия)

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНЦЕВ АЛЬШЕЕВСКОГО И АУРГАЗИНСКОГО РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Научный интерес к изучению свадебной обрядности украинцев Республики Башкортостан, как малой этнической группы в условиях полиэтнической среды, связан с современными этническими процессами и исчезновением традиционных форм культуры.

За несколько последних лет автору в составе фольклорно-этнографической экспедиции удалось собрать материал в нескольких районах Башкирии, а именно: Альшеевском¹, Стерлитамакском, Аургазинском (2012 г.), Миякинском (2013 г.). В результате данных экспедиционных выездов был зафиксирован материал по свадебной обрядности в более 20 украинских селах.

Целью данного исследования является анализ и выявление локальных особенностей свадебного обряда украинцев Республики Башкортостан.

Анализ научной литературы и архивных материалов позволил сделать вывод, что интерес к изучению свадебной обрядности украинцев Башкортостана проявляли ученые-этнологи^{2,3} и фольклористы,^{4,5,6} которые внесли весомый вклад в исследование данной проблематики. Вместе с тем, собранные нами полевые записи подтверждают актуальность и научную значимость изучения свадебной обрядности на современном этапе.

Экспедиционные материалы показали, что украинская свадьба в исследуемом регионе традиционно состоит из трех периодов: *предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный*.

Свадебная обрядность украинских переселенцев Башкортостана, подобно свадебным обычаям других славянских народов, начиналась с *сватовства*⁷.

Сватать девушку традиционно шел отец жениха и староста. Впоследствии количество участников сватовства увеличилось, и участвовать в нем могли и другие родственники.

Как и на территории Украины, за старосту приглашали близкого родственника – брата или дядю, который был разговорчивым, хорошо умел шутить. *«Мужикова рідна тітка і дядько двоюрідний, двоє, приїхали з Горянки мене сватати. З собою привозили горілку і хліб. Маму питали – віддасть дочку заміж чи не оддасть»* – рассказывает Коваленко М.М.⁸; *Було у нас і сватання. Приходили свати «шукать ярку». Я в цей час схована була. Свати приносили з собою хліб і горілку. Вони питали согласія і я согласилась. Рушники не подавали на сватання, а вже в свадьбу⁹; Сватати мене приходили дядько з тіткою і женіх. Приносили з собою хліб і самогонку¹⁰*. Респондент В.Ф. Головань из села Золотоношка Стерлитамакского района отметила, что во время ее сватовства старосты вместо традиционной речи о ярке начали разговор о голубке: *«Ось ми йшли, а тут у вас голубка сіла на кришу, а в нас такий голуб єсть!»*¹¹.

Весь перечень участников обряда находим в песне, которую исполняли во время сватовства:

*Ой молодий Іване! (2)
Сватаєм тебе хороше,
Ой при отці, при матіноньці,
При всій своїй родиноньці¹².*

Традиционно знаком согласия на брак выступал обмен хлебом-солью между сватами и родителями невесты. Стоит отметить, что в традиционном свадебном обряде украинцев после того как девушка приняла хлеб, она должна перевязать сватов рушниками, а молодому – преподнести платок¹³. На вопрос: «Был такой обычай у Вас?» респонденты-переселенцы, ссылаясь на плохое материальное положение в послевоенные годы, утверждали о его отсутствии: «*По ходу свадьби пов'язували дружков рушниками, а на сватанні нет*»¹⁴.

Как показал полевой материал, бывали случаи, когда девушку шли сватать без предупреждения. Если девушка не соглашалась выходить замуж, то хлеб принесенный сватами возвращали.

Респонденты утверждают, что еще в послевоенное время в украинских переселенцев сохранилась давняя традиция, согласно которой невеста при сватовстве не присутствовала, а находилась в соседней комнате или другом месте: «*Замуж я вишла в 1960 году, 10 января. Свадьба тогда була настояща – українська! Приходили мене сватати жених з дружками (одружені чоловіки) з хлібом, горілкою, шуткували, но я уже не помню, що говорили. Я спряталась, а потом уже мене позвали. Дала согласіє*» – вспоминает Багуля А.В. Впоследствии данная традиция вышла из обихода¹⁵. В этот день договаривались о времени свадьбы и количестве гостей.

Следующий этап предсвадебной обрядности – *приглашение на свадьбу*.

Приглашать на свадьбу пытались заранее, придерживаясь при этом определенных запретов: обязательно приглашали в доме, а не на улице, об этом свидетельствует и народная мудрость: «*Просили на дорозі, щоб не були на порозі*».

Локальный обычай приглашения на свадьбу удалось зафиксировать от Багули А.В. в селе Казанка Альшеевского района. Согласно традиции, невеста приглашала на свадьбу только дружку, а всех остальных гостей кто-то из родных. Так, у респондента гостей на свадьбу приглашала сестра¹⁶; *Приглашала на свадьбу какая-нибудь тетка. Коли моя сестра замуж виходила в Казанке – я ходила звать, із Горянки приходила. Зав'язувала буханку хліба в платочок и приглашала на свадьбу. Ходили до свої рідні звать*¹⁷; *Гостей на свадьбу приглашала тьотка. В каждый двор заходила с хлебом*¹⁸.

В селе Золотоношка по традиции приглашать на свадьбу невеста ездила вместе с дружкой: «*Їздила на коняці. У нас було восьмого января свальба. Їздила я в суботу, якраз попала таке помню. А вінок цей*

надівала кликала й ленти, а вінок тоді надівала на свальбу. Робили мені вінок сноха із бабаою з воску...Оце отуточко розочки поробила баба. Вони зробили красіве, а отут із того, із свічки, ото були ті парافیнові, чи де брали. Поробили такі цвіточки красіві, розукрасили – красівий вінок був. А ленти, ленти свої були. В мене такі коси здорові були, шо як поїде снаха на базар чого так і везе – всіх цвітов ленти були – на запліта. Запрягла козирок, дуга, вкрасили дугу рушником, обмотали, колокольчик причитили – вкрасили. Кучир сидів і дружка коло мене. Ходили по хатах, по родні, кликали.просили батько й мати і я вас прошу – приходьте до нас на свальбу! Ходили ми по деревні, а мій муж тоже отсюда – деревенський, і ми вперед друг друга, бо ж одна родня в нас»¹⁹

Записи полевых материалов показали, что в Казанке в середине XX, а в Золотоношке – в начеле 80-х гг. XX в. во время приглашения на свадьбу в одежде молодых сохранились отдельные элементы народного костюма: «по деревні я ходила наряджена, каждому кланялась, хто стояв у дворі – три рази треба було поклонитися. Во время приглашения на свадьбу одіта я була в голубое крепдешинове плаття з довгими рукавом, самі його зшили. Вінок мені зробила сестра – з разноцветными лентами»²⁰; «Я ото кликать ходила в восімдесят первом году, у нас такі самі обичаї, так і було. Я з подружкою с етім віночком. Он на іконі мій віночок»²¹

Перед свадьбой, в пятницю, пекли каравай.

Традиционно для изготовления каравая приглашали замужних женщин, которые хорошо жили в браке, имели детей: «Коровай пекли тьотки. Обращали вніманіє на їх сімейне положеніє. Разведеним пекти коровай запрещалось»²²; «У п'ятницю пекли – паляниця, розукрашували і місила та, хто ни вдова, а шо мужик є»²³. Кроме каравая пекли еще и шишки, которые потом раздавали.

Респонденты вспоминают, что по тому, каким получался каравай, примечали, как будут жить молодые. Даже когда он не очень удавался, печь новый было запрещено: «Для нівести на свадьбі пекли коровай прямоугольної форми. Примічали, еслі він получався удачним, то молоді будут жить харашо, а еслі із печі доставали треснутий – погана примета. Еслі лопав ілі просідав – считали, шо буде погана жизнь. Пекти новий коровай нельзя – який вже получився. У мене хороший калач вийшов» – рассказала Багуля А.В.²⁴; «Перед свадьбой пекли коровай. Старались, щоб коровай получився харошим, перепікати не можна було»²⁵; «По тому, яким получився коровай, дивились, яка буде жизнь пари»²⁶.

Большинство традиций связанных с выпеканием обрядного хлеба – каравай, хранились в украинских переселенцев до середины XX в. На современном этапе исследования каравай или дывень готовят очень редко, часто вместо него выпекают обычный хлеб, а под влиянием башкир и татар – «курник». *«Наші діти заміж виходили – не больно коровай пекли, тепер вже все покупне»* – отметила Коваленко М.М.²⁷

Следующим предсвадебным этапом был *девичник, дивич-вечер*.

Традиционно в канун свадьбы в доме невесты собирались ее подружки – дружки:

*Вимитай, братику, новий двор,
Застелай, сестрица, тесовий стол,
Да печі, матюнко, пироги,
Да печі, матюнко, на меду,
Я ж тобі дружочок наведу.
Наведу в хату ще й сіні,
Щоб мої дружочки все (всі) сіли²⁸.*

По традиции девичник проходил в субботу: *«В субботу начинались «дружбины» – гуляли, танцювали, співали»²⁹; В субботу перед свадьбой были дружбины. Приходили вечером дівчата, робили вінки, співали³⁰; Начинялась свадьба в субботу, в домі невести проходили «дружби», де гуляла вся молодьож. Танцюють, гуляють. Молодой тоже приходив³¹*

В этот день для невесты плели венок:

*Ой звил Манечка віночок,
Покатило во садок.
Ой катила, та ще й говорила, (2)
Гуляннячко подружкам дари [ла].
Ой гуляйте, подружки, гуляйте, (2)
Чогось мені не гуляєть [ся].
Чогось мені не гуляється, (2)
Гуляннячко все минаєть [ся]³².*

Также на девичнике дружки изготавливали гильце. У русских – «репей». Данный термин употребляют и украинцы: *«У жениха наряжали сосну – репей. Украшали його конфетами. В кінці свадьби його розбирали, а у нівести була «квітка», перев'язана червоною лентою, яку вставляли в калач³³.*

Наряжали «квітку» із бумаги³⁴

В Золотоношке девичник имеет локальное название *«дивычычер»*. Здесь к невесте приходили ее подружки и жених с боярином. В этот

вечер кроме свадебное деревца для невесты, долали для жениха букетик который цепляли к пиджаку.

Кроме того, на девичнике собирали приданое невесты, помогали закончить приготовления к свадьбе, пели:

Та де теє гіллячко вилося?

Та й вилося гіллячко у бору,

Та й принесли гіллячко до двору.

Вийшли бояре та й взяли,

До нової світлоньки принесли,

Поставили гіллячко на столі.

Ой на столі, на престолі, на клинчасті,

*На перепинчасті скатерті, скатерті*³⁵. Немного погуляв и угостившись все расходились по домам.

Собственно свадебный цикл начинался с выезда молодого за невестой. Товарищи жениха украшали свадебный поезд молодого лентами, цветами, вешали колокольчики.

Свадебному поезду молодого устраивали препятствия, обычно их было несколько. Откупившись от них поизжане заходили в дом. В комнате сидела невеста, а рядом с ней «охранник» – младший брат или другой мальчик с палкой в руках и продавал сестру молодому: *«Продавав брат, а в других – «малаї», маленькі. Просят там, шоб денег дали. Торгувались, шоб дешевше «продати»* – рассказала Коваленко М.М.³⁶

После выкупа молодые отправлялись в церковь, а теперь в ЗАГС. Согласно традиции родители благословляли молодых хлебом-солью и иконой.

После росписи или венчания молодые возвращались на обед, на котором подавали традиционные украинские холодные и горячие свадебные блюда: *Подавали на свадьбі холодінку (холодець), варену капусту (капусняк), кисіль – така їда, салатів не було*³⁷; *На свадьбі подавали холодінку, борщ, кісілі. Раньше ж такого не було як січай. А як я уже виходила замуж, то стало більше, уже була сільодка*³⁸; *На свадьбі давали парену сметану, капусту, борщ, картошку, кисіль красний із фруктів. Кисіль ріденький – їли ложками. Його на свадьбі подавали последнім, це значит кінець свадьби. Ми його називаїм «виганяйлом»*³⁹; *На свадьбу все готували – картошка, борщ, лапша, сметана, холодінка, огурци, помідори. На солодке подавали кисіль із фруктів. Такого не було, як зараз – салатів*⁴⁰; *За столом подавали борщ, картошку, кисіль. Пили із свікли кислушку, її і запивать не треба. На солодке давали пиріжки, кисіль*⁴¹.

Из спиртных напитков употребляли только самогон, который готовили из свеклы, реже из сахара: *На свадьбі пили самогонку, якої було дві фляги. Варили з свекли і сахару. Ту, шо з свекли випили всю, а сахарна, осталась, бо була дуже крепка*⁴²; *Пили самогонку. Гнали із свекли. Сахару не було*⁴³; *Самогонку на свадьбу гнав дядько в Колонці, вона трошки пригоріла, не дуже добра була, но випили*⁴⁴.

После завершения обеда молодежь прощалась с невестой и на свадьбе больше не гуляла. *На свадьбі молодьож гуляла тільки в перший день, а більше не принято приходити*⁴⁵.

Следует отметить, что данная традиция сохранялась до середины XX в., а на современном этапе исследования – молодежь присутствует на свадьбе с первого до последнего дня, что связано с нарушением устоявшихся обычаев и норм.

Драматическим моментом в свадебном обряде было *повязывание невесты*, поскольку она прощалась с девичеством, получала статус женщины. С невесты снимали венок, повязывали голову.

Следующим этапом в свадебном обряде было *провождение невесты в дом жениха*. По традиции мать давала дочери приданое: *«Мені на свадьбу подарували якру, а потім оказалось, шо то баран. Чотири подушки у мене було, три одіяла, дві простині. По обичаю придане треба було викупити у свах нівести. При цьому шуткували, шо комод не проходить в двері. Для того, щоб він проліз, наливали самогонки. Потім все це грузили на сані і їхали до жениха. Более зажиточні давали в придане овецок, яких забирали після свадьби»*⁴⁶.

Записи полевого материала показали, что до середины XX века в свадебном обряде украинцев села Казанка существовали обычаи, касающиеся проверки девственности невесты. Стоит отметить, что на территории Украины такие обряды исчезли намного раньше или встречаются спорадически. Так, В.К. Борисенко отмечает: обряды брачной ночи в доме молодого имели свои региональные особенности. В Среднем Поднепровье, на Полесье и частично Слобожанщине в 30-е годы XX века бытовал обряд *комора*⁴⁷, когда молодые спали в коморе (кладовке). Багуля А.В. рассказала, что на следующий день свахи молодой приходили «шукати ярку», наряжались, шутили. Также на следующий день молодой сообщал, какой нужно вешать флаг на дом. Если невеста была девушкой – вешали красный, а если нет – вешали что-нибудь с дыркой⁴⁸.

Послесвадебные обычаи связаны с почитанием родителей обоих молодых по случаю бракосочетания сына (дочери), а также с вхождени-

ем невестки в семью мужа. Как показали полевые записи, в украинцев-переселенцев наиболее отчетливо представлена цыганщина: *Всі родичі наряджались хто чим: циганкою, врачом, хто, чим міг – шуткували*⁴⁹.

К традиционным обрядам исследуемого населенного пункта относится купание родителей невесты. При этом цыгане бесчинствуют – сажают сватов в тачку и везут купать в лужах, в реке. Веселятся и поют. О бытовании в прошлом древнего обряда перезвы вспомнила Марченко (Бабченко) В.К.: *Раніше ше ходили – «перезва» називаїця – від нівести до жениха, потім від жениха до нівести – вся свадьба. А зараз – прекратилось*⁵⁰.

Во всех исследуемых селах третий день свадьбы проходил в шуточной форме: *«Первий день ми гуляїм в жениха, на второй день у нівести, а на третій день у нас саме таке – замічатиьне, те шо до сіх пор в нас сохранилося! У нас колок забивають, курей крадемо – ходимо цілу ніч, батьків катаїмо, стіраїмо, поварів смалимо»*⁵¹ – вспоминают в Золотоношке.

Таким образом, рассмотрев традиционный свадебный обряд украинцев Республики Башкортостан можем сделать вывод, что в процессе длительного этнокультурного взаимодействия украинцев Башкирии с другими славянскими и неславянскими народами прослеживается существенная трансформация традиционной обрядовой культуры. Вместе с тем, сохраняется целый ряд локальных обрядных действий.

Примечания:

1. Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшеевского района. К 120 -летию села Казанка, 30-летию народного украинского фольклорного ансамбля «Чаровницы» / общ. ред. В.Я. Бабенко. – Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. – 134 с.
2. Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 1999. – С. 14.
3. Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа, 1992. – 260 с.
4. Карпухин И.Е. Фольклорно-этнографические взаимовлияния свадеб русских и украинцев Башкортостана (по наблюдениям и записям 1950 – 1990 гг.) // Украина – Башкортостан: связь времен / МГОПУ им. М.А. Шолохова. Уфа, 2001. С. 92– 110.
5. Брянцева Л.И. О взаимосвязях русского и украинского свадебного фольклора современной Башкирии / Брянцева Т. // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1975. – С.181–186.
6. Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане: историко-этнографическое исследование / Ф.Г. Ахатова. – Уфа: Гилем, 2000. – 146 с.
7. Здоровега Н. І. Нариси весільної обрядовості на Україні / Здоровега Н. І. ; АН УРСР, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського. – К. : Наук. думка, 1974. – 158 с.

8. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Коваленко М. М. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
9. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко (Бабченко) В.К. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
10. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Плугиной (Чуприной) В.Н. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
11. Экспедиционные записи М.А. Пилипака от Головань В.Ф. в с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан 21.10.2012 г.
12. Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Сост. В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатова. Киев–Уфа: Изд-во «Музична Україна», 1995. – 240 с.
13. Пилипак М.А. Українське весілля Східного Поділля середини ХХ – початку ХХІ століття: монографія. – К. : ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України; Уфа : Уфимська філія МДГУ ім. М. О. Шолохова, 2015. – 210 с.
14. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А. В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
15. Там же.
16. Там же.
17. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Коваленко М. М. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
18. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко Р.А. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
19. Экспедиционные записи М.А. Пилипака от Смрщок В.П. в с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан, октябрь 2012 г.
20. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А. В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
21. Экспедиционные записи М.А. Пилипака автора от Педаш Л.П. в с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан, октябрь 2012 г.
22. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко Р.А. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
23. Экспедиционные записи М.А. Пилипака от Смрщок В.П. в с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан, октябрь 2012 г.
24. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А.В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
25. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко (Бабченко) В.К. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
26. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко Р.А. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
27. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Коваленко М. М. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
28. Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Сост. В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатова. Киев–Уфа: Изд-во «Музична Україна», 1995. – 240 с.
29. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А. В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
30. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Коваленко М.М. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
31. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко Р.А. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
32. Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Сост. В.Я. Бабенко,

- Ф.Г. Ахатова. Киев–Уфа: Изд-во «Музична Україна», 1995. – 240 с.
33. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А.В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
34. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко (Бабченко) В.К. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
35. Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии / Сост. В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатова. Киев–Уфа: Изд-во «Музична Україна», 1995. – 240 с.
36. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Коваленко М.М. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
37. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А.В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
38. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Коваленко М.М. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
39. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко Р.А. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
40. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко (Бабченко) В.К. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
41. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Носко (Приходы) М.Г. с. Тавричанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
42. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А.В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
43. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Коваленко М.М. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
44. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко (Бабченко) В.К. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
45. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А.В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
46. Там же.
47. Украинцы / отв. ред. Н. С. Полищук, А.П. Пономарев. – М.: Наука, 2000. – 535 с. – (Серия "Народы и культура").
48. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Багули А.В. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
49. Там же.
50. Экспедиционные записи М.А. Пилипака и Д.А. Черниенко от Марченко (Бабченко) В.К. в с. Казанка Альшеевского района Республики Башкортостан, июль 2012 г.
51. Экспедиционные записи М.А. Пилипака от Головань В.Ф. в с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан, октябрь 2012 г.

Петряева С. А., Фомин Д. А. (г. Оренбург, Россия)

**СВЯТЫНЯ МОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ:
УСПЕНСКО–МАКАРЬЕВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ**

Одной из самых малоизученных тем в истории православия Оренбургского края остаётся тема монастырей. В 1895 году – ровно 120 лет

назад на берегу реки Каргалки, в 15 верстах от г. Оренбурга рядом с хутором Авдеев (ныне посёлок Зауральный Оренбургского района), начинает зарождаться мужской Успенско-Макарьевский монастырь. А предыстория строительства этого монастыря, была необычна тем, что он возник по воле светского человека, купца Григория Никифоровича Мещерякова. Раньше, в конце 18 века, участок земли на котором в 1895 году будет построен монастырь принадлежал коллежскому ассесору Михаилу Степановичу Чекалову, в 1806 г. он продал его титулярному советнику Бардину. 10 октября 1871 г. войсковой старшина Дмитрий Иванович Корин приобретает этот участок. 12 августа 1887 г. участок перешёл в собственность Григорию Никифоровичу Мещерякову Оренбургскому купцу 2 гильдии за 15 000 рублей, размером 148 десятин 1587 сажень.¹ После смерти отца, сын- Александр Григорьевич потратил много сил и часть состояния, чтобы исполнить духовное завещание своего отца - устроить на этой земле обитель. В феврале 1893 г. «Преосвященнейшему Макарию», епископу Оренбургскому и Уфимскому, поступило прошение от оренбургского купца Александра Григорьевича Мещерякова разрешить исполнить волю отца и на принадлежащем ему участке основать мужскую общину. «Александр Григорьевич пожелал устроить обитель на определенных условиях: 1. Чтобы на первых порах она именовалась мужской Успенской общиной. 2. Один из приделов трехпрестольного храма в обители посвятить памяти преподобного Макария (в честь Преосвященного Макария, епископа Оренбургского и Уральского, – как главного покровителя устраиваемой обители)».² Дело по открытию монастыря, которое хранится в архиве, включает в себя более двухсот страниц: переписка, разрешительные документы от разных инстанций, различные рапорты, документы по участку, проекты построек и т.д. Всё это «устройство монастыря» на бумаге заняло почти два года и потребовало огромного терпения и духовных усилий от Александра Григорьевича Мещерякова. Итак, решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 19 января 1895 г. был открыт мужской монастырь. 14 августа 1895 г. № 4 – выходит приглашение поступить в монастырь для вдовых священников и дьяконов. В это же время в Оренбургскую духовную консисторию приходит сообщение с указанием: «Объявить под расписку оренбургскому 2-й гильдии купцу, проживающему в 3-й части Оренбурга по улице Безаковской (Бурзянцева), что указом Синода от 19 января 1895 года за № 3877 открыт на пожертвованной им земле мужской Успенско-Макарьевс-

кий монастырь, и он, Мещеряков, утвержден в звании ктитора и пожизненного попечителя сего монастыря». ³ И действительно если проанализировать данные по монастырям, то можно прийти к следующему выводу, что во всей епархии в 1895 г. не было (кроме Богодуховского в г. Оренбурге) ни одного мужского монастыря. В связи с этим, действительно, назрела огромная необходимость основания именно мужской обители. В отчёте секретаря Оренбургской духовной консистории за 1914 г. обер-прокурору Святейшего Синода сообщалось, что в епархии имеются уже 13 монастырей – 5 мужских и 8 женских, т. е. в конце XIX в. происходит бурный рост обителей. ⁴

На первых порах не всё было гладко. Например, настоятель Варлаам в рапорте жаловался, «что живут на подаяние, пища скудная. Нарушения различные: нет отдельной трапезной, монахам приходится обедать вместе с рабочими и др.». ⁵ На территории монастыря находилась деревянная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы и преподобного Макария Египетского, однопрестольная. Кроме того, самые разные хозяйственные постройки. При обители была устроена школа-приют для мальчиков от 15-ти до 20-ти человек с содержанием их от обители. В постоянное обеспечение общины, шли доходы, от участка земли, они составляли 1500 рублей. Вскоре, дополнительно, Мещеряков пожертвовал на строительство – 20 000 рублей, 4 лошади, 4 верблюда и полный инвентарь для монастырского хозяйства. Также, купец Александр Григорьевич, в течение первых трех лет сеял для общины три десятины пшеницы, две десятины овса, одну десятину ржи и одну картофеля с овощами и заготовливать в нужном количестве сено для скота. Мещеряков пожертвовал монастырю свой городской дом по улице Безаковской, а в доме по улице Петропавловской (Краснознаменной) устроил часовню, приносящую монастырю 1800 рублей дохода в год. ⁶ Таким образом, становление Успенско-Макарьевского монастыря шло быстро, благодаря огромной финансовой поддержке А. Г. Мещерякова. В 1900 году в монастыре проживали 14 монахов и 17 послушников. Количество монахов постоянно увеличилось из-за направления в монастырь для помощи в хозяйственной деятельности. Монахи из других монастырей должны были помогать в различных отраслях хозяйственной деятельности. После чего возвращались в свои монастыри. Такое направление могло длиться 1-2 года, или несколько месяцев.

В рапорте игумена Николая за 1900 г., даётся достаточно подробный отчёт о монастыре. «Церковь в обители одна во имя Успения

Пресвятой Богородицы, освящена 13 августа 1895 года Преосвященным Макарием, епископом Оренбургским и уральским, и сооружена на средства строителя обители купца Мещерякова. Построена церковь деревянная на каменном основании, покрыта железом, окрашена зелёною краскою. Престол в ней во имя Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа который день и считается храмовым праздником обители. Ризницы, утвари и богослужебных книг достаточно. Богослужение совершается применительно к монастырскому уставу, придерживаясь великих праздников и напева Киевской лавры. Монашествующих в обители кроме настоятеля иеромонахов – 6, дьяконов – 3, послушников – 2, живущих на испытании до 25 чел. Постриженных в монашество один, рукоположены в иеромонахи -2, и 1 во дьяконы. В материальном отношении земля в двух участках: один участок в 14 десятин 1587 кв.саж., другой 48 десятин 1048 кв.саж. оба участка за обителью высочайше укреплены 23 сентября, 1895 года.»⁷

После официального утверждения монастыря первым настоятелем был иеромонах Никандр (из Богодуховского общежительного монастыря)⁸, ушедший с должности игумена по состоянию здоровья. Его сменил иеромонах Варлаам (с 1896 года).⁹ Выяснились очень интересные факты, что в среде послушников монастыря в 1898 г. был новомученик Варнава (Василий Калашников). Вслед за старшим братом Михаилом, он поступает в Успенско–Макарьевский монастырь. По благословлению настоятеля Успенско-Макарьевского монастыря, епископа Челябинского Дионисия, викария Оренбургской епархии, он основывает скит Николая Чудотворца в нескольких километрах от г. Троицка в 1910 г. Он был сильным настоятелем, в результате скит в 1913 г. стал процветающим монастырём.¹⁰ Необходимо особо отметить и такой исторический факт, что 10 сентября 1908 г. указом Святейшего Синода Дионисий (Сосновский) епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии, получил в управление Макарьевский монастырь в 1908 г. и стал его настоятелем. Епископ Дионисий внёс огромный вклад в развитие православной культуры нашего края, он занимал активную позицию по развитию образования и миссионерской деятельности в Оренбургской епархии.¹¹ В 1909 г. от Макарьевского монастыря был образован скит, в двух верстах от села Большой Покровки, Оренбургского уезда (ныне Свято-Николаевский мужской монастырь). Епископ Дионисий 10.06. 1910 г. осмотрел Николаевский скит, посетил пещеры, отслужил молебен и окропил святой водой постройки.¹² Вот, действительно, от чистого истока Успенско-

Макарьевского монастыря разлилась река православной веры в Оренбургском крае. В настоящее время отсутствуют научные исследования по истории Успенско-Макарьевского монастыря в период 20 – 30-х годов XX века. Монастырь пережил гражданскую войну. В 1920-1922 гг. на хуторе Зарывнова (п. Зауральный) был организован совхоз III Интернационала. В 1924-1925 гг. По воспоминаниям старожилов, монастырь был разрушен. Деревянные постройки разобрали, оставшиеся здания, и кельи монахов использовали как бараки, там жили крестьяне. Сегодня сохранилось несколько бывших построек монастыря практически полностью перестроенных.

Судьбы бывших монахов с достоверной точностью удалось выяснить лишь частично. Настоятель Успенско-Макарьевского монастыря Герман II (Рыжухин),¹³ после его закрытия проживал в с. Горно-Рычковка Переволоцкого района. 10 октября 1937 г. тройкой УНКВД по Оренбургской области приговорён к расстрелу. Реабилитирован 6 сентября 1989 г.

Архимандрит Варнава (Василий Калашников) был арестован. С февраля по апрель 1930 года он содержался под арестом в ГПУ Троицка. Выпущен архимандрит Варнава был с подпиской о немедленном выезде из Троицкого уезда. На праздник Рождества Христова, 7 января 1931 года архимандрит Варнава был вновь арестован. Допрос 59-летнего архимандрита не отличался многословием, что подтверждало - он не представлял особого интереса для работников НКВД, обвинение уже, видимо, было готово. Варнава пострадал вместе со священномучеником Макарием Квиткиным, который канонизирован в 2000 г. Архиерейским собором РПЦ. Заседанием тройки при ПП ОГПУ СВК от 26 марта 1931 г. он осужден к расстрелу по ст. 58 -2 УК. Они были расстреляны вместе с 32 священниками и монахами, по числу лет Христа, в Великую Пятницу перед Пасхой 5 апреля 1931 г. в 04 ч. 25 мин. и погребены в неизвестной братской могиле рядом с вечным огнем на проспекте Победы на старом кладбище г. Оренбурга.¹⁴ В честь св. Макария Квиткина и с ним убиенных были освящены храмы: в селе Александровка Саракташского района, нижний левый придел Казанского собора Свято-Троицкой обители милосердия п. Саракташ, часовня в той же обители, установлен памятный крест на территории обители всем новомученикам Оренбургской области. 2 ноября 1989 года определением прокурора Оренбургской области архимандрит Варнава был реабилитирован. Судьба епископа Дионисия также сложилась трагически. Вплоть до 1918 года он оставался

Преосвященным Измаильским, викарием Кишинёвской епархии. С захватом Румынией Бесарабии в 1918 году, он вынужден был покинуть кафедру и выехать в Россию. Не далеко от Киева на железнодорожной станции “Вятка” был схвачен и 4 февраля 1918 г. убит большевиками. Канонизирован РПЦЗ. В 1981 году был причислен Русской Православной Церковью Заграницей к лику святых Новомучеников Российских. Его образ был также написан для Измаильского кафедрального собора.

Итак, можем сделать основной вывод о том, что Успенско-Макарьевский монастырь явился духовным центром развития православной культуры в Оренбургском крае, показав в лице своих новомучеников пример высокого героизма. История монастыря – важная часть истории Оренбургской епархии и часть исторической памяти жителей п. Заурального и всего Оренбуржья.

Восстановление места захоронений монахов в посёлке Зауральный и установление поклонного креста, надеемся, будет очень важным событием поддержания исторической памяти о героическом подвиге духовенства в тяжкую годину репрессий и гонений на веру.

Примечания:

¹ ГАОО Ф. 173, Оп. 3, Д. 4905. Дело об открытии Оренбургского Успенско-Макарьевского монастыря 18 февраля 1893 г.

² ГАОО Ф. 173, Оп. 3, Д. 4905. Дело об открытии Оренбургского Успенско-Макарьевского монастыря 18 февраля 1893 г.

³ ГАОО Ф. 173, Оп. 3, Д. 4905. Дело об открытии Оренбургского Успенско-Макарьевского монастыря 18 февраля 1893 г.

⁴ Булгаков С. В. Настольная книга священно-церковнослужителя. Полное издание 1913 года стр. 768. Сайт Догмат и вера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.globalfolio.net/agiograf>

⁵ ГАОО Ф. 173, Оп. 3, Д. 4905. Дело об открытии Оренбургского Успенско-Макарьевского монастыря 18 февраля 1893 г.

⁶ Горлов Г. Е., прот. Духовная нива Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, – Оренбург, 2010. – 272 с. С. 188 – 193.

⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3, Д. 5642. Л. 32

⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 7 об. – 8. Л. 5 об. – 6.

⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 89. Л. 55 об. – 58. Л. 69 об. – 71.

¹⁰ Оренбургская епархия. Оренбургская голгофа. Банникова Елена «Архимандрит Варнава». [Электронный ресурс].// <http://pravvest.ru/rubriki-zhurnal/orenburgskaya-golgofa/arkhimandrit-varnava.html>

¹¹ Центр историко-культурного наследия Челябинска. [Электронный ресурс].// <http://chelhistory.ru/pages-view-38>

¹² Усольцев В.А. «Святые пещеры». [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://elar.usfeu.ru/bitstream>

¹³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 7 об. – 8. Л. 5 об. – 6.

¹⁴ Оренбургская епархия. Оренбургская голгофа. Банникова Елена «Архимандрит Варнава». [Электронный ресурс].// <http://pravvest.ru/rubriki-zhurnala/orenburgskaya-golgofa/arkhimandrit-varnava.html>

¹⁵ Центр историко-культурного наследия Челябинска. [Электронный ресурс].// <http://chelhistory.ru/pages-view-38>

Ельчанинова Н. А., Попова А. А. (г. Оренбург, Россия)

ДЕМЯНСКИЙ КОТЕЛ – СТАЛИНГРАДСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

В Новгородской области Парфинском районе ур. Присморжье наш поисковый отряд «Патриот» работает с 2008 года. В данную местность мы выезжаем для проведения поисковых, эксгумационных работ в рамках поисковой экспедиции Всероссийской «Вахты Памяти».

Почему нам интересно данное место? Готовясь к очередной экспедиции на Новгородчину, мы узнали, что в данных местах воевала 200-стрелковая дивизия, второе формирование которой прошло в Чкаловской области.

Итак, одним из неизвестных официальной истории сражений Великой Отечественной войны является демянский котел. Ценой огромных потерь части Рабрче-Крестьянской Красной армии удерживали немцев в окружении 14 месяцев с февраля 1942 года по май 1943.

Что приходит в голову, если относительно событий 1942 г. на советско-германском фронте мы слышим слова «котел» и «воздушный мост»? Конечно же – «Сталинград». Разумеется, это справедливо, но сталинградский «котел» и созданный «воздушный мост» в него не были для немцев и для Красной Армии, чем-то новым, а скорее повторением уже пройденного. Но, если об эпопее, развернувшейся в приволжских степях, в той или иной мере знает каждый, то ожесточенные и кровопролитные бои на берегах рек Ловати и Полы под старинным русским городом Демянском остались практически неизвестными. Тем более, не многие знают о «воздушном мосте» к окруженным в Демянске дивизиям Вермахта. Вот о нем, ставшем своеобразной «репетицией» Сталинграда, я и хочу рассказать.

Демянская операция началась 7 января 1942 года, когда в наступление перешли армии Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта П. А. Курочкина. Правда, специально устраивать немцам «котел» не собирались. Цели наступления была куда масштабнее.

Во-первых, армии правого крыла фронта должны были выйти в район Пскова, а затем ударить в тыл частям немецкой Группы армий «Север» на ленинградско-новгородском направлении. Во-вторых, одновременно, своим правым крылом, войска фронта привлекались для глубокого охвата немецкой Группы армий «Центр» с севера. В центре фронта войскам 34-й армии предстояло только «сковать противника на демянском направлении».

8 февраля вокруг 6-й дивизии 16-ой немецкой армии замкнулось кольцо окружения, среди окруженных оказалась и дивизии СС «Мертвая голова». Леса, болота, глубокий снежный покров и недостаток сил помешали немедленной ликвидации врага. Операция затянулась на 14 месяцев.

Северо-западный фронт под командованием генерал-лейтенанта П.А. Курочкина, перешел в наступление в 7 января 1942 года. Левое крыло – 3-ая и 4-ая ударные армии и правое крыло Калининского фронта наступали в направлении Торopez, Велиж, Рудня; правое крыло – 11-ая армия в составе 5 стрелковых дивизий, 10 лыжных и 3 танковых батальонов наступала на Старую Руссу, Сольцы, Дно. 34-ая армия (5 стрелковых дивизий), должна была сдерживать врага и одновременно фланговыми дивизиями нанести два удара: на правом фланге в направлении Беглово, Свиной, на левом – Ватолино, для того чтобы окружить врага в районе Демянска.

Старую Руссу взять не удалось, но на юге был полный успех. 3-ая и 4-ая ударные армии дошли западнее долины реки Ловать и 8 февраля замкнули окружение, образовав демянский котел.

Три месяца немцы находились в полном, сухопутном окружении. Снабжение поступало к ним по «воздушному мосту» созданному Люфтваффе.

Советская армия непрерывными атаками стремилась сжать кольцо окружения и уничтожить находившегося в нем врага. Однако все атаки русских были отбиты. Прорыв 34-ой армии на западе был остановлен дивизией «Мертвая голова».

Осенью шло наступление на Демянский плацдарм, бои приняли затяжной характер и продолжались больше месяца. Для выполнения этой задачи была привлечена 370-ая сибирская дивизия, много месяцев велись бои в районе Тополево, Горчицы, Курляндская, Стрелицы, Большая Ивановщина, изматывая врага, и нанося ему урон.

2-ой гвардейский стрелковый корпус, сформированный из частей 8-ой гвардейской дивизии, был переброшен в феврале 42 года, и за 20

дней героических боев, без танковой и авиационной поддержки освободили десятки населенных пунктов от Соколово до г. Холм.

Немцы, пытаясь помочь своим выйти из окружения, начали наступление юго-западнее Старой Руссы. Было сформировано 5 специальных ударных дивизий под командованием Зедлиц-Курцбаха. Прорывшись через 5 линий оборонительных сооружений в течение нескольких недель, пробились к западной оконечности «котла». Так был образован рамушевский коридор, по названию ближайшей деревни Рамушево, который просуществовал весь 42 год.

Несмотря на то, что «коридор» был узким, а протяженность линии фронта около 150 км, и высокий риск повторного окружения, германское командование не желало оставлять Демянск, и возможность использования демянского и ржевско-вяземского выступов для угрозы охвата с севера и юга советских войск между Селигером и Великими Луками.

Немецкое командование высоко оценивало значение демянской операции, и ими был введен знак отличия *Armelschild Demjansk*. Учрежден «Демянский щит» 25 апреля 1943 года в память о событиях, связанных с Демьянским котлом. Награждению подлежали военнослужащие и гражданские лица, отличившиеся в боях в Демьянском котле.

Первые вручения знака прошли 31 декабря 1943 года и производились до 1 апреля 1944 года.

Для получения знака требовалось наличие одного из условий:

- в течение 60 дней непрерывно участвовать в боях;
- получение ранения или обморожения;
- проявление храбрости и героизма;
- летчикам, снабжавшим войска, совершить не менее 50 вылетов.

Изучая историю демянской операции, мы выяснили, что легендарный лётчик-АС, Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев — прототип героя повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» воевал и был сбит именно в тех местах!

В марте 1942 года он был переброшен на Северо-Западный фронт. К этому моменту на счету лётчика числилось 4 сбитых немецких самолёта. 4 апреля 1942 в районе «Демянского котла» во время операции по прикрытию бомбардировщиков в бою с немцами его самолёт был подбит, а сам Алексей тяжело ранен. Совершил вынужденную посадку на территории, занятой немцами. Восемнадцать суток раненый в ноги лётчик сначала на покалеченных ногах, а затем ползком пробирался к линии фронта.

Еле живого лётчика обнаружили мальчишки Серёжа Малин и Саша Вихров. Отец Саши отвёз Алексея на подводе в свой дом.

Больше недели колхозники ухаживали за Маресьевым. Нужна была медицинская помощь, но в селе не было врача. В первых числах мая вблизи деревни приземлился самолёт и Маресьев был отправлен в Москву, в госпиталь. Врачи вынуждены были ампутировать ему обе ноги в области голени из-за гангрены. Но мы знаем, что Алексей Петрович Маресьев и после сложнейших операций, преодолевая себя, научился ходить и даже летать с помощью протезов!

В декабре 1941 – начале 1942 годов в Бузулуке проводила второе формирование 200 стрелковая дивизия. Сформированная в Украине весной 1941 года дивизия познала горечь отступления - «Киевский котёл».

К началу июня 1941 года 200-я стрелковая дивизия, под командованием назначенного командиром дивизии И. И. Людникова, была укомплектована личным составом по штатам военного времени, личный состав составил 14438 солдат и офицеров, на вооружении дивизии были сотни орудий и миномётов, танки, броне-автомобили и другие виды вооружений.

Выйдя из окружения и сохранив боевое знамя, остатки дивизии прибыли в Бузулук. В лютую стужу проходило ее формирование в сёлах района, в основном из оренбуржцев. И уже весной 1942 года полностью сформированная дивизия принимает участие в уничтожении Демянской группировки противника.

Итак, прибыв на Северо-Западный фронт 19 апреля 1942 года, дивизия в составе опергруппы генерал-майора Озерова, входившей в состав 11 армии, 02.05.42 г. вступила в бой в направлении Присморжье, Александровка. Присморжье находится на господствующей высоте и с него можно контролировать Рамушевское шоссе. В результате наступательных боев 05.06.42 г. 200 СД с 127 ОСБР взяла Присморжье и в течение 8-9 месяцев удерживала его.

В условиях лесисто-болотистой местности, сложных условиях боевой обстановки, неся огромные потери, дивизия, преодолевая ожесточённое сопротивление противника, освобождала населённые пункты Новгородской и Ленинградской областей, Прибалтику, Польшу. Свой боевой путь 200 стрелковая Двинская Краснознамённая дивизия закончила в Германии.

По меткому выражению известного российского писателя и фронтовика Астафьева В.П.: «Великая Отечественная война – «это хребет

нашей жизни». В те драматические годы, как и прежде в истории государства российского, проявились лучшие черты народа – самопожертвование, преобладание коллективного над личным, любовь к своей земле, стойкость и мужество простых людей, защищавших Отечество.

Историческая память народа определяется его отношением к своим павшим воинам. Долг нас, потомков победителей, – выволить из небытия сотни и тысячи наших солдат, павших и пропавших без вести.

Установление имен солдат представляет собой чрезвычайно сложную задачу, однако работа по поиску их родственников спустя десятилетия не менее затруднительна. Для них бескорыстный труд поисковика – порой последняя надежда получить весточку о близком человеке, не вернувшемся с войны.

С годами слова «Никто не забыт – ничто не забыто» приобретают особый смысл для всех нас. И наша общая задача – не упустить, может быть, последнюю возможность для восстановления исторической справедливости.

Литература

1. Владимирский А. В. На киевском направлении. – М.: Воениздат, 1989.
2. Исаев А. Окружение немецких войск под Демянском // Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – С. 166. – 384 с. – ISBN 5-699-10769-X.
3. Людников И. И. Дорога длиною в жизнь. – М.: Воениздат, 1969. – 180 с., с портр. и илл. (Военные мемуары).
4. Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке.
5. Великая Отечественная война. 1941 – 1945. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 512 с.: ил.
6. Сводки Генерального штаба Красной Армии с 20 августа по 20 сентября 1941 года.
7. Манштейн Э. Утерянные победы – М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. – 365 с. – ISBN 978-5-17-03326.
8. Шефов Н. Битвы России – М.: АСТ, 2002. – 704 с. – ISBN 5-17-010649-1.

**ВТОРАЯ СЕКЦИЯ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Заборовская С. В. (г. Харьков, Украина)

**ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИИ:
КОНЕЦ «ЭРЫ ГУТЕНБЕРГА»?**

Перелом в эволюции средств коммуникации связан с расширением электронных средств коммуникации – изобретение кино и радио в начале XX века, телевидения в 60-е годы и персонального компьютера в 80-е годы.

Доминирование аудиовизуальных средств коммуникации можно воспринимать как возврат к телесности и мультимедийности непосредственной личной (face-to-face) коммуникации. Но так ли это на самом деле? Телепередачи, фильмы и фотографии хотя и показывают реального человека, мнение которого реципиент может полностью разделять, однако представляют собой лишь наглядный элемент послания при помощи новых коммуникативных средств. Реальное участие партнера по коммуникации в данном случае отсутствует. Кино и телевидение посредством соединения звука с движущимися изображениями создают возможность переживания чувственных впечатлений без телесного включения, увеличивая спектр этих впечатлений по сравнению с одноканальностью письменного послания, поэтому у реципиента возникает впечатление непосредственного присутствия и достоверного отражения действительности.

Возрастающее значение цифровых мультимедийных средств коммуникации несколько пошатнуло ведущую роль телевидения среди всех средств коммуникации, развитие которых идет в направлении объединения традиционных СМИ – телевидения, радио и печати – посредством цифровой компьютерной техники. Благодаря Всемирной сети пользователь может не только производить выборку мультимедийных данных, накапливать, сохранять, перерабатывать и размножать их, но одновременно общаться в Интернете с другими пользователями. Возникают новые оригинальные возможности коммуникации, которые тем не менее требуют определенных специальных знаний и финансовых инвестиций.

Многие исследователи средств коммуникации пытаются выяснить: существует ли связь между старыми и новыми средствами коммуникации, и если существует, то в чем она проявляется.

Согласно Маклюэну, новые средства коммуникации, обладая способностью переводить опыт прошлого в новые формы, оказывают огромное влияние на человеческое общество, обуславливая смену исторических эпох и вытесняя прежние виды искусства и общения. Конец господству «галактики Гутенберга» как особому типу культуры, который характеризуется господством линейного текстового метанарратива, приходит с появлением и вхождением в обиход электронных средств массовой коммуникации. С конца 60-х на смену линейному способу мышления «пришло более глобальное восприятие – гиперцепция – через образы телевидения и другие электронные средства».¹ Однако связь наступления «постгутенберговой эры» лишь с процессом вытеснения письменных и печатных форм аудиовизуальными способами трансляции информации вызывает немало возражений. «Присутствие в Интернете в настоящее время является важным элементом статуса того или иного издания и его доступности глобальной аудитории»², поэтому большинство крупных газет имеют свои электронные варианты во Всемирной сети, но это, напротив, только увеличивает количество читающих их бумажные варианты. Исключения составляют лишь разделы частных объявлений. Опросы показывают, что это как раз тот пласт информации, с которым люди охотнее всего знакомятся посредством Интернета. Следовательно, газеты, содержащие только рекламу и всевозможные объявления – лишь малая часть печатной продукции, которая может исчезнуть с появлением своей электронной версии. Хотя в нашей стране процесс этот будет, вероятно, очень медленным, учитывая темпы распространения новых информационных технологий среди широких слоев населения.

Известный итальянский семиотик, философ и писатель У. Эко в своей знаменитой лекции «От Интернета в Гутенбергу: текст и гипертекст» делает парадоксальный на первый взгляд вывод – компьютер возвращает нас в галактику Гутенберга, так как «люди, использующие компьютер, имеют дело в основном со словами. Компьютерный экран – словно идеальная книга, слова и страницы которой помогают нам узнавать мир».³ Старые компьютеры, как известно, рождались как орудие письменности: по экрану ползли слова и строки, которые должен был читать пользователь – своеобразная линейная письменная коммуникация, «быстробегущая» книга. «...Видимое движение

цивилизации к закату книгопечатания «по Гутенбергу» является лишь внешней линией, за которой скрывается глубинный процесс нового пробуждения интереса человечества к печатному слову». ⁴ По мнению У. Эко, мысль о том, что новые технологии могут привести к уничтожению существовавшего ранее слишком примитивна. Вербальную и визуальную коммуникации необходимо не противопоставлять, а совершенствовать – и ту, и другую. «Визуальные коммуникации должны существовать с вербальными, в первую очередь с письменными». ⁵ Реальными проблемами, к которым привело развитие электронных массмедиа, является не исчезновение цивилизации книги, а проблема одиночества многих людей, затерянных в Интернете, а также избыток информации и неспособность отбирать и уничтожать ненужное. Действительно серьезная проблема возникает именно тогда, когда в океане различной «информации (в том числе и катастрофически увеличивающегося количества научных книг) становится все труднее отличить надежный источник информации от всех остальных (ненужных и даже вредных). Больше всего, считает У. Эко, мы нуждаемся сегодня в новой форме критической компетенции, в пока еще неизвестном искусстве отбора и усвоения информации». ⁶

Таким образом, «конец эры Гутенберга», предсказанный Маршаллом Маклюэном в 60-е годы, не произошел. По мнению У. Эко, «самый знаменитый афоризм – *The medium is the message*, еще кое-как применимый к телевидению, совсем не работает применительно к Интернету», потому что «нельзя пользоваться Интернетом рассеянно, как смотрят телевизор или слушают радио». ⁷ И если бы Маклюэн был сейчас еще жив, «вероятно, писал бы книги, противоречащие тому, что он утверждал тридцать или сорок лет назад». ⁸

С У. Эко полемизирует Вадим Емелин, который считает, что Глобальная сеть породила принципиально новую форму организации текстового пространства в виртуальной среде, «где на смену одномерному тексту приходит многомерный электронный гипертекст», который «основывается на возможности мгновенного перехода от одного объема информации к другому во всех снабженных ссылками точках, причем наделены подобными ссылками могут быть любые произвольно выбранные места текстов». ⁹ Автор сравнивает постгутенберговую вселенную с бескрайней степью кочевников, а «галактику Гутенберга» с территорией оседлых народов, расчерченной границами, стенами и дорогами. В. Емелин не согласен с рассуждениями У. Эко по поводу того, что компьютер и Интернет возвращают нас в «галактику Гутен-

берга». «Не вызывает сомнения, что компьютер, по сравнению с телевидением, предоставляет возможность более интеллектуальной коммуникации, развивает элементарную грамотность и учит работать с текстовым материалом, то есть так или иначе выводит на передний план вербальный печатный текст. В этом смысле Гутенберг живет в сети. Но вместе с тем, коренным образом меняется способ построения текстового пространства – на смену одномерному тексту приходит многомерный электронный гипертекст».¹⁰ По мнению В. Емелина, именно реальные качественные изменения, произошедшие с процессом чтения и письма в информационную эпоху, свидетельствующие о трансформации самой природы текста, который не может более мыслиться как линейно выстроенный, имеющий определенную направленность, структуру и границы, а следовательно, перестает соответствовать принципам, наложенным станком Гутенберга, указывают на вхождение общества в «постгутенберговую эру». А «созданные в гипертекстовом формате нарративы особым образом конструируют, а точнее, деконструируют текстовые структуры и способы их прочтения: от территориально ограниченной и линейно выстроенной книги мы переходим к номадическим ризоморфным детерриториализованным информационным системам».¹¹

Д.С. Пополов, опираясь на типизацию культур и типов сознания, предложенную канадским социологом и культурологом Маршаллом Маклюэном, которая основана на доминирующей в обществе коммуникативной среде, анализирует связи между «сетевым» и «досетевым» сознанием и приходит к выводу, что феномен «сетевой культуры» не является чем-то принципиально новым, поэтому вполне правомерно провести определенные параллели с устными обществами бесписьменной культуры. «Электронные среды коммуникации и Интернет как их совокупность возвращают ключевой аспект устного способа общения: одновременность действия, восприятия и реакции. Восприятие снова становится основным фактором общения. Однако «устность» электронной среды значительно отличается от устного прошлого»¹², считает автор, и наиболее наглядно эта «новая устность» проявляется в феномене так называемых «чатов», которые, с одной стороны, стилистически и структурно близки устному общению, а с другой – являются все-таки текстовым видом коммуникации. В процессе сложного взаимодействия устного и текстового аспектов коммуникации в современных электронных средах возникает специфичная форма электронного дискурса, обладающе-

го принципиально новыми структурно-стилистическими свойствами. Основанные на тексте электронные коммуникации в отличие от речи не ограничены в пространстве и во времени, что позволяет не только сохранять их, но и обеспечивать доступ к ним большому числу людей, находящихся в разных местах планеты. И если печать предлагает нам новые способы совместного использования знания, то электронные медиа – новые типы совместных ощущений. Таким образом, «новые формы конкретного сенсорного опыта соревнуются с абстрактным печатным знанием», а «слово возвращается в своей старой форме – в форме события, а не объекта. Но масштаб совместного сосуществования теперь значительно выше»¹³, так как продолжения наших органов чувств – новые электронные среды – достигают всех уголков планеты. Из всего этого автор делает вывод, что на смену обычному «городскому» или «типографскому» типу сознания приходит тип сознания, сходный по некоторым аспектам с типом сознания устного общества, который Пополов называет «глобальным деревенским» типом сознания. Следовательно, тип культуры электронного общества можно охарактеризовать как «планетарная деревня», или даже «деревня Земля».

Я.Н. Засурский, ссылаясь на работы Гарольда Инниса «Империя и коммуникация», Эйсы Бриггса и Питера Берка «Социальная история медиа», отмечает, что две коммуникативные культуры, действовавшие в Риме и Греции – культура «глаза» (римская) и культура «уха» (греческая) – существуют и сегодня, что свидетельствует «о развитии техники: с одной стороны, техника текста, с другой стороны, техника речи»¹⁴. И несмотря на конвергенцию этих двух типов восприятия, одни страны (Италия, Франция, Испания, иные средиземноморские и латиноамериканские страны) находятся в сфере зрительной коммуникации (с преобладанием телевидения), другие – северо-европейские, центральноевропейские – «скорее, читающие, а также слушающие или смотрящие».¹⁵

На наш взгляд, старые средства коммуникации не вытесняются новыми, а используются скорее с новыми целями и в новом объеме. Считается, что коммуникация устной культуры базируется на памяти, тогда как письменная культура – на языке (речи). Обе эти формы в электронную эру не выходят из употребления, но теряют свое доминирование, основанное культурой. Объединение информации в Сеть ведет к возникновению коммуникативного и информационного общества. Однако шаги от номадического к архаическому, а от него к

индустриальному, затем к обществу массовой коммуникации на основе ускорения развития не являются равноценными. В целом становится ясным, что в ходе эволюции происходит отделение единичного отправителя, как от послания, так и от получателя. Пространственно-временное присутствие адресанта при условии восприятия его сообщения с использованием комплексных средств коммуникации также не является теперь обязательным. Отправитель освобожден от своей функции средства коммуникации и хранителя ее содержания. С открытием односторонне передаваемых средств массовой информации отменяется также активное участие отдельного индивида в процессе коммуникации, при этом сравнительно малые группы отправителей могут оформлять коммуникативные сообщения гораздо большим группам адресатов.

Примечания:

¹ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: Текст и гипертекст // Новое литератур. обозрение. – 1998. – № 32. – С. 5–14.

² Засурский Я.Н. Глобальное информационное пространство: новые границы // Вестник Моск. ун-та. Сер.10: Журналистика. – №5. – 2003. – С.10.

³ Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Мн.: ПроPILEI, 2000. – С.106.

⁴ Уваров М.С. Человек в век телевидения, компьютера и Интернета. – документ http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtor/uvarov_noviy_vek.htm

⁵ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст // Новое литератур. обозрение. – 1998. – № 32. – С. 5–14.

⁶ Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Мн.: ПроPILEI, 2000. – С.119.

⁷ Эко У. Под Сетью (интервью). – документ http://www.lib.ru/UMBEKO/kinowed97.txt_with-big-pictures.html

⁸ Там же.

⁹ Емелин В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: спец. 09.00.11 «Социальная философия» / В.А. Емелин. – М, 1999. – 27 с.

¹⁰ Емелин В. Гипертекст и постгутенберговская эра. – документ <http://emeline.narod.ru/hipertext.htm>

¹¹ Там же.

¹² Пополов Д.С. Деревня Земля: возвращение устных аспектов коммуникации и сознания в эпоху Интернет. – документ http://futuraerussia.ru/conf/forum_transform_popolov/htm

¹³ Там же.

¹⁴ Засурский Я.Н. Роль технологий в истории развития печати // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2003. – № 2. – С. 5.

¹⁵ Там же.

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗМЕРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И АБЗАЦА

Размер лингвистических единиц текста изучается лингвистами довольно эпизодически. Тем не менее, накоплены значительные данные по размеру предложения в русском языке. Эти факты чаще всего получают лингвостилистическую и лингвометодическую интерпретацию¹.

Текст как сложная система обладает определенными коммуникативными качествами, некоторые из которых связаны с размерами (форматами) целого и его составляющих. Целое как интегральный конструкт разложимо на компоненты, обладающие некоторым набором качественно-количественных характеристик. Суть даже не в том, как именно в каждом конкретном случае соотносятся целое и части, а в самом характере организации целого и образующего его субстрата. Исследования текста и дискурса, проводимые в последние десятилетия на основе лингвосинергетических подходов и с применением не только качественных, но и количественных методов, показывают, чувствительность облика целого к малым видоизменениям и/или неконтролируемым сознанием автора погрешностям создаваемой структуры, что приводит к довольно значительным расхождениям авторских намерений и их воплощением в готовом произведении².

Анализ достаточно большого корпуса самых разнообразных текстов показывает чувствительность формы текста к изменениям размеров его составляющих³. Доказано экспериментально и статистически, что размер целого и его составляющих, в частности, предложения и абзаца, является важным параметром порядка в становлении формы текста⁴.

При малом размере текста, например, в миниатюре, вопрос о его дискретности важен, но решается автором не теми способами, что при средних и/или крупных форматах целого. Тем не менее, принцип самоподобия текста и составляющих его компонентов позволяет управлять формой готового текста, а также осознанно управлять формой и ее параметрами с целью достижения эффективности и оптимальности текста. Это важная лингвопрагматическая задача, решение которой допускает применение не только визуальные, смысловые, но и формально-компьютерные подходы.

Восприятие и интерпретация текста также связаны с соотношением целого и его частей. Читательность текста могут значительно улучшить или осложнить его форматы. Один и тот же текст может быть подан ритмически весьма разнообразно, то есть в тексте со снятыми знаками препинания испытываемые расставляют их, исходя из собственной интерпретации смыслов, эмоций, структур, заложенных потенциально автором в данную последовательность слов. Границы предложений и их характер изменяют конструктивные качества формы текста, приписываемые ей читателями-интерпретаторами. Некоторые результаты и обсуждение подобного эксперимента можно увидеть в нашей работе⁵.

Поскольку ритм является одним из главных способов синхронизации общения через текст, то, вероятно, необходимо изучать параметры его организации, рассматривать размер текста, предложения и абзаца не только со стилистических позиций, но и как разные стороны процесса эффективного и оптимального общения через текст как посредник. Восприятие текста начинается с обобщенной и часто не осознаваемой оценки размеров текста и его составляющих. В результате возникает некоторая настройка ожиданий от восприятия целого, формируются некоторые читательские гипотезы, которые затем отвергаются, либо подтверждаются.

Процесс вчитывания в текст всегда сложен и вызывает психологические сложности. Так, монументальные предложения и абзацы в большинстве случаев скорее отталкивают, нежели привлекают читающего. Как показывают наблюдения, комфортное начало должно интриговать читателя не только содержанием, но и ритмом высказывания. Впрочем, контрастирование форматов как композиционно-стилистический прием организации текста эффективно в любых его местах. Значит, сам по себе размер единиц не столь важен в процессе общения через текст, сколь важен в силу заметности контраст форматов, то есть смена ритмов. Данное качество актуально, на наш взгляд, в любом общении через текст.

В.Г. Адмони полагает, что композиционные типы предложения выявляют характер движения мысли человека, отражают различные аспекты синтаксической системы построения в национальном языке. Представляют интерес композиционные аспекты предложения: напряженность / ненапряженность речевой цепи, противопоставление длинных и коротких единиц, собранность / разветвленность мысли и др.⁶

Размер предложения как явление синтаксического строя и стили-

стики изучается с разных позиций и с разными целями: в плане диахронической эволюции синтаксиса национальных языков, как проявление индивидуального стиля автора, как способ оптимизации восприятия текста и т.п. Основные статистические аспекты анализа форматов текстовых единиц, важные для композиционно-стилистических целей, предусматривают вычисление среднего размера единицы с учетом степени колебания (s)⁷ Соответственно, те размеры единиц, которые не укладываются в среднестатистическую «норму», будут на ее фоне либо сверхкраткими (СК), либо сверхдлинными (СД), то есть, «экспрессивными» реализациями единиц по фактору их протяженности. Таким образом, точная оценка протяженности предложений в тексте позволяет эксплицировать характер неявных (и неосознаваемых человеком) количественных отношений единиц, оценивать скрытый ритм целого текста.

В частности, средний размер предложения в произведениях В.М. Шукшина сравнительно невелик на фоне аналогичных параметров других выборок. По нашим данным, в художественной прозе А.С. Пушкина («Повести Белкина» и «Пиковая дама») размер предложения составляет в среднем $12,4 \pm 6,36$; в нехудожественной же прозе $17,46 \pm 6,24$ (3); в письменных работах школьников 5 – 6 класса $7,56 \pm 2,3$. Сближение параметров детской речи и авторской речи в рассказах В.М. Шукшина представляется неслучайным. Автор воплощает глубинный и наиболее естественный ритм устного говорения, тонко стилизует его как русскую манеру думать: немногословно, несколько отрывисто, с паузами между предложениями.

Абзац как один из важных форматов письменной речи является собственно композиционным феноменом, он выделяется автором сознательно, обнаруживая авторские интенции в самом способе субъективного расчленения текста на отдельные порции⁸. Абзац, как и предложение, создает ритм текста, весьма значимый параметр воздействия на читателя. Размер абзаца в целых предложениях изучается сравнительно недавно. В статье Н.П. Харченко и К. А. Глушковой сопоставляются научно-популярные тексты на английском и русском языках, делается вывод о существенных различиях графической плотности текстов. Русский текст оказался более плотным (в среднем 6,5 предложений в одном абзаце), нежели английский (3,7 предложения в абзаце)⁹. Абзац используется как экспрессивно-регулятивное и композиционное средство организации письменной речи. Регулятивная роль форматов текста проявляется в следующих моментах: 1) ритмичес-

кое соотношение целого и его частей; 2) параметр структурной организации текста, в частности, показатель его графической разреженности и/или плотности; 3) параметр скрытой ритмической синхронизации деятельности как автора, отраженной в структуре готового текста, так и читателя, которому автором через текстовые темпо-ритмы диктуется определенный ритм восприятия данного текста, а также скорость чтения¹⁰.

В последнее время размер абзаца чаще всего обсуждается в связи с созданием и редактированием текстов в сети интернет. Так, по запросу «размер абзаца» поисковая система Яндекс дает следующие частотные ответы: «размер абзаца по госту; ...в курсовой; размер абзаца в дипломе; ...в тексте; уменьшить размер между абзацами» и т.д. Всего более 2 миллионов ответов. Иными словами, лингвистическое содержание понятия востребовано недостаточно, но присутствует в проблемном поле пользователей/читателей.

Размер абзаца подсчитывался в цельных предложениях (от точки до точки). Совпадение сверхкраткого и минимального размера абзаца является особенностью стиля рассказов В.М. Шукшина, В.П. Астафьева, часто прибегает к контрасту размера абзаца А.И. Солженицын, Например в романе «В круге первом» в 20 главе присутствует совершенно уникальный по своему построению прием абзацного деления сложного предложения на 5 абзацев¹¹. Для его оформления писатель применяет редчайший прием: тройной, увеличенный сверхмерно абзацный отступ, при этом сам абзац совпадает со сложным предложением, синтаксические и смысловые сегменты которого организованы столь необычно. Нехудожественная проза А.С. Пушкина, по нашим данным, более плотна графически, средний объем абзаца составляет 7,5 предложений.

Выборочный анализ публицистических текстов В.М. Шукшина обнаруживает иную картину синтактико-ритмической организации текста. Средние размеры предложения и абзаца соответственно составляют: $8,69 \pm 4,06$ словоформы и $8,37 \pm 2,04$ предложения, что свидетельствует об осознанном авторском контрасте в публицистике и рассказах. Характер распределения размера предложения в рассказах и публицистике качественно различается. В рассказах происходит постепенное убывание размера предложения при максимальном количестве сверхкратких единиц, диапазон длины предложений от 1 до 44 словоформ. В публицистике же наблюдается относительно высокий уровень сверхкратких и сверхдлинных единиц по сравнению с «нор-

мой» при диапазоне варьирования длины предложения от 1 до 58 словоформ.

Если размер абзаца в рассказах В.М. Шукшина эволюционирует к «норме» и число абзацев средних размеров в выборке наивысшее, то в публицистике наблюдается противоположная тенденция: превышение числа экспрессивных по формату, то есть сверхкратких и сверхдлинных абзацев над нормой. Следовательно, по тенденции распределения размера единиц (как абзацев, так и предложений) авторская речь в рассказах качественно обособлена от синтаксиса публицистики того же автора.

Качественное сопоставление позволяет предположить в авторской речи рассказов В.М. Шукшина особый характер стилизации, направленный на создание скрытой речевой маски образа автора, представляющего носителем разговорно-просторечного типа мышления. В синтаксической структуре текста нашла отражение наивная картина мира, выявляющаяся в ярко-национальной ритмико-мелодической стихии устной речи. Результаты показывают сближение языка прозы А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова с параметрами публицистики В.М. Шукшина. По частотному рангу основных синтаксических соотношений язык публицистики В.М. Шукшина сходен с общелитературным стандартом русской прозы.

Размер предложения и абзаца интересен тем, что обнаруживает глубинный ритм целого текста особенно наглядно, если рассматривать распределение единиц разной протяженности последовательно, от начала текста к его концу, строить позиционно-динамические модели текста (идиостиля). Статистически средние величины предложения и абзаца являются фоном, на котором выявляется экспрессивная роль отклонений в протяженности синтаксических единиц, то есть, сверхкратких и сверхдлинных предложений и абзацев. Оценка размера абзаца позволяет строить модели внутритекстового пространства, выявляет скрытые и явные ритмы на фоне идиостиля автора.

Педагогический дискурс является важной областью, где форматы текста используются и могут использоваться более расширенно, например, как форма контроля и самоконтроля. Так, например, есть оценки размера предложения у школьников различных классов^{1 2}.

В течение школьного периода речевого развития личности наблюдается тенденция к постепенному, но все же нелинейному, росту размера предложения в ученических сочинениях и изложениях. Встречаются и случаи, когда учащиеся 5 – 6 классов с некоторыми отклонениями в развитии речевых письменных навыков не умеют отличать

форматы письменной и устной речи. Как известно, в устной речи, если говорящий взволнован происходящим, часто продуцируются довольно пространственные коммуникаты, описывающие ситуацию.

Поэтому необходимо разъяснять школьникам различия форматов устного говорения с коммуникативно нерасчлененными большими высказываниями и письменную литературную коммуникацию, обладающую сравнительно с устным монологом более скромными размерами. Подобная тенденция к крупноформатным предложениям, особенно с присоединительными связями, отмечена для древнерусских текстов. В.Г. Адмони обращает внимание на известный факт сокращения размеров предложения в становящихся литературных языках Европы. Данная тенденция проявлялась и в русском литературном языке 18 – начала 19 века¹³. В онтогенезе развитие речи ребенка в течение школьного периода также приводит к развитию большей синтаксической тенденции к дискретности внутритекстовой фактуры. К концу школьного периода средний размер предложения устанавливается на уровне средней для литературного языка величины предложения (около 12 – 15 слов в простом предложении). Поэтому включение данного параметра в оценку уровня владения письменной речью при построении собственного текста представляется интересной характеристикой. Суть в том, что школьник занят другими проблемами: как передать содержание текста, избежать ошибок и т.п., он не думает о скрытом параметре независимой оценки его уровня.

Другой проблемой является соответствие форматов текста психофизиологическим возможностям воспринимающего. Оптимальность структур текста параметрам и возможностям обучаемых, например, в текстах школьных учебников по различным предметам практически не изучается. Это выявляется при анализе форматов учебного текста, формирующего образцы высказываний по поводу изучаемого содержания.

Тем не менее, форматы письменного текста обладают широкими возможностями при решении теоретических и прикладных задач, связанных со многими областями деятельности. Текст является итогом речемыслительной деятельности, в нем кроме содержания, что обычно и обсуждается, есть много скрытых информаций, которые не считываются даже профессионалами.

Примечания:

¹ Булохов В.Я. Орфографические ошибки учащихся и студентов в свете теории оперативной речевой памяти // Активизация познавательной деятельности студентов в преподавании лингвистических дисциплин: межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 1991.

С. 97–103; Лескис Г.А. О зависимости между размером предложения и характером текста // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 92–112; Галактионова О.А., Москальчук Г.Г. Композиционная роль размера предложения и абзаца в нехудожественной прозе А.С. Пушкина // Язык – наше наследие. Иркутск, 1995. С. 26–27; Москальчук Г.Г. К вопросу об интерпретационном потенциале понятий «размер предложения и текста» // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы III Международной научно-практической конференции, (г. Бийск, 30 ноября – 1 декабря 2006 г.). Бийск, 2006. С. 324–329.

² Москальчук Г.Г., Бузаева Я.А. Самоподобие структуры текста как переводческая стратегия // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. №3 (24). С. 199–207.

³ Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: УРСС, 2010.

⁴ Москальчук Г.Г. Размер предложения и абзаца как ритмообразующий фактор текста // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 103–109.

⁵ Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: УРСС, 2010. С. 224–253; с. 290–294.

⁶ Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. Гл. 26.

⁷ Москальчук Г.Г. Размер абзаца как параметр моделирования внутренней динамики текста // Славяне в этнокультурном пространстве южно-уральского региона: Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2012. С. 91–97.

⁸ Москальчук Г.Г. Экспериментальные методики формирования наивно-теоретических представлений студентов-филологов об абзаце и сложном синтаксическом целом // Электронный научный журнал (Online). // www.vestospu.ru Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 87 2012. № 2 (2).

⁹ Харченко Н.П., Глушкова К.А. О некоторых синтаксических особенностях научно-популярного текста (на материале русского и английского языка) // Вопросы стилистики: Функциональные стили русского языка и методы их изучения. Саратов, 1982. С. 67–76.

¹⁰ Москальчук, Г. Г. Экспериментальные методики формирования наивно-теоретических представлений студентов-филологов об абзаце и сложном синтаксическом целом // Электронный научный журнал (Online). // www.vestospu.ru Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 87 2012. № 2 (2); Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс/ Г.Г. Москальчук. М.: УРСС, 2010.

¹¹ Солженицын А.И. В круге первом. М.: ИНКОМ, 1991. С. 118–119.

¹² Замашанская Е.С. Структурно-семантические параметры оптимизации учебного текста: монография. Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2008. 149 с.; Москальчук Г.Г., Солодянкина Н.В. Способы оценки целостных качеств письменных работ учащихся // Педагог. Наука. Технология. Практика. 2004. № 2 (17). С. 70–74. Режим доступа: www.altspu.ru/Res/Journal/pedagog/pedagog_17/orig/ped17.doc

¹³ Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988.

Позднякова Л. Е. (г. Харьков, Украина)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Язык обеспечивает одну из главных потребностей человека – потребность в общении. Но эта потребность не проявляется естественным образом. Умению говорить следует научиться в форме усвоения языка, свойственного данному языковому сообществу. Если языковая способность представляет собой врожденное качество, то реализация этой способности осуществляется только с помощью обучения языку, приобщения к языковой культуре.

Важной методической задачей преподавателя является поиск методик, которые облегчают овладение иностранным языком. Известно, что «еще в начале прошлого века необходимость облегчить изучение чужого языка была осознана как социально важная проблема» [4, с. 177].

Учет родного языка при изучении иностранного способствует повышению эффективности обучения. Академик Л. В. Щерба писал: «Мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. И поэтому мы должны из врага превратить его в друга. И это очень легко сделать: надо только осознать все те случаи, когда он вводит нас в искушение...» [5, с. 343].

Обучение русскому языку с учетом родного необходимо, так как «при восприятии иностранной речи анализ происходит только на категориальной основе родного языка, ровно как и высказывание строится по модели родного языка или языка-посредника. Расхождение между родным и иностранным языками требует коррекции имеющихся автоматизмов или создания новых» [1, с. 219].

Существуют разные названия методики обучения языку, которая опирается на определенный языковой контингент. В. Н. Вагнер предлагает термин «методика национально-языковой ориентации обучения целевому языку». Она отмечает: «Сущность методики ... сводится к следующему: учитывается существование в мозгу человека внутренней языковой системы и сознания исходного языка, оказывающих влияние на восприятие и усвоение целевого (русского) языка. С учетом национально-языковой специфики восприятия и усвоения рус-

ского языка учащимися отбирается, организуется, излагается и закрепляется языковой учебный материал и строится весь учебный процесс оптимальным образом для данного языкового контингента учащихся.

Методика национально-языковой ориентации базируется на положениях психолингвистики и на данных сопоставительного анализа языков и анализа ошибок учащихся» [3, с. 13].

Работа с лексикой занимает важное место уже на начальном этапе обучения иностранных студентов. Успешное овладение учащимися лексическим материалом зависит от представления языкового материала, его правильного отбора, организации и способа представления. Однако даже при выполнении всех условий учащиеся испытывают затруднения при реализации языкового материала в речи. Эти трудности объясняются тем, что существуют различия в речевых механизмах при порождении высказывания на родном и изучаемом языке.

Привлечение в учебный процесс методики национально-языковой ориентации повышает интенсивность и эффективность преподавания русского языка как иностранного.

При обучении лексике важное место занимает отбор и организация лексического материала с учетом родного языка учащихся. Системная организация лексики дает возможность закрепить лексический материал по определенным темам, семантическим группам.

Остановимся на некоторых важных моментах лексической работы на начальном этапе обучения иностранных учащихся русскому языку.

Из большого количества глаголов, обозначающих движение, на уроках русского языка проводится работа с группой слов, которую называют глаголами движения. Эти слова объединяются в группу, так как одинаковые движения обозначает не один бесприставочный глагол несовершенного вида, а два глагола. На начальном этапе обучения изучаются наиболее употребительные глаголы: *идти* и *ходить*, *ехать* и *ездить*, *бежать* и *бегать*, *лететь* и *летать*, *плыть* и *плавать*, *нести* и *носить*, *везти* и *возить*, *вести* и *водить*. Глаголы *идти*, *ехать*, *бежать*, *лететь*, *плыть*, *нести*, *везти*, *вести* называются однонаправленными, так как каждый из них обозначает движение в одном направлении. Глаголы *ходить*, *ездить*, *бегать*, *летать*, *плавать*, *носить*, *возить*, *водить* называются разнонаправленными. Оба глагола пары обозначают одинаковые движения и являются глаголами несовершенного вида, но каждый из них имеет особенности, которые требуют употребления соответствующего глагола в определенной речевой ситуа-

ции. Сходство грамматической формы глаголов вызывает трудности у иностранцев, изучающих русский язык.

Употребление глаголов движения в речи иностранных учащихся представляет значительные трудности в силу сложности данной группы глаголов в русском языке, а также вследствие языковой интерференции. Во многих языках, например, в английском, турецком, либо нет аналогичной группы глаголов, либо она не соотносима с глаголами движения в русском языке. Это положение отражает своеобразие русского языка, в котором наблюдается смысловая дифференциация слов, обозначающих способы перемещения в пространстве.

Говоря о влиянии родного языка при изучении русского, В. Н. Вагнер отмечает: «Это влияние носит положительный характер – при имеющихся соотношениях сходства, – проявляющийся в потенциальных переносах совпадающих элементов из одной системы в другую, или отрицательных характер – при имеющихся межъязыковых соотношениях различия или частичного несовпадения, – проявляющийся в интерференции, т.е. в противодействии сформированной системы формированию новой» [3, с. 12].

Учет особенностей родного языка учащихся дает возможность прогнозировать трудности, с которыми сталкиваются студенты при изучении русского языка.

Рассмотрим некоторые моменты, связанные с ошибочным употреблением глаголов движения в речи иностранных учащихся.

Ошибки при употреблении в речи турецких студентов глаголов *идти* и *ехать* связаны с интерференцией родного языка, в котором эти глаголы не различаются [6, с. 96, 104]. Чтобы предотвратить ошибки, следует семантизировать оба глагола на одном занятии, подчеркивая разницу в способах передвижения. При неправильном выборе глагола, например, «*Я иду в Турцию*», можно использовать вопросы-помощники: «*Пешком? На каком транспорте?*». Понять различие в значении глаголов помогают рисунки и схемы, которые широко применяются на занятиях по русскому языку.

Часто встречающейся ошибкой является подмена глагола из группы разнонаправленного движения *ходить* глаголом однонаправленного движения *идти*: «*Каждый день мы идем на занятия*». В турецком и английском языках глаголы не различаются по направленности движения. При первом представлении глагола *идти* следует акцентировать внимание студентов на то, что это слово обозначает движение в одном направлении, в отличие от слова *ходить*.

Студенты неохотно используют в речи глаголы *ходил*, *ездил*, в то время как эти глаголы характеризуются высокой частотностью в русском языке. Вместо них учащиеся предпочитают пользоваться хорошо им известным глаголом *быть* в форме прошедшего времени: «*Я ходил в парк. = Я был в парке. Я ездил в Киев. = Я был в Киеве*». Это не нарушает смысла высказывания, но обедняет речь говорящего. Часто формы прошедшего времени *ходил* и *ездил* учащиеся подменяют словами *шел* и *ехал*, которые в русском языке являются менее частотными.

Практика показала, что на начальном этапе обучения нецелесообразно уделять много внимания упражнениям с формами прошедшего времени глаголов однонаправленного движения. После толкования различительных признаков значений глаголов *идти* и *ходить* следует предложить студентам лексический ряд глаголов для обозначения движения в прошлом, настоящем и будущем *ходил – иду – пойду*: «*Вчера студент ходил в университет. Сейчас он идет в университет. Завтра он пойдет в университет*».

При работе с глаголами движения отмечаются ошибки в речи студентов, связанные с нарушением лексической и синтаксической сочетаемости: *Он едет с автобусом* (вместо: *автобусом*). *Он едет велосипедом* (вместо: *на велосипеде*). *Он ходил у друга* (вместо: *к другу*). Ошибки такого рода являются результатом внутриязыкового переноса и свидетельствуют о недостатке речевой практики. Для предупреждения ошибок типа *ехать с автобусом* целесообразно предложено-падежные формы *на автобусе, на машине, на поезде* представлять одновременно с глаголом *ехать*.

Нарушения правильности речи типа «*Он ходил у друга. Он ходил в университете*» возникают под влиянием управления синонимичного для данных ситуаций глагола *был* (*был у друга, был в университете*). Чтобы избежать подобных ошибок, при работе с глаголом *ходил* следует учитывать его управление в словосочетаниях, сопровождая вопросами: *ходил – к кому? – к другу; ходил – куда? – в университет*. На следующем этапе глагол *ходить* противопоставляется глаголу *идти* с точки зрения лексического значения характеристики направленности движения: «*Сейчас он идет в университет. Каждый день он ходит в университет. Сейчас он идет к другу. Он часто ходит к другу*».

После работы с непереходными глаголами движения следует перейти к переходным. Полученные ранее навыки студенты переносят на группу глаголов *нести* и *носить, везти* и *возить, вести* и *водить*.

Эти глаголы различаются по способу перемещения в пространстве (*нести, везти, вести*) или по характеру направленности движения (*нести – носить, везти – возить, вести – водить*). Если в родном языке учащихся отсутствует дифференциация глаголов *идти* и *ехать*, то, соответственно, вызывают трудности глаголы *нести* и *везти*. При работе с этой группой глаголов студенты обращают внимание на положение объекта относительно субъекта, запоминают речевые модели: «*Он идет и несет сумку. Он едет и везет сумку*».

При изучении иностранных языков используются различные приемы мнемотехники, которые значительно облегчают запоминание слов и улучшают память учащихся [2, с. 69]. На уроках русского языка во время работы с лексикой также привлекаются приемы мнемотехники. Остановимся на некоторых приемах, которые продуктивно используются при работе с глаголами движения.

1. Ассоциативные связи. Человек быстрее и прочнее запоминает то, что находится в естественной или логической зависимости. Существуют ассоциативные связи разных типов. А) зрительно-слуховая ассоциация. Одна из причин сложности употребления в речи глаголов *везти* и *вести* – это их слабая фонетическая дифференциация. Не различая эти глаголы на слух, студенты затрудняются применять их в речи. Чтобы помочь учащимся, обращаем их внимание на то, что реальное движение транспорта сопровождается звуком, сходным с тем, который передает буква «з» в словах *ездить* и *возить*. Б) двигательные ассоциации: слова и фразы сопровождаются жестами, движением. Легко запоминаются слова *идти* и *ехать*, если их заучивать, сопровождая семантизирующими жестами. В) естественные ассоциации. Глаголы движения студенты запоминают не изолированно, а в естественных словосочетаниях. Г) образные ассоциации. Учащиеся проговаривают глаголы и рисуют (реально или образно) ситуации использования этих слов.

2. Использование глаголов движения в предложениях или рассказах, сюжеты которых должны быть веселыми, неожиданными.

3. Мелодизация или ритмизация. Учащиеся пропевают слова на простую мелодию или отбивают ритм с одновременным проговариванием слов.

4. Визуализация значения слова. Представление и запоминание слов сопровождается рисунками, схемами.

Чем больше каналов восприятия участвует во время введения информации в память, тем легче и прочнее усваивается информация.

Таким образом, применение в процессе обучения русскому языку методики национально-языковой ориентации и приемов мнемотехники способствует активизации учебной деятельности учащихся.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Бориско Н. Ф. Сам себе методист или советы изучающему иностранный язык. – К.: ИНКОС, 2001. – 267 с.
3. Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 384 с.
4. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. – М.: Академия, 2003. – 320 с.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.
6. Bilim ve Sanat & Vedat Gultek birinci basum: Bilim ve Sanat, Arkaro, 2004. – 1960 с.

Устюгова Л. М. (г. Ужгород, Украина)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Данная статья продолжает публикацию результатов нашего исследования деепричастий в русском литературном языке XIX в. [см. 12; 13; 14; 15]. Основным источником материала для неё послужил роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», написанный в начале 60-х годов XIX века, в период подготовки и проведения крестьянской реформы в России. Главное место в романе отводится историческому спору либералов и демократов, в связи с чем диалог (спор 'отцов' и 'детей') становится основной формой в построении образной системы данного произведения. Создавая своих героев «средствами души и языка», И. С. Тургенев широко использовал богатство не только книжного, но и разговорного языка [7]. Основная цель этой статьи – показать противоречивость тенденции к грамматической стандартизации, характерной для русского литературного языка второй половины XIX в., в процессе формирования деепричастий как самостоятельной морфолого-синтаксической категории. Эта противоречивость во многом предопределялась семантико-грамматическими и функциональными особенностями деепричастий в книжных контекстах, которые играли и продолжают играть ведущую роль в формировании данных девербативов.

Известно, что деепричастия – сравнительно молодая грамматическая категория, сформировавшаяся на базе аппозитивных причастий, т.е. кратких действительных причастий, утративших склонение и закрепившихся в формах именительного падежа. Поскольку формы именительного падежа имели не только родовые и числовые различия, но и разные варианты суффиксов, обусловленные направлением фонетических изменений в основах глаголов разных классов, процесс стандартизации форм новой грамматической категории происходил в течение длительного времени. Некоторая неустойчивость нормы ещё сохранялась в русском литературном языке второй половины XIX в. [4, 310], однако структура деепричастий, зафиксированных в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», лишь частично отражает эту неустойчивость. Формы деепричастий, использованных И. С. Тургеневым, в основных своих чертах соответствуют направлению последующего развития этой грамматической категории в русском литературном языке.

1.1. Мы произвели количественный анализ всех деепричастий, зафиксированных в романе И. С. Тургенева, учитывая вид и класс мотивирующего глагола (по классификации А. Лескина), а также форманты деепричастий. Кроме того, разделили деепричастия на невозвратные и возвратные формы, поскольку данный признак оказывал влияние на степень нормативности отдельных формантов. Результаты этого анализа представлены в таблице 1, в которой цифра перед косой линией обозначает количество словоформ деепричастий, а после косой линии – количество их словоупотреблений в романе:

Таблица 1. Количество деепричастий в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»

Вид Суф- сы	Несовершенный вид			Совершенный вид				
	<i>-а/-я</i>	<i>-учи/ -ючи</i>	Всего:	<i>-в</i>	<i>-вши</i>	<i>-ши</i>	<i>-а/ -я</i>	Всего:
Классы	Невозвратные формы							
1 класс	–	–	–	8/10	2/2	1/2	2/4	13/18
2 класс	–	–	–	16/21	2/2	–	–	18/23
3 класс	116/144	–	116/144	10/15	1/1	–	–	11/16
4 класс	35/78	1/1	36/79	53/61	4/4	–	–	57/65
5 класс	–	1/1	1/1	4/5	–	–	–	4/5
Всего:	151/222	2/2	153/224	91/112	9/9	1/2	2/4	103/127

Классы	Возвратные формы							
	1 класс	1/1	–	1/1	–	6/8	1/2	–
2 класс	–	–	–	–	8/14	–	–	8/14
3 класс	37/65	–	37/65	–	4/5	–	–	4/5
4 класс	7/9	–	7/9	–	13/18	–	6/7	19/25
5 класс	–	–	–	–	1/1	–	–	1/1
Всего:	45/75	–	45/75	–	32/46	1/2	6/7	39/55
Общий итог:	196/297	2/2	198/299	91/112	41/54	2/4	8/11	142/182

Суммируя данные таблицы 1 по видам, получаем общее количество словоформ, равное **340**, а словоупотреблений – **481**. Из таблицы 1 видно, что в романе И. С. Тургенева преобладающими являются деепричастия, мотивированные глаголами несовершенного вида (НСВ) – 198 словоформ (58%), из них возвратных 45, или 27% от общего числа словоформ НСВ. 142 деепричастия (42%) мотивируются глаголами совершенного вида (СВ). Возвратные словоформы СВ составляют тоже 27% (39 словоформ). В целом на долю деепричастий, мотивированных возвратными глаголами, приходится 25% (84 словоформы).

1.2. 196 словоформ НСВ (297 словоупотреблений) образованы при помощи суффикса *-а/-я*: *краснея, напоминая, чернея, ослабевая; стараясь, улыбаясь, не торопясь, садясь, щурясь*. Формы с суф. *-ючи/-ючи* составляют всего 1% и ограничиваются 2 словами – *глядючи* (4 класс) и *будючи* (5 класс).

1.3. Форманты деепричастий СВ отличаются большим разнообразием, чем суффиксы словоформ НСВ. Доминирующим в этой подгруппе является формант *-в*, зафиксированный у 91 словоформы, что составляет 88% от общего числа невозвратных словоформ СВ: *пролежав, посмотрев, помолчав, поставив, покинув, прикорнув, потеряв, узнав, подняв, побыв, передав*. Девять деепричастий, мотивированных невозвратными глаголами, имеют формант *-вши*: *подостлавши, подогнувши, не успевши (клянуть) обсудивши, исполнивши (долг)*. Уже в текстах XVIII в. словоформы на *-вши* квалифицируются как признак поэтических вольностей [8, 177]. И тем не менее, в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души» деепричастия СВ с суффиксом *-вши* составляют 42% (127 словоформ), в то время как девербативов с формантом *-в* зафиксировано 26% (79 примеров) [12, 9-10]. Формы на *-вши* преобладают не только у Н. Гоголя, но и у раннего А. Герцена, а во второй половине века – у М. Салтыкова-Щедрина [8, 182]. Борьба между ва-

риантами типа *увидев* и *увидевши* продолжалась долго. В конце концов в литературном языке возобладала более книжная форма с формантом *-в*. У тех деепричастий СВ, которые мотивируются возвратными глаголами, формант *-вши* является основным: *поклонившись, лишившись, поселившись вернувшись, дождавшись, поднявшись, поравнявшись, поддавшись*. Две словоформы – *подперши* и *опершись* – имеют суффикс *-ши*.

Кроме деепричастий СВ с формантами *-в*, *-вши* и *-ши* в анализируемом романе зафиксированы словоформы с суффиксом *-а/-я*: *подойдя, выйдя; возвратясь, развалясь, приблизясь, обратясь, прислонясь, облокотясь*. Деепричастия НСВ и СВ с формантом *-а/-я* различаются классами мотивирующих глаголов. В подгруппе словоформ НСВ преобладают производные от глаголов 3-го класса – 116 примеров. 35 словоформ мотивируются глаголами 4-го класса. В подгруппе словоформ СВ, наоборот, преобладающими являются деепричастия от глаголов 4-го класса. Эта закономерность прослеживается во всех проанализированных нами прозаических произведениях XIX в.

Следует отметить, что в романе «Отцы и дети» варианты образования типа *обратившись / обратясь, приблизившись / приблизясь единичны, между тем как* в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души» их значительно больше и по количеству, и по типам объединения формантов (4 группы) [12, 12].

2. Анализируя функционирование деепричастий в тексте, необходимо учитывать не только структуру отдельных словоформ, но и особенности их включения в предложение. В романе «Отцы и дети» явно преобладают деепричастия с зависимыми словами, т.е. деепричастные обороты, которые чаще всего соотносятся с глаголами-сказуемыми в форме прошедшего времени. В некоторых случаях деепричастия присоединяются к глаголам при помощи семантических союзов, вносящих оттенки ирреального значения. Однородные деепричастия обычно соединяются союзом *и*. Реже используются разделительные союзы *то...то, или*. Проиллюстрируем эти положения примерами из текста романа.

2.1. Деепричастия без зависимых слов встречаются крайне редко: *...он [Павел Петрович] глядел пристально в камин, где, **то замирая, то вспыхивая**, вздрагивало голубоватое пламя... 17¹*. Наличие зависимых слов чаще всего предопределяется особенностями лексического значения мотивирующих глаголов: – *Вот мы и дома, – промолвил*

¹ Поскольку все примеры даются из одного романа И. С. Тургенева, мы указывает только страницу использованного издания.

Николай Петрович, снимая картуз и встряхивая волосами 14. Лексические значения глаголов *снимать* и *встряхивать* нуждаются в дополнении: **что снимать, что-чем встряхивать**. От деепричастия могут зависеть не только отдельные слова и словосочетания, но и целые предложения: *Павел Петрович не раз помогал своему брату; не раз, видя (1), как он бился и ломал себе голову, придумывая (2), как бы извернуться, Павел Петрович медленно подходил к окну и, засунув (3) руки в карманы, бормотал сквозь зубы: «Mais je puis vous donner de l'argent», – и давал ему денег... 33.* От 3-го деепричастия зависят отдельные слова, а от 1-го и 2-го – придаточные изъяснительные предложения, вводимые союзами *как* и *как бы*.

2.2. Деепричастия обычно относятся к спрягаемым формам глагола или к формам прошедшего времени (в романе «Отцы и дети» последние конструкции преобладают): – *Конечно, мне должно быть со-вестно, – отвечал Николай Петрович, всё более и более краснея 11.* Нами зафиксированы только единичные примеры, в которых деепричастие относится к неизменяемым формам глагола – к инфинитиву (...*Аркадий опять принимался болтать, весь проникнутый счастьем находится в её близости, говорит с ней, глядя в её глаза, в её прекрасный лоб, во всё её милое, важное и умное лицо 72-73*) и к деепричастию («*Я говорил, что я возропщу, – хрипло кричал он [Василий Иванович], с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, – возропщу, возропщу!» 199 (кричал потрясая, потрясая как бы грозя).*

2.3. Как показывает наш материал, основная сфера функционирования деепричастий в анализируемом романе – двусоставные, т.е. личные предложения. Мы зафиксировали только один пример употребления деепричастия в безличном предложении: «*Брат говорит, что мы правы, – думал он [Николай Петрович], – и, отложив всякое самолюбие в сторону, мне самому кажется, что они дальше от истины, нежели мы...» 55.* Хотя здесь речь идёт об одном субъекте действия, в безличном предложении он не получает формального выражения, поэтому нарушается установленное ещё М.В. Ломоносовым правило о том, что глагол-сказуемое и деепричастие должны относиться к одному и тому же лицу.

2.4. Для деепричастий, как правило, характерна бессоюзная связь с глаголом-сказуемым: ...*Катя отыскала в корзинке ещё несколько крошек и начала бросать их воробьям; но взмах её руки был слишком силен, и они улетали прочь, не успевши клюнуть 170.* Однако в ряде случаев

деепричастия присоединяются к глаголу-сказуемому при помощи семантических союзов, вносящих определённые оттенки значения в содержание предложения: – *Вот как, – промолвил Павел Петрович и, словно засытая, чуть-чуть приподнял брови.* – *Вы, стало быть, искусства не признаёте?* 26; *И он посмотрел кругом, как бы желая понять, как можно не сочувствовать природе* 55. Союзы *словно* и *как бы* вносят оттенок ирреальности значения. Без союзов эти конструкции выражали бы значение реальности. Ср.: *словно засытая, чуть-чуть приподнял брови / засытая, чуть-чуть приподнял брови; посмотрел кругом, как бы желая понять / посмотрел кругом, желая понять.*

2.5. Однородные деепричастия часто соединяются союзами. Наиболее употребительным является соединительный союз *и*: *Анна Сергеевна подала ему напиток, не снимая перчаток и боязливо дыша* 198. Имеются примеры использования разделительных союзов *то...-то* (*Он [Павел Петрович] вышел в отставку... и отправился вслед за княгиней; года четыре провёл он в чужих краях, то гоняясь за нею, то с намерением теряя её из виду... 29-30*), *или*: *Напротив, с Катей Аркадий был как дома; он... не мешал ей высказывать впечатления, возбуждённые в ней музыкой, чтением повестей, стихов и прочими пустяками, сам не замечая или не сознавая, что эти пустяки и его занимали* 90.

3. Морфологические признаки деепричастий до сих пор определяются неоднозначно. Наиболее дискуссионным является вопрос о наличии/отсутствии у деепричастий категории времени. Деепричастия, как известно, сформировались на основе действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Указание на категорию времени у деепричастий связано и со спецификой значений, которые они могут передавать, обозначая время второстепенного действия через отношение ко времени основного действия, выраженного глаголом-сказуемым. По мнению Л. Р. Абдулхаковой, для древнерусского периода, когда у деепричастий связь с прошлым состоянием была ещё достаточно живой, можно говорить о деепричастиях настоящего и прошедшего времени, а начиная со старорусского периода – только о деепричастиях несовершенного и совершенного вида, опираясь при этом на видовую принадлежность мотивирующего глагола [2, 3-4].

3.1. Не обладая морфологически выраженным значением времени, в предложении, тем не менее, деепричастия передают то или иное отношение обозначаемого ими действия ко времени действия глагола-сказуемого. Деепричастия НСВ обычно передают одновременность с таким

действием [9, 672]: *День стоял светлый и не слишком жаркий, и ямские сътые лошади дружно бежали, слегка помахивая своими закрученными и заплетёнными хвостами* 78 (между сказуемым *бежали* и деепричастием *помахивали* устанавливается значение одновременности).

3.2. Деепричастия СВ могут передавать разные временные оттенки значения: 1) предшествования: *Возвратясь в спальню, он* [Василий Иванович] *застал* свою жену в постели и начал молиться шёпотом, чтобы её не разбудить 135; 2) одновременности состояния как результата предшествующего действия: *Одинцова сидела, прислонясь к спинке кресел, и, положив руку на руку, слушала* Базарова 76; 3) следования: *растегнул стюртук, открыв рубаху навыпуск* [9, 672]. В нашем материале такое значение не зафиксировано.

4. Морфологические признаки деепричастий в известной степени определяют их синтаксические функции в предложении. Выше указывалось, что в романе «Отцы и дети» 58% составляют деепричастия НСВ (198 словоформ), а частотность их употребления равна 62% (299 словоупотреблений). Аналогичная картина наблюдается в прозе А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского [13; 14; 15]. Только в прозе Н.В. Гоголя преобладают деепричастия СВ. В поэме «Мёртвые души» они составляют 62% [12, 13]. В предложении деепричастия НСВ чаще всего являются обстоятельствами образа действия, чем, на наш взгляд, объясняется их преобладание в художественных текстах. Особый интерес вызывают примеры употребления деепричастий НСВ и СВ при одном и том же глаголе. Ср.: – *Притом вы, можете быть, слишком требовательны, – промолвил он* [Базаров], *наклонившись всем телом вперёд и играя бахромой кресла* 97 (*наклонившись – промолвил – играя бахромой*). Проанализировав целый ряд подобных примеров и расположив деепричастия и глаголы-сказуемые с учётом выражаемых ими временных значений, мы установили, что во всех случаях деепричастие СВ имеет значение предшествования, а деепричастие НСВ – одновременности действия с глаголом-сказуемым, при этом деепричастия НСВ обозначают действие протяжённое во времени, повторяющееся (*играя бахромой, поднимая дуло, поглядывая*). Указанный порядок расположения действий нарушается редко: – *А ведь он заснул, – шепнул он* [Василий Иванович] *вдруг Аркадию, указывая на Базарова и добродушно подмигнув* 132 (*указывая – шепнул – подмигнув*). Деепричастие СВ *подмигнув*, на наш взгляд, обозначает только однократность действия, не подчёркивая значение предшествования. Таким образом, при использовании деепричастий в тексте в

большей или в меньшей степени реализуются временные значения, формально закреплённые за видовыми показателями, в то время как категория вида 'ведёт себя' нейтрально.

4.1. Выработка специфических синтаксических функций деепричастий сопровождалась закреплением особого грамматического значения новой категории – значения второстепенного действия, с одной стороны, и процессуального признака действия, – с другой. Кроме предикативной и обстоятельственной функций, Л.Р. Абдулхакова выделяет ещё предикативно-обстоятельную функцию [1, 8]. В нашем материале имеется больше всего тех примеров, в которых деепричастия выступают в роли обстоятельств образа действия: *Василий Иванович **кряхтя опустил**ся* (как? каким образом?) *на сено* 132. Как правило, в этой функции употребляются деепричастия НСВ. В тех случаях, когда используется деепричастие СВ, часто возникает возможность двоякого толкования типа обстоятельства или вообще возникают затруднения в установлении связи деепричастия с глаголом-сказуемым. Ср.: *Одни требовали расчёта или прибавки, другие **уходили*** (когда? или как? каким образом?), *забравши задаток; лошади заболели; сбруя горела как на огне; работы исполнялись небрежно...* 139. На наш взгляд, в приведённом предложении деепричастный оборот *забравши задаток* можно квалифицировать и как обстоятельство времени, и как обстоятельство образа действия.

4.2. Обширную группу в романе «Отцы и дети» составляют и деепричастия в роли обстоятельств времени: ***Вернувшись из-за границы**, он [Павел Петрович] **отправился*** (когда?) *к нему [к Николаю Петровичу] с намерением погостить у него месяца два...* 31. Чаще всего этот тип обстоятельств выражается деепричастиями СВ, хотя имеются и примеры использования в этой функции деепричастий НСВ: *...он [Павел Петрович]... **всегда вступает** за крестьян; правда, **говоря с ними**, он **морищится и нюхает одеколон*** (когда?)... 32.

4.3. Деепричастия в романе И.С. Тургенева сравнительно часто употребляются в роли обстоятельств причины: *Катя, которая не спешила подбирала цветок к цветку, с недоумением подняла глаза на Базарова – и, **встретив его быстрый и небрежный взгляд**, **вспыхнула*** (почему?) *вся до ушей* 82.

4.4. Единичными примерами представлены обстоятельства цели: *Он [Базаров] повернул немного голову и, **видимо стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья**, **произнёс*** (с какой целью?): *– Что, мой отец?* 194.

4.5. Деепричастные обороты в функции обстоятельств с уступительным значением зафиксированы только в одном примере: **Не имея никаких предрассудков, не имея даже никаких сильных верований, она** [Анна Сергеевна] *ни перед чем не отступала и никуда не шла* (несмотря на что?) 86-87.

4.6. Деепричастий в функции второстепенного сказуемого мы выявили немного. Они встречаются тогда, когда необходимо сосредоточить внимание на динамизме ситуации. Ср.: – *Мне очень лестно, – начал Ситников, выступая боком, ухмыляясь и поспешно стаскивая чересчур элегантные перчатки* 62. Деепричастия в предикативной функции подчёркивают суетливость Ситникова, его бесцеремонность и в то же время неуверенность в себе.

4.7. При разграничении предикативной и обстоятельственной функций деепричастий весьма показательным является такой признак, как наличие других обстоятельств при глаголе-сказуемом. Ср.: – **Сказали хорошо; просто, не стыдясь и не рисуясь** 168 (кроме деепричастий *не стыдясь и не рисуясь* здесь есть ещё два обстоятельства – *хорошо* и *просто*); – *Катерина Сергеевна, – проговорил он* [Аркадий] *дрожащим голосом и стиснув руки, – я люблю вас навек и безвозвратно...* 179 (деепричастный оборот и словосочетание с обстоятельственным значением *дрожащим голосом* соединены союзом *и*, который подчёркивает однородность этих членов предложения). В большинстве рассмотренных нами примеров можно выделить не чисто обстоятельственное, а предикативно-обстоятельственное значение деепричастий. На это указывает возможность трансформации предложения, при которой деепричастие заменяется соотносительным глаголом. Ср.: **Не имея никаких предрассудков, не имея даже никаких сильных верований, она** [Анна Сергеевна] *ни перед чем не отступала и никуда не шла* (несмотря на что?) 86-87 > *Несмотря на то что Анна Сергеевна не имела никаких предрассудков, не имела даже никаких сильных верований, она ни перед чем не отступала и никуда не шла; Да вот, например, ты* [Аркадий] *сегодня сказал* (когда?), *проходя мимо избы нашего старосты Филиппа, – она такая славная, белая...* 127-128 > *Да вот, например, сегодня, когда проходили мимо избы нашего старосты Филиппа, ты сказал: она такая славная, белая.* Подобные трансформации почти невозможны с деепричастиями в функции обстоятельств образа действия. В нашем материале имеется только несколько примеров, где замена таких деепричастий глаголами заметно не искажала смысл предложе-

ния: *В 55-м году он повёз сына в университет; прожил* (как? каким образом?) *с ним три зимы в Петербурге, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства с молодыми товарищами Аркадия* 5 > *В 55-м году он повёз сына в университет; прожил с ним три зимы в Петербурге, однако почти никуда не выходил и старался заводить знакомства с молодыми товарищами Аркадия.*

Таким образом, наш материал показывает, что основная синтаксическая функция деепричастий в романе «Отцы и дети» – обстоятельственная, причём в ряде случаев у обстоятельств времени, причины, уступки, реже – образа действия она имеет характер предикативно-обстоятельственной.

5.1. Использование деепричастий как признаков слов в художественном тексте подчинено определённым эстетическим задачам. Анализируя стилистические функции деепричастий, мы рассмотрели прежде всего условия их употребления, и оказалось, что достаточно часто эти словоформы встречаются в словах автора. Ср.: – *А чудак-о-ват у тебя дядя, – говорил Аркадию Базаров, сидя в халате возле его постели и насасывая короткую трубочку.* «Странный человек этот лекарь!» – *думала она* [Анна Сергеевна], *лёжа в своей великолепной постели, на кружевных подушках, под лёгким шёлковым одеялом* 87. В романе Ф. М. Достоевского «Бесы» деепричастия тоже чаще всего фиксируются в словах автора, причём они служат для характеристики говорящего. Ср.: – *Вы меня измучили, – проговорил он потупясь, тихим полушёпотом, – зачем вы не приходили?* [6, 247]; *Я ничего, ничего не думаю – заторопился, смеясь, Петр Степанович...* [6,179]; и др. [14, 308-314]). В примерах же из романа И. С. Тургенева в словах автора обычно даётся описание ситуации, в которой происходит разговор: *говорил, сидя в халате возле его постели и насасывая короткую трубочку; думала, лёжа в своей великолепной постели; сказал, уже взобравшись на телегу* и т.д. Следует заметить, что описание, т.е. «словесное изображение какого-либо явления действительности путём перечисления его характерных признаков» [5, 94] занимает весьма заметное место в анализируемом романе. Признаки в описании, как известно, чаще всего выражаются прилагательными и существительными, а иногда – глаголами и наречиями [2, 139]. В романе «Отцы и дети» мы выделили три морфологических типа описаний: 1) В описании Одинцовой преобладают атрибутивные формы: *Аркадий оглянулся и увидел женщину высокого роста в чёрном платье, остановившуюся в дверях залы. Она поразила его*

достоинством своей осанки. **Обнажённые** её руки **красиво** лежали вдоль **стройного** стана; **красиво** падали с **блестящих** волос на **покатые** плечи **лёгкие** ветки **фуксий**; **спокойно** и **умно**, именно **спокойно**, а не **задумчиво**, глядели **светлые** глаза из-под **немного нависшего белого** лба, а губы улыбались **едва заметною** улыбкою. Какою-то **ласковой** и **мягкой** силой веяло от её лица 71;

2) Характеристика Кукшиной даётся прежде всего через описание её комнаты, в котором преобладают существительные: *Молодые люди вошли. Комната, в которой они очутились, походила скорее на рабочий кабинет, чем на гостиную. Бумаги, письма, толстые номера русских журналов, большей частью неразрезанные, валялись по запылённым столам; везде белели разбросанные окурки папирос На кожаном диване полулежала дама, ещё молодая, белокурая, несколько растрёпанная, в шёлковом, не совсем опрятном, платье, с крупными браслетами на коротеньких руках и кружевною косынкою на голове* 64;

3) В описании кладбища, на котором похоронен Базаров, привлекают внимание прежде всего глаголы и причастия в предикативной функции: *Есть* небольшое сельское кладбище в одном из отдалённых уголков России. Как почти все наши кладбища, оно **являет** вид печальный: **окружающие** его канавы давно **заросли**; серые деревянные кресты **поникли** и **гниют** под своими когда-то крашенными крышами; каменные плиты все **сдвинуты**, словно кто их **подталкивает** снизу; два-три оципанных деревца едва **дают** скудную тень; овцы безвозбранно **бродят** по могилам... Но между ними **есть** одна, до которой **не касается** человек, которую **не топчет** животное: одни птицы **салятся** на неё и **поют** на заре. Железная ограда её **окружает**; две молодые ёлки **посажены** по обоим её концам: Евгений Базаров **похоронен** в этой могиле 203.

В структуре описаний И.С. Тургенев довольно часто использует и деепричастия. Ср.: *...чибисы то кричали, **виясь** над низменными лугами, то **молча** перебежали по кочкам; красиво **чернея** в нежной зелени ещё низких яровых хлебов, гуляли грачи...* 12. Данное предложение, как видим, насыщено деепричастиями, которые играют заметную роль в описании весенней картины, отвлекшей Аркадия от грустных мыслей об обтёрханных мужичках на плохих клячонках, о придорожных ракетах с ободранною корою и обломанными ветвями, стоящих как нищие в лохмотьях. В большинстве проанализированных нами описаний деепричастия трудно соотнести с глаголами-сказуемыми. Они существуют как бы параллельно. Ср.: *Он [Павел Петрович]... редко*

видался с соседями и выезжал только на выборы, где он большую часть помалчивал, лишь изредка дразня и пугая помещиков старого покроя либеральными выходками и не сближаясь с представителями нового поколения 31; Павел Петрович медленно *похаживал взад и вперёд по столовой (он никогда не ужинал), изредка отхлёбывая из рюмки, наполненной красным вином, и ещё реже произнося какое-нибудь замечание или скорее восклицание, вроде «а! эге! гм!»* 16. Данные предложения, на наш взгляд, можно квалифицировать как описания, построенные на глагольных формах.

5.2. Использование деепричастий в художественном тексте как изобразительно-выразительных средств показывает сложность их грамматической природы. Деепричастия могут употребляться в одном ряду с прилагательными и причастиями. Ср.: *Дело дошло наконец до того, что Евдоксия, вся красная от выпитого вина и стуча плоскими ногтями по клавишам расстроенного фортепьяно, принялась петь сильным голосом...*69. В романе «Отцы и дети» такие примеры единичны, а вот А. П. Чехов их употреблял широко: *Маша, бледная, оторопев, думая, что сейчас к ней ворвутся в дом, высылаёт на полведра...* [16,164]; *Он [Антип Сидельников] шёл быстро, делая широкие шаги, а та [бабка] гналась за ним, задыхаясь, едва не падая, горбатая, свирепая; платок у неё сполз на плечи, седые, с зеленоватым отливом волосы развевались на ветру* [16, 220-221]. В тех предложениях, где деепричастия даются в одном ряду с прилагательными, их связь с глаголами-сказуемыми заметно ослаблена.

Характер использования деепричастий в художественных текстах показывает, что, с одной стороны, они до конца не преодолели связь с аппозитивными причастиями, которые играли заметную роль в создании динамизма древнерусского текста, а с другой, – подверглись сильному влиянию категории качества, которая активно формируется в русском литературном языке в XVIII в. под влиянием французского языка [3, 204]. Видимо, это и придает данной грамматической категории характер ‘ускользающего’ феномена, когда основные функции нейтрализуются ‘эстетическим приращением’. А поскольку деепричастия являются прежде всего книжной категорией, особенности употребления их в художественных текстах нуждаются во всестороннем изучении.

Литература:

1. Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Казань, 2007. – 40 с.

2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. 3–е изд. / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2–е изд. / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 14 с.
5. Горшков А. И. Русская стилистика: Учеб. пособие / А. И. Горшков. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 367 с.
6. Достоевский Ф. М. Бесы. – Л.: Наука, 1974. – 520 с.
7. Особенности языка романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Websait: <http://www.litra.ru/composition/get/coid/00057001184864169731/>
8. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века. – М.: Наука, 1964. – 320 с.
9. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1, 784 с.
10. Тургенев И. С. Отцы и дети. – Каунас: Швиеса, 1986. – 204 с.
11. Тургенев И. С. По поводу «Отцов и детей» // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова. – М.: Детская литература, 1989. – Электронный ресурс: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0610.shtml
12. Устюгова Л. М. Структура деепричастий как один из признаков национально-языковой специфики поэмы Н. Гоголя Мёртвые души // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2009. – № 4 (41). – Харьков. – С. 7–14.
13. Устюгова Л. М. Деепричастия как один из показателей своеобразия синтеза гетерогенных элементов в языке прозы А. С. Пушкина // Вестник Ужгородского национального университета. Серия: филология. – 2009 а. – № 21. – с. 23–30.
14. Устюгова Л. М. Структурные особенности деепричастий в прозе М. Ю. Лермонтова // Русский язык и литература в школе и в вузе. Проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. – Горловка: Изд-во ГПНИИЯ, 2010. – С. 340–345.
15. Устюгова Л. М. Структурные и функционально-стилистические особенности деепричастий в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. Сборник научных работ. – Горловка, 2012. – С. 308–314.
16. Чехов А. П. Письма, том восьмой // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. – М.: Наука, 1980. – 711 с.

Горынина И. С. (г. Оренбург, Россия)

КАТЕГОРИИ «ДУХОВНОСТЬ» И «НРАВСТВЕННОСТЬ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В связи с изменениями, происходящими в России и мире, интенсивным развитием контактов между странами, ростом информации, быстрой сменой высоких промышленных и информационных техно-

логий возникает необходимость в формировании таких личностных характеристик выпускника, как: любовь к Родине, уважение к народу, его культуре и духовным традициям, умение достигать взаимопонимания. Но независимо от времени, вопрос о том, как достойно жить, всегда волновал людей. При этом в нравственном воспитании особая роль отводилась не только семье, но и школе.

В этой связи на педагога ложится ответственность в формировании у учащегося основных нравственных понятий: благо, добро, зло, долг, счастье, совесть, честь, достоинство, смысл жизни, справедливость, поскольку они составляют логическую основу знаний и нравственной жизни человека и общества.

При помощи понятий добра и зла даётся оценка поступкам человека, нравственным качествам личности. Состояние общества в целом, взаимоотношение отдельных социальных групп оценивают, опираясь на понятия социальной справедливости, равноправия, свободы либо, напротив, на понятия несправедливости, неравноправия, угнетения¹, поэтому определение добра соотносят с идеалом, а зло противопоставляется добру.

Роль совести особенно важна, когда человек стоит перед нравственным выбором, поскольку именно совесть делает обязательным для человека нравственный поступок и является внутренним контрольным механизмом сознания. Человек переживает своё поведение и поведение окружающих, задумывается над тем, как он должен поступать.²

Чувство чести – основание нравственной культуры, побуждающее личность к поступкам, которые иногда могут быть непонятны окружающим. С понятием чести связано и «достоинство», но если честь связана со стремлением добиться высокой оценки со стороны окружающих, то достоинство есть внутренняя уверенность в собственной ценности, чувство самоуважения, которое выражается в сопротивлении всяким попыткам давления на свою индивидуальность и независимость. Достоинство означает особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны окружающих, оно основано на признании ценности человека как личности³.

Справедливость в обществе понимается в различных аспектах. Это категория нравственно-этическая и правовая. Справедливость означает такое положение вещей, которое рассматривается как должное, отвечающее представлениям о сущности человека, его неотъемлемых правах, исходящее из признания равенства между всеми людьми и

необходимости соответствия между деянием и воздаянием за добро и зло, практической ролью разных людей и их социальным положением, правами и обязанностями, заслугами и их признанием. Несправедливость противоположна справедливости. Она там, где человек принижён, его права и достоинство не обеспечены, между людьми нет равенства, а блага, воздаяние за добро и зло распределяются непропорционально.

Опора на данные ценности в процессе воспитания личности даёт ей возможность духовно развиваться, осваивая общечеловеческие ценности. Мы рассмотрим, как это можно делать на уроках гуманитарного цикла и классных часах.

При знакомстве с категорией добра на уроках литературы мы предлагаем ребятам прочитать библейские сюжеты, поразмышлять над уникальной русской духовностью как совокупностью нравственных, философских, эстетических, религиозных представлений, образов и символов, сложившихся с давних времён и существующих в нравственном сознании русского народа, так как идея особой истории народа, его культуры и общей судьбы не утратила своего значения и в современных условиях развития России.

Изучая понятие «честь», знакомим учащихся с определением «кодекса чести», анализируем, какими были первые дошедшие до нас кодексы чести, для чего они составлялись, и предлагаем ребятам создать «Кодекс чести класса» или «Кодекс чести школьника». При этом необходимо, чтобы ученики усвоили, что честь требует от человека поддерживать ту репутацию, которой обладает он сам или коллектив, к которому он принадлежит.

Поскольку сегодня особая роль отводится расширению области применения полученных знаний, можно использовать ситуативные задания. Ситуации нравственного выбора – это не просто выбор между вариантами поведения, это выбор между ценностями, воплощенными в разных вариациях: между честным и бесчестным, добродетелью и пороком, а в конечном итоге – между добром и злом. Возможны и сложные варианты выбора между разными нравственными ценностями: долгом и совестью, честью и достоинством. При работе над ситуациями нравственного выбора важно, чтобы школьники осознали необходимость нести ответственность за свои поступки. Включение школьника в решение и создание ситуаций нравственного выбора базируется на принципах личностно-ориентированного подхода⁴. Педагогическое взаимодействие как личностный контакт направлено на

взаимные изменения субъектов взаимодействия в поведении, отношениях, деятельности, базирующихся на нравственных нормах. Совместная взаимосвязанная деятельность учителя и ученика приобретает характер сотрудничества.

Наиболее типичными нравственными ситуациями являются учебные игры, дискуссионные занятия. Игра – одна из форм проявления активности личности, её суть состоит в непродуктивной условной деятельности, мотив которой лежит не в её результате, а в самом процессе. В деловой игре⁵ воспроизводится обстановка, сходная по своим сущностным характеристикам с той, которая присуща реальности, играя школьники учатся взаимодействовать, в подобных ситуациях у подростков развиваются такие личностные качества, как: ответственность, инициативность, корректность, терпимость по отношению к партнёрам. Это является повышенным уровнем творчества, поскольку создается иной подход, изменяющий привычный взгляд на объект или область знаний.

Приведём в качестве примера игру-дискуссию, которую можно организовать на классном часу в старших классах, «Профессиограмма и я как профессионал».

Цель игры состоит в том, чтобы актуализировать знания, представления, отношения учащихся в области понимания совершенства будущей профессии. При этом упор делается не только на владение профессиональными навыками, но и на нравственные качества, которыми должен обладать человек той или иной профессии.

До начала игры проводится опрос, в какой профессии видят себя старшие школьники, учитель предварительно определяет основные направления и распределяет учеников в группы. Игра проходит следующим образом: участники разбиваются на творческие группы по интересам к профессиональным направлениям (5-7 человек), задача каждой группы – составить перечень из 10–15 вопросов, которые они могли бы задать абитуриенту для определения целесообразности его приёма в университет. После завершения составления опросников происходит процедура «приёма в университет», когда в каждой творческой группе по очереди задаются составленные вопросы «абитуриентам» и, проанализировав полученные ответы, участники принимают аргументированное решение о приёме в университет. Затем подводятся итоги с обсуждением в виде свободной дискуссии, организуемой педагогом. Также можно рассмотреть не все профессиональные предпочтения сразу, а посвятить несколько за-

нятий для того, чтобы как можно полнее осветить интересующие профессии.

Игра «Кодекс чести современного школьника» рассчитана на одно занятие (90 минут). Распределение ролей осуществляется следующим образом: выбираются ведущий, эксперты (учителя), школьники-участники, которые входят в определённые команды (консерваторы или традиционалисты, либералы или альтернативисты, демократы или прогрессисты), остальные являются активными зрителями и участвуют в ходе обсуждений.

Первое игровое задание ставится как критическое осмысление текстов и фрагментов из литературных текстов о подростках-школьниках, целью данного осмысления является выделение положительного опыта, который необходимо заимствовать. Кроме того, участникам предлагается внести на обсуждение свой вариант кодекса. В зависимости от того, к какой группе школьники относились, они анализировали предложенный текст и предлагали свой вариант кодекса. Затем совместно с экспертами ребята отбирают наиболее значимые суждения и составляют «Кодекс чести современного школьника». Работа завершается презентацией результатов и их обсуждением в форме дискуссии.

Таким образом, работая над воспитанием духовности и нравственности современного школьника, педагогу необходимо познакомить их с основными нравственными категориями, при этом можно использовать анализ текста, дискуссии, деловые игры, ситуации нравственного выбора, так как данные методы позволяют активизировать духовные, морально-этические и социокультурные основы воспитания личности, её поведенческой активности на основе полученных знаний и принятия гуманистических ценностей.

Примечания:

¹ Гуссейнов, А. А. Этика / А. А. Гуссейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2006. – С. 67.

² Гуссейнов, А. А. Этика / А. А. Гуссейнов, Р. Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2006. – С. 231.

³ Горелов, А. А. Этика: учеб. пособие / А. А. Горелов, Т. А. Горелова. – М.: Флинта, 2007. – С.75.

⁴ Бондаревская Е. В. Становление теории личностно ориентированного воспитания / Е. В. Бондаревская // Актуальные проблемы современного воспитания: целостный подход: сб. науч. тр. и материалов по итогам науч. конф. – Волгоград: Перемена, 2005. – Ч. 1. – С. 15–22.

⁵ Торунова Н. И. Деловая игра / Н. И. Торунова, Г. И. Кокташова // Ин. яз. в shk. – 2000. – № 6. – С. 77 – 84.

Ярышева Г. Н. (г. Оренбург, Россия)

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТА КОЛЛЕДЖА

Современный этап развития российского общества характеризуется существенными изменениями во всех сферах социальной и духовной жизни. Рождается качественно иная образовательная ситуация, в которой востребованным становится педагог, способный оперативно реагировать на происходящие общественные изменения, вносить в педагогический процесс гуманистические начала, нести ответственность за духовно-нравственное становление подрастающего поколения.

Образование как компонент культуры в современных условиях приобретает гуманистическую направленность и становится основным средством формирования гуманистической сущности человека. При этом подготовка будущего учителя должна включать не только формирование профессиональных качеств личности педагога, но и целенаправленную работу по совершенствованию его нравственного потенциала, культуры поведения, чувств.

Специфика формирования гуманистической направленности личности студента состоит в выявлении роли образовательного пространства колледжа как социокультурного контекста активизации субъектной позиции личности. Социокультурный контекст обеспечивает взаимосвязь элементов образовательной системы колледжа, выступает в качестве интегратора совместной деятельности, общения и отношений студентов, преподавателей, родителей, общественности.

Понятие пространства в последнее время вошло во многие сферы социальной жизни людей. Синонимом пространства в филологии выступает категория «поля»: поле значений, поле ценностей и поле смыслов (Н.М. Борытко).

А.Н. Леонтьев полагает, что в окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества. На этом основании выделено поле значений, которое отражено в образовательных стандартах, учебных планах и программах, что подтверждает реальность его существования. Понятие значения устанавливает, что сознание развивается внутри некоторого культурного целого, где исторически кристаллизован опыт общения, мировосприятия, деятельности и который индивиду

надо построить (В. П. Зинченко). Поле значений кажется столь естественным, изначально приросшим к натуральным свойствам окружающих объектов, что его замечают чаще всего тогда, когда оказываются в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни. Тогда и открывается различие в образе мира человека разных культур, например, различия в профессиональном самосознании представителей разных профессий, их ценностных ориентациях, которое обозначают как поле ценностей (3).

Согласно утверждению В. Франкла (8), «быть человеком означает быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации». В этом выражении обнаруживается поле смыслов, в котором живет человек. Понятие «личностный смысл» было введено Л. Н. Леонтьевым как объективное отношение, побуждающее человека действовать.

Можно выделить ряд свойств смысловых образований, их отличий от поля значений или ценностей:

- смысловые образования существуют не только в осознаваемой, но часто и в неосознаваемой форме, образуя, по выражению Л. С. Выготского, «утаенный» план сознания;

- смысловые образования не поддаются прямому произвольному контролю и чисто словесным, вербальным воздействиям;

- смыслы не существуют сами по себе, как мир значений, культуры, который может быть отторгнут от нас и представляют собой нечто объективное;

- смысловые образования не могут быть исследованы вне их деятельностного, жизненного контекста, т.е. педагога должны интересоваться акты поведения (Братусь Б. С.).

Наиболее значимым условием в смысловых образованиях нами выделены создание образа, эскиза будущего, той перспективы развития личности, которая не вытекает прямо из наличной, настоящей ситуации, и создание внеситуативной, относительно самостоятельной психологической опоры оценивания и регулирования педагогической деятельности.

Смысловой уровень регуляции, таким образом, не предписывает готовых рецептов поступкам, но дает общие принципы, которые в разных ситуациях могут быть реализованы внешне разными, но едиными по внутренней (нравственной) сути действиям.

Вслед за В.И. Поповой мы используем понятие «образовательного пространства» как социокультурного контекста формирования гума-

нистической направленности личности студента, задающего смысл и значение отдельных элементов бытия. Следует исходить из того, что образовательный процесс колледжа как расширяющееся жизненное пространство представляет собой множество индивидуальных путей развития личности студента в условиях взаимосвязанной аудиторной и внеаудиторной деятельности и в собственно внеаудиторной деятельности по интересам (7).

Итак, новая парадигма образования вызвала к жизни понимание образовательного пространства как соответствующего в социуме «места», где субъективно задаются множества отношений и связей, где осуществляются специальные деятельности различных систем (государственных, общественных и смешанных) по развитию индивида и его социализации.

Основным источником формирования гуманистической направленности личности студента, по мнению В.П. Бездухова, является обобщенный социально-нравственный опыт и научное знание, что позволяет актуализировать аспекты системного подхода к формированию гуманистической направленности студента как направлению методологии научного исследования; выявить принципы подготовки специалиста (единство содержательного и процессуального, межпредметных связей и др.); обосновать организационные формы и методы подготовки студентов к профессионально-педагогической деятельности (1).

Для успешного формирования гуманистической направленности личности студента необходимо соблюдение следующих условий: приобщение студентов к общечеловеческим ценностям в сочетании с формированием гуманистического мышления в единстве с формированием у них способности гуманистической функции; перестройка ценностных структур, наполнение их гуманистическим содержанием в процессе рефлексивного анализа результатов достижения и развития учащихся; освоение и осмысление общечеловеческих ценностей как основы педагогической деятельности в аспекте ее ориентированности на ребенка.

Овладение теоретическим педагогическим знанием, особенностью которого является связь с философскими, этическими, социально-психологическими знаниями, в процессе формирования гуманистической направленности личности студента означает «абстрагирование» (выявление общенаучной и теоретической педагогической рефлексии и уровня «Я» среди ценностей и норм морали и культуры), благодаря которому становится возможным зафиксировать проявленность кон-

кретных качеств, свойств, связей, отношений в системе «учитель-ученик».

Дальнейшее исследование заявленной проблемы показало, что важным атрибутом формирования гуманистической направленности личности является последовательная реализация таких принципов педагогической морали, как выраженная гражданственность, профессиональная самоотверженность педагога, гуманизм педагогического труда, педагогический оптимизм и некоторые другие, которые сливаются со специфичными нравственными требованиями к личности педагога.

Учтены сущностные характеристики направленности: В.И. Попова актуализирует развитие профессионально-педагогической направленности в контексте внеаудиторной деятельности студента; К.К. Платонов представляет направленность как социально обусловленную подструктуру личности; Б.Ф. Ломов, Э.Г. Юдин, В.С. Мерлин отмечают важность направленности для выработки целей жизнедеятельности; Л.М. Митина связывает педагогическую направленность с такими профессионально значимыми качествами, педагогическое целеполагание, педагогическое мышление, педагогическая рефлексия и педагогический такт; Н. М. Борытко рассматривает профессиональную направленность как интегративный показатель отношения человека к своим социальным ролям; Л.И. Нугис рассматривает опыт формирования направленности личности как профессионально значимой характеристики студентов-психологов в процессе общения; Н.В. Колмогорова исследует работу со студентами различных типов направленности к педагогической деятельности в вузе; Л.М. Пролеева представляет опыт формирования гуманистической направленности личности подростка в условиях совместно полезной деятельности.

Эффективными педагогическими условиями формирования гуманистической направленности личности студента в образовательном пространстве колледжа являются: формирование мотивации студента на педагогическую профессию; совершенствование знаний по гуманизации образования, способствующих овладению нормами нравственного отношения и поведения; активизация социально-нравственного опыта, предусматривающего овладение способами деятельности на основе гуманистических норм.

Нами учитывалось, что ГАПОУ «Оренбургский государственный колледж» - учебное заведение, деятельность которого направлена на обеспечение разнообразных образовательных услуг и гибкое реагиро-

вание на запросы рынка труда. Колледж обладает значительными научно-педагогическими, организационными и технологическими ресурсами, позволяющими осуществлять подготовку специалистов с высокой культурой профессиональной деятельности. Выстроена система непрерывного образования для студентов: по окончании колледжа по любой специальности выпускник имеет возможность получить высшее образование в сокращенные сроки.

Учтены разнообразие потребностей регионального рынка труда и деятельности в новых условиях кафедр «Дизайн», «Профессиональных технологий». Их деятельность направлена на исследовательскую работу по внедрению в образовательный процесс гуманистически ориентированных технологий, что обеспечивает достаточный уровень качества формирования гуманистической направленности личности студента.

В условиях образовательного пространства колледжа имеются необходимые условия для формирования гуманистической направленности личности студента. При этом процесс развития гуманистической направленности личности студента сопряжен с процессом устойчивого развития колледжа (6):

1. Образовательное пространство колледжа формируется с учетом исторических, философских, социокультурных и психолого-педагогических предпосылок, соотносенных с общими тенденциями развития образования, культуры, педагогической мысли, теории и практики.

2. Гуманистичность образовательного пространства профессионально-педагогического колледжа как генеральная идея задает смысл и значение деятельности подструктур колледжа и направлена на принятие личности студента, его интересов, творческих и профессиональных интересов педагогов.

3. Процесс формирования гуманистической направленности личности студента колледжа характеризуется целесообразностью, непрерывностью, наличием обратной связи и наполнен личностными смыслами, являющимися содержанием жизни студента как социокультурного бытия (выбор и осуществление культуросообразного образа жизни и поведения), как индивидуального бытия (самостоятельность, творческое саморазвитие) и как сопричастного бытия (вместе со значимым Другим) (2,3).

Решение проблемы формирования гуманистической направленности личности связано с оптимизацией и интенсификацией преподава-

ния учебных дисциплин, призванных обеспечить социокультурный контекст развития индивидуальных особенностей студента и создания условий, способствующих самоактуализации и самореализации личности.

Для формирования гуманистической направленности личности студента колледжа потребовалась интеграция профессиональной и общекультурной подготовки выпускников; переход к блочному построению учебных планов с большим выбором элективных курсов, рейтинговой системой оценки знаний, широким спектром возможностей для самостоятельной углубленной профессиональной специализации; внедрение в учебный процесс открытых систем обучения, инновационных форм, позволяющих организовать деятельность студентов по индивидуальным программам.

Отбор содержания образования в коллеже базировался на идее о том, что человек обладает сложной системой диспозиций, фиксированной в его социальном опыте, то есть предрасположенностью воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом. При этом содержание образования должно обеспечить формирование гуманистической направленности личности студента во всей совокупности ее индивидуально-психологических особенностей, духовных потребностей и социально-нравственных качеств.

Важна и система отношений, определяющая позицию учителя, его деятельность и поведение, характеризующая его предрасположенность действовать определенным образом в конкретной социальной или педагогической ситуации.

Выявленные предпосылки формирования гуманистической направленности личности студента потребовали применение не только адекватных методик структурирования содержания гуманистически ориентированного образования, но и использование адаптивных, прогностических, и технологичных учебных планов и программ (обеспечение преемственности содержания гуманистического образования, методов, средств и организационных форм обучения на разных ступенях и уровнях педагогического образования; формирование гуманистической и профессиональной направленности содержания предметов психолого-педагогического цикла в целях приобретения студентом социального опыта и безболезненного вхождения в жизнь общества).

Гуманистичность образовательного пространства колледжа представляется как гармоническая целенаправленность деятельности

субъектов (студентов и педагогов), суть которой в ориентации, осмыслении и осознании роли формирования гуманистической направленности ученика. Такая деятельность детерминирована внешними (ценностные ориентации, социально-экономические, правовые условия, доминирующая образовательная парадигма) и внутренними факторами, связанными с личностными характеристиками субъектов образовательного процесса колледжа (потребности, мотивы, способности и др.).

При этом формирование гуманистической направленности личности студента представляет собой накопление знаний о морали и моральных ценностях; усвоение нравственных положений и принципов, принятых в обществе; предполагает выработку нравственных убеждений и идеалов. Существует связь с субъективным нравственным опытом студентов, которая обеспечивается посредством использования практических занятий, ролевых игр, уроков-диспутов, тематических вечеров, в ходе которых будущие мастера производственного обучения, исходя из своего нравственного опыта, могут определить нравственные черты, способствующие как прогрессу, так и регрессу общества; развить педагогическую внимательность и наблюдательность, способность видеть в другом человеке хорошее и строить общение на основе уважения, доброжелательности, доверия.

Еще одним важным условием формирования гуманистической направленности личности является сотворчество преподавателей и студентов, предполагающее постановку единой цели – помочь будущему учителю приобщиться к духовно-нравственной культуре, приобрести социальный опыт, развить нравственный потенциал. Студенты включаются в ролевые игры, становясь участниками каких-либо событий, выполняют творческие задания и научно-исследовательские работы, разрабатывают уроки и внеклассные занятия, тем самым осмысливают нравственные ценности, углубляя знания нравственного характера, развивая нравственные чувства и закрепляя привычки нравственного поведения.

Таким образом, специфика формирования гуманистической направленности личности студента состоит в определении образовательного пространства колледжа как социокультурного контекста активизации субъектной позиции личности. Решение проблемы формирования гуманистической направленности личности связано с созданием условий, способствующих самопознанию, самообразованию и

самореализации личности. Все это способствует развитию конструктивных взглядов на окружающий мир, переосмыслению собственных нравственных установок, учит контролировать и направлять свои эмоциональные и поведенческие реакции, быстро приводить себя в состояние психологического и нравственного комфорта.

Примечания:

1. Бездухов В.П., Бездухов А.В. Ценностный подход к формированию гуманистической направленности студента – будущего учителя. – Самара, 2009. – 185 с.
2. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно ориентированного образования. / Бондаревская, Е.В. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2010.
3. Борытко Н.М. Профессиональное воспитание студентов вуза. – Волгоград, 2008. – 120 с.
4. Борытко Н.М. Педагог современного воспитания. – Волгоград, 2009. – 214 с.
5. Григорьева А.Н. Становление гуманистической направленности будущего учителя в условиях педагогического колледжа. – Псков, 2004.
6. Елагина Л.В. Устойчивое развитие профессионально-педагогического колледжа: Учеб. пособие / Под ред. В.Г. Рындак. – М.: УЮКс, 2003. – 192 с.
7. Попова В.И. Внеаудиторная деятельность как контекст лингвистического образования студентов. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. – 128с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С.285.

Джунджузов С.В. (г. Оренбург, Россия)

**РУССКИЙ ЯЗЫК В КОММУНИКАЦИОННОМ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АРМЕНИИ**

В первые годы обретения независимости почти все государства, образовавшиеся на обломках Советского Союза, в поисках идентичности начали массированно формировать и пропагандировать идеи национальной и культурной обособленности, которые, якобы, подавлялись в советский период. Как правило, мишенью доморощенных националистов становились русский язык и литература. После распада СССР минула четверть века. Однако и сегодня, как и в те, ставшие уже далекими, советские времена, русский язык прочно удерживает статус языка межнационального общения на всем постсоветском пространстве. Констатация данного факта вовсе не означает, что русское языковое пространство не претерпело негативных изменений или что нет оснований для беспокойства за его судьбу. Я смог убедиться в этом во время недельной командировки в столицу Республики Армения город Ереван (октябрь 1914 г.).

Отличием Армянской ССР всегда являлось доминирование в составе ее населения представителей титульной нации – армян – 93,3% согласно переписи 1989 г., из них армянским языком владели 99,7%. Согласно той же переписи, русских в Республике проживало всего 51,6 тыс. (1,6%)¹. Абсолютное большинство городских жителей, а их численность в Советской Армении достигала 70% населения, владели русским языком. В 1960-1970-е годы многие армянские семьи стремились отдавать своих детей в русские школы. Свободное владение русским языком, особенно в кругу армянской интеллигенции, воспринималось как критерий высокой образованности и культуры. Кроме того, считалось, что качество образования в школах с преподаванием предметов на русском языке было существенно выше, чем в армянских национальных школах и перед их выпускниками открывалась перспектива поступления в лучшие вузы Москвы и Ленинграда.

Ситуация с преподаванием русского языка в Армении стремительно начала ухудшаться с принятием Закона «О языке» 17 апреля 1993 г. Согласно статьи 1. этого закона «Государственный язык Республики Армения - армянский, который обслуживает все сферы жизни республики». В государственных учреждениях употребление русского языка стало рассматриваться как нарушение закона. Отныне преподавание во всех учебных заведениях страны допускалось только на армянском языке. В одночасье в Армении закрылись все русские школы. Выросло поколение школьников, для которого русский язык стал одним из многих иностранных языков.

Отношение армянского руководства к русскому языку начало меняться в лучшую сторону после отставки первого президента Республики Л. Тер-Петросяна и отстранения от власти возглавлявшегося им Армянского общенационального движения (АОД). 16 сентября 1999 г. была обнародована государственная концепция «Русский язык в системе образования и культурно-общественной жизни РА». В ее основе лежит понимание, что в современных условиях развития Республики Армения изучение русского языка служит не только приобщению к культурным ценностям других народов, но вместе с тем и более глубокому пониманию культурных ценностей своего народа². Существенной либерализации языковой политики могло способствовать принятие обсуждавшегося еще в марте 2002 г. законопроекта о поправках в Закон «О языке»: «В Республике Армения поощряется использование русского языка, а также распространение европейских

языков» и «Граждане Республики Армения свободны в выборе общеобразовательного учебного заведения для обучения своих детей»³.

О распространенности и востребованности русского языка в современной Армении правомерно говорить в двух плоскостях: коммуникативной и культурно-образовательной.

Посещающие Ереван россияне крайне редко сталкиваются с языковой проблемой. Приветливые ереванцы с готовностью отзываются на русскую речь. Впрочем, оговоримся, на улице, в поисках нужного адреса, обращаться все же следует к людям среднего и старшего поколения. Молодые армяне далеко не всегда понимают, о чем их спрашивают, и не обладают достаточным словарным запасом для объяснения.

В том, что русский язык по-прежнему остается востребованным, свидетельствуют многочисленные рекламные щиты с объявлениями о работе. Одним из требований в них часто фигурирует знание русского языка. Таким образом, экономический фактор становится для граждан Армении весомым стимулом для изучения языка Пушкина и Толстого. Сотни тысяч армян ежегодно выезжают в Россию на заработки. По некоторым данным поступления от трудовых мигрантов из России сопоставимы с государственным бюджетом Армении. Десятки тысяч рабочих мест создаются в Армении благодаря российским инвесторам. По сведениям директора Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Евгения Винокурова: «на сегодня в Армении имеется порядка 2 млрд. долларов российских инвестиций. Это 41% всех иностранных инвестиций, которые сосредоточены в ключевых секторах. Это сфера энергетики, транспорт, дистрибуция газа, цветные металлы, и этот тренд будет продолжаться»⁴. В Армении действует около 1300 предприятий с участием российского капитала (более четверти всех хозяйствующих субъектов республики, в которых представлен иностранный капитал)⁵. Радужные перспективы создания до 600 тысяч новых рабочих мест открываются для жителей Армении со вступлением Республики в Евразийский экономический союз. В том, что требования к персоналу совместных предприятий по уровню знания русского языка будут возрастать, не вызывает сомнений. Несомненно также и то, что языковая подготовка будущих специалистов должна начинаться со школьной скамьи.

В настоящее время в Армении действует более 60 школ с углубленным изучением русского языка. В некоторых школах созданы классы, где преподавание ведется на русском языке. И, что особенно важно, во всех общеобразовательных школах Республики уже со второго

класса русский язык изучается в обязательном порядке. По окончании двенадцатого класса выпускники школ сдают единый централизованный экзамен по русскому языку и литературе⁶. В то же время, законодательство Армении существенно сужает для ее граждан право на получение образования на русском языке как на не имеющим государственного статуса. К обучению в «русских классах» допускаются только дети граждан РФ и этнические русские. Также продолжить и завершить обучение на русском языке могут армяне, возвратившиеся из России, имеющие свидетельства об окончании пятого класса российской школы. Детям младшего школьного возраста предоставляется два года для адаптации к новым условиям, затем они идут в классы с армянским языком обучения. Диаметрально противоположные мнения высказываются и о самом качестве преподавания русского языка в армянских школах. Как о крайне низком, о нем говорят сторонники придания русскому языку статуса второго государственного языка. Официальными лицами, напротив, всячески подчеркивается высокий уровень владения русским языком и большая заинтересованность русской культурой со стороны учителей и школьников.

11 декабря 2009 г. на съезде учителей-русистов была образована «Армянская ассоциация учителей русского языка общеобразовательных школ». Основной задачей Ассоциации делегаты съезда определили: «создание системы условий для профессионального развития учителей русского языка и литературы в Армении». В целях повышения авторитета профессии учителя русского языка и литературы, привлечения внимания общественности к работе учителя-русиста, Ассоциацией проводится ставший уже традиционным конкурс «Лучший учитель русского языка в Армении».

Подготовкой русистов в Армении занимаются шесть государственных вузов: Ереванский государственный университет (ЕГУ), Ереванский государственный лингвистический университет им. В.Брюсова (ЕГЛУ), Российско-Армянский (Славянский) государственный университет (РАУ), Армянский государственный педагогический университет (АГПУ), Гюмрийский государственный педагогический институт (ГГПИ), Ванадзорский государственный педагогический институт (ВГПИ).

Флагманом в области изучения русского языка и литературы выступает Российско-Армянский (Славянский) государственный университет – единственный вуз в Армении, где обучение по всем специальностям ведется на русском языке. Университет является межгосударствен-

ным образовательным учреждением высшего профессионального образования совместного ведения РФ и РА. Студенты обучаются по программам, составленным в соответствии с российскими образовательными стандартами с обязательным включением армянского компонента. Выпускники РАУ получают два диплома государственного образца: диплом Российской Федерации и диплом Республики Армения.

Под эгидой ведущих вузов в Армении ежегодно проводятся научно-образовательные мероприятия, направленные на популяризацию русского языка и в целом российской культуры. Так, с 16 по 20 марта 2015 г. в Армянском государственном педагогическом университете имени Хачатура Абовяна проходила «Неделя русского языка и российского образования в Армении». По словам руководителя пресс-центра Российского центра науки и культуры в Ереване Лианы Азоян данное мероприятие «направлено на поддержку преподавания русского языка в школах Армении, повышение престижа профессии учителя русского языка и русской литературы, совершенствование его профессиональной квалификации»⁷.

Большую организационную работу по формированию российского культурно-образовательного пространства осуществляет Российский центр науки и культуры в Ереване, который является представительством Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Основные направления деятельности РЦНК включают:

- ознакомление армянской общественности с историей и культурой народов Российской Федерации, ее внутренней и внешней политикой, научным, культурным и экономическим потенциалом;
- развитие сотрудничества в области образования, международного общественного, научного и культурного диалога;
- продвижение русского языка в качестве ключа к пониманию России, русской культуры и достижений её науки;
- укрепление связей с организациями соотечественников, выпускниками советских и российских вузов, а также с теми неправительственными организациями, которые заинтересованы в сотрудничестве с Россией в гуманитарной сфере;
- поддержка регионального сотрудничества между Россией и Арменией.

Для преподавателей-русистов РЦНК регулярно проводятся методические семинары, «круглые столы», мастер-классы. Ежегодно орга-

низируются Олимпиады по русскому языку для школьников и студентов-филологов. По линии российско-армянского сотрудничества в области науки и образования библиотечные фонды учебных заведений РА пополняются присылаемыми из России учебниками и методическими пособиями. РЦНК также активно содействует отбору абитуриентов из граждан Армении для поступления в российские вузы⁸.

Устойчивые позиции русский язык удерживает в разных сегментах средств массовой информации. В Республике на русском языке издается около двадцати газет и журналов, налажено вещание российских телеканалов и русскоязычных радиостанций в FM-диапазоне. Русский язык также достойно представлен в культурной жизни армянской столицы. Армянская интеллигенция охотно посещает Русский драматический театр. Рекламные щиты пестрят афишами о гастролях российских артистов и театральных коллективов.

В настоящее время ставить вопрос о придании русскому языку в Армении статуса государственного нет оснований. Русские составляют менее половины процента жителей Республики. Не без сожаления приходится констатировать, что для большей части армянской молодежи русский язык стал одним из иностранных языков. Из этого следует, что политика России в области поддержки русского языка должна кардинально измениться. Необходимо создавать условия заинтересованности граждан Армении в знании русского языка. Они могут проявляться в ужесточении требований по владению устной и письменной речью для лиц, выезжающих на заработки в Россию или желающих трудоустроиться в российские кампании, имеющие бизнес в Армении, в расширении квот и стипендиального фонда для армянских абитуриентов, поступающих в Российские вузы или их филиалы в Армении. Только целенаправленная работа по стимулированию изучения русского языка в детской и молодежной аудитории позволит сохранить русскоязычное пространство в исторически связанной с Россией узлами дружбы Армянской республике.

Примечания:

¹ Об итогах всесоюзной переписи населения 1989 года в Армянской ССР // Голос Армении (Коммунист). 1990. 24 мая.

² Амбардарян Г.Г., Аветисян А.Ф. Эволюция образовательного статуса русского языка в Республике Армения. Электронный ресурс [режим доступа] http://www.mosinyaz.com/conferences/mnk7_doklady_s1/.

³ Там же.

⁴ Аршев А. Армения и Таможенный союз: согласование интересов и взаимная выгода. Электронный ресурс [режим доступа] <http://www.fondsk.ru/news/2013/11/30/>

armenia-i-tamozhennyj-souz-soglasovanie-interesov-i-vzaimnaya-vygodna-24317.html.

⁵ Агаджанян М. Стратегическое партнёрство России и Армении получило новый импульс. Электронный ресурс [режим доступа] [http://www.gr-sozidatel.ru/articles/strategicheskoe-partnyorstvo-rossii-i-armenii-poluchilo-novuj-impuls.html#shadowbox\[photos\]/0/](http://www.gr-sozidatel.ru/articles/strategicheskoe-partnyorstvo-rossii-i-armenii-poluchilo-novuj-impuls.html#shadowbox[photos]/0/).

⁶ Березовская А. Русский язык в Армении на пути к статусу Электронный ресурс [режим доступа] <http://www.ardarutyun.org/?p=2058&lang=ru>.

⁷ <http://ria.ru/culture/20150316/1052694827.html>

⁸ Российский центр науки и культуры в Ереване. Электронный ресурс [режим доступа] <http://arm.rs.gov.ru/taxonomy/term/1>

Пороль О. А. (г. Оренбург, Россия)

ИДЕЯ АКТУАЛЬНОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Рассмотрение актуальной бесконечности в творчестве русских поэтов первой трети XX века является трудным и всеобъемлющим вопросом по нескольким причинам. По мнению математика Георга Кантора, автора философского труда по теории множеств, проблема бесконечности «была объектом самых различных мнений и толкований и что ни математики, ни философы не пришли здесь к полному согласию»¹.

Другая причина трудности исследования актуальной бесконечности в обозначенном нами периоде кроется в том, что философы и поэты более всего интересовались идеей *дурной бесконечности* (или на языке математика Кантора *потенциальной бесконечности*), которую вслед за философско-математическими рассуждениями Г. Кантора и П. Флоренского, можно назвать антиномией *бесконечности актуальной*. Иными словами, известные серьезные исследования ученых (А. Ханзен-Леве, Т. Венцлова), посвященные диаволическому дискурсу в раннем символизме, а также менее глубокие работы С.Л. Слободнюк, в которых рассматриваются «пути развития сатанинской поэзии начала XX века», элементы восточной духовности и другое² свидетельствуют об определенном негативном мироощущении лирического героя как доминантной тенденции в литературе первой трети XX века. Если переложить религиозный эпитет «диаволический», характерный, в основном, для языка современной зарубежной славистики, на язык русской литературы и философии обозначенного нами периода, то понятие «дурная бесконечность», активно функционирующее в лите-

ратуроведческих и художественных текстах, вполне передает атмосферу времени. Соотнести диаволический дискурс с дурной бесконечностью, прежде всего, позволил тезис Кантора, что актуальная бесконечность имеется в Боге.³

Тема бесконечности, поставленная как проблема в работах Гегеля, Г. Кантора, Шопенгауэра и других ученых, рассматривалась в России с позиций генезиса в статьях П. Флоренского, Вяч. Иванова, Е. Трубецкого. Являясь объектом самых различных мнений и толкований философов и математиков, проблема бесконечности была вполне обоснована в работах математика Георга Кантора в его знаменитых «Трудах по теории множеств». Идеи Кантора, как известно, были в дальнейшем развиты П. Флоренским и нашли своё отражение в творчестве А. Белого.⁴ Тема бесконечности, по мнению Г. Кантора, восходит к теологическому вопросу о существовании Бога.⁵ Выделяя *потенциальную* (переменную конечную величину, *растущую* сверх всяких конечных границ) и *актуальную* (замкнутое в себе, постоянное, но лежащее по ту сторону всех конечных величин количество) бесконечности, он объясняет генезис боязни бесконечности в современных научных кругах результатом влияния «современного эпикурейски материалистического духа времени»⁶.

Философско-математический термин «потенциальная бесконечность» на языке русских философов (П. Флоренского, Е. Трубецкого) и поэтов (Ф. Сологуба, Вяч. Иванова, А. Блока, А. Белого, О. Мандельштама) приобретает название *дурной бесконечности* и становится в их творчестве одной из важных тем. В определении дурной бесконечности П. Флоренского указывается на её основное свойство (непрерывность движения) и пространственные характеристики (беспредельность и бездонность). Останавливающей силой, противостоящей разрушению, по мнению философа, является память. «Память хочет остановить движение дурной бесконечности, никогда не останавливающееся падение в беспредельность и в бездонность».⁷ Е.Н. Трубецкой охарактеризовал дурную бесконечность как «вечное повторение, не достигающая конца и цели работа, поэтому даже самое разрушение там – призрачно и принимает форму дурной бесконечности, безысходного магического круга. <...>. Змей, сам себя кусающий за хвост, Рудинская вот яркое символическое изображение этого символического круговращения».⁸

Понимание жизни как дурной бесконечности имело разную семантическую наполняемость, которая, например, в творчестве А. Блока

реализовалась как *ощущение поэтом отсутствия времени, цепененья*: «Глухая полночь. Цепененья / На душу сонную легло. / Напрасно жажду вдохновенья / Не бьется мертвое крыло»; О. Мандельштама – возникшей *пустоты*: «Твой мир болезненный и странный, я принимаю пустота»; А. Белого – *снеговерченья, мелькания* «злых мимов», безграничных пустых пространств: «О тень моя: о тихий братец, / У ног ты – вот, как черный кот: / Обманешь взрывами невнятиц; / Восстанешь взрывами пустот».

Актуальная и потенциальная бесконечности – это антиномии, не существующие друг без друга, как любые антиномии. Сущность антиномического монодуализма С. Франк охарактеризовал так: «О каких бы логически уловимых противоположностях ни шла речь – о единстве и множестве, духе и теле, жизни и смерти, вечности и времени, добре и зле, Творце и творении, – в конечном итоге мы всюду стоим перед тем соотношением, что логически раздельное, основанное на взаимном отрицании, вместе с тем внутренне слито, пронизывает друг друга – что одно не есть другое и вместе с тем и есть это».⁹

Являясь центральной темой в творчестве многих авторов русской литературы первой трети XX века, дурная бесконечность, возникла как результат духовного вакуума эпохи, утраты возможности или нежелания обратиться к бесконечности актуальной.

Антиномическое сосуществование актуальной и потенциальной бесконечности наиболее ярко проявилось в творчестве А. Блока. Достаточно известная тема двоимирия, если ее рассмотреть с позиций столкновения актуальной и потенциальной бесконечности помогает разгадать многие тайны поэтической концепции автора. В частности появления образа Иисуса Христа в поэме «Двенадцать» не что иное, как проявление антиномического монодуализма, может быть, и не по воле автора.

Существование в поэме образа Иисуса Христа, как известно, один из сложных вопросов для литературоведов. Возникновение этого образа стало загадкой для самого Блока.

В славяно-русской традиции принято считать, что если нет Христа – нет пути, может быть, поэтому Блок интуитивно включает в поэму этот Образ, но в народной стихии поэмы Он отсутствует. Об отсутствии в народном сознании Христа «говорят» поступки «двенадцати»: убийство Катьки, готовность «пальнуть» в Святую Русь, бранная лексика идущих.

В Библии много лексем, связанных с движением для описания религиозной и нравственной жизни человека, его нравственных и ду-

ховных исканий. Слово *путь* в Библии – одно из частотных: «Яко вестъ Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет» (Пс. 1, 6).

Христианство в Библии (Евангелии) осмыслено как Путь: Глагола ему Иисус: *Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидитко Отцу, токмо мною* (Ин. 14, 6), т.е. истинный путь по Библии – Христос. Без Христа – вечное «кружение». В статье «Безвремяе» (1906) Блок писал: «Горе тому, кто заглядится в стеклянный астральный взор. Он обречён на *игру случайностей*, на *вечное кружение* среди хлопьев, улетающих *во мрак*. Он *застынет* в ликованиях вьюги, и не будет исхода из великой радости над великой пустотой». ¹⁰ Обычно в состоянии вьюги движение человека прекращается. Однако «двенадцать» в поэме идут *державным* шагом. Но идти державным шагом без Христа невозможно. Если обратиться к семантике этого слова, то «державный» – сильный, могучий; избранный, превосходный, приятный, усладительный. ¹¹ Поэт пытался соединить несоединимое, если выразиться точнее, Свет и тьму. Земная действительность говорила о *воцарении* «двенадцати», поэтому и появилось в поэме выражение «державным шагом», т.е. царским. Так «внезапно» в поэме возникает образ Христа – «Царя славы».

Блок был удивлён появлением в поэме Христа. Поэт оказался в противоречии со своей же мыслью, что «стихия выше человека». Поэма начинает жить самостоятельной жизнью, больше не подчиняясь воле художника.

Однако возникновение образа Христа в сознании автора было закономерным. «Черты действительности как током воздуха занесены вихрем блоковской впечатлительности в его книги. Даже самое далёкое, что могло бы показаться мистикой, что можно бы назвать «божественным». Это тоже не метафизические фантазии, а рассыпанные по всем его стихам клочки церковно-бытовой реальности, места из ектеньи, молитвы перед причащением и панихидных псалмов, знакомые наизусть и сто раз слышанные на службах». ¹²

Образ Христа в поэме Блок создал весьма противоречивым. Д.Е. Максимов называет его «необходимым» по замыслу поэмы, но «зыбким и двоящимся». ¹³ Действительно, шествие двенадцати красноармейцев за Христом – весьма противоречивый и кощунственный факт. Почему всё-таки за Христом? В письме к иллюстратору поэмы «Двенадцать» Ю.П. Анненкову от 27 марта (9 апреля) 1918 г. существует странное объяснение Блока о Христе: «Знаете ли Вы (у меня – через всю жизнь), что, когда флаг бьётся под ветром (за дождём, или

за снегом, и главное – за ночной темнотой), то *под ним* мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит, не несёт, а как – не умею сказать)». ¹⁴ В Дневнике от 10 марта (25 февраля) 1918 года Блок пишет: «Я только констатировал факт: если взглядеться в столбы метели на *этом пути*», то увидишь «Исуса Христа». ¹⁵

Появление образа Христа в поэме «Двенадцать» – правда художника. Поэт при противоречивом, иногда откровенно негативном отношении к образу Христа (см. письма к Е.П. Иванову от 15 июня 1904 г., от 25 июня 1905 г.), констатировал ту духовную реальность, которую знал по наитию и которой часто сопротивлялся логически. ¹⁶ Столкновение актуальной и потенциальной бесконечности, (пространства Бога и пространства тьмы) можно назвать основным конфликтом поэмы. Лейтмотивом в поэме звучит сожаление: «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!».

«Все двенадцать» устремлены в пространство дурной бесконечности – «вдаль», потому что идут «без имени святого». Отсутствие святыни в сознании рождает «голую решимость» и бесконечную безотчётную жестокость: «... И идут без имени святого / Все двенадцать – вдаль. / Ко всемогуты, / Ничего не жаль...».

Преодоление автором дурной бесконечности все-таки происходит, потому что в конце поэмы появляется Христос.

Победа над дурной бесконечностью в русской литературе первой трети XX века все-таки была одержана. Об этом свидетельствует обращение поэтов к Богу, Свету, актуальной бесконечности. Приведем хотя бы несколько примеров, свидетельствующих об этом: «У тебя, милосердного Бога, / Много славы, и света, и сил. / Дай мне жизни земной хоть немного, / Чтоб я новые песни сложил!» (Ф. Сологуб. «Расточитель»); «Ах! Не Земля, – дети, вам мать – Голгофа / С оного дня, как умер Он! / С ним умерла, дети, Земля! О, дети! / Жив ли мой Бог?.. Кто жив – живит!» (Вяч. Иванов «Земля»); «Так легко, как снежный пух, / Рождества крылатый дух / Озаряет небеса, / Сводит праздник на леса, / Чтоб от неба и земли / Светы встретиться могли, / Чтоб меж небом и землей / Загорелся луч иной, / Чтоб от света малых свеч / Длинный луч, как острый меч, / Сердце светом пронизал, / Путь неложный указал» (А. Блок «Сочельник в лесу»); «И видел там, за громом битв / Восстанье Светлого Завета / В волне рыданий и молитв / И набегающего Света» (А. Белый «Современникам»); «Убиты медью вечерней / И сломаны венчики слов / И тело требует терний / И вера – безумных цветов / Упасть на древние пли-

ты / И к страстному Богу воззвать, / И знать, что молитвой слиты / Все чувства в одну благодать!» (О. Мандельштам «Убиты медью вечерней»); «Я научилась просто, мудро жить, / Смотреть на небо и молиться Богу, / И долго перед вечером бродить, / Чтоб утолить ненужную тревогу» (А. Ахматова «Помолись о нищей, о потерянной»); «Я не прожил, я протомился / Половину жизни земной, / И, Господь, вот Ты мне явился / Невозможной такой мечтой / Вижу свет на горе Фаворе / И безумно тоскую я, / Что взлюбил и сушу и море, / Весь дремучий сон бытия (Н. Гумилев «Я не прожил, я протомился...»).

Факты, приведенные нами, дают основание утверждать, что наряду с диаволическим дискурсом в русской литературе активно развивался и никогда не замолкал библейский дискурс. Сопротивление дурной бесконечности и, одновременно, устремленность к гармоничному, целостному миру (или актуальной бесконечности), пожалуй, одна из важнейших тем русской литературы первой трети XX века, рассмотрение которой позволяет лучше понять поэтические концепции многих авторов.

Примечания:

¹ Кантор Георг. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 64.

² Слободнюк С.Л. Пути развития сатанинской поэзии начала XX века: В.Я. Брюсов и Н.С. Гумилев (опыт сопоставительного анализа) // Проблемы истории, филологии, культуры: Межвуз. Сб. / Магнитогор. гос.пед. ин-т. – Магнитогорск, 1994. – Вып. 1. – С. 212-216.

³ Кантор Георг Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 87.

⁴ Каидзава Х. Идея прерывности Н.В. Бугаева в ранних теоретических работах А. Белого и П. Флоренского // Москва и «Москва» Андрея Белого: Сборник статей / Отв. ред. М.Л. Гаспаров; Сост. М.Л. Спивак, Т.В. Цивьян. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – С. 29-44.

⁵ Кантор Георг Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 41].

⁶ Там же. С. 266.

⁷ Флоренский П. Собрание сочинений / Под общей редакцией Н.А. Струве. Столп и утверждение истины. Опыт православной феодиицы в двенадцати письмах. – М., 1914. – С. 19.

⁸ Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. – С. 46-47.

⁹ Цит. по Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – С. 276.

¹⁰ Блок А. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905 – 1921. – Л.: Художественная литература, 1982. – С. 27.

¹¹ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., 2001. – С. 141.

¹² Пастернак Б. Люди и положения // Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 3: Проза / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. – М.: СЛОВО / slovo, 2004. –

С. 309-310.

¹³ Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. – Л., 1981. – С. 149.

¹⁴ Блок А. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Письма 1898-1921. – Л.: Худож. лит., 1983. – С. 286.

¹⁵ Там же. С. 246.

¹⁶ Пороль О.А. О генезисе *круга* в поэме А. Блока «Двенадцать» // Филологические чтения: материалы Международной научно-практической конференции (Оренбург, 29-30 ноября 2012 г.) / ФГБОУ ВПО «ОГИМ», – Оренбург: ОГУ, 2012. – С. 152-156.

Хабибулин Р.Г., Никитина Ю.Е. (г. Вольск, Россия)

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОСТИ РУССКОГО НАРОДА

«В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине».

Бердяев Н.А.

Проблема духовности народа представляет собой большой интерес для современной науки. Вопросы русской духовности рассматривались в работах известных философов и культурологов, таких как Н.А. Бердяев, Д.С. Лихачев, В.С. Соловьев, отмечавших, что на формирование русского человека испокон веков оказывали влияние такие духовные факторы, как язычество, православие, русская литература, социалистическая и коммунистическая идеологии, русская и зарубежная философия и т.п. Данная проблема вызывает много споров, но все исследователи сходятся в одном: русская литература оказывала влияние не только на духовность русского народа, но и на становление культуры и искусства во всем мире, а ее самобытность и глубина известна и в других странах, ведь она сделала неоценимый вклад в историю мирового литературного процесса. Для того, чтобы разобраться, каким именно образом оказала влияние русская литература на самобытность славянского, а впоследствии и русского народа, необходимо обратиться к истории.

Обратимся к самому началу истории русского народа – к языческому периоду. Оно господствовало в Древней Руси до конца X века. Изучение его сопряжено с большими трудностями: эта литература была устной, и письменных свидетельств о ней немного. Поэтому суждения о дохристианских воззрениях славянских народов ос-

нованы на данных этнографии, археологических источниках и фольклоре. По немногим сохранившимся фрагментам мифа можно заключить, что он нес в себе наиболее общие представления о мире и человеке. Человек в те времена еще не обособился от природы, не противопоставил себя ей. Он оживотворял природу в сказаниях, и по отношению к себе представлял ее высшим божественным существом (на этом основывались типичные для родоплеменных порядков представления о всеобщем равенстве и высоком, священном статусе коллективной личности). Эти представления являлись священной традицией, которую древние славяне передавали из уст в уста, из поколения в поколение.

Принятие христианства в 988 году также нашло отражение в литературе. Особенностью данного события было переплетение двух религий, их смешение на ранних стадиях, порождающее сложные синкретические новообразования. Летописи гласят, что пантеон многочисленных христианских святых вобрал в себя функции и свойства прежних языческих божеств. Так, Илья заменил Перуна, св. Георгий (Егорий) – Ярилу.

Исторически так сложилось, что православие сумело найти себе отдельную духовную нишу, вдали от западноевропейского христианства. По мнению С.П. Штумпф, огромное влияние на развитие философских воззрений на Руси имели византийские мыслители, одним из главных авторитетов из которых был Иоанн Дамаскин, чьи сочинения были переведены на старославянский язык («Диалектика», «Источник знания») и хорошо были знакомы книжникам Киевской Руси [1, с. 155-161].

Важнейшей составляющей русской культуры всегда являлся патриотизм, который рассматривался как осознанное стремление сделать все для укрепления и процветания отечества, выраженное в традиционных для Киевской Руси литературно-исторических формах — летописях, житиях, «Словах», «Поучениях». Почти все литературные памятники того времени («Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Моление» Даниила Заточника) выдвигают на первый план идеи объединения восточно-славянских племён под властью единого самостоятельного государства (идея российской государственности). Но одновременно древние авторы проявляют глубокий интерес к явлениям мира, отношениям человека с Богом, восхищаются нравственной природой человека и его деяниями. Как отмечает С.П. Штумпф, тема ценностно-смыслового наполнения духовности

красной нитью проходит через все оригинальные литературные памятники русской культуры [2].

Можно считать, что древняя языческая литература и сегодня оказывает влияние на формирование коллективного бессознательного русских людей. Кроме того, без учета фактора православно-языческого синкретизма нельзя понять ни православия, которое отлично от византийского прототипа, ни достижений в различных сферах отечественной культуры со свойственными ей чертами явного и неявного двоеверия, и, наконец, истоков тех внутренних духовных черт и качеств, которые отличают русского человека. Откуда, например, у него известная всему миру «широта души»? Все это получило наиболее законченное и совершенное воплощение в созданном русским народом удивительном языке, неподражаемом фольклоре, а главное в искусстве – великой русской литературе. Русская духовность на протяжении столетий формировала русскую культуру, та, в свою очередь, формирует нынешнюю духовность.

Представления о литературе как источнике духовности и высшей целесообразности проявились и в мыслях русских мыслителей о судьбе – предназначении России, в вере в особую миссию России. Филофей: «Москва – третий Рим», «всемирная отзывчивость русского человека» (Ф.М.Достоевский). Эти идеи по-прежнему являются духовным ориентиром для различных общественных групп. Русские люди всегда стремились жить большим государством, высшая целесообразность тут просматривается в возможности решать глобальные задачи: защита страны, единение, проповедование всему миру русской культуры и духовности, что находит отражение в былинах и сказаниях о ратных подвигах прошлого («Поучение» Владимира Мономаха, «Повесть о разорении Рязани» и др.)

Идея самодержавия, единства с царем и верой господствовала в российской литературной мысли с XVI по XIX века, которая проповедовала законность царской власти, ее неистребимую связь с народом (М.Глинка «Жизнь за царя»).

В первой четверти XIX века литература и искусство становятся не просто интеллектуальным трудом, а духовным. Людей такого труда стали называть интеллигенцией – самосознающими. Явление уникальное – нигде в мире такого нет. В мире есть интеллектуалы – работники умственного труда, но это другой уровень, у них может быть очень слабым самосознание. Первым об «интеллигенции Русского народа» начал говорить И.С.Аксаков. Весь мир восхищается духовной глубли-

ной произведений А.Н.Радищева, А.С.Грибоедова, Н.М.Карамзина, Ф.И.Тютчева, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, Н.С.Лескова, А.И.Куприна, И.С.Тургенева, А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, А.Н.Островского, А.П.Чехова, Л.Н.Андреева, В.Г.Короленко, И.А.Гончарова, А.А.Блока, И.А.Бунина, А.М.Горького, С.А.Есенина, В.В.Маяковского, М.А.Булгакова и многих других.

Русские мыслители (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, П.А Флоренский, С. Булгаков, И.А. Ильин, К.Н. Леонтьев и др.) представляют гуманизм русских писателей как величественное качество русского духа.

Художественное произведение – «живое знание» (В.П. Зинченко), главными признаками которого являются открытость, недосказанность и незавершенность. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, А.Майков и др. видят жизнь по-разному, каждый из них создает свой художественный мир, «внутреннюю форму литературного произведения» [3, с.74].

Русская классическая литература не только показывает жизнь, какая она есть, но и пробуждает «в человеке устремленность к жизни, какой она должна быть» (Ю.Н. Сохряков), это «глубокая, никогда не прекращающаяся, никогда не истощающаяся жажда праведности, мечта о совершенстве» [4, с.187].

Многие произведения русской классической литературы вызывают бурные литературные и общественные дискуссии. Это и «Гроза» А.Н. Островского, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Кто виноват?» А.И. Герцена, «Люди 40-х годов» А.Ф. Писемского, романы И.А. Гончарова, пьеса «Вишневый сад» А.П. Чехова и многие другие. Произведения отражают те явления, которые можно обозначить как социодинамику культуры, т.е. исследование процессов и явлений движения культуры «в зависимости от изменения, развития общества» [5, с. 17], а «составить объективное мнение об эпохе можно, только взглянув одновременно со многих несовместимых друг с другом точек зрения» [6].

Русская литература - «феномен изумительный» (М.Горький), «это нечто неподражаемое, неповторимое, то, что в высоко художественной форме сосредоточивает огромный познавательный, эмоционально-эстетический и духовный опыт; ... это произведения, сконцентрировавшие значительные вечные ценности» [7, с. 123-124], а «ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка...» [8, с.182].

Противоположная ситуация сложилась в России в начале XX века. Революционная ситуация в России XX века раскрепостила духовные силы народа, и это выразилось в искусстве, литературе, науке и философии. Духовным, по своим целям, можно назвать и попытку реализовать, после революции, марксистский экономический проект прорыва к коммунизму. П.Н. Федосеев писал, что: для марксизма «...высшими культурными и нравственными ценностями являются те, которые в наибольшей степени содействуют развитию общества и всестороннему развитию личности» [9, с.36]. Марксистскому проекту не хватало методологии решения человеческих проблем. Произошла недооценка человеческого, недооценка значения духовного мира. Превращение марксизма в идеологию, и затем в догму, уничтожило его духовную сущность, сделав препятствием для развития различных философских направлений. В русской духовности значительное место заняли социальные идеи советского государства. Советскую идеологию всегда упрекали за атеизм и невнимание к религии, хотя государство и должно, вероятно, в своей работе опираться на науку, а не на веру, тем более, когда вера находится на уровне мифологии. Виновны в этом слабость, недостаточность и извращенность существовавших тогда религиозных взглядов. Старые церковные доктрины были отвергнуты, как «опиум для народа», шарлатанство и рабовладельчество. Но русские философы пытались осмыслить мир и место человека в нем. Что можно было взять от старых религий? Совсем немного. Пожалуй, только Н.Ф. Федоров несколько развил христианство, попытавшись соединить его с идеей прогресса, сделав идею воскрешения не только метафизической, но и натурфилософской, научной [10].

Циолковский попытался воспеть материализм, но тот, конечно, не давал человеку никакой надежды. Материалистические представления того времени были очень примитивными. В философии русская духовность отразилась в идеях «русского космизма», которые развивались многими философами: А.В.Сухово-Кобылиным, Н.А.Умовым и др. Эти идеи соотносились с целым потоком русской культуры, включающим не только ученых, но и поэтов, музыкантов, художников. В нем оказываются и М.В. Ломоносов, и Ф.И. Тютчев, и Вячеслав Иванов, и А.Н. Скрябин, и Н.К. Рерих. По мнению Е.А. Ждановой, в основе «русского космизма» лежит идея активной эволюции, т.е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктуют ему не толь-

ко разум, но и нравственное чувство. Значит, точнее, будет определить это направление не столько как космическое, сколько как активно-эволюционное, находящееся в стадии роста, далеко не совершенное, но вместе с тем сознательно-творческое, призванное преобразить как внешний мир, так и собственную душу [11, с.28-33].

Революция раскрепостила духовные силы народа, и это выразилось в литературе. На русскую духовность оказала огромное влияние и советская литература. Старые церковные доктрины были отвергнуты, как «опиум для народа», шарлатанство. Но русские писатели не сдавались и пытались осмыслить мир и место человека в нем.

В постсоветское время, в связи с развитием полиграфических технологий и интернета, литература была поражена графоманией и дилетантством, замусорена коммерческими поделками, которые мы и сейчас можем наблюдать на прилавках наших книжных магазинов.

В современных условиях государственные деятели и представители гуманитарной российской науки все чаще поднимают вопрос о взаимосвязи религии и государства в процессе формирования духовности российского общества (О.Н. Забегайло, В.И. Нечипуренко, А.С. Панарин, И.Н. Полонская, С.И. Самыгин, В.Л. Цымбурский и др.). В целом эта проблема трактуется далеко не однозначно. Так, например, по мнению А.А. Разина, духовность нельзя отдать на откуп церкви, потому что она занимается только частью духовности - верой. Человек по своей природе двойствен и в своей жизнедеятельности не может ограничиться религиозной догмой, исключающей сомнение, так как ему свойственно заниматься поиском истины, анализом явлений, наукой, которая основана на сомнении. Более того, считает автор, настаивает та религия, которая стремится привить прихожанину чувство вины и социального страха, ибо человек не может любить того, который может наслать несчастья, страдания, болезни. Социальный страх не способствует нравственному становлению личности. Там, где Бог персонифицированный, имеют место стремление угодить ему, лицемерие, корысть. Истинный Бог – деперсонифицирован, так как Бог – это идея справедливости, доброты, и благодарность ему выражается через человеческую добродетель [12, с.171-176].

В нынешнее время русская духовность переживает кризис, связанный с потерей ориентации. Русский дух поработен чужеродными веяниями и раздирается внутренними противоречиями. От того как быстро он преодолеет свои болезни, зависит дальнейшая судьба русского народа.

Примечания:

1. Штумпф С.П. Социально-исторический анализ феномена духовности в контексте русской религиозно-философской культуры XI-XvIII вв. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. 2010. №2. С. 155-161.
2. Там же.
3. Федоров, В. О природе поэтической реальности: монография / В. Федоров. - М.: Сов. писатель, 1984. – С. 74.
4. Ильин, И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев / И.А. Ильин. - М.: «Скифы», 1991. - С. 187.
5. Кондаков, И.В. Введение в историю русской литературы / И.В. Кондаков. - М., 1997. - С. 17.
6. Кондаков, И. «Где ангелы реют» / И. Кондаков. - Вопросы литературы - 2000. - сентябрь – октябрь.
7. Троицкий В.Ю. В поисках пути праведного. Словесность в школе: книга для преподавателей русской филологии / В.Ю. Троицкий. - М.: Гуманит изд. центр Владос, 2000. - С. 123-124.
8. Лосский, Н. Ценность и Бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н. Лосский. - Paris, 1931. - С.27
9. Федосеев П.Н. Культура и мораль // Вопросы философии. 1973. № 4. С. 36.
10. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., Мысль, 1982.
11. Жданова Е.А. Национальная духовность и универсальность в философии русского космизма // Вестник ВЭГУ. 2008. №3. С. 28-33.
12. Разин А.А. Духовность: сущность, место в обществе, пути достижения // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 3. С. 171-176.

Пожидаева А. С. (г. Оренбург, Россия)

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В СТИХОТВОРЕНИЯХ И.А. БУНИНА

И. А. Бунин – несомненно яркое явление в русской литературе. Язык его произведений был исследован Ю. И. Айхенвальдом, В. Ф. Ходасевичем, К. Г. Паустовским, А. Т. Твардовским, А. К. Бабореко, И. А. Морозовой. Его называли «певцом любви». При изучении языка И. А. Бунина мы обратились к такому термину, как концепт. Концепт включает в себя и лингвистическую, и культурную составляющую, т. е. в нём отражается одновременно и язык (в данном случае писателя и поэта), и его культура, соответственно менталитет. Многие учёные сходятся во мнении, что концепт – это ментальная единица. Ю. С. Степанов отмечает в концепте «многослойность», ядерное строение¹. Мы в своём исследовании идём также вслед за Ю. С. Степановым и определяем концепт как ментальную единицу, выделяя ядро и периферию в концепте.

Концепт «Любовь» представляет собой обширную область для изучения, так как само понятие любви охватывает самые различные значения. Ядро концепта мы определили по толковым словарям – это «глубокое сильное эмоциональное чувство»².

Проанализировав концепт, мы сделали вывод, что он представлен в поэзии довольно ярко. Стихи И. А. Бунина полны высокими чувствами, нахлынувшими эмоциями.

Так как понятие «любовь» многозначное, мы выделили основные три большие группы проявления концепта:

1. Любовь к женщине;
2. Любовь к природе, Родине, Отчизне;
3. Любовь к матери, семье, близким людям.

Эти группы будут являться ядром концепта.

В каждой группе концепт «Любовь» раскрывается с разных сторон и предстаёт наиболее полным.

В первой группе «любовь к женщине» мы выявили такие лексемы, реализующие концепт «Любовь», как «чужая», «любишь только меня», «не забудешь», «покорно», «скромно», «свет зарницы», «лучистые ресницы», «яркий блеск глаз», «ласково кивнула», «весна», «одиночество», «один», «была у меня», «тоскливо со мной», «стала казаться женой», «тучи без конца», «больно глядеть», «воротись», «я сроднился с тобой», «крикнуть во след», «для женщины прошлого нет», «разлюбила», «чужой», «мечтать страстно», «жить краткими надеждами», «я ль не любил», «искал мятежно», «чистая и нежная душа», «юность разделить», «жизнь с другою перелить», «печальный след», «она звала», «радость, которой в жизни нет», «новая любовь», «я молод», «сердце страстно жизни ждёт», «образ нежный и милый», «образ в сердце хранил», «не ту люблю», «мечты созданья», «грустна», «молчишь», «слаба как цветок», «ласка прощанья», «погляди мне в глаза», «нежно любил», «выпита чаша любви до дна», «ты когда-то любила», «долго смотрю», «сладкая истома глаз», «я всю тебя чувствую», «возможно блаженнее быть», «смертная губящая страсть».

В стихотворениях И. А. Бунина женщина не названа. Автор обращается к ней «ты». Он не называет её любимой, не даёт её внешнего облика. Но мы наблюдаем некоторые портретные штрихи любимой и милой сердцу женщины: «лучистые ресницы», «яркий блеск глаз», «образ нежный и милый», «сладкая истома глаз», «ты слаба как цветок». Мы видим, что для субъекта любви на первое место выдвинуты глаза любимой, в них он видит отражение «чистой и нежной души».

Рядом же с «покорной» любовью стоит «смертная губящая страсть». Она и разрушает чувство. Автор теперь говорит о любимой так: «чужая», «грустна», «тоскливо со мной», «молчишь», «ты когда-то любила» и «разлюбила». И. А. Бунин использует такие изобразительно-выразительные средства, как метафоры, указывающие разрушенное чувство: «*тучи без конца*», «*для женщины прошлого нет*», «*смертная губящая страсть*», «*выпита чаша любви до дна*», «*ласка прощанья*», «*радость, которой больше в жизни нет*», «*больно глядеть*», где главными выразителями чувств выступают имена существительные и прилагательные (и причастия).

Субъект ещё испытывает к ней чувства и надеется на лучший исход, на это указывают лексемы «весна», «мечты создания». Множество глаголов в словосочетаниях передают чувство субъекта: «*я сроднился с тобой*», «*всю тебя чувствую*», «*сердце страстно жизни ждёт*», «*она звала*», «*жизнь с другою перелить*», «*юность разделить*», долго *смотреть*», «*стала казаться женой*», «*невозможно блаженнее быть*». Здесь мы видим совмещение нежной любви, трогательного чувства и неудержимой, бурной страсти – опять же совмещение любви души и любви-страсти, любви телесной, земной.

Отметим то, что в проанализированных стихотворениях преобладает именно любовь как страсть.

И. А. Бунин называет это чувство «смертной губящей страстью», которая губит духовную любовь и поэтому любимая покидает его. Субъект чувствует своё одиночество (лексемы «одиночество», «один», «чужой», «воротись», «крикнуть во след», «была у меня»). В конце концов, любовь заканчивается: «*выпита чаша любви до дна*».

Таким образом, группа концепта «Любовь» «любовь к женщине», включает в себя лексемы-наименования: 1) объекта любви и 2) самого чувства, представленного в метафорических образах («мечты создания», «свет зарницы») и глаголами («нежно любил», «долго смотрю», «я всю тебя чувствую»). Периферическое наполнение концепта многогранно с преобладанием лексем, образующих ядро концепта, а именно любовь-страсть – сильное глубокое эмоциональное чувство.

Вторая группа вербализаторов концепта – «любовь к природе, Родине, Отчизне» – «*люблю цветные стёкла окон*», «*тоскующая песнь*», «*тихая печаль*», «*восток сияет ясной бирюзой*», «*смотрю туда, где я любил когда-то*», «*грусть моя живёт*», «*всёпрощающая даль*», «*не люблюсь*», «*сладко слушать, как снегири звенят*», «*в красках любовь и радость бытия*», «*светлая река*», «*привольные поля*», «*берёз весё-*

лый хоровод», «степь развернулась и синеет», «шире вольные поля», «старый дом, где я первые песни слогал, где я счастья и радости ждал», «не вернусь никогда», «люблю родные степи», «бедные селенья», «моя отчизна», «вернулся к ней», «понял красоту в её печали», «счастье в печальной красоте», «когда я с такою грустью провожал», «былое живёт в безмолвном сердце», «мир исполнен красоты», «всё дорого и близко», «северные скудные поля», «блеск весны», «белая берёзка», «любуюсь», «осень – мир в грусти и мечте», «мир в думах о прошедшем и утраках», «берёзка одинока», «люблю твой бледный лик, печальная Селена», «не устану воспевать вас, звёзды», «робко постигаю бездн сияющие руны», «сказкой мерцают», «образ милый», «тайна мира», «люблю наш обрыв», «весёлый летний день», «солнце блещет», «люблю зной», «ширь», «вольный небосвод», «благоуханье лугов», «нежданной молнии игра», «люблю молчанье грозы», «ты таинственна, гроза», «внезапное блистанье», «веет юной радостью с полей», «вся жизнь – день радости и счастья», «ночь печальна, как мечты мои», «степь безмолвна», «месяц напоминает весну и первую любовь», «лес, точно терем расписной», «багряный», «золотой», «светло кругом», «мёртвое молчанье», «мёртвый сон», «жуткий час ночных чудес», «светлы пруды», «весело думать о небе, солнце, о зреющем хлебе».

Мы объединили объекты – природа, Родина, Отчизна, так как в стихотворениях И. А. Бунин под природой понимает природу Родины, его родной страны.

Для начала мы определяем объекты любви к природе: это «белая берёзка» (которая либо «одинока», либо наоборот, «берёз весёлый хоровод», что сближает берёзы с человеком), «восток, который сияет бирюзой», «светлая река» и «светлые пруды», «привольные поля» (также «вольные поля») и «скудные поля» (антонимы), «степь, которая развернулась и синеет» и «родные степи», «осень – мир в грусти и мечте», луна («люблю твой бледный лик, печальная Селена»), звёзды («не устану воспевать вас, звёзды»), которые «сказкой мерцают», «весёлый летний день», «солнце блещет», «ночь печальна», «вольный небосвод», «ты таинственна, гроза», «лес, точно терем расписной», «старый дом» и «стёкла окон». Обобщая, можно выделить объекты любви к природе, Родине: дом, небосвод, поля, лес, река, день и ночь, осень и весна. Эти явления природы, времена года, окружающая местность образуют Родину. Автор называет её гордо «моя отчизна».

Любовь к Родине вызывает у субъекта определённые чувства: «тоскующая песнь», «тихая печаль», «здесь грусть моя живёт», «смотря

туда, где я любил когда-то», «не вернусь никогда», «бедные селенья», «когда я с такою грустью провожал», «былое живёт в безмолвном сердце», «осень – мир в грусти и мечте», «мёртвый сон», «мир в думах о прошедшем и утраках». Здесь мы видим вербализаторы с отрицательной коннотацией чувств. Это чувство грусти, тоски по Родине. Тем не менее, субъект не перестаёт восхищаться своей отчизной, её природой. Это показывают такие вербализаторы, как «не налюбуюсь», «сладко слушать», «понял красоту в её печали», «счастье в печальной красоте», «мир исполнен красоты», «всё дорого и близко», «блеск весны», «не устану воспевать вас, звёзды», «робко постигаю бездн сияющие руны», «тайна мира», «образ милый», «ты таинственна, гроза», «веет юной радостью с полей».

Присутствуют слова с положительной коннотацией чувств: «вся жизнь – день *радости* и *счастья*», «*весело* думать о небе, солнце, о зреющем хлебе», где имена существительные в родительном падеже *радости* и *счастья*, а также наречие *весело* говорят о положительной коннотации. Но тоска берёт вверх над субъектом, и появляются «мёртвое молчанье», «мёртвый сон» в этой таинственной золотой красоте, «грусть живёт». Субъекта не покидает мысль о прощании с Родиной, и он заключает: «не вернусь никогда». Это безусловно перекликается с биографией И. А. Бунина (любовь к Родине, но вынужденная эмиграция за границу).

Таким образом, подгруппа «любовь к природе, Родине, Отчизне» предстаёт многочисленными объектами («дом», «лес», «степь», «берёзка»), что говорит о их значимости для субъекта. Также стоит отметить чувство с отрицательной коннотацией («тоска», «тихая печаль», «грусть»), что связано с расставанием с Родиной, несмотря на радость и восхищение красотой окружающего мира, свойственную всей поэзии.

3 группа – «любовь к матери, семье, близким людям».

Эта подгруппа представлена такими вербализаторами концепта «Любовь»: «помню», «милый, кроткий голос твой», «сладкий сон», «ты перекрестишь, поцелуешь», «верой в счастье очаруешь», «не ты ли ангелом была», «лампадка», «тёплая кровать», «няня не спит», «штопала чулочки», «дом и сад», «как наяву», «в лазах столько скорби и кротости», «друг родной», «улыбка грустная», «следит за мной», «больная», «сладостней в бору», «в горнице темней», «заброшенные помещицы покои», «горница была когда-то нашей детской», «глазки синие, прелестные», «дитя любимое», «под заботой божеской руки», «всю ночь ходила», «мать», «глаз до рассвета не смыкая», «напевала», «сле-

зами взор блестел», «вернулся домой», «пустынный, покинутый двор», «ель, посаженная отцом», «сжалось сердце», «боль во мне», «забыт», «родимый наш дом».

Объекты любви – члены семьи, мать, отец, няня, дитя и дом. При анализе стихотворений мы выявили связь подгруппы Любовь к матери и подгруппы Любовь к Родине, где объектом любви также является «дом». Это демонстрируют такие вербализаторы, как «дом и сад», «сладостней в бору», «заброшенные помещичьи покои», «горница была когда-то нашей детской», «вернулся домой», «забыт», «родимый наш дом», «пустынный, покинутый двор», «ель, посаженная отцом». Мы снова наблюдаем отрицательную коннотацию чувства – тоску по дому. Субъект упоминает это чувство («сжалось сердце», «боль во мне», «помню»). Он возвращается в детские воспоминания.

Объект любви – «мать» – вспоминается в образе ангела («не ты ли ангелом была»), у неё «милый и кроткий голос», «в глазах столько скорби и кротости», «слезами взор её блестел». Для И. А. Бунина мать – свет («блеск слёз», «ангел», «под заботой божеской руки», «она верой в счастье очарует»). Для матери прежде всего важны счастье и покой её дитя («глаз до рассвета не смыкая», «всю ночь ходила», «ты перекрестишь, поцелуешь», «напевала»).

Рядом с матерью стоит объект «няня». Няня всю жизнь посвятила воспитаннику, она самоотверженно и с любовью следит за ребёнком. У няни «улыбка грустная», она «больная», но «следит за мной», говорит субъект. Дитя у И. А. Бунина «любимое», у которого «глазки синие, прелестные», что говорит о нежных чувствах субъекта.

Таким образом, подгруппа «любовь к матери, семье, близким людям» представлена как любовь-тоска по родимому дому, что перекликается с подгруппой Любовь к природе, Родине, отчизне. Объекты любви – это члены семьи и «родимый дом». Мать предстаёт перед нами как ангел, которая «очаровывает верой в счастье», няня – как заботливый человек с «грустной улыбкой» на лице. Без этих людей невозможно для субъекта полное чувство счастья. На это указывают вербализаторы чувства «боль во мне» и «сжалось сердце». Проанализировав стихотворения И. А. Бунина, мы сделали вывод о том, что концепт «Любовь» в его произведениях является одним из важнейших. Концепт «Любовь» представлен в подгруппах «любовь к женщине», «любовь к природе, Родине, Отчизне», «любовь к матери, семье, близким людям», причём вторая и третья подгруппы связаны между собой объектом («дом») и испытываемыми чувствами («тоска», «печаль»).

Любовь к женщине – часто любовь безответная, любовь несчастная, делающего субъекта любви «одиноким» и «чужим». В любви к женщине преобладают вербализаторы с отрицательной коннотацией («один», «чужая», «смертная губящая страсть»), что связано с несчастливым финалом чувства.

Любовь к природе активно представлена объектами этой любви: «дом», «лес», «поля», «река», «степь». При этом субъект, наслаждаясь красотой природы, испытывает чувство «тихой печали», которое наводят на него мысли о невозможности вернуться на Родину («я не вернусь никогда», хотя он снова «вернулся к ней»).

Группа «любовь к матери, семье, близким людям» представлена описанием объектов любви: «матери», «няни». Это любовь светлая, но также она вызывает «боль» в субъекте, боль утраты и невозвратности прошлого. Схожесть чувств, их отрицательная коннотация («разлюбила» о женщине, «тоска» по Родине и «сжалось сердце» при воспоминании о родном доме) определяет связь между всеми подгруппами концепта «Любовь» у И. А. Бунина.

Примечания:

¹ Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю.С. Степанов. – Языки славянских культур, 2007. – 248с.

² Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 26-е изд., переработ. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс» : «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 736 с.

Дмитриева Н. М., Линтовская Е. М. (г. Оренбург, Россия)

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ
КОНЦЕПТА «ЗАКОН» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А.С. ПУШКИНА**

Концепт «закон» в русской языковой картине мира имеет три основных понимания (семь): «закон государственный», «закон Божий» и «закон науки и природы»¹. По данным лингвистических исследований и словарей, полем концепта «закон» является: правда, истина, власть, право, постановление, предел и т.д.

В настоящей работе мы определим поле концепта «закон» в индивидуальной языковой картине мира А.С. Пушкина, отношение автора к закону, а также репрезентанты исследуемого концепта, их значения, совпадения и несовпадения с ментальными представлениями.

Изучив произведения А.С. Пушкина, мы заметили, что концепт «закон» репрезентируется в них в двух основных семах: «закон юридический» лексемами «*право*», «*власть*», «*правда*», «*государь*» и т.п.; «закон Божий» – «*истина*», «*Бог*», «*владыка*», «*завет*» и т.д. Они и составляют концептуальное поле исследуемого нами концепта. Антиномией закону в текстах произведений являются «*беззаконие*», «*грех*», «*преступление*» «*соблазн*», «*обида*», «*преступное заблуждение*» и т.д.: «...впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими *соблазнами* и *беззакониями*»; «...А за *грехи*, за *темные деянья* / Спасителя смиренно умоляют»; «Привел меня бог видеть *злое дело*, / *Кровавый грех*»; «Простите ж мне *соблазны* и *грехи* / И вольные и тайные *обиды*...» («Борис Годунов»); «...объяснил его настоящее звание и прежние *преступления*» («История Пугачева»); «За *злое преступленьё*» («Скупой рыцарь»); «... я здесь удержан / Отчаяньем, воспоминаньем страшным, / Сознанием *беззаконья* моего...» («Пир во время чумы»); «И *преступленьё* свысока / сражает праведным размахом» (ода «Вольность»); «...увещевая оболщенных отстать заблаговременно от *преступного заблуждения*» («История Пугачева») и т.д. Данное явление противопоставления закону беззакония, преступления, греха и т.д. в индивидуальной языковой картине мира А.С. Пушкина является характерным для русской языковой картины мира, что видно при сопоставлении антиномий закону в произведениях А.С. Пушкина и антиномий, указанных в словаре антонимов русского языка (беззаконие, грех)².

Пушкин противопоставляет суд земной Суду Божьему (что, как следует из анализа словарных статей и лингвистических исследований, свойственно русской национальной картине мира): «Бог тебе судья» («Капитанская дочка»); «Подумай, сын, ты о царях великих. / Кто выше их? Единый бог»; «И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от божьего суда»; «Он шел казнить злодея своего, / Но божий суд уж поразил Бориса» («Борис Годунов»); «Забыв и небо и закон...» («Бахчисарайский фонтан»); «...все мы Божии да государевы» («Дубровский»), «Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас закон» (ода «Вольность»), «Я осужден на смерть и позван в суд загробный – / И вот о чем крушусь: к суду я не готов...» («Странник»). Такое противопоставление, на наш взгляд, имеет следующее значение: Закон выше воли народа, он может быть несправедлив, но выше земного закона стоит Божий Закон, справедливый и милостивый.

Исследовав тексты произведений А.С. Пушкина, мы посчитали возможным выделить лексико-семантические группы репрезентантов концепта «закон», составляющих его периферию.

Так, например, в **первой группе** называются различные судебные реалии, процесс судопроизводства, органы законодательства: *суд, законодательство, дело, определение суда, прошение, приговор, иск, слушание, апелляционный порядок, тяжба, постановление, исполнение приговора, показания, правосудие, смертный приговор, истец, ответчик, обвинения, законное решение* («...генерал-аншефу Троекурову в изъявленном гвардии поручика Дубровского иске отказать...»; «Какое решение наперед объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подписки удовольствия или неудовольствия чрез полицию»; «...если паче чаяния чувствует, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции куда следует» и т.д.).

Во **второй группе** номинации властителей закона, порядка, «хранителей» традиций и обычаев: *законодатель, защитник вольности и прав, законодательница зал, владыки, судьи, властитель, Собор, приставы, законные цари, законный владыка, земский судья, полиция, уездный суд, палата суда, следственная комиссия, законный государь, сыщик, секретарь суда, обвинитель, законный наследник престола, палач, исправник* («... и на другой день утром отправился в присутствие уездного суда»; «У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклоняясь над бумагою, готовый записывать мои показания»; «Я с живостью обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя»; «Пугачев был снова пойман, и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову»; «Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судьи для выслушания решения оног»).

Третью группу составляют номинации досудебных и следственных действий и процессов: *допрашивать, допрос, рассматривать дело, следствие, подать апелляцию, производить следствие, обвинять, обыскать, были взяты под стражу, пытка, отправлен под караулом к сыщику, очная ставка, подать в суд, оправдаться перед судом* («Начался допрос»; «... и мысль впутать имя ее между гнусными извещениями злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку – эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался»).

Четвертая группа включает в себя наименования *противозаконных действий или действий, нарушающих Божий Закон: убить, обо-*

красть, лгать, прегрешения, мошенничество, подкупать судей, «толковать вкривь и впрямь всевозможные указы», грабительство, разбои, ограбить, убийства, преступления, красть, «умели избежать исполнения приговора», мятеж, обвинять без доказательства («Клеветникам как прежде верят, <...> В окошки миллионы скачут, / Казну все крадут у царя...», кровавый грех, согрешить, ложь, «Безумец! на закате дней / Он вздумал быть ее супругом»; «Жены позабыли слово апостольское <...> хлопочут не о хозяйстве, а об обновлениях; не думают, как бы мужу угодить, а как бы приглянуться офицерам-вертопрахам»; «Потворствовать греху есть то же преступление, / Карая одного, спасаю многих я»; о прелюбодеянии: «...Что в мире хуже / Столь гнусного греха? убийство легче»; «Не одобряю я развода! / Во-первых, веры долг святой, / Закон и самая природа...»).

За нарушение закона следует наказание, поэтому **пятую группу** составляют наименования мер пресечения: *тюрьма, темница, казнь, заточенье, взыскание, городской острог, сослать на поселение* и т.д. (осуждены уплатить пеню, «в куль да в воду – за измену, трусость, убийство и воровство», «заключены в оковы и наказаны как бунтовщики», были наказаны кнутом, отданы в солдаты, казнить, «приговорены к наказанию плетьюми и к ссылке в Пелым на каторжную работу», «приговорены были к четвертованию, <...> к отсечению головы, <...> к виселице, <...> к наказанию кнутом и к ссылке на каторжную работу»; «Ох уж эти ассамблеи! наказал нас ими Господь за прегрешения наши»; «Прелюбодею смерть»; «Смерть изрек ему решительно закон»; «его преследует закон»; «карал за преступление»).

В шестую группу мы определили номинации нормативных и правовых документов, религиозных догм и традиций и т.п.: *указ царя, церковный устав, слово апостольское, «долг, завещанный от бога», «святая заповедь Корана», закон света, закон судьбы, закон Господний* («Жены позабыли слово апостольское...»; «Гости съезжались с женами и дочерьми, наконец освобожденными от затворничества домашнего указами государя и собственным его примером»; «Не сетуйте: таков судьбы закон»; «Святую заповедь Корана / Не строже наблюдает он»; «Скажи мне, бога ради: Соблюл ли заповедь хоть эту: не укради?»).

В текстах встречаются номинации, обозначающие человека, совершившего какое-либо преступление, которые мы включили в **седьмую лексико-семантическую группу**: *колодник, грешник, убийцы, беззаконник, осужденный, виновный, преступник окаянный, убийца тай-*

ный, вор, разбойник, мошенник, самозванец, государственный преступник, бунтовщики, зачинщики, прелюбодей («Мятежники, овладев Саратовом, выпустили колодников, отворили хлебные и соляные анбары, разбили кабаки, и разграбили дома»; «Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник – ты»; «Он тщетно уговаривал преступника добровольно повиноваться закону»).

В состав **восьмой группы** входят словосочетания и предложения, которые характеризуют закон как проявление чьего-либо волеизъявления («*Для старика была закон / Ее младенческая воля*»).

В **девятую группу** включены словосочетания, где закон выступает как обычай: «*другой закон, другие нравы*»; «*отеческий закон*»; «*И я, в закон себе вменяя / Страстей единый произвол...*»; *законы света* («Что не в отеческом законе Она воспитана была, А в благородном пансионе...»; «С послушной куклою дитя / Приготовляется, шутя, / К приличию – закону света»).

Десятую группу составляют словосочетания и предложения, которые являются примерами, прямо свидетельствующими о несправедливости закона («*Ложась безвинным под топор*»; «*В суде его дремал карающий закон*» и т.д.).

Определив лексико-семантические группы, представляющие периферийную зону концепта, можно описать поле концепта «закон» в индивидуальной языковой картине мира А.С. Пушкина. Семантическим ядром концепта «закон» в произведениях А.С. Пушкина является: правда, истина, власть, суд земной, Божий суд, постановление и т.д. На периферии находятся такие понятия и признаки концепта «закон»:

1) судебные реалии, процесс судопроизводства, органы законодательства (суд, законодательство, дело, определение суда, прошение, приговор);

2) номинации властителей закона, порядка, «хранителей» традиций и обычаев (законодатель, судья, владыки, государь, полиция, палач);

3) номинации досудебных и следственных действий и процессов (допрашивать, допрос, рассматривать дело, следствие);

4) наименования действий, нарушающих закон государства или Божий Закон (убить, обокрасть, лгать, прегрешения, мошенничество);

5) наименования наказания за преступление (тюрьма, темница, казнь, заточенье, взыскание, городской острог);

6) номинации нормативных и правовых документов, религиозных догм и традиций и т.п. (указ царя, церковный устав, слово апостольс-

кое, «долг, завещанный от бога», «святая заповедь Корана», закон света, закон судьбы, закон Господний);

7) номинации, обозначающие человека, совершившего какое-либо преступление (грешник, убийцы, беззаконник, осужденный, виновный, преступник окаянный, убийца тайный, вор);

8) закон как проявление чьего-либо волеизъявления («Для старика была закон / Ее младенческая воля»);

9) закон выступает как обычай: «другой закон, другие нравы»; «отеческий закон»; «И я, в закон себе вмения / Страстей единый произвол...»; законы света

10) закон может быть несправедлив («Ложась безвинным под топор»; «В суде его дремал карающий закон» и т.д.).

Чаще в произведениях А.С. Пушкина представлены две семьи: «закон юридический» (государь, указ, иск, суд, пристав, правда, судья, судебный секретарь, обвинитель, законный владыка и т.д.) и «закон религиозный, нравственный» (заповедь, грех, церковный устав, закон Господний, апостольское слово, вечная истина, правда и т.п.). Основными вербализаторами второй семьи являются «правда» и «истина».

Закон в произведениях А.С. Пушкина характеризуется по-разному: как положительно, так и отрицательно. Редкий пример с положительной коннотацией мы находим в тексте поэмы «Анджело», где закон называется «праведным», а также «святым» в тексте стихотворения «Сон». Отрицательную коннотацию мы встречаем несколько чаще: «строгие законы» («Бахчисарайский фонтан») «...свершают суд свирепый» («Полтава»), «жестокий закон» («История Пугачева»), «законов гибельный позор», «мощные законы» (ода «Вольность»), «Между законами забытыми в ту пору / Жестокий был один», «... дремал карающий закон», «Закон не должен быть пужало из тряпицы, / На коем наконец уже садятся птицы», «жестокосердый блюститель закона» («Анджело»); «надменных, низких, жестоких ветреных судей...» («Мое беспечное незнанье...»); «гордый свой закон» («Бородинская годовщина») и т.д.

Преобладание примеров с отрицательной оценкой закона над количеством примеров положительной характеристики, на наш взгляд, объясняется тем, что формальному закону А.С. Пушкин предпочитал законы совести, нравственности (что, по замечанию В.В. Воробьева³, характерно для русского человека, русской национальной картины мира). Этот факт численного превосходства отрицательной характеристики закона над положительной в произведениях А.С. Пушкина

совпадает с результатами исследователей, которые изучали отношение русского человека к закону по материалу паремиологических единиц и текстов различных форматов (Ю.С. Степанов, В.В. Воробьев, В.В. Колесов⁴, Н.Ю. Кузнецова⁵ и др.), следовательно, представления А.С. Пушкина соответствуют пониманию, характерному для русской ментальности, и являются примером проявления не только индивидуальной, но и национальной языковой картины мира.

Примечания:

¹ Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 433.

² Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л. А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 384 с.

³ Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331с. – С. 169.

⁴ Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

⁵ Кузнецова, Н.Ю. Репрезентация некоторых концептов, составляющих ментальную модель «право» (на материале немецких пословиц). – С. 247-255.

Рудинская А. А. (г. Оренбург, Россия)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «СЛОВО»

Концепт «Слово» наиболее полно исследован в работе Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры». К этой теме также обращались в своих трудах С.В. Дегтев и И.И. Макеева, И.И. Борисова, Г.В. Майоров, Ван Ци и др. Для полноты описания концепта «Слово» в лингвокогнитивном аспекте нам кажется необходимым провести анализ лексической представленности концепта в различных словарях.

По данным этимологических словарей корень **слова** *k'leu- представлен во всех индоевропейский языках и в его значении объединены действия говорения и слушания. В древнем сознании существовала некая цельная ситуация – «круговорот общения» [8; 246], как её называет Юрий Степанов, – в которой слово как самостоятельная ценность выступало предметом обмена между говорящим и слушающим. Т.е., слово возникает только тогда, когда его кто-то слышит и способен понять, когда оно перестаёт быть просто набором звуков – это единство внутренней и внешней формы, звуковой оболочки и смысла.

Опираясь на основное значение **слова** по толковым словарям, мы делаем вывод, что концепт «Слово» понимается, прежде всего, как основная структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок». На наш взгляд, самое точное и выразительное определение дано в Словаре церковнославянского и русского языка: **слово** – это «всякое речение, состоящее из одного или нескольких слогов и служащее изобразительным знаком какой-либо вещи или понятия» [7; 149].

Т.е. люди как бы договариваются о том, что будет обозначать тот или иной порядок звуков. Поэтому говорящие на разных языках не могут вступить в «круговорот общения» или, как принято говорить в современной науке, в коммуникацию, ведь чужие слова для них – пустой звук. Невозможно, видимо, и полное вживание человека в систему координат другого языка, поскольку он мыслит на родном языке, в словах которого заложены определённые знания о мире и ценностные ориентиры. Приведём интересный факт: по воспоминаниям одной студентки, посещавшей лекции Владимира Набокова в Уэлсли, слова «правда» и «истина» в своей английской речи он произносил по-русски, считая невозможным адекватный их перевод.

Все языки уникальны, многовековой опыт и традиции, культурные особенности народа заложены в каждом слове. В своей работе «Русская ментальность в языке и тексте» В.В. Колесов пишет: «Русская ментальность ближайшим образом отражается в словах. Именно слова быстрее всего отзываются на изменения в жизни и сознании человека. Но они же сохраняют в своём образном подтексте старинные свои смыслы – образные в своей «внутренней» форме и символические в устойчивых сочетаниях» [3; 396]. Это же можно сказать и о слове **слово**. Ю.С. Степанов говорит, что внутренняя форма концепта «Слово» связана с концептом «Действие», которое представлено такими первичными глаголами, как

- славить (слово и слава – от одного индоевропейского корня);
- слышать;
- слыть.

Вообще, у русского человека в центре внимания находятся не идея и не факт, а какое-то конкретное дело, воплощённое в слове, и действительность является системой собственных действий. В русском языке **слово** и **дело** всегда связаны. Это видно из анализа ассоциатив-

ного поля концепта, где самая частотная реакция на стимул **слово** – «дело» (или «и дело»). Примечательно, что абсолютное большинство реакций – это существительные и прилагательные: речь, предложение, книга, буква, веское, меткое, честное и т.д., т.е. значение **слова** чаще всего связано со значением предметности.

А.Я. Гуревич пишет, что в сознании русского человека слово «обладало той же мерой реальности, как и предметный мир» [1; 248]. Это отразилось в таких пословицах и поговорках русского народа, как: «Сказанное слово – серебряное, несказанное – золотое»; «Слово – закон, держись за него, как за кол»; «На словах – как на гусях»; «Слово олово» и, конечно, в самой распространённой: «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь», что подтверждается данными ассоциативных словарей: «воробей» («не воробей») – вторая по частотности реакция на стимул **слово**.

Остановимся подробнее на анализе паремиологического поля и фразеологических номинаций концепта «Слово». Когнитивный признак «дело» здесь отражается, прежде всего, в значении обещание. Можно выделить такие устойчивые сочетания, как «дать слово», «взять слово», «сказано – сделано», «связан словом», «верить на слово», «сдерживать слово», «не бросать слов на ветер» в значении «всегда выполнять то, что обещал – как плохое, так и хорошее» или «поймать на слове» – «сразу попросить сделать обещанное того, кто обещал». [9; 502].

Интересно, что в языке существуют паремии с противоположными значениями:

Слово = дело	Слово ≠ дело
Слово лучше печати; Словом можно убить; Бритва скребёт, а слово режет; Слово пуще стрелы разит; Что слово, то и дело; От слова да за нож; Живым словом победить	Не по словам судят, по делам; Слово не обух, в лоб не бьёт; Брюхо глухо: словом не уймёшь; Кто словом скор, тот в деле не спор; Слово бело, да дело чёрно

На примере этой таблицы видно, что в народном сознании по отношению к слову всегда существовала оценка: «Слово слову рознь: словом Господь мир создал, словом Иуда Господа предал». Словом можно благословлять и славословить, а можно злословить, вступать в словопрения и словоблудие. Одно из значений **слова** во мн.ч. имеет помету «неодобрительное» – «разговор, болтовня» как противоположность делу: «это всё одни только слова».

Для полноты описания концепта «Слово» необходимо проанализировать также деривационное поле. Мы обратились к Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля и к Словарю церковнославянского и русского языка 1847 г. и заметили, что словообразовательное гнездо **слова** в них гораздо обширнее, чем в современных словарях, соответственно, и в современном русском языке.

Например, вышли из употребления слова, относящиеся к типографскому делу: словолитец (словолитчик) – художник, умеющий отливать буквы, словолитие – отливка букв, словолитная (словолитня) – мастерская, где отливают буквы, словолитство – искусство отливать буквы; к допросам: словоистязатель, словоистязательный и т.д. Или словоборение, словопря, словосостязание. Словесник, словописец в значении писатель, сочинитель.

Стоит отметить, что в XVIII-XIX вв. основой филологических наук являлась словесность и сами они назывались словесными, а все учебники поэтики, риторики, словесности, в т.ч. «Грамматика» М.В. Ломоносова, начинались с рассуждения о слове как даре, полученном от Бога. Сегодня слово «словесность» в разговорной речи чаще используется в значении «слова, пустые разговоры вместо дела».

Существовали также такие слова, как словесничать (письменничать) – бездарно заниматься словесностью; словесье – ложное суждение, софизм. Не говорим мы сегодня и словутый, словущий, словый в значении славный, знаменитый, известный. Примечательно, что в современном русском языке лексическая единица **слово** пополнилась всего одним новым значением – это текст к музыкальному произведению (например, романс на слова Есенина).

Т.о., если мы будем строить деривационное поле концепта «Слово» только по современным словарям, насколько менее полным будет представление о когнитивном признаке исследуемого концепта. Так, глаголица и кириллица имели духовный имяслов, т.е. у каждой буквы было название, сегодня утерянное: **слово** в 1 значении по Словарю церковнославянского и русского языка – это «название 19 буквы в Славянской азбуке и 18 в Русской азбуке, изображаемой так: С».

Иногда сходство изображения буквы и предмета давало последнему название. Например, глагол – синоним **слова** – обозначал также виселицу, которую обычно ставили в виде буквы Г; говорят «не миновать глаголя» – сурового наказания. Или в результате слияния названий букв Р, С, Т – «рцы», «слово» и «твердо» – появилось устойчивое

сочетание «говори слово твердо», что означало твёрдо держать своё слово и быть ему верным.

Многие значения **слова**, его синонимы, однокоренные слова устаревают, исчезают или трансформируются, утрачивая свою мотивированность. Говоря о неологизмах и окказионализмах, мы вряд ли вспомним такие слова, как словодел или словоизобретатель; словозначение, словопроизводство и словосочинение с успехом заменили латинские термины семантика, этимология и синтаксис. А ведь чем больше в языке немотивированных, интуитивно непонимаемых слов, тем больше замутнено сознание человека. Вследствие этого разрушаются связи языка и культуры. Эта мысль подтверждается в работе В.В. Колесова: «бессмысленные в звучании, ничего не представляющие уму слова – это то самое отсутствие внутреннего словесного образа, который немедленно при восприятии помогает справиться с делом, каким бы оно ни было» [3; 574].

Возвращаясь к делу – действию, связанному со словом, вспомним о трёх первичных глаголах: славить, слышать, слыть. В Толковом словаре В.И. Даля «слово, слава, слыть, слух и пр. – одного корня; славить, славословить, старосл. словити, одно и то же; славянин, словенин, словесный человек или словущий (известный чем), также одно» [2; 3536]. Вот и по А.С. Шишкову славяне – это люди, наделённые особым даром слова, в т.ч. славящие Бога.

Не стоит забывать, что раньше **слово** ассоциировалось также (по современным словарям это всего 1-2 реакции) со Словом Божьим: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». По Своему Слову Бог создал наш мир, т.е. Божественное Слово действительно, оно равно действию. Созданный мир существовал, но не был назван, значит, не познан, и не имел смысла. Человек был наделён величайшим даром – речью (одно из значений **слова** – «речь, способность говорить»), и первое, что он сделал, – назвал мир вокруг себя. По мнению Василия Ирзабекова, само слово «человек» произошло от **слова**: слово – словек – цловек – человек – человек.

Словом Божьим называют и Священное Писание – книги Ветхого, где **слово** является законом, и Нового Завета, в котором **слово** стало благодатью (вспомним «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона: здесь **слово** используется в значении «литературное произведение в форме проповеди, послания»).

Лексема **слово** использовалась в названии многих памятников древнерусской литературы в жанрово-нейтральном значении «произведе-

ние, сочинение», например, «Слово о погибели Русской земли», «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича...» и т.п. Оно не имело чётких жанровых границ и часто заменялось такими заглавиями, как сказание, повесть, поучение. В величайшем произведении того периода – «Слове о полку Игореве» – исследователи выделяют композиционный и идейный центр – «золотое слово» Святослава: «Тогда великий Святослав изронил злато **слово**, со слезами смешано...». Здесь **слово** употребляется в значении «ораторское выступление».

Итак, следуя методике, описанной в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Когнитивная лингвистика», мы определили не только ключевое слово и его синонимы (речь, мнение, обещание, разговор, беседа, выступление, выражение, название, глагол, термин, лексема, вокабула, стихи и др.), что составило ядро номинативного поля концепта «Слово». Но и проанализировали периферию (в синхронном и диахроническом аспекте): ассоциативное, паремиологическое и деривационное поля. Мы выделили:

- основные значения концепта «Слово»: это единица языка, служащая для наименования предметов и их свойств; речь, способность говорить, в том числе божественный дар; обещание, уверение; проповедь, беседа; литературное произведение, повествование; публичное выступление; разговор, болтовня; текст к музыкальному произведению; Священное Писание и Сын Божий;

- основные ассоциаты: «дело» («и дело»), «воробей» («не воробей»), «о полку Игореве»;

- основной когнитивный признак фразеологизмов «дело», который отражается, прежде всего, в значении «обещание», и оценочность паремий («слово слову рознь»);

- вышедшие из употребления однокоренные слова, с которыми утратились такие когнитивные признаки концепта, как «типографское дело», «допрос», «спор», «слава».

Обратившись к Национальному корпусу русского языка, мы обнаружили 10 903 документа и 55 308 вхождений со словом «слово». Оно входит также в сотню самых частотных слов русского языка и является базовым концептом русской языковой картины мира, что даёт большие возможности для его дальнейшего изучения.

Примечания:

1. Вендина, Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написа-

- ние слов). – М.: Изд. «Цитадель», 1998. Полнотекстовый распознанный вариант словаря на 4249 страницах в формате Microsoft Word.
3. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
4. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
5. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002.
6. Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой / Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1973.
7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т 4. – СПб, 1847.
8. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 982 с.
9. Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.

Курбаева А. З. (г. Оренбург, Россия)

МЕТОДИКА ПОДГОТОВКИ ДОКЛАДА НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ТЕМУ ПО ИСТОРИИ ЯЗЫКА В 9 КЛАССЕ

Доклад — один из видов монологической речи, публичное, развёрнутое, официальное сообщение по определённом вопросу, основанное на привлечении документальных данных [4, с.118]. Можно опираться и на такое определение, под которым понимается доклад как вид устного выступления, содержащее публичное развёрнутое, глубокое изложение определённой темы.

Цель доклада — информирование кого-либо о чём-либо, тем не менее доклады могут включать в себя такие элементы как рекомендации, предложения или другие мотивационные предложения. Доклады могут быть разными по виду: устными и письменными; научными и учебными.

К учебным докладам относятся школьные доклады, студенческие доклады и любые другие доклады, которые готовятся учащимися высших и средних учебных заведений по заданию преподавателя или учителя.

Остановимся на понятие учебного доклада. Как правило, учитель формирует темы докладов на основе учебного материала, который не рассказывается на занятиях, а выносится на самостоятельное изуче-

ние учащимися, поэтому заслушивание докладов, сделанных учащимися, позволяет предметнику не только успешно дополнить лекционный материал, но и оценить умение учащихся самостоятельно работать с учебной литературой и научными текстами. Учащийся в ходе подготовки доклада на тему (ту или иную) приобретает новые знания, формирует важные научно-исследовательские умения, осваивает методы научного познания, совершенствует навыки публичного выступления.

При подготовке к докладу необходимо сообщить учащимся, что формат доклада может быть как простым, с заголовками по темам, так и более сложным: в него могут включаться диаграммы, таблицы, рисунки, фотографии, рефераты, резюме, приложения, сноски, ссылки, гиперссылки. Структура доклада, как правило, индивидуальна и зависит от особенностей научной работы и темы доклада, однако традиционно включает в себя три части: вступление, основную часть и заключение (выводы).

Во вступлении формулируется тема доклада, определяется место рассматриваемой проблематики среди других научных проблем и подходов, даётся краткий обзор источников, на материале которых раскрывается тема и содержание темы. В основной части излагается самый важный материал в форме связного, последовательного, доказательного повествования, лишённого ненужных отступлений и повторений. И наконец, в заключении подводятся итоги, формулируются выводы, подчёркивается значение исследуемой проблемы в перспективном плане.

В нашей статье мы обратимся к учебному докладу, обучение которому по программе происходит в 9 классе, но уже в 8 классе учащиеся могут готовить связное высказывание в форме доклада.

Мы предлагаем обучать учеников 9 класса докладам на темы по истории языка. В этом плане можно обратиться к объёмным текстам по этимологии языка, которые есть в упражнениях школьных учебников по русскому языку.

В качестве отправной точки мы используем упражнения, где требуется подготовить доклад на материале словарей (например, это может быть «Этимологический словарь по русскому языку» Т.А. Бобровой, Н.М. Шанского). Материал этимологических словарей позволяет учащимся рассказать о происхождении слов.

Возьмем упражнение № 2 из 8 класса: «Составьте опорный конспект для пересказа. Устно перескажите текст» [2, с. 3]. Взяв отрывок

из энциклопедии «Русский язык» о распространении русского языка в странах Европы и Азии. Учащиеся знакомятся с формой доклада на лингвистическую тему.

Можем предложить такое упражнение № 6 из учебника по русскому языку для 9 класса со следующим заданием: «Прочитайте текст о замечательном собирателе русского языка В. И. Дале. Что нового и интересного вы о нем узнали? Расскажите об этом одноклассникам. Напишите подробно о заслугах Даля как лексикографа. Используйте в своем высказывании цитаты» [3, с. 6]. На наш взгляд, учащиеся могут подготовить доклады на следующие темы: «Оренбургские слова в словаре Даля», «В. И. Даль и его известный «Толковый словарь живого великорусского языка», «В. И. Даль как этнограф и собиратель фольклора» и др.

Например, учащиеся могут выбрать слова с пометкой «оренбургское» из словаря В.И. Даля и подготовить сначала этимологический этюд, в котором расскажут об их значении. Мы представляем несколько слов с пометкой «оренбургское» для этимологического этюда:

ОБИХАЖИВАТЬ - обиходить что, сев. и вост. избихаживать, охаживать, ухаживать около чего, ходить старательно за чем, присматривать и делать самому. Садовники обихаживает яблони. Хозяйка обихаживает дом. Кто у вас обиходит дом или в доме? кто хозяйка? У меня еще посуда не обихожена, не вымыта, горшки не парены. Обихаживай (ухичай), ворона, свое гнездо! | -ся, быть обихаживаему; | управлять в доме, хозяйничать. Обихаживание длит. обихожение окончат. обиход м. обиходка ж. об. действ. по глаг. | Обиход, хозяйство, домашнее или ремесленное, промысловое, в знач. дела и предмета его, всех принадлежностей. У них обиход хорош, порядочное и опрятное хозяйство. Старшая сноха большухой у них, правит обиходом. Надо обзавестись всем обиходом, хозяйством. К обиходу можно причислить ужожи, все хозяйственные строения. Рудный обиход, добыча руд, выплавка из них металлов. Молочный обиход, уход за скопами, всякая обработка их. Свекловичный обиход, весь уход за ней и добыча сахару. У них в дому ни обиходу, ни вручья, ничего нет, голо. Вдовый обиход не уход. | Обиход, текущая потребность, потребление, расход. Обиход наш сто рублей в месяц. У нас в обиходе, кругом, по пуду хлеба в день. Это про свой обиход, домашний. С вашим обиходом (расходом) нам не тягаться. Без ухода нет обихода. Держи обиход по промыслу и добытку. Обиходный, к обиходу относящ. Это обиходное дело, нужное, необходимое, всегда в руках или в ходу и в деле. | Непраздничный,

будничный, ежедневный, ежедневный, об одежде. | Хозяйственный, порядливый, опрятный, чистоплотный. Они живут обиходно. Обиходное вручье, весь хозяйственный скарб, вещи в дому. Обиходная, обиходливая хозяйка, порядливая, опрятная. У ее везде в доме обиходно, все обихожено. В последнее время многие, с чьей-то легкой руки, стали писать обыденный, вм. обиходный, искажение крайне ошибочное. Обиходчивый, обиходливый; | требовательный, взыскательный по обиходу, по чистоте и опрятности. Обиходность ж. свойство обиходного, опрятность; обиходливость, склонность, охота к обиходности; обиходчивость, требовательность по сему. Обиходство, обиход и обиходность, самое дело, качество и предмет. Хозяйка вышла по обиходству, по хозяйству. В тебе нет обиходства, обиходности или обиходливости. Обиходник, заботливый хозяин; | мастер, старательный и опытный ухаживатель, обихаживатель; обиходец, то же, а также | умалит. обиход. Не стает у нас обиходца, скудно живем. Найдите-ка мне обиходца на кожевенный завод, хорошего мастера. | Обиходник также будничник, будничная, рабочая, ежедневная одежда, зипун, тяжело, обиванец. Обиходчик м. каждодневный гость, всегдашний посетитель, товарищ, сотрудник, всегда бывающий в доме, но не живущий в немецк. Обиходчик гостиницы или иного заведения, всегдашний посетитель (*habitué*). Обиходница ж. добрая, опрятная хозяйка, путная хлопотунья, вытомойница, скопидомка. | оренб. уф. праздная шатунья: либо это говорится в насмешку, либо берется в знач. ежедневной ходьбы, шатанья. Эта корова не переходница, а обиходница, почти не ходит межмолок, доит круглый год. -ников, -ницын, -чиков и пр. все, что их, что им принадлежит. Обиходничать, обиходить по дому, по хозяйству. Она занята теперь обиходничанием, по обиходству. Обиходовать чем или с чем, орудовать, обходиться, управляться, заведывать. Она обиходует горячим, готовит чай, кофей [1, с. 250].

МОМРА ж. оренб. сиб. темнота, потемки, темь, мрак, мрачность, пасмурность с туманом; сухой туман. [1, с. 220]

КУРПЯ ср. вор. курпяч м. оренб. татарск. овца, ягня, ягненок. Курпей м. курпейка ж. тамб. курпяк м. вор. бырка, ягнячья овчина, смушка, мерлушка. Курпейный, курпейчатый, смушчатый. Курпечий астрах. ягнячий. [1, с. 185]

В 9 классе предлагается задание из учебника (упр. 94), связанное с этимологией русских слов [3, с. 59]. Ученики читают о термине «этимология», узнают о трех её значениях и что эта наука изучает. Дается отрывок из работы Н. М. Шанского про этимологические неожидан-

ности на примере слова самбо. Слово *самбо* не иноязычное, как многие ошибочно думают, а «наше» слово, оно сложносокращенное – «са-мозащита без оружия»; общеизвестный и частотный фразеологизм и смех и грех имеет в качестве антонима нерифмованный вариант – и смех и горе, и он, по мнению ученого, появился раньше.

Девятиклассникам предлагается подготовить устный доклад на данную тему, поразмыслить, почему этимология вызывает интерес. Ребята берут основу из учебника, а основная часть составляется по материалам из словаря.

Следующее упражнение (№178) из учебника для 9 класса: «Подготовьте доклад на тему «Толковый словарь – картина мира». Продумайте его начало, основную часть и заключение. Используйте в качестве примера толковый словарь учебника» [3, с. 115-116].

При подготовке доклада учащиеся учатся соблюдать его структуру и используют материал из толкового словаря. Перед выполнением задания из упражнения № 177 ученики знакомятся с текстом про Сергея Ивановича Ожегова и его толковым словарем русского языка. [3, с. 114].

Тематика докладов может быть самой разнообразной. Например, «Русский язык в системе восточнославянских языков», «Международное значение русского языка», «Начало славянской письменности», «Кирилл и Мефодий – первые учителя славян» и др.

Главной задачей, таким образом, при обучении докладу как жанру учебно-научной речи является повышение интереса к славянским языкам, расширение лингвистического кругозора учащихся об этимологии, стимулирование к изучению вопросов происхождения русского языка в будущем, в старших классах или во внеурочной деятельности школьников.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
2. Русский язык: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений /Л. А. Тростенцова, Т.А. Ладыженская, А.Д. Дейкина; науч. ред. Н.М. Шанский. – М., 2014. – 237 с.
3. Русский язык: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений /Л. А. Тростенцова, Т.А. Ладыженская, А.Д. Дейкина; науч. ред. Н.М. Шанский. – М., 2014. – 204 с.
4. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Авторы Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. Печатное издание М.: Издательство ИКАР, 2009. – 118-120 с.

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЗАЧИНЕ ТЕКСТА

Текст как лингвистическая единица недостаточно изучен с позиций его целостной организации. Зачин текста привлекает внимание лингвистов как позиция, заполняемая стереотипными предложениями, например, общеизвестные повторяющиеся зачины сказок, но в художественных произведениях малой формы зачины изучены недостаточно детально даже с синтаксической стороны, не определен репертуар единиц, которые могут встретиться в начале текста и получить дальнейшее содержательное и формальное развитие. Да и границы зачина пока исследованы недостаточно.

Зачин занимает в тексте определенный объем. А как именно этот первый и коммуникативно значимый фрагмент текста оформлен лингвистически, пока не слишком ясно. В большом по объему тексте его зачин составляет больший словесный объем. В текстах-миниатюрах, вероятно, тоже должны быть в разной степени повторяющиеся приемы организации зачина. Зачин в структуре текста, как показывают лингвистические исследования, посвященные организации цельного и отдельного текста, занимаемый пропорциональный к целому объем, составляющий довольно устойчивую величину: 0,146 от размера всего текста, независимо от его реального размера, то есть важны целостно-пропорциональные композиционные соотношения, характер вписанности зачина в текст¹. Поэтому актуальность темы данной работы обусловлена необходимостью более детального изучения лингвистических свойств зачина как компонента макроритма текста.

В качестве материала исследования использованы 200 текстов-миниатюр из сборника В.А. Солоухина «Камешки на ладони»². В работе использован принципиально одноаспектный языковой материал, чтобы установить общность макроритмической организации текстов, относящихся не только к одному функциональному стилю, но и близкие по формату. Тексты были отобраны по порядку, исключением стали тексты, содержащие одно предложение их всего 10, в них зачин будет первым сегментом текста-предложения. По нашим данным средний размер текста-миниатюры составил 82,705 слова, а средний размер зачина 12,075 слова, что соотносимо, например, со средним размером предложения в прозе А.С. Пушкина.

Таким образом, для отождествления структуры текста значим характер границ предложения относительно эвристических позиционных срезов. Границы предложения и зачина более компактны слева, нежели справа от расчетной границы. Расширение материала по авторам, жанрам, форматам позволит более точно проверить описанные качества границ зачина.

А теперь обратимся к синтаксической содержательности зачина. Нами были проанализированы все первые предложения исследуемых текстов. Способы вхождения предложений в зачин, а также их синтаксическая характеристика различны, некоторые данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Способы вхождения первого предложения текста в зачин

№	Первое предложение	Характеристика
1	В юности, в начале творческого пути, у поэта иногда / вдруг получают такие перлы искусства, которые изумляют всех.	Часть предложения входит в зачин. Предложение: сложноподчиненное с придаточным изъяснением.
2	Можно исследовать химический состав, технологию производства, рецепты, тайны мастерства и все точно узнать: почему фарфоровая чашка звенит / красиво и ярко, а просто глиняная издает глухой звук.	Часть предложения входит в зачин. Само предложение: сложное, состоит из трех частей, первая и вторая часть соединены без союза, вторая и третья части противительным союзом «а»
3	Если около пчелиного улья поставить смородиновый, скажем, сироп, то он повлияет на качество меда, на его витаминность, потому / что пчелы будут сироп пить и незаметно подмешивать в натуральный, цветочный, собственно пчелиный мед.	Часть предложения входит в зачин. Предложение: сложноподчиненное с придаточным причины.
4	Почему герои «Мертвых душ» вот уже стольким поколениям читателей кажутся удивительно яркими, выпуклыми, живыми?	Предложение полностью входит в состав зачина. Предложение: простое, распространенное, вопросительное.

Характер предложений оказался различным с синтаксической точки зрения. Так, в проанализированных 200 текстах с синтаксической точки зрения выявлены типичные и единичные случаи применения предложения в данной позиции. Граница зачина обозначена знаком (/), первое предложение – полужирным шрифтом.

Нужно попасть камнем в цель на далеком расстоянии. У человека, умеющего далеко кидать камни, при / этом будет одна лишь трудность – попасть. Докинуть до цели для него не проблема. Это для него – само собой разумеется.

Если же человек едва-едва ^ добрасывает камень до нужного места, то где уж ему попасть.

Литературная техника, собственно литературное ремесло, и есть вот это умение «докинуть».

Нужно, чтобы **все** эти рифмы, внутренние рифмы, разноударные рифмы, мужские и женские рифмы, ассонансы, аллитерации и прочее, нужно, чтобы это не было проблемой, а было как умение ^ легко докинуть камень до цели. Тогда вся энергия сосредоточится именно на том, чтобы попасть в цель.

Часть предложения вошло в зачин в 119 текстах, например:

Ко всему /, что я описал в ^ своих книгах, у **меня** притупляется интерес в жизни. ^ Шагреневая кожа.

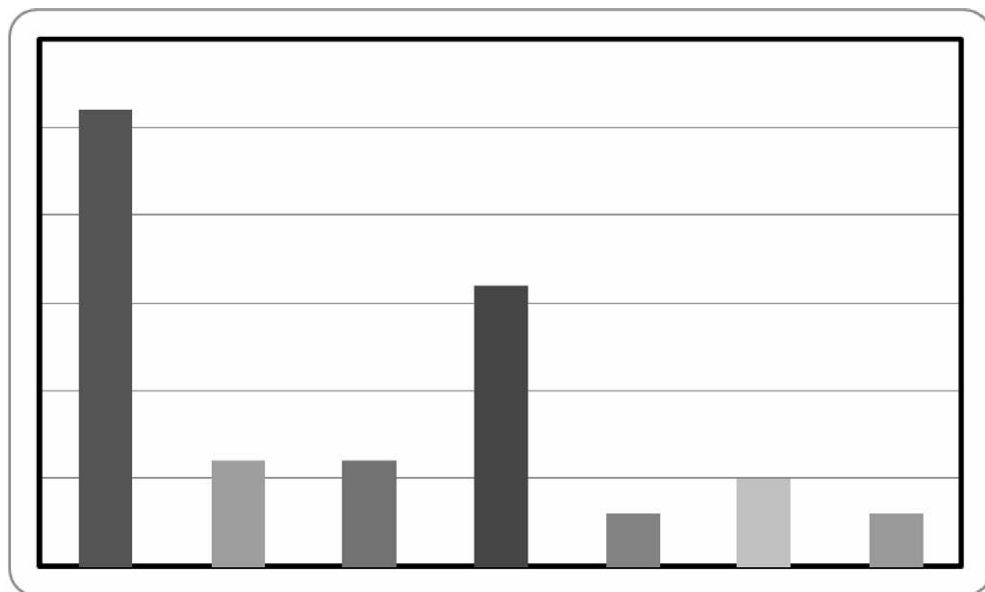

Рис. 1. Типы сложноподчиненных предложений в зачине

И в 16 случаях в зачин входят предложения с прямой речью:

Писатель мне говорит: «Пишу сейчас книгу. / Форма – дневник. Впрочем, никто не будет обращать внимания на [^]то, как книга написана, все будут поглощены смыслом».

Так-то так. Но все же, чтобы люди не замечали, как книга написана, нужно [^]единственное условие: она должна быть написана хорошо.

Таким образом, говоря о зачине и о границах зачина в тексте-миниатюре, можно сделать вывод, что размер зачина индивидуально соотносится с размером каждого конкретного текста, а следовательно, степень вхождения предложения в зачин напрямую зависит от размера конкретного текста.

По нашим подсчетам в 65 зачинах, анализируемых текстах, входят сложноподчиненные предложения. Сложноподчиненные предложения делятся на следующие типы: изъявительное (26 предложений), условия и образа действия (по 6), времени (16), цели и места (по 3 предложения), причины (5).

Односоставные предложения в зачинах также встречаются (рис. 2). В данном рисунке отображено количество и разновидность односоставных предложений в зачинах текстах. Так, осложненных односоставных предложений вошло в количестве 12. Односоставных предложений без осложнения вошло в количестве 32. Таким образом, получи-

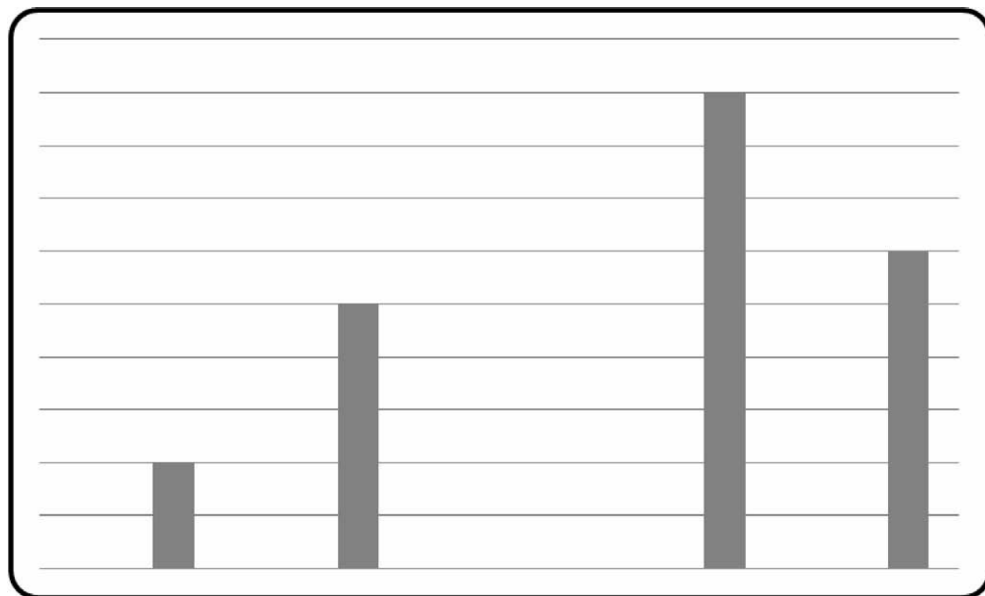

Рис. 2. Односоставные предложения в зачинах

лось, что в зачины вошло 44 односоставных предложений. необходимо отметить, что двусоставных предложений в 60 зачинах. Так, всего простых предложений в 104 зачинах, а сложных предложений и их разновидностей всего в 78 зачинах (СПП – 65 + ССП – 13).

Простые предложения, которые полностью или частично входят в зачин текста, являются, как правило, частью текста небольшого размера: **У него / ладный, хорошо работающий ^ поэтический аппарат. Но ему нечего в этот ^ аппарат запускать.**

А сложные предложения и их разновидностями являются частью большого по размеру текста. То есть просматриваются скрытые пропорциональные самоподстройки целого текста и начального предложения:

Сколько людей на свете, столько и понятий о счастье, потому что счастье состоит в удовлетворен / запросов, а запросы бывают разные. Русская пословица говорит: «У каждого по горю, да не поровну. У одного похлебка жидка, у другого жемчуг мелок». ^ То же можно сказать о счастье.

Тем не менее. у любого счастья существует фон, или, вернее, основа, и есть подробности крупных планов.

Наиболее прочной и, вероятно, единственно прочной основой является глубокая удовлетворенность главным делом своей жизни, которое тоже у каждого человека свое.

Личные, повседневные огорчения и радости (подробности крупного ^ плана) могут, конечно, на время заслонять основное. Но при отсутствии основного они не могут составить счастья.

Анализ миниатюр В.А. Солоухина показывает отсутствие синтаксически четко выраженной границы зачина. В зону зачина может входить как часть предложения, так и целый абзац, но пропорциональные соотношения размеров зачина и текста сохраняются. Это важное свойство макроритма текста.

Таким образом, тип предложения индивидуально соотносится с размером каждого конкретного зачина, а размер зачина соотносится с размером конкретного текста и возможно лишь пропорциональное выделение данного интервала текста, что хорошо работает на материале текстов-миниатюр. Функциональная значимость зачина проявляется в виде его отношений к остальному тексту и его отдельным композиционно-тематическим частям – медиальной части и концовке.

Расширение материала по авторам, жанрам и т.п. позволит более точно проверить описанные качества границ зачина. Тип предложе-

ния индивидуально соотносится с размером каждого конкретного зачина, а размер зачина соотносится с размером конкретного текста и возможно лишь пропорциональное выделение данного интервала текста, что хорошо работает на материале текстов-миниатюр.

Говоря о зачине и о границах зачина, можно сделать вывод, что размер зачина индивидуально соотносится с размером каждого конкретного текста, а следовательно степень вхождения предложения в зачин на прямую зависит от размера конкретного текста.

Примечания:

¹ Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.

² Солоухин В.А. Камешки на ладони. – М: Детская литература, 2002.

Лемешева М. А. (г. Оренбург, Россия)

**КОНСТРУКЦИИ С СИНТАКСИЧЕСКИМ
ПАРАЛЛЕЛИЗМОМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Синтаксический параллелизм – это повтор одинаковых синтаксических конструкций. Следовательно, синтаксический параллелизм – особый текстообразующий, композиционный приём, который, в свою очередь, может организовывать симметричную или асимметричную композицию. Такой параллелизм также может подчёркиваться анафорой, эпифорой или симплокой, может быть задействован автором для создания сходства или оппозиции отрезков речи. Благодаря этому возникает особый стилистический эффект.

Приведём определение Г.Я. Солганика: «Параллелизм – это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений, одинаковое расположение в них сходных членов предложения».¹ Конструкции с синтаксическим параллелизмом достаточно широко и вариативно употребляются в поэтическом тексте. Мы рассмотрели 85 поэтических текстов Ф.И. Тютчева и А.А. Фета, где довольно широко представлены конструкции с синтаксическим параллелизмом (данные см. в табл. 1).

Для текстов рассматриваемых авторов характерно довольно большое разнообразие применения конструкций с синтаксическим параллелизмом, поэтому в данной работе будут рассматриваться только повторы главных членов предложения: подлежащего и сказуемого

Таблица 1. Классификация конструкций с синтаксическим параллелизмом в произведениях Ф.И. Тютчева и А.А. Фета

Кол-во компонентов/ виды конструкций		2	3	4	5	6	8	10
Однородные	1) СП - СП...	9	4	2		1	–	–
	2) ПС - ПС...	27	4	4	1	–	–	–
	С анафорой	19	12	5	4	–	–	–
	Полный повтор	3	1	2	1	1	–	–
	С лексической заменой	2	–	3	–	–	–	–
Неоднородные	1) СП - ПС	2	2	5	1	–	–	2
	2) ПС - СП...	1	3	3	1	1	1	–
	С анафорой	5	3	2	–	1	–	–
	С лексической заменой	–	1	–	–	–	–	–
Сумма		39	13	14	3	2	1	2

(далее – П и С), образующие синтаксическую основу русского текста. Мы проанализируем структурные и композиционные вариации конструкций с синтаксическим параллелизмом в поэтическом тексте, а также попробуем классифицировать материал с учётом качественных и количественных модификаций параллелизма: с повторами и без повторов лексики, по количеству повторяющихся конструкций, по роли параллелизма в структуре текста.

Приемы структурной организации конструкций с синтаксическим параллелизмом разнообразны. Можно условно разделить их по качественным параметрам: однородность и неоднородность повторения конструкций с учетом наличия/отсутствия в них лексических замен отдельных слов, а также односоставность и двусоставность по наличию главных членов предложения. Конструкции с параллелизмом обладают также и количественными признаками, поэтому их можно классифицировать по количеству повторяющихся звеньев (от парного повторения до 10 повторяющихся компонентов в одном тексте). В этой работе мы рассмотрим однородные и неоднородные двусоставные конструкции.

Итак, основой синтаксического повтора является параллелизм главных членов предложения, а все качественные и количественные модификации рассматриваются на фоне сохранения или изменения син-

таксической модели предложения. Как отмечает Д.Н. Шмелев, одним из первых обративший внимание на качественно-структурную неоднородность конструкций с синтаксическим параллелизмом в поэтической речи, «всякое повторение тождественных элементов в художественном тексте, если это только не аморфная тавтология, осуществляется по контрасту с какими-то различиями, а следовательно, само становится фактом усиления»². Параллелизм структурный всегда сопровождается каким-либо приемом: интонация, лексические замены, порядок компонентов и т.д.

В таблице 1 представлены несколько видов построения конструкций с синтаксическим параллелизмом. Это однородные и неоднородные конструкции, которые классифицируются, в свою очередь, на основе расположения главных членов относительно друг друга и количества групп главных членов в поэтическом произведении.

Сначала рассмотрим однородные конструкции, соответствующие схеме ПС – ПС, то есть, по терминологии Г.Г. Москальчук, симметричные повторы без изменения порядка главных членов предложения.³ Данный способ является наиболее распространённым видом построения в рассмотренных стихотворениях Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. Характерны однокомпонентные и двухкомпонентные конструкции ПС – ПС, разнообразные по наличию или отсутствию других композиционно-стилистических средств, таких, как анафора, лексическая замена, тождество синтаксических отрезков. Часто встречаются случаи дистантного параллелизма; однако любопытнее будет остановить внимание на одной из четырёхкомпонентных конструкций, содержащей в себе едва ли не всё разнообразие этих самых средств:

Моего тот безумства желал, кто смежал

Этой розы завой, и блески, и росы;

Моего тот безумства желал, кто свивал

Этим тяжким узлом набежавшие косы.

(А. Фет)

Помимо того, что в строфе наблюдается случай дистантного параллелизма, видно ещё и то, что одна строка стихотворения сочетает в себе два синтаксических отрезка в составе сложноподчинённого предложения (явление двойного параллелизма в строке). Первая и третья конструкция представляют собой синтаксическое и лексическое тождество. Вторая и четвёртая конструкции же лексически отличаются лишь сказуемым, что подчёркивает их интонационно-смысловое различие.

Теперь рассмотрим однородное построение, соответствующее схеме СП – СП, на примере одной из двухкомпонентных конструкций:

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
В тихих струях опрокинуло лес.

(А. Фет)

В первых двух строках даны полностью симметричные синтаксические отрезки, построенные по схеме: **обстоятельство – сказуемое – определение – подлежащее**. Следующий синтаксический отрезок, занимающий две последние строки, представляет собой другую структуру, в которой, однако, частично отражается синтаксический строй первых двух фраз (*с гнезд – с листьев – с прозрачных... небес*).

Помимо однородных по строению синтаксических конструкций мы выделили также неоднородные, которые также подразделяются на различные виды соответственно своеобразию своего строения и количеству звеньев в тексте.

Многообразии видов построения синтаксического параллелизма в неоднородных конструкциях значительно, поэтому обратим внимание на две интересные в структурном плане группы: первая представляет собой конструкции, в которых изначально расположение главных членов соответствует схеме СП, а затем трансформируется в схему ПС. Дальнейшее расположение главных членов не учитывается.

Вторая группа представляет собой противоположное явление: изначальное расположение ПС изменяется на СП. Иными словами, возникают зеркально-симметричные расположения главных членов предложения (Москальчук). По количеству повторяющихся звеньев в составе одной конструкции может варьироваться от двух до десяти.

Представим пример конструкции, относящейся к первой группе: СП – ПС:

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;

(Ф. Тютчев)

Данная четырёхкомпонентная конструкция соответствует схеме СП – СП – СП – ПС. Таким образом, построение почти полностью тождественно, однако последняя строка колеблет это тождество нарушением порядка членов фразы. В первых трёх синтаксических отрезках

мы наблюдаем наличие анафоры, выраженной словами «*как ни*», которые в четвёртом отрезке перемещаются в середину фразы, разделяя собой подлежащее и сказуемое. Ещё одно отличие четвёртого отрезка в том, что сказуемое в нём выражено кратким прилагательным, тогда как в предыдущих – глаголами.

Вторая группа по строению противоположна первой, то есть соответствует началу схемы ПС – СП. Рассмотрим шестикомпонентную конструкцию:

**Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!**

(А. Фет)

Схема данного фрагмента: ПС – СП – ПС – СП – СП – ПС. 1 и 2 и 6 компоненты серии повторов зеркально симметричны, а 2, 4, 5 – симметричны, то есть сохраняют установившийся синтаксический рисунок стихотворения. Мы можем отметить также практически равномерное чередование порядка главных членов в отрезках, а также чередование выражения сказуемых то глаголом, то кратким прилагательным. Колебание наблюдается только в пятом звене. Параллелизм подчёркнут анафорой (*как...*), а синтаксические отрезки в совокупности представляют собой бессоюзное предложение, что усиливает однотипность интонации перечисления, нарушаемой к концу серии, так как устанавливается исходный порядок главных членов предложения (ПС).

На основе проведённого исследования можно сделать следующий вывод: чаще всего встречаются конструкции, отнесённые к первой группе, то есть случаи, когда положение главных членов, соответствующее схеме СП, меняется на положение, соответствующее схеме ПС. Это говорит о том, что авторы склонны были в начале стихотворений применять инверсию, что позволяет делать особое смысловое ударение то на подлежащем, то на сказуемом. Отсюда следует, что поэтическим произведениям этих авторов более присущ описательно-повествовательный характер, что обнаруживается по характерному рисунку расположения в тексте подлежащего и сказуемого. Порядок главных членов предложения типа СП сменяется экспрессивным расположением-контрастом (СП – ПС), или сохраняется. Возникает причудли-

вый синтаксический фон, вносящий разнообразие в структуру поэтического текста.

Также можно отметить, что чаще всего однородность конструкций колеблет небольшое количество звеньев – один или два. Это указывает на то, что авторы тяготеют к однородным синтаксическим построениям, нежели к неоднородным.

Примечания:

1. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М.: Флинта; Наука, 1997. – С. 71.
2. Шмелев Д.Н. Об асимметричном параллелизме в поэтической речи // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 8.
3. Москальчук Г.Г. Асимметричный параллелизм в диалектной речи // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №11. С. 56.

Амерханова А. Р. (г. Оренбург, Россия)

**КОМПОЗИЦИОННАЯ РОЛЬ ПОВТОРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ
ТЕКСТА ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ**

В последние десятилетия исследование Библии в лингвистическом аспекте привлекает внимание многих западных и отечественных учёных. Существуют работы, посвящённые изучению специфики текста Священного Писания: язык молитв и проповедей, отдельные языковые реалии, специфика функционирования различных языковых тематических групп. Также исследования посвящены изучению особенностей перевода Библии на отдельные языки; некоторые работы носят сопоставительный характер; есть и статьи, затрагивающие вопросы грамматики библейских текстов¹.

Библеисты всё чаще ставят своей задачей обращение к тексту как к таковому, и всё реже – реконструкцию той реальности, которая предшествовала тексту. В текстах Священного Писания каждый из уровней текста (звук – слово – предложение – абзац – текст) обладает собственным значением, особым смыслом. Поэтому анализ распределения в тексте повторяющихся элементов позволяет выявить тематическую и композиционную роль данного приема в организации текста с повышенным потенциалом воздействия на читателя.

Композиция текста – это схема организации и структурной упорядоченности целого текста, отражающая строение, соотношение и взаимное расположение его частей, членение на смысловые элементы,

степень и характер выраженности этих элементов, порядок их следования и взаимосвязь между ними². Композиция любого произведения определяет его целостность, завершённость и единство. Каждая композиционная единица обеспечивает выделение главного смысла текста. В Евангелии от Матфея одной из таких композиционных единиц являются лексико-синтаксические повторы.

На материале синодального перевода Евангелия от Матфея, состоящего из 28 глав, нами изучались особенности лексико-синтаксических повторов в тексте, выявлялись их композиционные функции. Для этого выявлялись путем сплошной выборки и классифицировались некоторые характерные для данного произведения повторы, подсчитывалось их количество в каждой из глав, вычислялось среднее арифметическое встречаемости повторов в главах.

Гипотеза исследования заключается в следующем: в тексте Евангелия от Матфея в зависимости от уровней языка и позиции, занимаемой в тексте, используются различные виды повторов, которые играют композиционно-организующую роль.

В работе применяется описательный метод, включающий наблюдение над фактами, их классификацию, описание и интерпретацию. Анализ свойств и функции выявленных в данном тексте четырех типов повторов сопровождается приемами моделирования, раскрывающими особенности поведения повторов не только в отдельных главах, но и в макротексте Евангелия от Матфея, для чего использованы статистические данные.

Повторение в тексте различных единиц достаточно хорошо изучено, но тем не менее, потенциал данного приема организации текста, на наш взгляд, не исчерпан. В данном исследовании мы сосредоточились на лексико-синтаксических повторах. Лексический повтор – это повторение одного и того же слова или использование однокоренных слов в нескольких рядом стоящих предложениях или в одном предложении. Синтаксический повтор – это повтор синтаксических конструкций одной структуры или их частей.

Оба вида повтора могут быть как недостатком речи, так и средством художественной выразительности. Часто говорят о лексико-синтаксическом повторе, так как оба вида повтора могут присутствовать в тексте или в речи.

Наполняя текст, повторы создают его структуру, особый композиционный ритм. Это связано с определением главных смыслов произведения, фокусированием внимания читателя на них, усилением эс-

тетического эффекта, установлением значащих связей между смежными и дистантными элементами текста, обеспечением его связности и запоминаемости³. В ходе нашего исследования было выявлено четыре типа повторов, наиболее частотных в Евангелии от Матфея:

- 1) повтор однокоренных и/или одних и тех же слов в одном предложении, либо в соседних предложениях;
- 2) повтор существительных имен собственных в одном предложении и/или в соседних предложениях;
- 3) повтор по типу рефрена на протяжении всей главы, либо всего текста Евангелия;
- 4) повтор нескольких союзов в одном предложении.

В процессе анализа Синодального перевода Евангелия от Матфея на русский язык, мы визуальнo выделяли повторяющиеся компоненты. Затем подсчитывалось их количество в каждой из 28 глав Евангелия от Матфея.

Установлена неравномерность присутствия рассматриваемых нами повторов на протяжении текста.

Так, например, активно используется рефрен как способ выражения важнейших идей, передаваемые автором текста.

В тексте Евангелия от Матфея рефрены ни разу не повторяются в единственной главе, а именно в четырнадцатой. Следовательно, мы можем предполагать, что повторы такого типа несут здесь не просто важную, но одну из основных смысловых нагрузок.

Среднее арифметическое повторов по типу рефрена составляет 8,5 в одной главе, но в Евангелии встречаются главы с 23, 20, 19 рефренами в главе (главы 5, 13, 25). Характерна периодичность подъемов или спадов в употреблении данного приема. Так, например, с 1 по 13 гла-

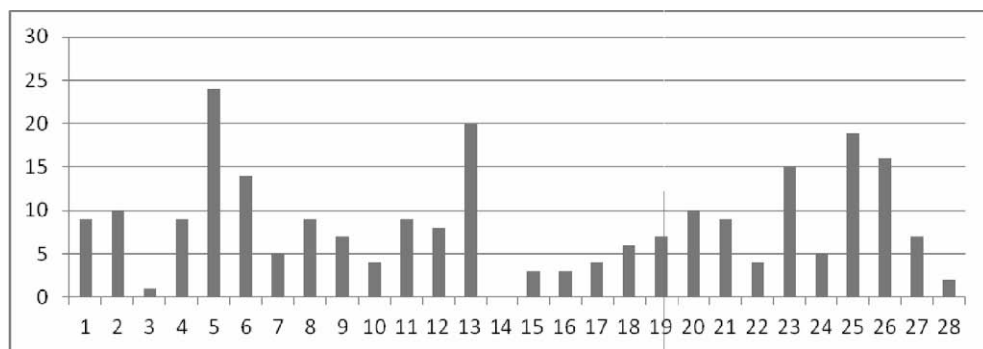

Рис. 1. Повтор по типу рефрена на протяжении всего текста Евангелия

вы употребительность рефренов превышает среднюю их плотность по всему тексту.

Рассмотрим пример одного из таких повторов. В Нагорной проповеди (глава 5) несколько раз звучит такая фраза: «Вы слышали, что сказано древним... а Я говорю вам». Здесь в словах Христа слышен голос личности, осознавшей своё право создавать новый закон. И он неустанно подчёркивает это право, что и выражается в рефрене. Именно в пятой главе плотность повторов этого типа достигает максимума.

Интересно, что в пятой главе сконцентрированы рефрены как локальные (повторяющиеся на протяжении одной главы), так и сквозные (распространённые по всему тексту Евангелия).

Пример локального повтора рефрена в пятой главе (изложение Девяти заповедей Блаженства):

«Блаженны нищие духом, *ибо их есть Царство Небесное.*

Блаженны плачущие, *ибо они утешатся.*

Блаженны кроткие, *ибо они наследуют землю.*

Блаженны алчущие и жаждущие правды, *ибо они насытятся.*

Блаженны милостивые, *ибо они помилованы будут.*

Блаженны чистые сердцем, *ибо они Бога узрят.*

Блаженны миротворцы, *ибо они будут наречены сынами Божиими.*

Блаженны *изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.*

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня...».

В четвёртой главе:

«Проходя же близ моря Галилейского, **Он увидел двух братьев:** Симона, называемого Петром, и Андрея, **брата его**, закидывающих сети в море [...]

И они тотчас, оставив сети, **последовали за Ним.** [...]

Оттуда, идя далее, **увидел Он** других **двух братьев**, Иакова Зеведеева и Иоанна, **брата его** [...]

И они тотчас, оставив лодку и отца своего, **последовали за Ним.**».

Пример дистантного сквозного повтора: «...**истинно говорю тебе:** ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта...» (глава 5),

«...**ибо истинно говорю вам**, что многие пророки и праведники желали видеть, что? вы видите, и не видели...» (глава 13),

«Он же сказал им в ответ: **истинно говорю вам:** не знаю вас» (глава 25).

Таким образом, мы пришли к выводу, что, локальные рефрены поддерживают основной мотив конкретной главы, а сквозные являются проявлениями одной и той же темы – темы верности новой, открытой Христом религии.

Другим частотным приемом является полисиндетон – то же, что и многосоюзиe; многократное использование союзов (как правило, сочинительных) в предложении.

В тексте Евангелия от Матфея особенно часто используется сочинительный союз «и». Например: «...Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить...» (глава 26). Союз **и** выполняет объединительную функцию, является гармонизирующим средством. То есть повторение этого союза структурирует текст ритмически, расставляет важные смысловые акценты.

Также в тексте встречаются повторы нескольких разных союзов в одном предложении, например: «...**И** собралось к Нему множество народа, **так что** Он вошел в лодку **и** сел; **а** весь народ стоял на берегу...» (глава 13).

Обычно полисиндетоны используются для достижения плавности речи (вспомним всегда монотонную, замедленную интонацию, которой обыкновенно читают проповеди служители церкви). Благодаря этому реализуется гипнотическая функция языка, функция внушения. Многосоюзиe является актуализатором какого-либо фрагмента текста, или же всего текста в целом. В Евангелии от Матфея эти повторы делят повествование на стихи, а внутри самих стихов выделяют микротемы, структурируют разные системы образов.

Повтор однокоренных/одних и тех же слов в одном предложении / в соседних предложениях выступает заметным композиционно-смысловым средством создания текста. Однокоренные слова – слова (лексемы) с одинаковым корнем, разных частей речи или одной и той же

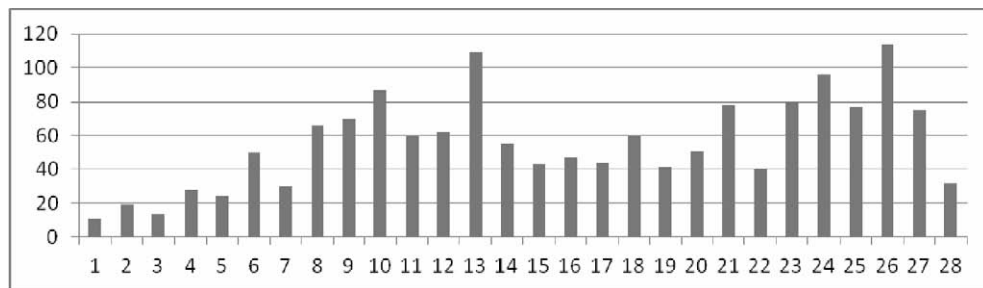

Рис. 2. Повтор нескольких союзов в одном предложении

части речи, но с разными приставками и суффиксами. В тексте Евангелия от Матфея нет ни одной главы, в которой не был бы отмечен этот вид повтора, несмотря на то, что его частотность варьируется от 22 единиц (глава 2) до 220 (глава 5). Среднее арифметическое повторов нескольких союзов в одном предложении *составляет* 55,78 на одну главу. Но в главах 13 и 26 повторения этого типа превышают 100 единиц (размер двух этих глав превышает стандартный, поэтому мы можем полагать, что повторы являются как бы нитями, из которых «сшита» ткань текста Евангелия).

Что мы можем сказать о функциях этого типа повтора? Самой распространённой точкой зрения является следующая: повторяющиеся слова выделяют важную мысль предложения или текста. Это, несомненно, верно. Но повтор не только акцентируют внимание слушателя (или читателя) на какой-то основной идее данного отрезка текста, но и наоборот. То есть повторяющееся слово (однокоренное или то же самое) становится как бы фоном, уже знакомым слушающему, поэтому не столько привлекает к себе, сколько к новым, ранее не произнесённым, словам. В приводимых в Евангелии от Матфея Иисусом Христом притчах постоянно проявляется именно эта функция, например в притче о талантах (гл. 25).

Здесь повторяющимися являются слова «*получивший*», «*талант*», «*пошел*», «*приобрел*», «*другие*», «*пять*» и «*два*». Если выделить их, то получится такая картина: «*Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего*». Из этого примера хорошо видно, что главная информация притчи, её смысловая нагрузка содержится именно в отрезках предложения, лишённых повторов. Предложение как бы имеет полярность, разнонаправленность – в красной части текста, то есть в повторяющейся части текста, разворачивается одна идейная линия, а в неповторяющейся части текста – противоположная. То есть повторяющаяся часть текста служит обрамлением, фоном для новой информации. Среднее количество повторов однокоренных и/или одних и тех же слов в одном предложении/в соседних предложениях равно 106,67 словам на одну главу. Превышение же средней концентрации повторов наблюдается в 5, 6, и 7 главах Евангелия, новый период наблюдается в 10, 12, 13 и в 18 главах, а затем новый ритмический всплеск размещается с 21 по 26 главы (рис. 3).

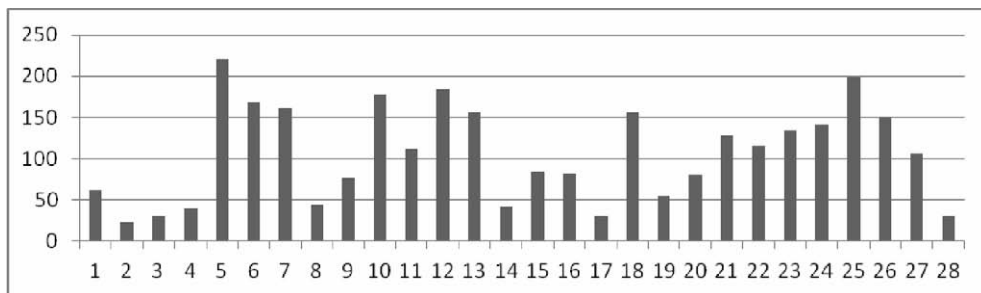

Рис. 3. Повтор однокоренных и/или одних и тех же слов в одном или в соседних предложениях

Таким образом, можно заключить, что в исследованном нами тексте повтор однокоренных и/или одних и тех же слов выполняет функцию акцентирования внимания слушателя или читателя, служит созданию общей идеи и в то же время становится своеобразным фоном, переключающим внимание с одного предмета мысли на другой.

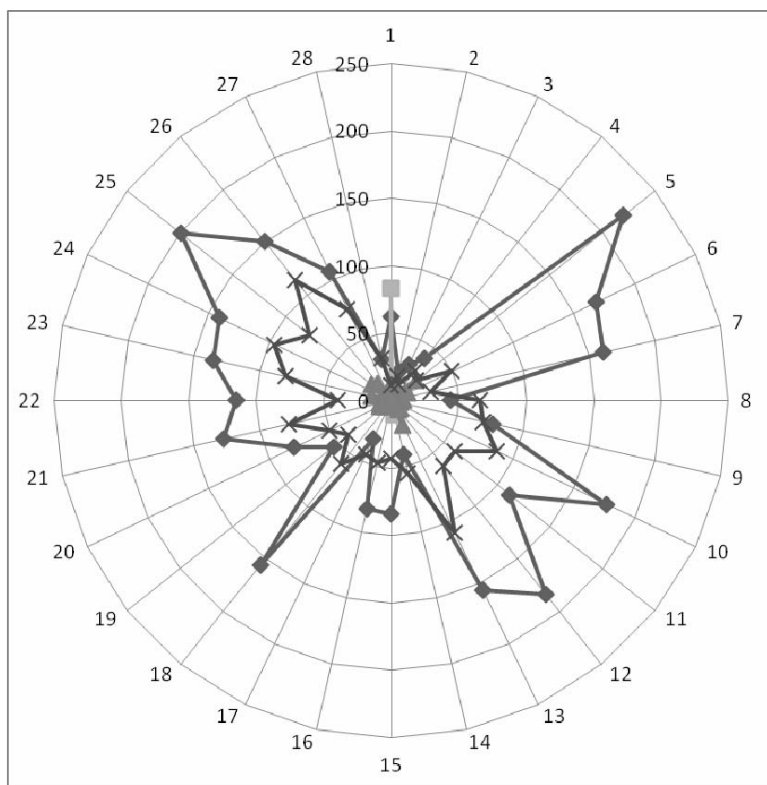

Рис. 4. Взаимодействие различных видов повторов в тексте Евангелия от Матфея

Повторы союзов и однокоренных и/или одних и тех же слов в одном предложении/в соседних предложениях действуют согласованно в 5 – 7, в 21 – 27 главах. Порознь они действуют в 15 – 16 и в 25 главах. При этом повтор союзов идёт на спад, в то время как повтор корней и слов, наоборот, проходит стадию повышения частотности.

Повторы союзов обнаруживают ярко выраженную периодичность: с 4 по 8 главы, затем с 8 по 14 главы, с 17 по 19 главы происходит новый всплеск активности данных повторов., после чего с 19 по 28 главы возникает новый период. Повторы однокоренных и/или одних и тех же слов в одном предложении, либо в соседних предложениях в целом кооперативно взаимодействуют с распределением повторов 1 типа на протяжении практически всего текста, они усиливают и ослабляют друг друга практически синхронно, создавая в макротексте композиционные повторяющиеся эпизоды (рис. 4).

Повторы союзов и имен собственных не столь заметны на фоне основного композиционного самодвижения повторяющейся в тексте информации, но выполняют более локальные задачи, обеспечивая связность текста и единство макросюжета. Таким образом, анализ размещения повторов различных типов вскрывает ритм макротекста, позволяет детально рассматривать композицию текста и повторы, создающие ее на разных этапах развертывания текста

Примечания:

¹ Москалюк О.С. Структурные и семантические особенности канонического пространства и его интертекстуальная адаптивность : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004 158 с. РГБ ОД, 61:05-10/335, [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/strukturnye-i-semanticheskie-osobennosti-kanonicheskogo-prostranstva-i-ego.html> (дата обращения – 12. 04. 2015).]

² Баженова Е.А. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003.

³ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб., 1999. – С. 205.

Николаева А. Л. (Оренбург)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ» ЕРМОЛАЯ ЕРАЗМА

«Повести о Петре и Февронии» – выдающийся образец древнерусской литературы, написанный Ермолай-Еразмом по поручению Мос-

ковского митрополита Макария после канонизации Муромского князя Петра и его супруги Февронии на Московском церковном соборе в 1547 году. Законченный литературный вид повесть «приобрела в письменной обработке, старшие списки которой относятся к XVI в.»¹.

Трудно установить жанр этого произведения, поскольку оно сочетает в себе черты и повести, и жития. «Наличие поэтического вымысла, восходящего к традициям народной сказки, умение автора художественно обобщать различные явления жизни, позволяют рассматривать «Повесть о Петре и Февронии» как начальную стадию развития жанра светской бытовой повести»². Однако, как считает М.О. Скрипиль, «муромское сочинение о Петре и Февронии получило название «жития»³. По принятому определению, «под «житием» разумеют религиозную повесть, изложенную в форме биографии героя, признаваемого церковью святым»⁴. Несмотря на наличие традиционных средств создания жития, «Повесть о Петре и Февронии не попадает в Четьи-Минеи Макария» из-за ее сказочного характера.

В «Повести о Петре и Февронии» значительное место занимают фольклорные мотивы: «традиционные» сказочные герои, композиционные элементы сказок, использование загадок, троекратные повторы. Трудно не согласиться с мнением М. О. Скрипиля о том, что «в повести объединены два народнопоэтических сюжета: волшебной сказки об огненном змее и сказки о мудрой деве»⁵. Первая часть произведения содержит элементы сказки о змее. Для начала определим, что или кого так называли. Огненный змей, который является «в славянской мифологии змеевидным демоном, наделённым антропоморфными чертами», «воплощением стихии огня»⁶. Этого персонажа можно встретить в славянских произведениях устного народного творчества. Как правило, змей «вступает в брак с женщиной (или насилует её), после чего рождается существо змеиной породы», которое впоследствии борется с отцом и одерживает победу над ним. «В заговорах огненный змей призывается как волшебное существо, способное внушить страсть женщине» (этот мотив выражается, на наш взгляд, в двух словах – блуд и наваждение).

В. Я. Пропп в монографии «Морфология сказки» выделяет не сказки о змее, а сказки о змееборцах и рассматривает их сюжетную структуру. Первая часть «Повести о Петре и Февронии» похожа на композицию волшебной сказки: во время отсутствия одного героя (князя Павла) появляется антагонист (змей), который «пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею» (женой князя); затем «жертва под-

дается обману», «реагирует на применение волшебства», таким образом антагонист наносит вред; герою (в данном случае змеборцу, в роли которого выступает Петр) сообщается о случившейся беде; он покидает дом (идет в церковь), ему задают вопросы («Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?»), «герой реагирует на действия будущего дарителя» («он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!»), в его распоряжение попадает волшебный предмет (Агриков меч); происходит борьба между антагонистом и героем, в ходе которой антагонист оказывается поверженным⁷.

Не раз упоминается Агриков меч. Это меч-кладенец (волшебный предмет, «специфический помощник»), принадлежавший Агрику – легендарному герою, сыну и преемнику иудейского царя Ирода. Нахождение Петром меча в церкви Воздвижения честного и животворящего креста весьма символично, «ибо только крестом и можно побороть дьявола. Крест – символ спасения».

Вторая и третья части вводят мотив сказки о мудрой деве. Февронию, центральную героиню повести, можно отнести к этому типу. «Мудрую деву русской сказки, дочь крестьянина, жених или сваты, внезапно вошедшие в избу, обычно находят за пряжей, моющей полы или пекущей блины «в одной рубашке», «неодетой»⁸. Вопросы пришедшего юноши и ответы девы в «Повесети о Петре и Февронии» буквально совпадают с теми, которые имеются в анализируемой нами повести: «Плохо, когда у двора нет ушей, а у избы очей», или: «Не дай, господь, тупой глаз и безухо окно», или: «Кабы у меня быў колокоў на воротах, у мене былі бы глаза на вь окошечке, я б тебе так не сострела, я бы убралась почище, одеяние получше бы надела» [3]. Примечательна в этом отношении речь Февронии, наполненная инсказаниями и представляющая собой загадки, которые обыкновенному человеку трудны для осмысления. По мнению А. Н. Ужанкова, разговор Февронии с юношей, слугой князя, своего рода репетиция будущего состязания в мудрости с самим князем, в котором он проигрывает. Невыполнимые задания царя или князя, направленные на выявление мудрости, дева отклоняет, давая ему такие же невыполнимые поручения; в качестве награды за свои труды она уносит «с собою «просимое», т. е. самого царя»; эти же композиционные схемы есть и в «Повести о Петре и Февронии»⁹.

Четвертая новелла похожа на произведение агиографической литературы больше, чем остальные, однако агиографические элементы в повести не играют существенной роли. Пожалуй, единственным

элементом, связывающим произведение с фольклором, в этой части является одновременная кончина Петра и Февронии (вспомните традиционный конец сказок: и жили они долго и счастливо и *умерли в один день*).

Мотив чуда и чудес, пронизывающий всю повесть (исцеление Петра от струпьев, превращение хлебных крошек в фимиам, предвидение событий Февронией), характерен как для житийной литературы, так и для сказочной. Четкое деление героев на положительных (Феврония, Петр) и отрицательных (летающий змей, бояре), борьба между добром и злом (борьба Петра со змеем), в результате которой побеждает добро, также сближают данное произведение с произведениями устного народного творчества.

Ф. И. Буслаев и А. Н. Веселовский, исследовавшие повесть, установили связь сказания о Петре и Февронии с древнейшими западноевропейскими произведениями». Так, «Ф. И. Буслаев сравнил сюжет сказания с песнями древней Эдды о битве Зигурда со змеем Фафниром и о союзе этого героя с вещей девой Валькирией», а А. Н. Веселовский считал: «повесть о Петре и Февронии возникла под влиянием проникшего на Русь немецкого или скандинавского сказания, подобного и родственного саге о Рагнаре Лодбroke, сюжет которой представляет собою объединение тех же двух мотивов — змееборства и союза с мудрой девой»¹⁰.

«Повесть о Петре и Февронии» принадлежит к числу оригинальнейших высокохудожественных произведений древнерусской литературы. Повесть не связана с какими-либо конкретными историческими событиями, но отражает возросший интерес общества к личной жизни человека, возможно, поэтому в ней так сильны фольклорные мотивы.

Примечания:

¹ Ужанков, А. Н. «Повести о Петре и Февронии Муромских» (Герменевтический опыт медленного чтения). – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/1782.htm>.

² Кусков, В.В. История древнерусской литературы. – М.: Высшая школа, 1998. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/kuskov_lithistory/ch21_all.html.

³ Скрипиль, М. О. Повесть о Петре и Февронии // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. – 1945. – С. 361–367.

⁴ Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин, В. Львов-Рогачевский, М. Розанов, В. Чешихин-Ветринский. – Электрон. текстовые дан. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/>.

⁵ Скрипиль, М. О. Повесть о Петре и Февронии..., с. 363.

⁶ Токарев, С.А. Мифы народов мира. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980.

⁷ Пропп, В. Я. Морфология сказки. – Л.: Academia. 1928. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/pms-001-.htm>

⁸ Скрипиль, М. О. Повесть о Петре и Февронии..., с. 365.

⁹ Ужанков, А. Н. «Повести о Петре и Февронии Муромских» (Герменевтический опыт медленного чтения). – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/1782.htm>.

¹⁰ Скрипиль, М. О. Повесть о Петре и Февронии..., с. 362.

Волкова М. Ю. (г. Оренбург, Россия)

«СЛОВО О ХМЕЛЕ» КАК ДРЕВНЕЙШЕЕ ОРИГИНАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СМЕХОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Слово о Хмеле» – памятник литературы Древней Руси второй половины XV века. Это не единственное его название. В различных рукописях мы можем увидеть такие заголовки, как: «Слово о высокоумном Хмеле», «Слово о высокоумном Хмелю и худоумных и нестройных пияницах», «Слово Кирилла-философа ко всякому человеку», «Слово святаго философа о Хмелю», «Повесть дивна древних и премудрых мужей о Хмеле». Изучением данного памятника занимались известные русские учёные – Ф.И.Буслаев, И.И. Срезневский, А.Н.Веселовский, М.О.Скрипиль, С. Смирнов, Д.С. Лихачев и др.

«Слово ? Хмеле» в ряду аналогичных произведений, осуждающих пьянство, широко распространено в древнерусских рукописных сборниках. Оно предостерегает читателей от пагубного пристрастия к хмельному питию, рисует несчастья, грозящие пиянице – обнищание, лишение места в социальной иерархии, потерю здоровья, отлучение от церкви. ? «Слове» соединено гротескное обращение к читателю самого Хмеля с традиционной проповедью против пьянства.

Исследования текста «Слово о Хмеле» показали, что оно является самым древним в кругу тех сочинений, где Хмель предстает как литературный персонаж и обращается с речью, соединяющей похвалу самому себе и назидание «ко всякому человеку» – князю, боярину, купцу, княжескому слуге, селянину, мастеру, женщине. Этот монолог в произведениях XVII в. получил повествовательное обрамление, но в «Слове» сохранился в чистом виде (самые поздние списки Слова относятся к XIX в.), что является главной отличительной чертой памятника,

так как названия в рукописях не всегда дают возможность определить его¹.

Один из ранних списков произведения относится к 70-м гг. XV в и сделан рукой монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. В списке, принадлежащем Ефросину, есть текст, отсутствующий во всех других списках:

*Лежа не мощно Бога умолити,
чти и славы не получитьи,
а сладка куса не снести,
медовья чаши не пити,
а у князя в нелюбви быти,
а волости или града от него не видати*².

Это место из сборника Ефросина Ф.И. Буслаев и М.О. Скрипиль сопоставляли с сатирическим стихотворным «Словом о ленивых и о сонливых и упиянчивых», известным только по списку второй пол XVII в., и полагали, что оно возникло из фрагмента «Слова» у Ефросина^{3 4} Исследовательница всего цикла произведений о Хмеле Т. А. Махновец считает, что «Слово о ленивых» существовало уже в XV в. и было одним из источников Ефросина⁵.

Наиболее широко представлен в рукописях вариант «Слова», не имеющий вставки из Слова о сонливом. На основе текста этого варианта во второй половине XVII в. возникли «Повесть о Хмеле», «Послание к некоему иноку о Хмеле» и стихотворное «Слово о пьянстве». Текст «Слова», с некоторыми изменениями, послужил подписью к лубочным картинкам.

Исследователи разделяют «Слово» на 2 части. Первая часть представляет речь самого Хмеля, который хвалится своей силой и угрожает каждому, кто сведет с ним дружбу. Обращаясь ко всякому человеку, начиная с самого верха социальной лестницы, князю, боярину, купцу, княжескому слуге, селянину, мастеру, женщине, Хмель называет те физические болезни и социальные беды, которые ждут пьяниц: *«А хто дружить ся со мною, а имет мя осваивати, первое досп?ю его блудна, а к Богу не молебника, а в нощи не сонлива, а на молитву не встанлива. А изоспався ему стенание и печаль ему наложу на сердце, вставшу ему с похмелиа глава ему болить, а очемь его св?та не вид?ти, и ни на что ему на добро умь не идет, а ясти не жадаеть, жадаеть и горить душа его, пакы пити хоцеть. Да изопъеть с похмелиа чашу, и другуую, и потомь многья пить, тако . напиваяся по вся дни. И въздвижю в нем похоти телесныя, и потом ввергу его в*

большую погибель — град его или село досп?ю пусто, а самого во злыхъ, а д?ти его в работ?»⁶.

Вторая часть «Слова» — это уже не речь Хмеля, а поучение против пьянства, близкое к традиционным поучениям этого типа.

«Слово» входит в число памятников древнерусской литературы, тесно связанных с устной народной поэзией. Эта связь проявляется и в использовании устно-поэтических средств ритмизации речи, и в особенностях решения учительной задачи. Хмель, обращаясь к человеку, предостерегает, угрожает, описывая бедственную участь любителей хмельного, что как бы соответствует традициям учительного красно-речия, но имеет иронический оттенок. Зачин «Слова» пародирует ветхозаветные пророчества («Тако глаголет Хмель...»), «автопортрет» Хмеля, являющийся одновременно и портретом любого из его друзей-жертв, имеет смеховой характер. Ирония исчезает во второй части «Слова», сменяясь вполне серьезным и суровым обличением пьянства. В «Слове», в сравнении с другими произведениями на ту же тему, большее внимание уделяется земным делам, житейскому благополучию человека. Жертвы Хмеля утрачивают способность выполнять обязанности, связанные с родом их деятельности, социальным положением, теряют свой авторитет в глазах людей, причём человек теряет его не как личность, а как представитель определенной корпорации, он оказывается исторгнут из мира упорядоченных отношений, что обычно для смеховой культуры Древней Руси.

«Слово» выделяется среди учительных сочинений, порицающих пьянство, и трактовкой нравственных проблем. Хотя сам Хмель предупреждает о своих опасных свойствах, а вторая часть «Слова» содержит традиционные суждения о допустимости «пития в меру» и осуждает «безмерное» пьянство, но многократное перечисление бедствий, ожидающих пьяниц, и отсутствие средств к спасению (молитва спасти пьяницу не может) почти не оставляют возможности «спасенного пути», мысль о свободе нравственного выбора (соответствующая доктрине православной церкви) применительно к пьяницам превращается в издевку. Соединение в «Слове» насмешливого поучения с жестокостью наказания, характер которого соответствует характеру преступления, что сближает «Слово» с «Повестью о Горе и Злочастии» и — далее — с литературой нового времени.

Примечания:

¹ Слово о Хмеле в списках XV века. - Источниковедение литературы Древней Руси.

Л., 1980, с. 155-162; Слово о Хмеле. - Словарь книжников и книжности Древней Руси Л.-Я. Л., вып. 2, 1989 (вторая половина XIV-XVI в.), ч. 2.

² ГПБ, Кир.-Белоз. Собр. № 9/1086, л. 517-518 об.

³ Буслаев Ф. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990, с. 183-185.

⁴ Повести о Хмеле. - История русской литературы: т. 2, ч. 2, М.-Л., 1948, с. 291

⁵ Махновец Т. А. «Слово о Хмеле» в списках XV в. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л. 1980. С. 155-162.

⁶ ГПБ, Кир.-Белоз. Собр. № 9/1086, л. 516-517 об.

Голованов И. А. (г. Челябинск, Россия)

НАРОДНЫЙ ЭПОС И ДРАМА ВОЙНЫ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «САМПО»

В центре внимания настоящей статьи находится функционирование слова в военной прозе Андрея Платонова с точки зрения ее связей с мифологией и фольклором. По нашему глубокому убеждению, фольклоризм литературы – это не просто проникновение в структуру литературного произведения отдельных элементов фольклора, но результат сложного процесса взаимодействия двух «словесно-художественных систем», подчиненного определенным закономерностям. К числу таких закономерностей относятся характер общественно-исторической эпохи, уровень развития литературы, состояние народного поэтического творчества и многое др. Таким образом, изучение проблемы соотношения литературы и фольклора как двух типов художественного сознания включает два основных аспекта – историко-литературный и эстетический. Взятые отдельно противопоставления не оказываются достаточными для определения различий между литературой и фольклором, тем более что они формируются постепенно, в ходе исторически длительного развития и социальной дифференциации культуры.

Своеобразие условий, целей, задач, способов, форм и результатов сложного взаимодействия литературы и фольклора определяет уровни и типы литературного фольклоризма, отражающие закономерности словесно-художественного творчества. Анализ фольклорно-литературных связей помогает понять особенности художественного мира писателей, диапазон их творческого мышления, прояснить историю того или иного произведения, выявить источники художественных традиций.

Взаимодействие на мировоззренческом уровне (т.е. на уровне сознания) происходит не в плане технологии создания литературного текста, а на уровне взаимодействия констант сознания, т.е. на ментальном уровне. Художественные системы обмениваются не отдельными элементами, а возникающими смыслами, т.е. идеальными структурными образами, концептами. Реальный процесс взаимодействия литературы и фольклора – писатель читает фольклорные сборники, т.е. «вторичные» тексты, уже прошедшие адаптацию и трансформацию в сознании собирателя, публикатора и исследователя (а иногда последовательно в сознании всех, кто готовил публикацию).

Проблема соотношения фольклора и литературы осложняется тем, что в каждый исторический период фольклор и стоящий за ним способ осмысления действительности взаимодействуют с литературой в разном объеме и разными своими сторонами. Как правило, присутствуют все формы взаимодействия: и прямые (цитирование, использование сюжетов, отдельных образов и имен), и косвенные – сознательные и неосознанные.

В известном смысле вся история литературы – это процесс, отражающий тягу писателей к фольклору или отталкивание от него. Тяга объясняется принадлежностью каждого писателя к художественной традиции своего народа, которую он не выбирает, а «впитывает с молоком матери», с языком и песнями ближайшего окружения. Он не может чувствовать – осознанно или неосознанно – ценности фольклора как художественного голоса народа. Созвучие произведений Платонова с новой эпохой доказывает, что перед нами литературная классика, с присущим ей высвечиванием «вечных истин». Для нас важно подчеркнуть, что творчество А. Платонова становится понятным тогда, когда мы обнаруживаем в нем русский «извод» общечеловеческих стихий, пороков и страданий.

В центре его произведений – судьба русского народа. Платонов-художник стремится преодолеть поверхностное, недостаточно глубокое бытописание. Как он сам отмечал: «Мифы, исторические и современные факты и события, бытовые действия, запечатленная воля к лучшей судьбе – всё это, изложенное тысячами безымянных, но живых и красных уст, сотнями «сухих», но бесподобных по насыщенности и стилю ведомственных бумаг, будет полуфабрикатами для литератора, так как это всё сделано ненарочно, искренно, бесплатно, нечаянно – и лучше не напишешь: это оптимум, это эквивалент в 100% с жизнью, преломленный и обогащенный девственной душой» [9. С. 49].

Особенностью художественного дискурса А. Платонова является единство процесса эстетического осмысления действительности, когда через созерцание, отбор жизненных фактов писатель приходит к синтезу и художественному открытию (подробнее см.: [2]). Вымысел и историческое содержание не противопоставлены в его произведениях, они подчинены решению разных задач. Для творчества Платонова в целом применим тезис о том, что художественная правда может более адекватно отражать реальные события [3 ; 4].

Проследим это на примере военной прозы писателя. По признанию самого Платонова, события войны заставили его посмотреть на многие вещи по-новому: «Война меня многому научила» [8. С. 507].

Традиционный круг проблем: война и человек, нравственный выбор, подвиг и предательство – в его рассказах детализируется. Постепенно меняется и фокус их рассмотрения: война как необходимая форма существования человека; на войне могут убить, но не только враги; что происходит с человеком и его душой на войне; подвиг – это случай или закономерное выражение сущности конкретной личности? Этот комплекс нравственных проблем, как и многие другие, находится в центре произведений военных лет.

Попробуем выяснить, чем определяется особая емкость художественного и исторического содержания рассказов Андрея Платонова военных лет. Прежде всего подчеркнем, что в национальном сознании война до сих пор осмысляется не только как историческое событие, победа в ней – это результат духовной силы народа.

Сам принцип историзма в художественном творчестве можно трактовать по-разному: как освоение конкретно-исторической действительности или как способность уловить главные тенденции общественного развития, выявить существенные черты своего времени. По словам В. В. Кожина, историзм – это «превращение прошлого в будущее» [7].

Изобразить внешнее воздействие исторических событий на человека не та задача, которая стояла перед Платоновым. Он стремился воплотить конкретно-историческое содержание военной эпохи в целостном образе человека, передать исторический смысл того времени. Война изменила художественные обстоятельства его произведений, но сверхзадача для него осталась прежней: постигать причины существования зла, его избирательности и могущества; искать истоки сил, которые могут противостоять хаосу смерти; определять героев среди тех, кто живет рядом с тобой.

Платонов размышляет над проблемой исторической справедливости: кто войдет в вечность, а кого забудут? И приходит к выводу: «помнить надо то, что забывается», так как то, «что незабвенно, останется навечно и так» [8. С. 495]. Таковы рассказы «Божье дерево» (1943), «Крестьянин Ягафар» (1942), «Одухотворённые люди» (1942), «Сампо» (1943) и др.

Во многих своих произведениях Платонов обращается к проблеме кровной круговой ответственности поколений, в военных рассказах эта идея трансформируется в ассоциативную цепочку: «мать» – «дитя» – «воин» – «Родина».

Взгляд в прошлое для писателя – это возможность увидеть иное пространство и время, где тоже были проблемы, споры и даже войны, но в результате возникали национальные ценности. Отвечая на волновавший его вопрос, в чем истоки народной силы, писатель изображает в одном из рассказов колхозную мельницу как символ созидательного труда и залог будущей жизни людей.

В рассказе «Сампо» эпическое прошлое невольно присутствует в современности, описываемой А. Платоновым. Эпиграф к рассказу взят из «Калевалы»: события эпоса как бы дополняют настоящее, предупреждают о последствиях, помогают преодолеть исторический самообман. Это важно для историософии А. Платонова, поскольку его долго занимала идея обратимости времени и победы над смертью. В художественном дискурсе писателя происходит семантизация прошлого, в результате чего читатель выводится за рамки истории, в героический эпос и даже миф с его архаикой и образностью. Писатель словно говорит нам: у народа есть шанс сохранить себя, куда есть возможность уйти по ту сторону бытия, где живут эпические герои. И мы понимаем, что у Платонова нет страха перед прошлым.

Героическая эпопея возникает в период создания государственности, она тесно связана с фольклором и мифологией, а в самом общем смысле – с памятью об исторических временах [6]. Такова карело-финская «Калевала». Национальная эпопея несет в себе опыт народа в кризисный, переломный момент истории. В «Калевале» сделан акцент на борьбу человека с силами природы, с хаосом. Народный эпос «Калевала» посвящен значительным событиям в жизни рода-племени и общества, государства. Всеохватность и общенациональный масштаб героического эпоса определяет близость задач древней эпохи Калевалы с временем Великой Отечественной войны. В карельских рунах через противостояние солнечной страны Калевалы и холодной

страны Похьолы выражена идея созидания, победы жизни над смертью, а не разрушения, что созвучно ключевым идеям А. Платонова.

В советской стране была создана «чудесная мельница Сампо» как символ счастливой жизни. Те, кто трудятся, непобедимы. Войска злобной ведьмы Лоухи – это возможный вариант ответа на вопрос о причинах существования и природе зла.

А. Платонов создает свою эпопею о том, как герой из народа побеждает мировое зло. Эпопея предполагает, что герой олицетворяет собой весь народ и решает своими деяниями судьбу целого общества и государства. В эпопее создаются образы всепобеждающих героев, воспроизводится гармоничное соединение космических сил и деталей местного пейзажа, изображаются решающие битвы и подробности быта, рисуются лики богов и лица простых людей. Всё это рождает идею единства бытия космоса и человека, вечного добра, а также допускает возможность существования и временного сиюминутного зла. (Мир менялся, меняется и будет меняться, а борьба космоса и хаоса, созидающего порядка и разрушающего зла остается как закон бытия.)

В основе древней эпопеи («Калевала») лежит поэтическая стихия героики и мифологическое сознание, а в основе современной эпопеи (рассказ «Сампо») – реалистическое сознание мира. Современная эпопея изображает людей в собственном смысле слова, показывает реальное соотношение человека и природы. Простые люди воплощают в себе всеобщее, всенародное содержание. Это достигается более сложным и иным путем, чем в древней эпопее, не через идеализацию, а через особую условность, но главная мысль та же: прошлое и настоящее находятся в неразрывном единстве. Даже в тех случаях, когда старое знание «ветшает» и не отвечает требованиям современных проблем и задач.

Великая Отечественная война поставила перед Советским Союзом и каждым русским человеком в отдельности умонепостижимые вопросы. Прежний опыт был недостаточен: «Если вспомнить военные произведения предвоенных лет, то в них верно только убеждение в непобедимости и побеждающей мощи нашего народа, но драмы войны в них нет» [8. С. 496-497].

Колхоз «Добрая жизнь» разрушили и сожгли «немцы и финны», в маленькой деревне Пожва осталось целым одно только водяное колесо. Символическое значение этого образа – семантика пустоты, одиночества, напрасного, безостановочного труда и смерти. На двух-

трех страницах первой части этого рассказа выражение «одно водяное колесо» встретится шесть раз. Все, что создавалось до войны, погибло: «а всё другое добро, издавна нажитое и сбереженное, погорело в огне и сотлело в угли, уголь же дотлел далее сам по себе, искрошился в прах и его выдул ветер прочь» [8. С. 109]. Возникает ситуация «первозданного» хаоса: «Вокруг росли и шевелились обгорелыми ветвями леса, и безмолвно лежала под ними чуткая материнская земля, всё породившая, но сама неподвижная и неизменная» [8. С. 110].

Мать-земля ждет помощи от своих детей. «И кузнец, карел Нигарэ, тоже не мог отвыкнуть от привычной земли» [8. С. 497], поэтому он «вернулся в пустую Добрую Пожву, где он когда-то родился и жил всю жизнь до войны» [8. С. 110]. Нигарэ – воин, морской пехотинец, рядовой боец Ладжской флотилии – получил прозвище Кирей («чтобы лучше и привычней было, его в части прозвали Киреем, и он теперь сам привык к себе, что он есть Кирей...»). Новое имя героя – это новая жизнь, новые задачи. После контузии Кирей возвращается в родные места. Ситуация «возвращения», как важный элемент поэтики Платонова в 1920–1930-х гг., теперь обретает новые смыслы. Красная Армия на рубеже сорок второго – сорок третьего года начала одерживать первые победы, а Андрей Платонов уже заглядывает в будущее (как люди будут жить в условиях разрухи и необходимости восстанавливать прежнюю жизнь): «Кирей не знал, что ему нужно теперь делать и как быть. И он стал делать сначала то, что было прежде; пусть будет все обратно, что умерло и погорело в Пожве» [8. С. 113].

Горе мучает Кирея, воспоминания о погибших жене и детях, боль в сердце не могут ему помешать работать. Кирей строит одну избу, чтобы «сделать в ней кузню для починки партизанского оружия», а потом он отстроит «всю Добрую Пожву, какой она была, и еще лучше, и сработать своими руками самое важное и неизвестное: добрую силу, размальывающую сразу в прах всякое зло» [8. С. 114].

Рассказ полон веры в силу народную, о которой А. Платонов писал в записных книжках: «В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» [8. С. 496].

Душа, судьба и память – аксиологические константы [1] рассказов А. Платонова 1941–1945 годов. Совесть, долг, память и справедливость, по мысли писателя, победят забвение, так как всё это свойственно человеческому сердцу.

Список литературы

1. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.). – М. : Флинта ; Наука, 2014. 296 с.
2. Голованов, И. А. Своеобразие художественного дискурса Андрея Платонова // Вестн. Омского ун-та. 2012. № 4 (66). С. 215-217.
3. Голованов, И. А. Слово – миф – фольклор в рассказе А. Платонова «Иван Жох» / Мир русского слова. 2012. № 1. С. 41-46.
4. Голованов, И. А. Художественный текст А. Платонова сквозь призму реальной и фольклорной истории // Учен. записки Забайкальского гос. ун-та. 2013. № 2 (49). С. 80-84.
5. Каган, М. С. Эстетика как философская наука. – СПб.: Петрополис, 1997. 544 с.
6. Карельские руны // Героический эпос народов СССР. Т. 1. – М. : Худож. лит., 1975. С. 324-351.
7. Кожин, В. В. Историзм // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 3. – М. : Сов. энцикл., 1966. – Стлб. 227-228.
8. Платонов, А. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко. – М. : Время, 2010. 544 с.
9. Платонов, А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н. В. Корниенко. – М.: Время, 2011. 720 с.

Голованова Е.И. (г. Челябинск, Россия)

**«А ЖИТЬ ТАК ХОЧЕТСЯ, РЕБЯТА...»
(ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОЙНЫ В НАРОДНЫХ
ПЕСНЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)**

Песенный дискурс своеобразно отражает и преломляет события эпохи и связанные с ними мысли и переживания людей. Как писал А.П. Аникин, «в песне слово соединяется с музыкой, звуками, мелодией, доводя чувство, выражаемое пением, до известной степени ясности и определенности» [1: 527]. Песней пробуждается переживание, *вытевается* душа народа, раскрывается его внутренняя сущность, ценности и идеалы. Поскольку «народный певец «сказывает» песню, то есть столько же ее поет, сколько и говорит» [9: 37], с помощью вербальной составляющей в песне создаются образы и картины для выражения «безобразного и бесформенного чувства» (В.Г. Белинский). Исходя из этих положений попробуем раскрыть содержание концепта «Война» как одного из ключевых концептов русского сознания через восприятие соответствующего феномена глазами простого человека, через комплекс представлений о войне, сложившийся в русском песенном дискурсе.

Война традиционно была предметом изображения в русском фольклоре, начиная с былинного эпоса. Здесь получили отражение особенности снаряжения русских воинов, приемы ведения боя. Описанию подлежали прежде всего «общие места» подготовки к битве русских богатырей и типичные моменты организации поединка: седлание коня, выезд богатыря, бой. Былинные тексты не давали индивидуализированной информации, которая станет характерной для другого жанра фольклора – исторических песен. Исторические песни содержали сведения о военных походах, военном быте, о поведении конкретных военачальников и наделяли их соответствующими оценками с точки зрения народа (см. подробнее: [4]).

Наряду с историческими песнями как особым жанром фольклора, унаследовавшим эпическое былинное начало, в русском песенном дискурсе формировался жанр лирических песен, в составе которых с XVIII века значительное место заняли солдатские и рекрутские песни [1; 7; 9]. В них выражалось отношение солдат к службе, запечатлены драматические моменты в их судьбе (забывание в рекруты, прощание с семьей, разлука с любимыми), эстетически осмыслена гибель солдат на поле боя и смерть от тяжелых ран. В этих песнях личное неотделимо от коллективного: каждый поющий рассказывал о себе, а слушающий воспринимал это как свое [8: 245].

В традиционных солдатских песнях акцент делался на тяжести военного быта, на ратном труде воинов, чьим потом и кровью добывались победы, на тоске солдат по родной земле и дому. Достаточно привести наиболее характерные для народных песен сочетания: «походы частые, дальние», «раны тяжелые, кровавые, смертные», «слезы горючие», «горе горькое кукушечье», «грозна служба государева», «горче полыни служба царская», «кровь горячая – умываньице». Война и в целом служба солдатская уподоблялись в песнях «великой невзгодушке», ненастью – снегу, буре, ветру, грозе – с раскатами грома и тучами во все небо. (То же сохраняется и в песенных текстах XX века: «покамест бушует война»; «над страной прогремела гроза, взяли в армию милого парня» [12].) При этом водные образы: море, река, дождь, туман – выражали в песнях неизбывную печаль, тоску, горечь разлуки («бежит речушка слезовая, на ней струюшка кровавая» и др.). Воин нередко представлялся в песне в традиционном облике «доброго молодца», метафорически осмыслялся как «ясный сокол» или «сизый орел».

Символическая образность, характерная для солдатского песенного фольклора, получила своеобразное преломление в казачьих пес-

нях. Казаки как особое военно-служилое сословие сформировали новое отношение к воинскому быту и военным традициям в русской культуре. Война для них стала естественным продолжением их служения отечеству, отражала особенности их мировосприятия. В казачьих песнях воспроизводились лучшие качества русских воинов – удалство, отвага, братская взаимопомощь: *Что ни соколы крылаты / Чуют солнечный восход – / Белого царя казаки / Собираются в поход. / Взор их мужеством пылает, / Грудь отвагою полна* (Как двенадцатого года); *Медна трубонька тут вострубила, / Эй, грозовая пушечка тут возгаркнула. / Сила-армия во поход пошла* (На заре-то было); *Как по линии уральской / Не сизой орел летал, / Он нам весточки приносит, / Царя белого приказ: / «Двум полкам идти в поход! / Ружья новые, пистоны, / Шашки острые иметь»* (Сине море зашумело). В кругу песен военной тематики устойчивыми становятся сюжеты с мотивом вещего сна, разговора с конем или черным вороном.

Эмоциональный подтекст солдатских и казачьих песен наиболее полно раскрывается в осмыслении главных для них концептов «смерть» и «бой» через традиционные крестьянские образы свадьбы и пахоты. Так во многих русских песнях поле битвы предстает как пашня: *За Утвою / Распахана была тут пашенка. / Яровая. / Распахана была эта пашенка / Не плугом, не сохою. / Распахана была эта пашенка / Казачьими стальными саблями. / Заборована была эта пашенка / Казачьими стальными копьями. / Приутоптана была эта пашенка / Казачьими добрыми конями, / Засеяна была пашенка / Казачьими головами* (Как за реченькой за Утвой).

Другим традиционным для песенного дискурса мотивом является «женитьба на другой»: *Как женила его шашка вострая / Первенчала его пулюшка быстрая. / Красное солнышко – родная маменька, / Да светел месяц – родный тятенька, / Частые звездочки – братья-сеструшки. / А как белая та заря – молодая жена. / А кроватушка его – мать сыра земля, / А постелюшка его – мать ковыль-трава, / Одежлушко его – темна ноченька* (За Кубанью за рекой).

И в том, и в другом случае можно говорить о том, что наряду с уподоблением здесь наблюдается противопоставление, т.е. мы имеем дело с *антиконцептами*. Под этим термином подразумевается такой производный концепт, в составе которого часть значимых, конститутивных признаков исходного концепта замещается новыми (при сохранении остальных): «поле боя» выступает антиконцептом по отно-

шению к «пашне», концепт «смерть воина» противопоставляется содержанию концепта «свадьба».

Первые два концепта объединяются признаками «приложение физической силы», «значимость для продолжения жизни», «страдание», а различаются характером (созидание – разрушение) и основными орудиями деятельности. Во втором случае свадьба, мифологически осмысливаемая как смерть (умирание) главных ее участников в одном качестве и их рождение в другом, словно воспроизводит свое древнее значение перехода, но с изменением результата (переход из одного мира – мира людей, в другой – мир природы). Понятность каждого из этих образов для человека, возможность их прочувствовать и заново пережить делает их одновременно глубоко личными и коллективными, обнажает сокровенные для человека смыслы.

В целом, для народного песенного дискурса, связанного с войной, весьма характерны приемы художественной выразительности, сложившиеся в традиционной лирической песне: психологический параллелизм, ступенчатое сужение образов, символическая образность – все это сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Однако наряду с этим изображение войны в песнях с течением времени становится все более реалистичным. В частности, в текстах постепенно закрепляется ассоциация войны с огнем и дымом: *Что за грозная туча подымалася, / Что не черные облака сходилися – / Что подымался выше облак **черный дым*** (Что победные головушки солдатские). В XX веке этот знак-индекс становится устойчивым маркером войны, на его основе возникает осмысление войны как ада на земле: *Смерт(ь) косит / и косит людей без числа / Земля словно **зделалас(ь) адом...*** (Ревет и грохочет мортира вдали).

Наибольший интерес в настоящем исследовании представляют народные песни о войне в записях XX века, включая песни литературного происхождения, подвергшиеся фольклоризации, поскольку именно в них получили закрепление национальные особенности восприятия и оценки этого феномена [2; 3; 6; 10; 12; 15].

Как показал анализ, дискурс песен о войне транслирует главные для русской культуры смысловые константы: идею сопричастности человека к судьбе страны, стремление к добру и красоте, тягу к справедливости [5]. В соответствии с этим в рассматриваемом песенном дискурсе нами выделены три концептуальные доминанты:

- **доминанта общей судьбы** (где важное место занимают концепты «Время», «Дорога», «Родная земля» и др.),

- доминанта воинского подвига (с ключевыми концептами «Мужество», «Самопожертвование», «Справедливость», «Враг» и др.),
- доминанта духовной гармонии и фронтового братства (ключевые концепты «Дом», «Мать», «Любимая», «Дружба»).

Названные доминанты могут быть представлены в разных песенных текстах, служа объединяющим, организующим их началом, либо сойтись в одном тексте, создав его емкий, полисемантический облик.

Первая доминанта обобщенно выражена в наличии в текстах местоимения «мы». Это присуще большинству песен о войне: *Двадцать второго июня / Ровно в четыре часа / Киев бомбили, нам объявили, / Что началась война...* (Двадцать второго июня). С одной стороны, война – событие, которое каждым ее участником воспринимается и глубоко переживается по-своему, не случайно говорят: «война у каждого своя». Но с другой стороны, в песенных текстах запечатлен коллективный образ войны, представлено ее восприятие рядовыми участниками событий.

Приведем в качестве примера текст военной песни из солдатского песенника начала XX века, отражающий настроения Первой мировой войны: *На взморье мы стояли / На германском бережку / На взморье мы смотрели / Как волнуется волна / Не туман ли с моря всходит / То сильный дождичек шумит / Посулился цар(ь) германской / Русско войско победит(ь) / Вреш(ь) ты вреш(ь) ты враг германец / Тебе русских не побить / У России войска много / Русский любит угостит(ь) / Угостит свинцовой пулей / На закуску стальной штык / Штык стальной четырехгранной / Груд(ь) германскую пронзит* (На взморье мы стояли) [15: 435]. В этом тексте, как видим, воспроизводится традиционная символика моря, тумана как предвестия беды, а также восходящий еще к историческим песням мотив «угощения». Ясно выражен в этой песне и образ врага (*враг-германец*), который не детализируется, но вызывает однозначную оценку у поющих. Как свидетельствуют записи, аналогичный текст исполнялся и в годы Великой Отечественной войны: *На взморье мы стояли, / На российском берегу, / Долго-долго мы смотрели, / Как волнуется река. / Не туман с моря поднялся, / Нет, не дождик моросил. / Из-под этого тумана / Враг-германец выходил...* (На взморье мы стояли) [12: 349].

Сходным образом раскрывается отношение к врагу в другой песне начала века: *Пойдем вперед ребята / Помощник с нами Бог / Собьем мы супостата / И впух их разобьем <...> Пришли на те поляны / где кров(ь) лилас(ь) рекой / Где русские дружины / Дралис(ь) за Край*

родной <...> *Уж пушка вестовая / О смерти говорит / А пуля роковая / Нас с жизнью примирит* (Полночь наступает). В конце песни от коллективного «мы» текст переходит к личному: *Прощай моя невеста / Родительский мой дом / Мне к вам не воротит(ь)ся / Свинец свистит кругом*. Так сдержанно, скупое, без лишней экзальтации в песне выражена решимость солдат умереть за родину. И личное здесь неотделимо от общего.

Обращает на себя внимание, что в подавляющем большинстве песенных текстов XX века образ войны рисуется через описание огня, горящих домов, дыма пожарищ и пепелищ: **Горит** земля, охваченная **дымом**, / *Объята Родина войной* (Горит земля, охваченная дымом); *Родина послала в бурю **огневую*** (Слушайте, отряды, песню фронтовую); *Не боимся мы ни пули, не **огня**, / Кровь геройская лилася, как река* (Из-за лесу, из-за гор); **Задымился алый горизонт** (Катюша, переделка); *Через реки, годы и долины, / Сквозь пургу, **огонь** и **черный дым*** / *Мы вели машины. / Объезжая мины, / По путям-дорогам фронтовым* (Дорожка фронтовая); *Эх, тридцатьчетверка и грозный КВ, / Как брат и сестренка, идут по траве, / Сквозь темные чащи, **сквозь пламя** идут, / Забытое счастье планете несут* (Сердце танкиста); *С «лейкой» и блокнотом, / А то и с пулемётом / Сквозь **огонь** и **стужу** мы прошли* (Песенка военных корреспондентов); *Вьется пыль над сапогами – степями, полями, / А кругом **бушует пламя** / Да пули свистят* (Дороги); ***Дымилась** роща под горою / И вместе с ней **горел** закат...* (На безымянной высоте); ***Горит** и **кружится** планета. / Над нашей Родиной **дым*** (Нам нужна одна победа); ***Пылают** города, охваченные **дымом**, / Гремит в седых лесах **суровый бог войны*** (Песня артиллеристов).

Именно пожирающая сила огня, несущая разрушение, боль и смерть, становится в песнях символическим выражением войны. На эту значимую особенность репрезентации концепта «война» в русской культуре обратила внимание В. А. Маслова, посвятившая этой теме часть своей книги [11]. В метафоре огня символ и реальность слились воедино.

Важно отметить, что изображение дыма и пожарищ в песенных текстах необходимо не ради показа ужасов войны. На этом фоне четче, рельефнее проступает величие человека, его мужество перед лицом смертельной опасности. В песнях воссоздается обобщенный образ солдата и через него всей страны, не дрогнувшей в час трагических испытаний: *Взлетает земля и клубится как дым / И грохот звучит не*

смолая / Но молча живыя пред смертью стоят / И знамя их поднято гордо / Не дрогнет наш русский великий солдат / И натиск врага встретит твердо (Ревет и грохочет мортира вдали).

«Огонь войны очистил наши души», писал Д. Гранин. Именно война прояснила причастность каждого к судьбе страны. Здесь уместно привести мнение В.А. Масловой о том, почему концепт «война» является важнейшим для русской культуры: «...война является всенародным потрясением, никто не в состоянии остаться безучастным к такому событию» [11: 205].

В годы войны русский человек лучше осознавал свою связь с родной землей. Этот образ становится необходимым атрибутом песенных текстов о войне: *Уж я честно и храбро сражался, / Я за власть и за землю свою* (Ночь прошла в полевом лазарете); *Здесь птицы не поют, / Деревья не растут. / И только мы плечом к плечу / Врастаем в землю тут* (Нам нужна одна победа); *Здравствуй, мама, возвратились мы не все... / Босиком бы пробежаться по росе! / Пол-Европы, прошагали, полземли, / Этот день мы приближали, как могли* (День Победы).

Осмысление земли в песнях многогранно: это и территория родной страны, и плодородный слой, и планета в целом. В контексте песни солдат нередко выступает как труженик, пахарь (благодаря чему в песнях воспроизводится традиционное для русского народного дискурса отождествление поля боя с пашней): *Мы так давно, мы так давно не отдыхали. / Нам было просто не до отдыха с тобой. / Мы пол-Европы по-пластунски пропахали* (Последний бой); *Была война, но мы пришли живыми, / Чтоб новой жизни сеять семена, / Вы в битве Родину спасли, / Преодолели все преграды... / Спасибо вам от всей земли, / За все спасибо вам, солдаты* (Спасибо вам, солдаты).

Немалую часть песен о войне составляют тексты с глубоко национальным образом дороги – как символом судьбы: *Эх, дороги... / Пыль да туман, / Холода, тревоги, / Да степной бурьян. / Снег ли, ветер / Вспомним, друзья. / ... Нам дороги эти / Позабыть нельзя* (Дороги); *Эх, дорожка фронтовая. / Не страшна нам бомбежка любая. / Помирать нам рановато – / Есть у нас еще дома дела* (Дорожка фронтовая).

Одним из самых значимых образов в песнях о войне, и в частности о Великой Отечественной войне, является образ друга и обобщенный образ военного братства: *Играй, мой баян, / И скажи всем друзьям, / Отважным и смелым в бою, / Что, как подругу, / Мы Родину любим*

свою (Играй, мой баян); Ты помнишь, друг? / Ты помнишь все, солдат! / Мы всю войну прошли в боях с тобой... / Живых и павших помним мы ребят, / Нет крепче нашей дружбы фронтовой (В День Победы нам встретиться надо); В битвах за друга всю душу / Смело положат друзья. / Ни расколоть, ни нарушить / Дружбы военной нельзя! (Только на фронте); Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах / Где-нибудь, когда-нибудь мы будем говорить (Давай закурим); Майскими короткими ночами, / Отгремев, закончились бои / Где же вы теперь, друзья-однополчане, / Боевые спутники мои? (Где же вы теперь, друзья-однополчане?); Мне часто снятся все ребята, / Дружья моих военных дней <...> Как много их, друзей хороших, / Лежат осталось в темноте / У незнакомого поселка, / На безымянной высоте (На безымянной высоте)

Традиционно в лирических песнях о войне используется образ дома, актуализирующий «свое», привычное, «близкое» пространство: В атаку стальными рядами / Мы поступью твердой идем. / Родная столица за нами, / За нами родимый наш дом (Песня защитников Москвы); Пробьет победы час, придет конец похода, / Но прежде, чем уйти к домам своим родным... (Песня артиллеристов); С войной покончили мы счеты... / Бери шинель, пошли домой (Бери шинель, пошли домой); Еще немного, еще чуть-чуть, / Последний бой, он трудный самый. / А я в Россию, домой хочу. / Я так давно не видел маму (Последний бой).

Под разными названиями в сборниках песен военных лет и современных региональных сборниках содержатся тексты, воспроизводящие один и тот же сюжет – возвращение в родной дом отца и сына: На горе стоит избушка, / Избушка та мала. / Во той малой избушке, / Там вдовушка жила. / Пришли к ней два товарища, / Просились ночевать: / «Любимая хозяйшка, / Пусти нас ночевать». / «Я печку не топила / Гостей я не ждала. / Я в поле работала / Домой поздно пришла». В одном из вариантов этой песни, записанных на Южном Урале, есть строка, указывающая на старинный ее характер: Давно ль, давно ль, хозяйшка, давно ль ты вдова? - / В двенадцатом годочке была сильна(а) война (имеется в виду 1812 год) [6: 43]. В фольклорном сборнике, посвященном Великой Отечественной войне, зачин песни несколько другой: Там солнце закатилось / За темные леса / Где птахи песни пели / На разны голоса. / В одной, в одной деревне / Там вдовушка жила, / Пришли к ней два героя, / Просились ночевать... [12]. Узнавание героев, по традиции, происходит в конце и оказывает

ся главным переживанием этой песни: *«Встречай, встречай, хозяйшюшка, / Ты мужа своего. / Прижми к сердцу поближе / Съночка своего!»* / *«Я мужа не узнала, / Он сильно стал седой, / А сына не узнала, / Какой он стал герой»* (Там солнце закатилось).

Слезы в песенных текстах выступают символом бесчисленных страданий в годы войны: *Это радость со слезами на глазах* (День Победы); *Повстречали – огнем угощали. / Навсегда уложили в лесу. / За великие наши печали, / За горячую нашу слезу* (Ой, туманы мои, растуманы); *Я на подвиг тебя провожала, / Над страной гремела гроза. / Я тебя провожала / И слезы сдержала, / И были сухими глаза* (Я на подвиг тебя провожала); *Бьет фашистский сброд Украина-мать / Партизанкою по Днепру, / Скоро выйдет вновь сыновей встречать, / Слезы высохнут на ветру* (Песня о Днепре).

В ряде песен актуализируется образ тишины – как антитезы к грохоту орудий, скрежету танков, свисту пуль и треску пулеметов: *Хотят ли русские войны? / Спросите вы у тишины, / Над ширью пашен и полей, / И у берез, и тополей* (Хотят ли русские войны?); *На границе тучи ходят хмуро, / Край суровый тишиной объят. / У высоких берегов Амура / Часовые Родины стоят* (Марш танкистов). Об актуальности образа тишины свидетельствует одна из относительно недавно созданных песен о войне «Пропавшим без вести» (муз. В. Кубышко, сл. А. Вульх): *Теплый дождь моросит весной, / Пряча слезы в закат. / До утра в тишине ночной / Наши вдовы не спят*. В этом тексте использованы традиционные песенные символы: птицы, земля, мать, небо, дождь. Повторяющийся в припеве фрагмент: *Мы не погибли, мы просто ушли, / Просто ушли в небеса. / На безымянных высотах земли / Наши слышны голоса* – связывает эту песню с известным песенным текстом «На безымянной высоте» из кинофильма «Тишина». Упоминание о птицах, поднимающихся над рекой, вызывает ассоциацию с другой песней на военную тематику – «Журавли». Все песни посвящены памяти о неизвестном солдате, благодаря чему образуют единый художественный контекст.

Таким образом, концепт «Война» в русском песенном дискурсе репрезентируется через разветвленную систему художественно-образных средств. Благодаря синтезу в песне музыкального и вербального компонентов эти образы воспринимаются и переживаются как глубоко личные, но при этом они неотделимы от представлений об общей судьбе. В результате война предстает в песенном дискурсе как «социально-личностное событие» [16: 66]. Тексты песен – и литературного, и

фольклорного происхождения – в художественной форме транслируют знания о событиях военных лет через призму национальных ценностей, через особенности русского понимания и интерпретации мира.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: учеб. – М.: Высш. школа, 2011 – 726 с.
2. Валиахметова Т.А. Народные песни Южного Урала / Т.А. Валиахметова, А.В. Глинкин; отв. ред. Е.И. Голованова. – Троицк: Изд-во ИП Кузнецова, 2008. – 248 с.
3. Глинкин А.В. Песни оренбургских казаков: старые и новые записи / А.В. Глинкин, А.И. Лазарев. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – 266 с.
4. Голованов И.А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. – С. 43-47.
5. Голованова Е.И. «За себя и за того парня...»: ментальные проекции Великой Отечественной войны в крылатых словах и выражениях / Е.И. Голованова, М.А. Потапчук // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. – С. 29-33.
6. «За Уралушкой огонечек горит...»: Песни казачьих поселков Южного Урала / сост. А.Г. Серов. М.; Магнитогорск: ИТИ Технологии; Изд-во Магнитогорск. гос. ун-та, 2007. – 312 с.
7. Кравцов Н.И. Русское устное народное творчество: учеб. / Н.И. Кравцов, С.Г. Лазутин. – М.: Высш. школа, 1983 – 448 с.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. – Л.: Худож. лит, 1971. – 414 с.
9. Лопатин Н.М. Русские народные лирические песни / Н.М. Лопатин, В.П. Прокунин; под ред. В. Беяева. М.: Музгиз, 1956. – 458 с.
10. Любовь-песня: Народные песни Южного Урала / сост. А.В. Глинкин, А.И. Лазарев. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. – 191 с.
11. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
12. Песни военной поры // Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / сост. А.В. Кулагина, Л.Ф. Миронихина, Г.А. Шепелев. – М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2010. – С. 349–388.
13. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия: сб. / сост., подгот. текста, предисл., коммент. Ал. Горелова. – Л.: Худож. лит., 1984. – 584 с.
14. Русские народные песни: сб. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.Н. Розова. – Л.: Сов. писатель, 1988. – 464 с.
15. Солдатский песенник Михаила Андреевича Круглова // Налепин А.Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX-XX столетиях. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 429-454.
16. Эмер Ю.А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2012. Сер. Филология. № 4 (20). – С. 58-67.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксютин **Нина Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи (г. Оренбург, Россия)

Амелин **Веналий Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Амерханова **Алина Рамилевна** – студентка 1 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Аргунеев **Эдуард Петрович** – студент 3 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Бекасова **Елена Николаевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Брагиров **Глеб Борисович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Владимирцева **Валерия Георгиевна** – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания УГПО СПО «Педколледж г. Оренбурга им. Н.К. Калугина» (г. Оренбург, Россия)

Волкова **Марина Юрьевна** – студентка 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Ганин **Андрей Владиславович** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (г. Москва, Россия)

Голованов Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Челябинского государственного педагогического университета (г. Челябинск, Россия)

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета (г. Челябинск, Россия)

Горынина Инна Сергеевна – кандидат педагогических наук, старший методист, учитель русского языка и литературы ГБУ ОШИ «Губернаторский многопрофильный лицей-интернат для одарённых детей Оренбуржья» (г. Оренбург, Россия)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Джунджузов Степан Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Дмитриева Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Ельчанинов Сергей Иванович – руководитель Оренбургской областной молодёжной общественной организации «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот», председатель Оренбургского регионального отделения Общероссийского общественного движения по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», старший преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности и методики обучения безопасности жизнедеятельности Института физической культуры и спорта Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Ельчанинова Наталья Анатольевна – председатель Оренбургской городской молодёжной общественной организации «Военно-патрио-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

тический поисковый клуб «Патриот», документовед Института физической культуры и спорта Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Ельчанинова Наталья Анатольевна – председатель Оренбургской городской молодёжной общественной организации «Военно-патриотический поисковый клуб «Патриот», документовед Института физической культуры и спорта Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Желтова Валентина Ивановна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Заборовская Светлана Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки Харьковского национального университета радиоэлектроники (г. Харьков, Украина)

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Кокшаров Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Кортунов Алексей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия)

Кузнецов Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета (г. Челябинск, Россия)

Кузнецова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Курбаева Алина Зуфаровна – студентка 3 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Лемешева Мария Александровна – студентка 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Линтовская Елена Михайловна – студентка 5 курса факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург, Россия)

Ляшенко Ирина Эдуардовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Мирошниченко Ольга Алексеевна – старший преподаватель кафедры русского языка Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Михайлова Елена Алексеевна – кандидат биологических наук, профессор кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Мишучков Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Управления научных исследований Оренбургского государственного университета, докторант РУДН по кафедре истории философии (г. Оренбург, Россия)

Мишучков Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Управления научных исследований Оренбургского государственного университета, докторант РУДН по кафедре истории философии (г. Оренбург, Россия)

Молощенок Антон Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург, Россия)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Мордяшова Татьяна Игоревна – ученица 10 класса ГБУ ОШИ «Губернаторский многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей Оренбуржья» (г. Оренбург, Россия)

Москальчук Галина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Никитина Юлия Елизаровна – курсант Вольского военного института материального обеспечения (г. Вольск, Саратовская область)

Николаева Анастасия Львовна – студентка 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Нуржанова Анель Сагымбаевна – студентка 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Петряева Светлана Анатольевна – учитель истории высшей квалификационной категории, МБОУ «Соловьёвская СОШ Оренбургского района» (п. Соловьёвка, Оренбургская область)

Пилипак Максим Анатольевич – кандидат исторических наук, сотрудник Общественного научно-просветительского «Института Тараса Шевченко» (г.Уфа, Россия)

Пожидаева Анна Сергеевна – ассистент кафедры русского языка Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Позднякова Любовь Елизаровна – старший преподаватель кафедры языковой подготовки Харьковского национального университета радиотехники (г. Харьков, Украина)

Попова Александра Александровна – студентка 1 курса архитектурно-строительного факультета Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Пороль Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Рудинская Анна – магистрант 1 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Семенов Владимир Геннадьевич – к.и.н., доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий ОГПУ (г. Оренбург, Россия)

Семенов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Семёнов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Семёнов Олег Владимирович – студент 2-го курса Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Устюгова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фомин Данил Алексеевич – ученик 9 класса МБОУ «Соловьёвская СОШ Оренбургского района» (п. Соловьёвка, Оренбургская область)

Хабибулин Рифхат Габдрашидович – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вольского военного института материального обеспечения (г. Вольск, Саратовская область)

Чеботникова Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Черепяхина Светлана Ивановна – заведующий терапевтическим отделением ГБУЗ «Областной Соль-Илецком центром медицинской реабилитации» (г. Оренбург, Россия)

Четвериков Сергей Алексеевич – аспирант кафедры «История» Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Шарипов Альфит Асхатович – главный имам-ахунд Оренбургской области, председатель духовного управления мусульман Оренбургской области, директор медресе «Хусаиния», кандидат исторических наук (г. Оренбург, Россия)

Ярышева Гулия Назымовна – кандидат педагогических наук, преподаватель ГАПОУ «Оренбургский государственный колледж» (г. Оренбург, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Бекасова Е. Н.

Облик защитника Отечества как этическая ценность народного духа:
от Нестора до наших дней 3

Чеботникова Т. А.

Особенности современной риторической культуры 7

Кузнецова Н. Н.

Фразеологизмы как отражение национального самосознания 11

Брагиров Г. Б.

Русская классическая драматургия в постановках театров
Оренбуржья в 20-е – 30-е годы XX века 15

Мирошниченко О. А.

Использование слова «дом» в значении «семья» в пословицах и
поговорках как способ сохранения национальных традиций (на
примере русского и польского языков) 22

Аксютин Н. В.

Существительные с суффиксом субъективной оценки в русских
говорах Оренбуржья 32

**Ляшенко И. Э., Михайлова Е. А., Черепахина С. И.,
Желтова В. И.**

Народное целительство в культурных традициях славян
Оренбургского края 35

Владимирцева В. Г.

Дистанционное обучение в условиях многопрофильного
образования 38

Секция 1

История и этнография славян Южно-Уральского региона

Ганин А. В.

Новые материалы к биографии черногорца на русской службе
генерала А.С. Бакича 43

СОДЕРЖАНИЕ

Кузнецов В. А.

Православие и инородцы. Миссионерская деятельность священников в инородческих приходах Оренбургской епархии 47

Семенов В. Г.

Друг Льва Николаевича Толстого – Константин Николаевич Боборыкин – оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1865–1875 годах 58

Злобин Ю. П.

Характеристика русского населения в труде В.М. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» 64

Амелин В. В., Молощенков А.Н.

Украинцы в Оренбуржье 71

Моргунов К. А.

Белорусы в Оренбуржье 83

Денисов Д. Н.

Белорусы Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны 101

Кортунов А. И.

Этноконфессиональный состав уфимского, табынского и нагайбакского казачества (конец XVII – начало XIX вв.) 116

Семёнов В. Г., Семёнов О. В.

Гордость военной педагогики Урала и России – генерал Ф. М. Самоцвет и его потомки 122

Четвериков С. А.

Осуществление надзора за польскими политическими ссыльными на территории Оренбургской губернии в 1830-х и 1860-х годах ... 131

Мишучков А. А., Мордяшова Т. И.

История и современность Оренбургского Успенского женского монастыря 136

Лутцев М. В.

Острые вершины славянского «треугольника». К вопросу о противоречиях в рамках триады: Россия-Украина-Польша (философско–политический анализ исторической ретроспективы) 143

Кокшаров А. Д.

Некоторые особенности восприятия Отечественной истории 153

Ельчанинов С. И., Ельчанинова Н. А.

Поисковая работа как средство патриотического воспитания 156

Мишучков А. А., Шарипов А. А.

Диалог культур в День народного единства: по итогам круглого стола «Цивилизационное единство народов Оренбуржья» 163

Пилипак М. А.

Локальные особенности свадебной обрядности украинцев Альшеевского и Аургазинского районов Республики Башкортостан 172

Петряева С. А., Фомин Д. А.

Святыня моей малой родины: Успенско – Макарьевский мужской монастырь 181

Ельчанинова Н. А., Попова А. А.

Демянский котел – Сталинградская прелюдия 187

Секция 2

Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы

Заборовская С. В.

Эволюция коммуникации: «конец эры Гуттенберга»? 192

Москальчук Г. Г.

Прогностический потенциал размера предложения и абзаца 198

Позднякова Л. Е.

Некоторые аспекты лексической работы в практике преподавания русского языка как иностранного 205

СОДЕРЖАНИЕ

Устюгова Л. М.,

О языке первых восточнославянских памятников
письменности 210

Горынина И. С.

Категория «духовность» и «нравственность» в педагогической
деятельности 222

Ярышева Г. Н.

Гуманистическая стратегия подготовки студента колледжа 227

Джунджужов С. В.

Русский язык в коммуникационном и образовательном
пространстве Армении 234

Пороль О. А.

Идеал актуальной бесконечности в творчестве русских поэтов
первой трети XX в. 240

Хабибулин Р. Г., Никитина Ю. Е.

К вопросу о влиянии русской литературы на формирование
духовности русского народа 246

Пожидаева А. С.

Концепт «Любовь» в стихотворениях И. А. Бунина 252

Дмитриева Н. М., Линтовская Е. М.

Особенности употребления вербализаторов концепта «закон» в
произведениях А.С. Пушкина 258

Рудинская А.

Лингвокультурологический анализ концепта «Слово» 264

Курбаева А. З.

Методика подготовки доклада на лингвистическую тему по истории
языка в 9 классе 270

Аргунеев Э. П.

Типы предложений в зачине текста 275

Лемешева М. А.

Конструкции с синтаксическим параллелизмом в поэтическом
тексте 280

Амерханова А. Р.

Композиционная роль повторов в тексте Евангелия от Матфея 285

Николаева А. Л., Нуржанова А. С.

Фольклорные мотивы в «Повести о Петре и Февронии» 292

Волкова М. Ю.

«Слово о высокоумном хмеле» как древнейшее оригинальное
произведение «смеховой» литературы 296

Голованов И. А.

Народный эпос и драма войны в рассказе А. Платонова
«Сампо» 299

Голованова Е. И.

«А жить так хочется, ребята...» (традиции изображения войны
в народных песнях о Великой Отечественной войне) 305

Сведения об авторах 315

Научное издание

**СЛАВЯНЕ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА**

**Материалы XI международной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности и культуры**

ISBN 978-5-4417-0570-7

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 20,5. Тираж 200. Заказ 160.

Подписано в печать 15.10.2015 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

